

Д. О. Чураков

БУНТУЮЩИЕ ПРОЛЕТАРИИ

Рабочий протест в Советской России
(1917—1930 е гг.)

Д. О. Чураков

БУНТУЮЩИЕ ПРОЛЕТАРИИ

**Рабочий протест
в Советской России
(1917–1930-е гг.)**

**Издание четвертое,
исправленное и дополненное**

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
Ч-93

Чураков, Д. О.

Ч-93 Бунтующие пролетарии. Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.) / Д. О. Чураков. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 326 с.
DOI: 10.23681/562583

ISBN 978-5-4499-0025-8

Книга посвящена ранее почти неизвестному явлению – протестному движению рабочих в первые десятилетия становления советской власти. Она открывается анализом событий, начиная с ультиматума Викжеля о создании «однородного социалистического правительства» и завершается временем сталинской индустриализации и начала Великой Отечественной войны. На основании широкого круга ранее засекреченных источников раскрывается обширная панорама массовых рабочих выступлений в Советской России – СССР, анализируются их причины, динамика, формы, влияние на политику правящего режима. В новом, исправленном и расширенном издании книги, уточнены некоторые оценки тех тенденций, которые определяли рабочий протест в 1917–1999 гг., показаны возможные перспективы будущего развития протестного движения в нашей стране, а также расширено документальное приложение за счёт включения в него архивных документов, отсутствовавших в первых трех (стереотипных) изданиях книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4499-0025-8

© Чураков Д. О., текст, 2019

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2019

Содержание

Предисловие к 4-му изданию.....	5
Введение	9
Первое испытание: «однородное социалистическое правительство» глазами рабочих.....	13
Протестные настроения в рабочей среде в 1918 году.....	30
Рабочий протест и традиционные пролетарские организации	51
Петроградское движение уполномоченных от фабрик и заводов	72
Новые центры движения уполномоченных.....	100
Два дня в июле: московский Рабочий съезд.....	124
...Умрем в борьбе за это!.....	149
Зигзаги «третьего пути»: политика повстанческой власти в Ижевске	165
Разлом: большевики на краю пропасти.....	198
«Новая эксплуатация пролетариата»? От нэпа к сталинской индустриализации.....	224
Вместо послесловия: рабочий протест в СССР и Российской Федерации конца XX века: историософская ретроспектива	253
ПРИЛОЖЕНИЯ. Документы	270
I. ДОКУМЕНТЫ ВЧК–ФСБ ПО ДЕЛУ О ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО РАБОЧЕГО СЪЕЗДА	270
Из протокола XVI заседания чрезвычайного собрания уполномоченных Петрограда	270
Из протокола первого заседания временного организационного бюро по созыву рабочей конференции Москвы.....	272
Информационное письмо Организационного Бюро по созыву Рабочего съезда	273
Устав Рабочего съезда Центральной и Северной областей.....	274
Обращение организационного комитета по созыву Рабочего съезда.....	276
Ко всем рабочим России	278
«Наказ делегации к Московским рабочим.....	279
Обращение арестованных участников рабочего съезда	282

1-я конференция уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губ. в цифрах	284
Ко всем рабочим, профессиональным союзам и другим рабочим организациям	286
Ко всем рабочим Нижегород[одской] и Владим[ирской] губ[ернии]	288
Резолюция	289
Ко рабочим металлистам Ниж[егородской] губ[ернии]	290
II. К СОБЫТИЯМ НА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ	292
Объяснительная записка К. Т. Чосткевича	292
Заявление месткома малый ремонтных мастерских Александровской железной дороги	294
Собрание рабочих и служащих Александровской железной дороги	296
Материалы следствия по делу о событиях 19 июня 1918 года	298
О собрании на Казанской железной дороге 17 июля 1918 года	304
III. МЫ СМЕЛО В БОЙ ПОЙДЁМ	306
Люди в рогожах	306
По материалам повстанческой прессы	315
Листовка левых эсеров с призывом к населению Петрограда	320
Список избранных работ автора по революционному и протестному движению российских рабочих	322

Предисловие к 4-му изданию

Представляемая моему читателю книга имеет для меня особое значение – это, пожалуй, единственная книга по рабочей истории которая, выдержала уже три переиздания и теперь готовится к четвёртому. Первое издание книги вышло ещё в 2007 г. и с тех пор я услышал в её адрес множество комментариев и замечаний. Помимо чисто научных, мне высказывали различные суждения идеологического и чисто вкусового свойства. Кому-то казалось, что автор книги – анархист и выступает против любой формы власти, кому-то казалось, что моя книга посвящена критике только большевистского государства, кто-то, наоборот, обвинял меня в этатистских и пробольшевистских настроениях. Проблема этих критиков в том, что им непонятен спокойный академический язык книги, поэтому они видят в ней не то, что написано автором, а то, что им хочется.

К сожалению, у меня нет ни желания, ни времени подробно отвечать всем своим критикам и советчикам. Поэтому в предисловии к новому переизданию моей книги я ограничусь, прежде всего, благодарностью своим читателям – настроенным и благожелательно, и критически; и внимательным и не очень; и вдумчивым и тем, кто любит приписывать авторам мысли, которые им на самом деле совершенно чужды. Так же, особенно настойчивым искателям скрытого политического смысла в любой прочитанной книге, я признаюсь – да, в своём исследовании я выступаю как историк-марксист. Можно сказать и более определённо – не будет преувеличением сказать, что я был и остаюсь продолжателем советской исторической школы, развиваю её лучшие традиции. Просто, подобно А. Грамши я не афиширую этого, а использую язык углублённых смыслов, которым можно выразить любую самую острую идею, не оскорбляя при

этом чувств своих читателей, даже если они стоят на совершенно других мировоззренческих позициях.

Должен так же ответить тем, кто обвиняет меня в «антибольшевизме», в раскручивании тем, «подрывающих веру молодёжи в советское прошлое» и т. д. Глубоко убеждён, что правда не может навредить светлому образу советской эпохи, идёт ли речь о читателе с опытом, или о совсем юном читателе, который только-только начинает свой путь постижения исторического прошлого нашей Родины. В отличие от десятков и сотен статей, в том числе некоторых моих критиков, написанных о рабочем протесте в Советском государстве исключительно с целью преувеличить антагонистичность рабочих к большевикам, обличить враждебность Советской власти к народу и т. д., моя книга показывает, как ситуация развивалась на самом деле.

И оказывается, что антибольшевистский протест в рабочей среде даже в самые тяжёлые для Советского государства моменты был не столь уж масштабен, что рабочие преимущественно выставляли не политические, а экономические требования. Политические требования возникали только тогда, когда рабочим хотелось посильнее испугать тех местных «начальничков», которые забыли о своём предназначении защищать интересы рабочего класса и всех остальных трудящихся Страны Советов. Эти политические требования чаще всего исчезали сразу же после того, как власть шла на встречу экономическим требованиям. А происходили такие уступки очень часто, гораздо чаще, чем попытки Советской власти действовать против рабочих с применением вооружённого насилия. Более того, местные «красные» бюрократы, повинные в обострении рабочего недовольства, не могли рассчитывать на поддержку центральных властей и нередко оказывались в тюрьмах, под следствием, теряли партбилеты, снимались со своих постов. Словом рабочие не могут рассматриваться как социальная группа, не принявшая Советскую власть. Наоборот, рабочий класс – российский революционный пролетариат – стал главной опорой Советской власти и большевистской партии.

В свою очередь Советская власть и партия большевиков-ленинцев делали всё, что было возможно в реальной поли-

тико-экономической ситуации 1917–1941 гг. для того, чтобы закрепить классовую гегемонию пролетариата в РСФСР / СССР, чтобы максимально улучшить материальные условия его жизни, повысить благосостояние и увеличить культурный уровень российских / советских рабочих. Другое дело, что время было сложным, и сделать что-то реальное для достижения заявлявшихся целей было очень и очень сложно. Но ведь делалось! Об этом можно почитать в других моих книгах и статьях, поэтому в данной, конкретной книге факт прочного единства Советской государственности, большевистской партии и рабочего класса не выпячивается на первый план, а проходит постоянным фоном, который не хотят видеть те, кто не привык глубоко обдумывать прочитанное. Неслучайно основной текст книги заканчивается оптимистически – в нём говорится, что, несмотря на некоторые недоразумения и обиды, советские рабочие в годы Великой Отечественной войны «смело встали на защиту Родины от внешнего врага». Вот царскому и Временному правительствам не удалось опереться на поддержку рабочих, и I Мировая война была ими проиграна из-за начавшихся в тылу сепаратистских движений, народных протестов, революций. А Советское правительство смогло сохранить свою родственную связь с советским рабочим классом, и СССР устоял в самой страшной в истории человечества войне. И не просто устоял, а победил. Плодами этой победы мы пользуемся до сих пор, долгие десятилетия спустя.

Да, Родина всегда имеет национальную форму, но лично для меня понятно, что содержанием Родины в 1941 г. был её советский и социалистический характер. Именно поэтому в книге говорится: «Знаменитый лозунг “Все для фронта – все для победы!” означал, что во время войны власть и общество стали единым целым для скорейшего разгрома внешнего врага». Если кто-то забыл, то в 1941 г. власть в СССР была Советской, а во главе государства стояла ВКП (б), которую возглавляли вполне конкретные исторические деятели. Лично я об этом не забывал никогда. Но научная или даже научно-популярная по содержанию (пусть и художественно-публицистическая по форме) книга должна быть написана спокойным, выдержанным языком. Академическим языком исторических фактов. Поэтому читатель в моей книге и находит

в первую очередь большое количество фактического материала и минимальное количество интерпретаций либо лозунгов. Моя авторская позиция – максимально объективно изложенные события нашей истории, ну а для тех, кто не может обходиться без идеологических клише, чтобы навесить на всех авторов те или иные ярлыки, дополнительную информацию для размышлений даст данное предисловие к четвёртому изданию книги. Так же моя авторская позиция заключается в том, что читатель имеет право на самостоятельную интерпретацию прочитанного, но при этом он не должен извращать позицию автора или приписывать ему свои собственные фантазии. Я выступаю за уважительный и честный диалог автора и читателя.

В отличие от первых трёх – стереотипных изданий – в данное издание будут внесены некоторые изменения, которые коснутся, прежде всего, ряда итоговых обобщений и выводов. Так же мне удалось включить в книгу небольшое количество новых материалов.

В завершении выражаю благодарность издательству «Директ-Медиа» за благосклонное внимание к моей книге и за помощь в подготовке её нового исправленного и расширенного переиздания. Надеюсь, что новое издание вызовет заинтересованное внимание специалистов и любителей отечественной истории, всех, кто стремится самостоятельно разобраться в нашем историческом наследии, не пытаясь навесить на него идеологические ярлыки и осудить наших предков.

Введение

Сегодня история рабочего класса подчас воспринимается как столь же далекое, безвозвратно ушедшее прошлое, как времена Вавилона или Римской империи. Заговорили о конце рабочей истории как направления современной историографии – зачем изучать то, что утратило актуальность? Однако нашлись энтузиасты, бросившие вызов общему мнению. Их стараниями рабочая история как направление исторического знания была возрождена. Не приходится хоронить и сам рабочий класс. Наоборот, существует потребность понять пути его становления, а также и то, действительно ли он сошел с исторической арены или просто существует в новой ипостаси? И уж совсем неуместна постановка вопроса об исчезновении рабочего класса в России – стране, все еще не перешедшей от индустриального к постиндустриальному обществу.

Пережив крушение коммунистического режима, интерес к истории рабочего класса России начинает постепенно оживать. Внимание историков обращается не только к традиционным, но и к новым проблемам. Среди них можно назвать и протестное движение рабочих на этапе строительства социализма в нашей стране. В советской историографии выступления рабочих против большевистского режима изображались исключительно как негативное явление. Традиция эта берет начало ещё в первых публикациях советских авторов 1920-х гг. Тем же духом неприимности, но теперь по отношению к большевикам, были проникнуты сочинения эмигрантских авторов. В определенном смысле работы 1918–1930-х гг. являлись своеобразным продолжением Гражданской войны, но иными средствами¹. И это не

¹ См., например: *Лебедев В. И.* Борьба русской демократии против большевиков. Нью-Йорк, 1919; *Крутов Г.* Памяти погибших борцов в дни Ижевского восстания // К пятой годовщине пролетарской революции в Прикамье. Ижевск, 1922;

случайно, поскольку авторами этих работ были непосредственные участники событий. Эмоции у них все ещё преобладали над научной строгостью и непривзятостью.

В 1930-х – начале 1950-х гг. изучение рабочего протеста из-за идеологических препон против большевистской власти фактически сводится на нет. После длительного перерыва интерес к этой проблематике в СССР в какой-то мере оживает, но только после 1956 года. Правда, в это время о существовании конфликтов между советской властью и рабочими говорилось чаще всего вскользь, как бы нехотя, и для историков тема оставалась «неудобной» и «нежелательной»². Документы, отражающие эту сторону истории российского рабочего класса, если и публиковались, то эпизодически и бессистемно. По сути, топталась на месте и эмигрантская историография. После Второй мировой войны ей так и не удалось сформулировать новые подходы и новое понимание событий русской революции 1917 года и последовавшего за ней развития Страны Советов, в том числе и рабочего протеста против теневых сторон советского режима. Историки русского зарубежья продолжают проводить ту же линию, что и прежде, ни на йоту не отказываясь от своих идеологических пристрастий. Вместе с тем выходившие в эти годы работы становятся своего рода классикой литературы по истории рабочего протеста в большевистской России, особенно что касается работ, посвящённых Гражданской войне³, именно на их фактической и концептуальной базе во многом развивалась не только историография, продолжавшая линию русской зарубежной исторической школы, но и западная историография⁴.

Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.-Л., 1927; Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении. Л., 1927, и др.

² См., например: Спиридонов М. В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении. 1917–1920 гг. Петрозаводск, 1965; Баевский Д. А. Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974, и др.

³ Абрамович Р. Большевистская власть и рабочие весной 1918-го года // Социалистический Вестник. 1960, № 8–9; Аронсон Г. Россия в эпоху революции. Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966; Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Сан-Франциско, 1974; Гарви П. Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). Chalidze Publications, 1989, и др.

⁴ См., например: Независимое рабочее движение в 1918 году. Документы и материалы. Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж,

Новый этап изучения массовых выступлений рабочих 1917-го – начала 1930-х гг. зарождается уже в 90-х гг. прошлого века, что было тесно связано с произошедшими в России политическими переменами. Выходят новые исследования, посвященные теневым сторонам взаимоотношений рухнувшей власти и рабочего класса. Особенно плодотворно разворачивается изучение рабочего протеста периода Гражданской войны⁵. Появился также ряд интересных, самобытных исследований, затрагивающих развитие протестного движения рабочих в годы НЭПа и социалистической индустриализации⁶. Однако до сих пор проблема взаимоотношений рабочих и советской власти в первые десятилетия ее существования остается почти не изученной.

Нынешнее состояние историографии поднятого в монографии вопроса создает благоприятную возможность при ее написании опираться прежде всего на неизвестные ранее архивные источники. При подготовке рукописи использованы материалы из самых разнообразных архивов: РГА СПИ, ГАРФ, РГАЭ, РГВА, ЦГИАМ, ЦАОДМ, ЦЦНИ УР, ЦГА УР, ГАИО, ГАТО и др. Основную часть архивных материалов, вводимых в научный оборот впервые, составляют документы ЦА ФСБ РФ. Кроме архивов при работе над монографией широко использовались имеющиеся опубликованные источники, как вышедшие в нашей стране, так и за рубежом. Важным подспорьем при изучении

1981; Урал и Прикамье (ноябрь 1917 – январь 1919). Документы и материалы / Редактор-составитель и автор комментариев М. С. Бернштам. Париж, 1982, и др.

⁵ См., например: Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992; Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917-й – середина 1950-х годов. М., 1999; Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999, и др.

⁶ См., например: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998; Бехтерева Л. Н. Рабочая оппозиция и переход к нэпу (на материалах Удмуртии) // Антибольшевистское повстанческое движение. Белая гвардия. Альманах № 6. М., 2002; Камардин И. И. Забастовки на государственных предприятиях в Среднем Поволжье в 1918–1929 гг. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / Под ред. А. В. Буэгалина, Д. О. Чуракова, П. Шульце. М., 2002; Журавлев С., Мухин М. – «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004, и др.

особенностей рабочего протестного движения конца 1917-го – начала 1930-х гг. явилась периодика тех лет.

Берясь за подготовку этой книги, автор ставил перед собой цель привлечь внимание к затронутым в ней проблемам не только профессиональных историков, но и широкие круги читающей публики. Это представляется важным, поскольку многие причины, механизмы и условия, приводившие к острым трудовым и социальным конфликтам в прошлом, никуда не исчезли. Без внимательного взгляда в прошлое невозможно решить многие наши сегодняшние проблемы.

Первое испытание: «однородное социалистическое правительство» глазами рабочих

Уже находясь в эмиграции, крупный меньшевистский деятель, в дальнейшем историк П. Гарви, доказывал, что «роль рабочих организаций... в подготовке октябрьского переворота не была ни решающей, ни преобладающей, ни направляющей, но все же несомненной и существенной». Попытки меньшевиков отрицать подавляющее влияние большевиков среди рабочих в период Октября понятны. Им сложно было смириться со своим двойным поражением: не только политическим, но и доктринальным. Вместе с тем и попытки самих большевиков рисовать свои отношения с рабочим классом исключительно в радужных тонах являются обычным пропагандистским клише. Уже в первые часы после победы большевиков в столице становится ясно, что отношение пролетарских организаций к событиям в Петрограде не так уж и однозначно. Особую тревогу большевиков на этом этапе становления их режима вызывало поддержанное многими рабочими требование *«однородного социалистического правительства»*. Что крылось за этой позицией рабочих?

Лозунг «однородного социалистического правительства» в советской историографии традиционно отождествлялся с позицией Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожных рабочих и служащих – Викжеля. И действительно, Викжель наиболее решительно и последовательно выступал за его реализацию. Именно на примере союза железнодорожников легче всего попытаться разобраться и в природе лозунга об «однородном социалистическом правительстве», и в том, что вкладывали в него сами рабочие.

Трения между большевиками и Викжелем обнаружились уже в ходе вооруженного восстания в Петрограде, непосредственно на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. На заключительном заседании съезда, начавшем работу в час ночи 27 октября 1917 г., слово для «внеочередного заявления» потребовал делегат от Викжеля. «Власть должна быть социалистической и революционной властью, – заявил он, – ответственной перед авторитетными органами всей революционной демократии. Впредь до создания такой власти союз железнодорожников, отказываясь перевозить контрреволюционные отряды, направляемые в Петроград, в то же время воспрещает своим членам исполнять какие бы то ни было приказания, не утвержденные Викжелем. Викжель берет в свои руки все управление российскими железными дорогами». Как вспоминал присутствовавший на этом заседании съезда американский левый журналист Дж. Рид, «конец этой речи почти потонул в яростной буре общего негодования». Вместе с тем, если внимательно проанализировать сделанное представителем железнодорожников заявление, то станет ясным, что главным в нем являлся вовсе не отказ Викжеля признать права съезда и созданного им однопартийного большевистского правительства. Не является таковым даже само требование коалиционной революционной власти: это для железнодорожников скорее средство, а не цель. Целью же для них служил, и это совершенно очевидно, захват власти над железными дорогами в свои руки. При этом Викжель как бы объявлял себя такой же составной частью государственной власти, как и сам съезд, и вступал с ним в равноправный диалог. Как и в случае с передачей политической власти Советам, происходила легализация уже существовавшего положения, когда профсоюз железнодорожников уже при Временном правительстве осуществлял некоторые функции, присущие государству. Тем самым Викжель не только шел в русле Октябрьской революции и решений II съезда Советов, но и существенно расширял границы их применения.

Совпадение в отдельных вопросах позиции Викжеля и большевистского руководства могло стать почвой для взаимодействия. Однако события пошли по другому, конфликтному сценарию. На призывы войти в Совнарком Викжель ответил отказом. Через

пару дней, 28 октября 1918 г., Викжель принимает постановление о своем нейтралитете. Союзом в жесткой форме выдвигается требование «однородного социалистического правительства, представляющего все социалистические партии, от большевиков до народных социалистов включительно». На следующий день, 29 октября, эта позиция была обнародована на заседании ВЦИК. Руководство профсоюза железнодорожников бралось стать посредником «в переговорах о реконструкции власти и подведении под нее более широкого базиса». В случае если политические партии не прислушаются к его позиции, Викжель грозил в ночь с 29 на 30 октября 1918 г. начать всеобщую политическую забастовку. В своей телеграмме за № 1163 Викжель ультимативно потребовал прекращения Гражданской войны и согласия на все предъявленные ранее требования железнодорожников.

Разъясняя позже на Всероссийском железнодорожном съезде позицию руководства Викжеля, председатель союза А. Малицкий говорил: «Мы не могли встать на сторону Совета Народных Комиссаров, ибо, как я уже имел честь вам доложить, этот СНК не являлся органом правомочным... Но мы не стали и на сторону Комитета Спасения Родины и Революции, ибо этот комитет ставил своей задачей поддержку павшего правительства [Керенского]». С целью достижения компромисса Викжель организовал переговоры между представителями конфликтующих сторон, которые начались в 19 часов 29 октября 1917 г. в помещении союза железнодорожников; в них приняли участие, не считая представителей Викжеля, 26 человек от восьми партий и девяти демократических организаций.

Тем самым позиция Викжеля не может быть безапелляционно названа, как это делалось в советской историографии, антибольшевистской. Наоборот; по свидетельству одного из участников переговоров, организованных Викжелем, в антибольшевистском лагере позиция железнодорожников была воспринята как потворство большевикам. Все были уверены, что союз встал на их сторону и под маской «нейтральности» намеревается нанести удар по лагерю Керенского. Стоит добавить, что в ходе самих переговоров, когда выяснилось резкое неприятие со стороны некоторых правых социалистов идеи вхождения в

новое правительство большевиков, не кто иной, как председатель Викжеля Малицкий, заявил буквально следующее: «Организуя однородное социалистическое правительство, мы отвергали представителей цензовых элементов. Большевики являются представителями большей части рабочего класса. Раз дают представительство в правительстве крестьянам, то необходимо допустить представительство и рабочих, большое количество которых находится в рядах большевиков». Кроме этого, Малицкий, как бы между прочим, отметил, что «с юридической стороны не является необходимым обязательность преемственности власти из рук Керенского».

Еще в меньшей мере, чем антибольшевистской, можно назвать позицию железнодорожников антисоветской. Уже на своей учредительной конференции 6–22 апреля железнодорожники высказались, что решения Советов – это «изъявление воли всего пролетариата и трудящихся». Несколько позже, в июле 1917 г., лозунг «Вся власть Советам» был «выброшен на Николаевской дороге и прокатился по целому ряду дорог». Как показали исследования Д. Рейли, такая позиция местных отделений профсоюза бесспорно сыграла крайне важную роль в подъеме революционных настроений на местах. При этом, разумеется, понятно, что политические настроения в профсоюзе железнодорожников были самыми разнообразными: от крайне левых до откровенно реакционных. Особенно силен антибольшевизм был в верхушке некоторых отделений союза. Так, московское руководство Викжеля в своих депешах категорически заявляло: «Работа с большевиками для нас не представляется возможной». Но именно этот радикализм московских руководителей и привел к расколам среди профактива железнодорожников ЦПР. В частности, против контрреволюционных действий своего начальства высказались мастеровые и ремонтники станции «Москва» Курской железной дороги.

Тем самым объективно позиция Викжеля в первую очередь была направлена на расширение социальной базы новой революционной власти, а не на ее свержение. Такой подход гарантировал бы рабочим организациям сохранение завоеванных в предшествующие месяцы прав, в том числе закрепление права

влиять на политику организованного Советами правительства. Дальнейшее развитие событий весьма показательно. Ощувив бесплодность своей примирительной линии, железнодорожники пошли на снижение остроты своего противостояния с новой властью. Как только обозначилась правительственная коалиция большевиков и левых эсеров, Викжель принимает специальную декларацию о признании ВЦИК нового созыва и о согласии работать в Совнаркоме. Эта платформа была положена в основу официальной деятельности союза и публичных заявлений его лидеров. Тем самым, после длительных колебаний, когда все же пришлось делать выбор, железнодорожники поддержали радикальный революционный лагерь. Принадлежность к нему сулила немедленные политические и материальные приобретения.

Эволюцию, проделанную Викжелем в первые недели после установления советской власти, в той или иной форме повторили и многие другие рабочие организации, поначалу так же выставлявшие свои требования ленинскому Совнаркому, хотя большевики и старались представить дело таким образом, будто речь идет исключительно о конфликте между рабочими и буржуазией. Так, с поддержкой идеи создания коалиции 5 ноября 1917 г. выступил Союз петроградских металлистов, относившийся к числу наиболее большевизированных. В принятой им резолюции так и звучало: «Единственным способом закрепления победы пролетарско-крестьянской революции является создание правительства из представителей всех социалистических партий». За создание власти, объединяющей все советские партии, высказались московские металлисты. Даже Петроградский совет профессиональных союзов 31 октября 1917 г. выступил за организацию однородной социалистической власти. На состоявшемся в этот день заседании ПСПС прошло бурное обсуждение текущего положения дел в стране. В выступлениях Бинштока и Назарьева звучали призывы поставить правительство под рабочий контроль. В результате баллотировки 36 голосами «за» при 10 голосах «против» была поддержана резолюция А. Лозовского. В ней подчеркивалась необходимость учесть интересы партий, покинувших II съезд Советов, и звучало требование создать правительство «из представителей всех социалистических партий».

от большевиков до народных социалистов включительно». Эта позиция, в силу авторитета петроградского центра профсоюзов, стала, даже по определению советских историков, как бы «обще-профессиональной платформой». П. Гарви писал о ней как о последней попытке профсоюзников спасти демократическую основу власти, хотя бы и в сильно урезанном виде. Ради поставленной цели Петроградский совет союзов, подчеркивал историк, не побоялся бросить на чашу весов все свое влияние и авторитет.

За «однородное социалистическое правительство» выступил народный комиссар труда А. Г. Шляпников – единственный «рабочий от станка», оказавшийся после «пролетарской революции» в Совнаркоме. В совсем недавнем прошлом Шляпников сам являлся профсоюзным лидером, знал настроения рабочих не понаслышке. Став членом Советского правительства, он не изменил свои прежние взгляды и продолжал отстаивать позицию, общую для наиболее влиятельных рабочих организаций. Так же как и руководители союза металлистов, с которым Шляпников был связан наиболее тесно, и других профессиональных союзов, в создании однородного социалистического правительства он видел наиболее реальную перспективу для преодоления экономического кризиса и улучшения материального положения рабочих.

Идея коалиции социалистов была поддержана не только профсоюзами, но и самыми массовыми на тот момент органами рабочего самоуправления и рабочего контроля – фабзавком-ами, а также непосредственно трудовыми коллективами через общезаводские собрания, которые выражали волю рабочих ещё более непосредственно, поскольку представляли собой механизм осуществления прямой демократии. «Меньшевистскую резолюцию» 9 ноября приняло рабочее собрание на Московском заводе бр. Бромлей. Первоначально оно было созвано для «обсуждения вопроса о создавшемся затруднительном положении в связи с задержкой уплаты жалованья рабочим». Но накал событий был таков, что рабочие переключились на вопрос о политической ситуации. «Меньшевистской» же принятая ими резолюция была названа за то, что в ней рабочие поддержали выступившего на собрании меньшевика Гольде, который требовал «восстановле-

ния единого фронта демократии и создания общесоциалистической власти», хотя руководство меньшевиков на тот момент в большей мере стремилось осудить «большевистскую авантюру», чем восстанавливать с ними «единый демократический фронт». Телеграмма с поддержкой в адрес Викжеля поступила от Обуховского завкома.

Не была чужда идея союза между социалистами многотысячному рабочему коллективу Путиловского завода. Рабочими-путиловцами была принята резолюция, требовавшая создать коалицию социалистических партий на советской платформе, т. е. на платформе II съезда Советов. Для распространения своей позиции путиловцы сформировали несколько делегаций, которые были направлены на другие фабрики и заводы города, в Центральные комитеты социалистических партий, ещё 19 человек были делегированы на переговоры, устроенные Викжелем. Член завкома крупнейшего в стране металлургического предприятия Рудненко так разъяснял позицию, занятую путиловцами: «Приближающийся голод, – говорил он, – заставил рабочих Путиловского завода требовать единого социалистического правительства».

В начале ноября призвал «немедленно организовать единую демократическую власть» (поскольку в противном случае межпартийные распри могли привести не к чему иному, как к гражданской войне) московский губернский совет фабрично-заводских комитетов. С призывом о мире обратился к конфликтующим сторонам городской совет фабзавкомов столицы. Свое несогласие с линией ЦК РСДРП (б) по вопросу о союзе с другими социалистическими партиями выразил и Центральный совет фабрично-заводских комитетов, в том числе его председатель, виднейший деятель фабзавкомовского движения Н. И. Дербышев. В обнародованной 31 октября 1917 г. специальной резолюции об организации власти ЦС ФЗК прямым текстом указывал на «необходимость создания однородной социалистической власти на основе советской программы». Резолюция требовала от сторон немедленного примирения. Партии, которые бы не пожелали принять участие в соглашении, в резолюции заранее объявлялись «изменниками и предателями революции и страны».

Если уж рабочие организации, возглавляемые самими большевиками, ставили вопрос о необходимости единой коалиции социалистических партий, то несложно представить решительный настрой тех профессиональных союзов, во главе которых находились эсеровские и меньшевистские деятели и которые в целом держали равнение направо. В этом отношении показателен пример взаимоотношений большевиков с профсоюзом печатников, которые изначально имели драматичный характер. Вскоре после прихода к власти большевики пошли на закрытие оппозиционной прессы. Они не были первыми, кто «во имя революции» решился на запрещение оппозиционных газет. Еще 5 марта 1917 г. Исполком Петросовета, возглавляемый тогда Н. С. Чхеидзе, постановил «воспретить выход в свет всем черносотенным изданиям». Позже, 12 июля, ставшее к тому времени коалиционным Временное правительство предоставило право военному министру и министру внутренних дел (т. е. социалистам А. Ф. Керенскому и И. Г. Церетели) закрывать без суда и следствия газеты, выступающие против войны. Над редакторами этих газет нависала угроза судебных репрессий. Именно на основании этого постановления в свое время была закрыта большевистская газета «Правда», другие левые издания.

После своей победы теперь уже сами большевики посчитали возможным отплатить вчерашним притеснителям той же монетой. Большевикам их действия по ограничению свободы печати представлялись всего лишь временными мерами, рассчитанными на период обострения классовой борьбы для «пресечения потока грязи и клеветы» против «революционной армии». Но рабочие-печатники ситуацию понимали иначе. Во-первых, печатники в свободе слова видели одно из важнейших достижений всей революции. Во-вторых, ограничение этого права означало сокращение возможностей цехового самоуправления печатников, сужало сферу их трудовой деятельности. С бытовой же точки зрения, закрытие газет означало для рабочих печатного дела безработицу и голод. Печатники очень четко осознавали это. Поэтому лозунг однородного социалистического правительства приобретал для них дополнительный смысл.

Печатники, и раньше славившиеся своими прочными демократическими традициями, и теперь отказались выступать в роли статистов. Признавая, что остальные рабочие в основном действительно шли за большевиками, руководители союза горделиво заявляли, что печатники «в своем громадном большинстве чужды авантюристической политике заговорщиков». Печатники, так же как и железнодорожники, встретили наступления на их права серьезным сопротивлением. 30 октября правлением Петроградского союза рабочих печатного дела принимается специальная резолюция. В ней требовалось: немедленно прекратить братоубийственную бойню; восстановить свободу печати; заключить соглашение всех социалистических партий о власти. В случае невыполнения их требований печатники Петрограда грозились употребить все имеющиеся в их распоряжении средства для давления на противоборствующие стороны.

Не менее активны оказались и их московские собратья по цеху. В передовице органа московского союза «Печатник» на следующий день после петроградских событий утверждалось, что большевистская победа не есть ещё победа рабочих. Автор передовицы, бывший первый председатель ВЦСПС М. Г. Гриневич, подчеркивал, что власть перешла в руки Советов лишь формально, а фактически она оказалась в руках узкой группы партийных функционеров. Позиция Гриневича вообще заслуживает особого внимания. Будучи избранным на III Всероссийской конференции профсоюзов председателем временного ВЦСПС, он встретил Октябрь резко враждебно и демонстративно сложил с себя свои полномочия. Им было направлено заявление в секретариат Московского совета профсоюзов. В этом документе Гриневич подчеркивал: «До Октябрьских дней я оставался в секретариате, но после Октябрьских дней на следующий день после бойни, которая была в Москве, я послал письмо Совету, в котором заявил, что в заговорческой организации, как деятель профессионального движения, принимать участия не буду и не принимал». Гриневич Октябрьскую революцию называл «разбойным нападением».

Не остались в стороне и рядовые члены союза. Уже 30 октября рабочими Сытинской типографии принимается резолюция против гражданской войны и за единство рабочих. В ней также

звучало расхожее в те дни и знакомое из документов Викжеля требование «единого революционного фронта». Резолюция была одобрена большинством в 1000 голосов против 30. Против единовластия большевиков и за «единство всей революционной демократии» выступили в те дни и рабочие типографии Кушнарева. Здесь соответствующая резолюция была принята вообще единогласно. Эту позицию печатники отстаивали и потом.

Газета московских меньшевиков в то время писала: «Рабочие и служащие московских газет, оставаясь верными славным заветам и традициям рабочего класса и демократии, считают свободу печати элементарнейшим правом демократического государства, одним из основных завоеваний революции». Неслучайно поэтому руководство московских печатников не смирилось с создавшимся положением и тогда, когда первый кризис Советского правительства, казалось бы, близился к завершению. Оно по-прежнему настаивало на том, что именем рабочих «совершается величайший и позорнейший в истории обман», «отнимаются у русского народа... завоеванные им кровавыми жертвами политические свободы». Победу большевиков руководители московских печатников склонны были объяснять слабостью «самого рабочего движения, оторванностью верхушек его [организаций] от гущи рабочих масс, отсутствием традиций классового рабочего движения». Печатники продолжали настаивать, что поддержка прочими профсоюзами большевиков «в корне подрывает дальнейшее развитие профессионального движения». По их мнению, вера рабочих в большевизм уходила корнями в традиционную для России веру в добрую власть.

Непросто после Октября 1917 г. складывалась ситуация и во Всероссийском исполнительном комитете союза служащих и рабочих на водных путях. Она в значительной мере повторяла ситуацию в Исполкоме союза железнодорожников. Ее анализ многое проясняет в действиях и других профессиональных союзов, попытавшихся занять нейтральную позицию. 7 ноября 1917 г. состоялось первое его заседание после победы большевистской революции. Оно было посвящено исключительно последним политическим событиям. На этом заседании было одобрено воззвание «Всем окружным комитетам, делегатским

съездам и советам и районным комитетам». В нем говорилось о том трагическом положении, в котором, по мнению Исполкома союза водников, оказалась страна. Руководство союза видело две причины сложившегося положения. Во-первых, речь шла о безответственной тактике «вождей петроградского большевизма», поднявших часть рабочих и солдат на мятеж за две недели до созыва Учредительного собрания за спиной большинства полномочных органов революционной демократии и социалистических партий. Во-вторых, столь же критически говорилось и о непримиримой позиции, занятой Комитетом спасения Родины и Революции.

Свои взгляды на будущее развитие революции водники готовы были отстаивать всеми имеющимися в их распоряжении средствами, включая самые действенные. В резолюции союза было заявлено: «если борющиеся стороны, забывая долг перед Родиной и Революцией, не прекратят гражданской войны, не проявят уступчивости для создания однородной социалистической власти», то Виквод «призовет всю революционную демократию на водных путях, всех рабочих и служащих к прекращению работ, чтобы вслед за ж[елезно] д[орожной] забастовкой последовала забастовка и на водных путях». В то же время, и это следует подчеркнуть, в документе выражалась уверенность в том, что на практике «до крайней меры дело не дойдет». Более того, центральный орган союза водников предостерег местные организации от вполне вероятных в те напряженные дни самочинных выступлений. В резолюции от 7 ноября в связи с этим специально разъяснялось: «До призыва Всероссийского комитета [союза служащих и рабочих на водных путях] к организованной забастовке вместе с ж[елезно] д[орожниками] работы на местах не должны прекращаться ни на секунду, рабочие и служащие должны работать со всем напряжением энергии. Всякое неорганизованное прекращение работ до призыва Комитета необходимо считать сепаратным выступлением, увеличивающим анархию и гибельным для страны и революции».

Понятно, что самостоятельность союза водников мало кому могла оказаться по вкусу. Точно так же, как и в случае с Викже-лем, союз служащих и рабочих водного транспорта из-за своей

буферной позиции оказался перед реальной угрозой раскола. Линия его Исполкома вызвала неудовольствие, как справа, так и слева. Что касается большевиков, то принимаемые водниками в этот период решения были расценены ими как нацеленные на саботаж советской власти. В связи с этим было заведено отдельное уголовное производство, направленное на выяснение характера деятельности Виквода. Жесткую позицию по отношению к руководству союза водников заняла и антибольшевистская оппозиция, подтверждением чему служит состоявшееся в дни кризиса общее собрание служащих Управления внутренних водных путей. Собрание заявило о своей готовности перехватить у Виквода инициативу в проведении акций протеста против захвата власти большевиками. Было решено: «Занятия во всех отделах и частях Управления прекратить». Исключение делалось только для тех административных подразделений, «работа коих непосредственно связана с обороной и продовольствием». Для руководства бастующими создавался Стачечный комитет. Подобные демарши не могли не сказаться на позиции, занимаемой Викводом по отношению к большевикам, заставляли его ужесточать свои претензии к новому руководству страны, в результате чего поле возможного компромисса с властью все более и более сокращалось.

Наконец, с позиций создания однородной социалистической власти в октябрьские дни высказывались некоторые низовые советы. Именно в этом направлении развивалась обстановка в крупнейшем рабочем центре – Туле. 30 октября здесь проходило заседание городского Совета нового (третьего) созыва. С докладом о питерских и московских событиях на нем выступило несколько человек: от большевиков – Каминский, от эсеров и меньшевиков – Арватов и Ахматов. На голосование было вынесено две резолюции – большевистская и объединенная резолюция оппозиции. Голосование пришлось проводить поименно. Каждый член Совета при вызове его фамилии должен был встать и с места выкрикнуть, какую резолюцию он поддерживает.

Перед самым голосованием случился неожиданный инцидент. С заявлением перед собравшимися выступил большевик Веприев, заявивший, что он и ещё часть большевиков, ввиду расхождения с позицией фракции по вопросу о переходе вла-

сти в руки Советов, будут голосовать против большевистской резолюции. По свидетельству очевидцев, его заявление «вызвало большой шум и аплодисменты» со стороны правой части аудитории. В результате большинством в 147 голосов, против 109 при 8 воздержавшихся резолюция большевиков оказалась провальной. Принята была другая резолюция, та, которую сообща внесли меньшевики и эсеры. В ней значилось:

«Фракции [Тульского Совета] обращаются к обоим лагерям революционной демократии с решительным требованием найти путь соглашения во имя создания однородной демократической власти, способной дать отпор контрреволюции, коалиции имущественных классов. Фракции обращаются к обоим лагерям демократии с решительным требованием восстановить единый революционный фронт, чтобы революция не захлебнулась в крови солдат, рабочих и крестьян».

Следует иметь в виду, что на том же заседании тот же самый состав депутатов при решении следующего вопроса, в региональном масштабе, пожалуй, ещё более важного, о переизбрании своего Президиума, поддержал уже не правых, а большевиков, которые в результате этого в новом составе Президиума сформировали самую внушительную группу, причем новым председателем Совета стал большевик Кауль. Тем самым, произошедшее на заседании Тульского совета не может быть интерпретировано как несогласие с большевистским восстанием в Петрограде. Речь идет о другом – о распространенном в те дни стремлении рядовых участников событий к компромиссу, к стабилизации народной власти, залогом чего, по мнению многих, и должно было стать создание правительства из представителей всех партий, стоящих на позициях «демократии и социализма».

Широта и синхронность возникновения лозунга «однородного социалистического правительства» заставляет предположить, что рабочие пришли к нему во многом самостоятельно, опираясь не только на агитацию отдельных левых течений в меньшевистской партии, но и на собственный опыт. Не считаться с этим для большевиков было бы чистым самоубийством. Выбор, сделанный ими, был предсказуем. Когда договориться с представителями политической элиты на предмет будущего устройства власти

им не удалось, большевики вновь, как не раз бывало в истории партии и прежде, предприняли обходной маневр и попытались договориться непосредственно с рабочими массами за спиной лидеров других социалистических партий. Реализуя свою тактическую установку, Ленин 4 ноября выступил с докладом на заседании рабочей секции Петросовета. В ней содержалось немало лестных, явно завышенных оценок как самого пролетариата, так и его вклада в революцию. Но главное – Ленин со всей определенностью поддержал претензии рабочих в области управления, рабочего контроля и передела собственности. «Легко издать декрет об отмене частной собственности, но провести его в жизнь должны и могут только сами рабочие», – этих слов от Ленина ждали, и они были им произнесены.

Линия компромисса и возможной коалиции тем самым была очерчена предельно конкретно: рабочие поддерживают претензии большевиков на государственную власть, а большевики поддерживают притязания рабочих непосредственно на уровне предприятий. При этом большевики не переставали подчеркивать, что отныне пролетариат – господствующий класс, что должно было психологически склонить рабочих поддержать новое, «свое» правительство. Как признает П. Гарви, ленинский поворот дал свои результаты, и позиция рабочих, а также их организаций по вопросу о коалиционной власти начинает смягчаться. Особенно ярко, по его словам, перемена в политической ориентации профсоюзов зафиксирована в резолюции ПСПС от 9 ноября, принятой по докладу Ленина. В ней о создании однородной социалистической власти не произносилось уже ни единого слова.

Претерпела существенные изменения и позиция фабрично-заводских комитетов, о чем свидетельствует дискуссия по вопросу о текущем моменте, состоявшаяся на проходившей 15–16 ноября 1917 г. V городской конференции фабзавкомов Петрограда. Подробные разъяснения новой позиции по вопросу о коалиции содержались, например, в докладе члена ЦС ФЗК Н. А. Скрыпника: «Рабочий класс, шаг за шагом, борясь, идет к своему идеалу, – начал он свое заявление по вопросу о коалиции. – Социализм не творится сразу, он создается постепенной

перестройкой всей экономической и политической жизни. Мы вступили в первый период этой перестройки. Нам придется провести целый ряд мер, как, например, контроль над производством и распределением и др. Перед нами стоит целый ряд задач. Мы вступили в полосу массовой борьбы. Это не социализм, но это первый шаг, путь к социализму. Рабочий класс победил. И теперь нам говорят, что нужно согласиться, нужен единый фронт. Да, мы согласны. Но объединения нужны такие, которые способны работать. Но народные социалисты [революционеры] оборонцы и с[оциал].-д[емократы] меньшевики – разве они отказались от коалиции с буржуазией? Нет, – мы согласимся с оборонцами, оборонцы с н[ародными] социалистами], а н[ародные] социалисты] с конституционными] демократами], которые являются врагами революции. Необходимо великодушие, но пусть оно не влечет к примирению с буржуазией. Единый социалистический фронт означает отказ от завоеваний революции. Когда нас со всех сторон оплетают соглашательством, мы должны стать твердо на непримиримую позицию. Никаких соглашений с буржуазией. Наша основа – вся власть в руках советов рабочих и солдатских депутатов».

Вслед за своим лидером с осуждением тактики коалиции выступали и рядовые участники конференции. Вот как объяснял невозможность примирения с соглашателями делегат Шатов: «Вопрос о текущем моменте никогда не стоял так серьезно. Много говорили о социализме. Быть на словах революционером легко, но лишь на деле, при проведении социализма в жизнь, мы видим настоящую физиономию революционера. Когда 25 октября народ восстал, образовалось два лагеря – лагерь контрреволюции и революции. По одной стороне, слева, оказались большевики и анархо-синдикалисты, а справа левые эсеры и другие». Понятно, что никакого компромисса с отступниками, по мнению рабочих, быть не могло. Несколько иначе, но в целом с тех же позиций разъяснял выбор, сделанный фабзавкомами в период кризиса, представитель Московско-Заставского района Осипов: «Прежде всего, говоря о соглашении, мы должны сказать, на какой платформе оно произойдет. Мы боролись за три лозунга: мир, землю и [рабочий] контроль. Если окажется, что есть ещё какой-нибудь

путь к заключению мира, мы его примем, но мы видели, что такого пути у меньшевиков и эсеров нет. Все время были они у власти, и мы видели, что они не хотят дать землю крестьянам. Так же и с контролем. Не взять его в свои руки – значит, поставить революцию в опасность». Некоторые наиболее горячие головы, такие как участник конференции Давидсон, предлагали в итоговой резолюции по вопросу о коалиции осудить не только соглашательские партии, но и вынести порицание вышедшим в отставку народным комиссарам и не доверять им в будущем ответственных должностей. В заключительном слове Скрыпник обобщил состоявшийся обмен мнениями предельно конкретно: «Мы, – указал он, – признаем такую коалицию, которая создается снизу».

Значение и результаты первого кризиса советской власти трудно переоценить. Большевики удержались у власти. Тем не менее они почувствовали необходимость некоторой корректировки курса. Уступки должны были идти по линии отказа от крайнего политического радикализма. И пусть эти уступки на практике оказались не столь значительны, как того требовал Викжель, главные требования профсоюзов оказались выполнены: однопартийная диктатура в ноябре-декабре 1917 г. в России не возникла. Что же касается самих рабочих организаций, то они фактически получали карт-бланш на расширение своего вмешательства в экономику как в центре, через государственные органы, так и непосредственно на уровне предприятий.

Рабочие получили реальную возможность упрочить свои политические позиции, влиять на правительственный курс. Интересно, например, отметить, что первоначально на II съезде Советов декрет о рабочем контроле принят не был. Его принятие 14 ноября 1917 г. и хронологически, и содержательно имеет прямую связь с позицией рабочих, занятой ими в октябрьские дни. Более того, принятие положения о рабочем контроле от 14 ноября последовало только после того, как правительство покинули несколько «мягких большевиков», – эти люди и в октябрьские дни, и потом были в числе тех сил внутри большевистской партии, которые наиболее активно выступали против рабочего контроля и вообще самоуправства рабочих организаций в экономической

сфере. Можно вспомнить и другие декреты, принятые в этот период центральной властью. В основном они были направлены на завоевание симпатий рабочих, а воздействие на экономику имели очень незначительное. Но и это ещё не все, – после революции рабочие организации получают возможность самостоятельно вырабатывать проекты декретов, которые потом обретали юридическую силу. Вспомним наиболее яркий пример – декрет от 2 декабря о создании ВСНХ, который фактически был подготовлен в недрах центрального аппарата ЦС ФЗК Петрограда.

Но и для большевиков найденный компромисс, конечно же, отнюдь не выглядел капитуляцией. Из кризиса новый режим вышел, заметно усилившись. Достаточно отметить, что процесс большевизации различных рабочих организаций, приведший РСДРП (б) к власти, продолжился и после Октября, а возможно, и ускорился, получив своего рода «второе дыхание». По признанию видного рабочего-меньшевика Г. Б. Струмило, в первые недели после Октября рабочие приветствовали большевиков крайне горячо. Представителям же прочих партий выступать в это время было небезопасно. Их освистывали, прерывали криками: корниловцы, гвоздевцы, изменники. При упорстве выступавших дело могло завершиться и того печальнее – «физическим воздействием».

Протестные настроения в рабочей среде в 1918 году

После урегулирования конфликта с Викжелем, связанного с выдвигавшимся в те дни лозунгом однородного социалистического правительства, происходит определенная стабилизация отношений между Советским государством и рабочими. Однако уже начало 1918 г. становится временем нового подъема протестных настроений в рабочей среде. Первые серьезные трения между рабочими и государством в это время возникают в период эпопеи, связанной с Учредительным собранием. В подавляющем большинстве рабочие поддерживали позицию, занятую по отношению к Учредительному собранию большевиками и левыми эсерами, либо, во всяком случае, остались равнодушными к его разгону. Вместе с тем были и такие группы рабочего класса, которые не только вышли на демонстрации 5 и 9 января 1918 г. в поддержку идеи всенародного гражданского представительства, но и готовы были к более решительным действиям по его защите. В. М. Чернов вспоминает, например, приглашение рабочих Семянниковского завода перенести дальнейшие заседания Учредительного собрания в его стены. Предполагалось, что при этом последует демонстративное заявление о том, что Учредительное собрание не признает за Совнаркомом право на роспуск и отдает себя под защиту пролетарского Петрограда.

Аналогичные по природе и накалу события в тот момент происходили не только в столичных городах. Так, использовали разгон Учредительного собрания в целях подрыва большевистского господства в Прикамье правые социалисты Ижевска и Воткинска. В Ижевске, например, ими были устроены митинги, где шли беседы о случившемся в столице. На них с докладами выступали члены Учредительного собрания, рабочие завода эсер В. И. Буза-

нов и меньшевик Астраханцев. Хотя общей ситуации в Ижевске социалистической оппозиции в то время переломить ещё не удалось, рабочие слушали доклады лидеров оппозиции с большим сочувствием и выносили резолюции протеста. В Воткинске в эсеровской газете «Искра» о петроградских событиях была помещена специальная статья. В ней подчеркивалось, что расстрелы в Петрограде направлялись самодержцами из Смольного.

Массовые акции протеста оппозиция предприняла во многих рабочих центрах. Но наиболее драматично ситуация развивалась в те дни, пожалуй, в другом городе оружейников – Туле, где властям пришлось столкнуться с серьезной угрозой сопротивления со стороны железнодорожников. В своем воззвании железнодорожники писали: «Лгут и совершают величайшее преступление те люди, которые говорят вам, будто у нас происходит классовая война и что во имя этой войны можно убивать и арестовывать людей. Расстреливают уже не буржуев, не капиталистов, а нас, рабочих и крестьян. Мы уже убиваем друг друга, товарищи и граждане. Это – не классовая война. Это – поголовное истребление».

Вместе с тем многие конфликты января 1918 г. не были отголоском, эхом разгона Учредительного собрания. Постепенно на развитие протестного движения рабочих начинали влиять и другие причины. Так, среди конфликтов этого времени можно назвать вспышку недовольства рабочих акционерного общества Нечаева – Мальцева в городе Гусь-Хрустальный Владимирской губернии. На своем общем собрании, проходившем 11 января, они выразили недоверие политике новой власти. Специально на это собрание рабочих из Москвы прибыли члены прежней администрации предприятия, приветливо встреченные рабочими. Собранием постановлялось упразднить Советы и подчиняться только старому (ещё дореволюционному) правлению. Было принято соглашение о дальнейшем ведении дел на заводе, согласно которому устанавливался принцип невмешательства со стороны рабочих организаций в работу правления. Как говорилось в Бюллетене Центросвязи от 31 января 1918 г., «возбуждение рабочей массы против Советов было так велико, что правление сочло необходимым взять рабочие организации под свою защиту. Несмотря на это, при столкновении возбужденных рабочих с красногвардейцами не обошлось без кровопролития».

Определенный подъем массовых выступлений рабочих, причем преимущественно в Петрограде, приходится на вторую половину февраля. Его непосредственной причиной истории называют успешное германское наступление, последовавшее после демарша Троцкого на Брестских переговорах. В эти дни после полученных известий о ситуации на фронте паника охватила столицу. Поползли зловещие слухи, усиленные предстоящей эвакуацией правительства. Властям практически никто не желал верить, в том числе и рабочие. После взятия немцами Пскова на заводах стали звучать требования о выдаче жалованья за месяц и более вперед. Так, «Известия» в те дни сообщали о том, что некоторые рабочие требовали выдать им зарплату за 36 недель вперед. Причем в ряде случаев Совет коммуны Петрограда шел этим требованиям навстречу. Многие стремились покинуть обреченный, как тогда представлялось, город. Часто волнения в рабочей среде провоцировались действиями самих властей, не сумевших должным образом организовать работу по эвакуации предприятий, рабочих, а также их семей в глубинные районы страны, что подпитывало слухи о предательстве. Февральское обострение рабочего активизма имело скоротечный и локальный характер, мало отразившись на общей динамике массовых выступлений рабочих в целом по стране. Вместе с тем лозунги, связанные с осуждением Брестского мира, становятся с этого времени чуть ли не центральными во всех выступлениях организованной оппозиции в рабочих аудиториях.

В дальнейшем, в марте – апреле, рост протестных выступлений рабочих приобрел более динамичный и устойчивый характер. Так, мощный взрыв недовольства в середине апреля произошел на заводе братьев Бромлей, который, как не без плохо скрываемого торжества писала газета московских меньшевиков «Вперед», издавна слыл твердыней большевизма. Рабочие-бромлеевцы протестовали против экономической политики правительства, и, как с тревогой отмечалось в официальных документах тех дней, среди них «с каждым днем» росло «сильное контрреволюционное движение». Апрель стал месяцем, когда вновь напомнила о себе Тула, где бастовали рабочие крупнейших в городе Оружейного и Патронного заводов, а также железнодорожники. Еще

раньше, в середине марта 1918 г., властям пришлось столкнуться с оппозиционными настроениями железнодорожников города Коврова Владимирской губернии. На своем собрании 12 марта 1918 г. они потребовали перевыборов в Совет. Последовавший за этим арест одного из участников собрания спровоцировал в городе массовую демонстрацию железнодорожников, которую властям пришлось разгонять при помощи оружия. Широкие протестные настроения в это время затронули и другие отряды рабочих. Свое недовольство сложившимся в стране положением, высказывали, например, печатники. В ряде городов, в частности в Ярославле, вспыхивали забастовки печатников. Следует отметить, что выступления печатников часто приобретали ярко выраженный политический характер. Причиной этому было то, что нажим большевиков на оппозиционную печать существенно ослаблял их самостоятельные профессиональные организации и увеличивал безработицу среди всех профессий печатного дела. Печатники выражали свой протест против роста безработицы, а также политики национализации типографий. Как писала об этом газета «Дело народа», «связь между большевистским режимом и безработицей в такой степени ясна, что у печатников большевизм потерял всякую почву». И хотя на самом деле часто речь шла не о большевизме как таковом, а о бюрократическом перерождении режима, сама тенденция развития умонастроений рабочих-печатников весьма показательна.

Некоторая скрытая нервозность продолжала сохраняться и в «колыбели революции» – Петрограде. Рабочие были недовольны перебоями с выплатами зарплаты. По сообщению Жукова с завода Речкина, на их предприятии в марте 1918 г. начались перебои с зарплатой. Когда рабочие попытались получить заработанные деньги, ответ был краток: «Обратитесь в “Учредиловку”, вы за нее голосовали, пусть она вам и платит». По сообщению Абрамова с Невского судостроительного завода, остро стоял вопрос об эвакуации. Не хватало вагонов. Это вело к волнениям среди рабочих, пытавшихся вывезти хотя бы семьи. *Однако все попытки оппозиции использовать вялотекущий протест в рабочей среде в этот период плодов не приносили.* Рабочие внимательно слушали оппозицию, но тем не менее с их стороны какой-либо «готовности к выступлению

не обнаруживалось», сообщал, к примеру, представитель Городской электростанции. И такая картина, как замечает С. В. Яров, была в марте – апреле 1918 г. типичной.

Но настоящий накат протестных выступлений рабочих, в том числе стачек, на подконтрольных большевикам территориях начинается с мая 1918 г. Своим размахом рабочий протест этого времени намного превзошел все те отдельные выступления рабочих, которые вызывали озабоченность властей в предшествующие несколько месяцев. Знаковым событием, своеобразным предупреждением властям в те дни становятся колпинские события. По оценке историков Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, сценарий того, что произошло в Колпино, со всей наглядностью продемонстрировал, как вскоре станут развиваться события по всем городам России.

Ситуация в Колпино развивалась следующим образом. Еще 7 мая в городе начали ощущаться перебои с продовольствием. По решению властей все имевшиеся в городе запасы продуктов были свезены со всех магазинов в один ларек. В день начала беспорядков, 9 мая, отпускать хлеб по каким-то причинам начали с часовым опозданием. Домохозяйки, стоявшие в очередях, заволновались. Администрация лавок объясняла, что все запасы ими переданы, а новых поступлений в эти два дня не было. Тогда женщины начали требовать председателя продовольственной управы, но того не оказалось. К 11 часам большие толпы народа стали собираться на городской площади, появившиеся отряды красногвардейцев пытались разогнать разъяренных женщин. В этот момент произошел инцидент, направивший развитие событий в трагическое русло. Группа негодующих женщин направилась к пожарному депо. Они намеревались дать сигнал всеобщей тревоги, но встретили самый суровый отпор со стороны красногвардейцев, врзавшихся в толпу и ударами прикладов ставших разгонять ее. После этого властями для наведения порядка было применено оружие, среди рабочих появились жертвы.

Колпинские события эхом отзывались по всей стране. В Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле рабочие выражали свой протест. Рыбинские железнодорожники прислали движению уполномоченных Петрограда специальную резолюцию,

в которой высказали негодование по поводу произошедшего и потребовали передачи власти в руки объединенной демократии. Но особенно бурно колпинские события были встречены все же в Северной столице. Уже 10 мая забурлил традиционно оппозиционный по отношению к власти Обуховский завод. На нем состоялся большой общезаводской митинг. Поводом к его проведению послужило прибытие делегации рабочих Ижорского завода. Посланцы колпинских рабочих сообщили обуховцам о произошедшей драме. Обуховцы решили поддержать рабочих Ижорского завода и сформировали делегацию в составе 20 человек для установления связей с другими рабочими Петрограда. В тот же день под воздействием Колпинской и Обуховской делегаций мощный митинг прошел на Путиловском заводе.

На следующий день, 11 мая, беспорядки в Петрограде приобрели ещё больший размах. В этот день выступления рабочих шли на Русско-Балтийском заводе, на заводе «Сименс-Шуккерт», «Арсенале». По сообщению оппозиционной прессы, «серия митингов, начавшихся в связи с голодом и репрессиями», перекинулась и на другие заводы. На них повсеместно принимались «резолюции, направленные против большевистской политики». Так, на заводе Речкина рабочий митинг постановил: «Правительство, расстрелявшее рабочих, носит имя рабочего правительства. Мы призываем всех рабочих потребовать от большевистской власти снять с себя наше имя, которым оно прикрывается». В следующие несколько дней волна протестов поднялась ещё выше. К акциям протеста подключились рабочие Карточной фабрики, Гильзового, Охтинского и других предприятий.

Особенно бурно проходил двухтысячный митинг на Семянниковском заводе. Такой характер ему придали делегация Обуховского завода, доклад которой о событиях в Колпино вызвал взрыв негодования против большевистских властей. Попытавшемуся выступить после обуховцев большевику Лисовскому долго не давали говорить. Лишь настойчивые уговоры меньшевиков возымели действие, и его наконец стали слушать. Но когда Лисовский заявил, что «если во имя социализма придется расстреливать, то советская власть будет расстреливать и впредь», его вновь заставили замолчать. Часть наиболее разгоряченных рабочих бросилась

к оратору с явно угрожающими намерениями. Правда, другая часть собрания не позволила учинить расправу. Была немедленно сформирована группа примерно в 40 человек, которая стала на защиту Лисовского от сильно возбужденной толпы. Митинг закончился требованиями увеличить хлебный паек, немедленно созвать Учредительное собрание, установить рабочий контроль над всеми правительственными учреждениями, переизбрать Петросовет, распустить наемную армию и заменить ее всеобщим вооружением рабочих.

14 мая в 8 часов 30 минут с Николаевского вокзала в Колпино отправился поезд с делегацией рабочих петроградских заводов, направлявшейся на похороны жертв расстрела. По сообщению газет, в нее входили представители Путиловской верфи, Старого завода, Патронного, «Арсенала», «Сименс-Шуккерта», Вагоностроительного завода, Акционерного общества «Зитель», «Артур Коппеля», Русско-Балтийского, Обуховского, фабрики Богданова, от главных вагоностроительных мастерских Николаевской железной дороги, Гильзового, Общества 86 года, Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов, ряда крупных государственных типографий и экспедиций, Невской писчебумажной фабрики, главных мастерских Северо-Западной железной дороги, Монетного двора и представители партии с.-р., местные представители колпинского завода и партийных организаций. Власти пытались предотвратить превращение похорон в политическую акцию, ее представители всячески старались избежать участия в траурной процессии. Исполком Колпинского совета предупредил организаторов о возможных последствиях в случае нарушения порядка шествия. Тем не менее в похоронах приняло участие более тысячи участников. По мере следования к процессии присоединялись все новые и новые участники. На протяжении всего шествия от церкви, в которой отпевали убитого, до кладбища манифестанты пели революционные песни, играл колпинский рабочий оркестр. Организация колпинских эсеров и представители некоторых петроградских заводов шли со своими знаменами. На кладбище число участников похорон ещё более возросло. Над собравшимися звучали речи, которые «носили резко оппозиционный характер». На могилу погибшего

лёт венок с много говорящей надписью – «Жертвам голодных – погибшим от сытой власти».

Примерно в те же дни, что и в Колпино, беспорядки на почве голода произошли в другом пригороде Петрограда – Сестрорецке. Там, правда, обошлось без кровавых жертв, но пострадавшие были: неуправляемая толпа избивала нескольких членов местного Совета и служащих продовольственного отдела. За учиненные бесчинства под арестом оказалось несколько человек. Их обвиняли в непосредственном участии в избиении советских работников. Рабочая масса оказалась этим взбудоражена ещё больше, поскольку, по ее убеждению, против арестованных конкретных улик не было. Толпа настаивала на освобождении «невиновных». Производивший аресты начальник отделения по охране внутреннего порядка Сестрорецкого совета это требование выполнять отказался, а вскоре были произведены новые аресты. Но теперь арестовывали уже не участников, а «подстрекателей-контрреволюционеров».

Ночью все арестованные, а с ними и 1300 хранящихся на заводе винтовок, были переправлены в Петроград. Из оставшихся на заводе 1000 ещё не законченных винтовок были вынуты затворы и забраны в штаб местной части Красной армии. Но предпринятые властями меры не сняли напряжения. Рабочие Сестрорецка объявили забастовку. На собраниях и митингах они вновь и вновь требовали выпустить на свободу своих арестованных товарищей. Обещание председателя Революционного трибунала освободить тех, кто непосредственного участия в погромах не принимал, рабочих не удовлетворило, и они продолжали настаивать на немедленном освобождении всех задержанных, а также на создании следственной комиссии по расследованию произошедших событий. Вместе с этим рабочие выразили недоверие Сестрорецкому совету и постановили отозвать не оправдавших их доверие депутатов.

В середине и последних числах мая повторились выступления на Путиловском заводе. О событиях этого времени много и подробно писала газета М. Горького, протестовавшая против ограничения демократических свобод большевиками. По сообщениям газеты, одним из основных лозунгов этого времени становятся

требования пересмотреть продовольственную политику Советского государства, предотвратить голод. Так, на состоявшемся 28 мая 1918 г. общезаводском собрании рабочие-путиловцы по этому вопросу приняли специальную резолюцию. В ней говорилось: «Требуется свободный ввоз продуктов без ограничения, устранение мероприятий Советской власти, направленных к этому ограничению, свободный въезд и выезд из Петрограда, уравнивание пайка с красногвардейцами и т. д.». Близкую по духу резолюцию приняли и рабочие Гутуевской судостроительной верфи.

В тот же день приостановили на полдня работу рабочие фабрики Паля. На общезаводском митинге ими была выбрана делегация в 50 человек. В ее задачу входило осведомление рабочих остальных предприятий Петрограда о выдвигаемых рабочими фабрики требованиях. Среди них были такие, как: 1) изменение продовольственной политики; 2) отмена смертной казни; 3) снятие ограничений с политических свобод; 4) созыв Учредительного собрания. Одновременно рабочие фабрики Паля агитировали за стачку, поскольку иного выхода, по их мнению, не было. По сообщениям новожизненцев, призыв к забастовке быстро перекинулся и на другие предприятия города. Его поддержали рабочие Семянниковского завода, фабрик Торнтон и Варгунина, на которых в тот момент выбирались делегаты для отправки их в Москву. Агитация за стачку велась и в других районах города.

Драматично события 28 мая 1918 г. разворачивались на фабрике Торнтон. На общезаводском собрании некоторые рабочие этого завода потребовали уничтожить советское знамя фабрики. Чтобы утихомирить вышедшую из берегов толпу, присутствовавший на собрании член Петроградского совета левый эсер Медовиков выхватил револьвер. Но наседавшая толпа сумела разоружить его и удалить с фабрики. В ответ на это на фабрику были вызваны 60 красногвардейцев. Рабочие бросились было за помощью к матросам стоящей поблизости на Неве минной флотилии, но собрание было рассеяно. Весь день 29 мая красногвардейцы проводили аресты. Среди задержанных оказался и рабочий, выбивший пистолет из рук Медовикова.

По сообщению газеты «Новая жизнь», в последние дни мая акции протеста, вплоть до замедления работ и полной их при-

остановки, наблюдались на Александровском механическом заводе, в Главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги, на фабрике Масквела. Постановили примкнуть к стачке рабочие фабрики Варгунина. На Невском судостроительном заводе голоса о стачке поначалу разделились. Но «стоило появиться стачечницам-женщинам фабрики Масквел, Торнтон и других с упреками, что вот, дескать, женщины бастуют, а мужчины не хотят их поддержать, как колебание исчезло, и весь завод встал».

С начала июня 1918 г. стачечная борьба в Петрограде постепенно идет на убыль, но выступления рабочих против большевистского режима тем не менее продолжают. Так, в середине июня беспокойно было на Обуховском заводе. Прошла забастовка протеста железнодорожников станции Тихвин Николаевской железной дороги. Комиссару путей сообщения Северного района Заблоцкому пришлось в срочном порядке обратиться к ним с воззванием. В нем указывалось, что забастовка такого крупного железнодорожного узла, как Тихвин, тяжело отразится на деле продовольственного снабжения всей России, ибо через этот пункт следуют поезда на Мурманск, Москву и на Восточный фронт.

Последний всплеск массового недовольства питерских рабочих в 1918 г. приходится на конец июня – начало июля 1918 г., когда организованная оппозиция попыталась инициировать общегородскую стачку. По агентурным данным ВЧК, оппозиция рассчитывала на поддержку не менее чем 100 тыс. человек и вела активную подготовительную работу. Власти также не бездействовали, проведя превентивные аресты среди организаторов забастовки и наставительные беседы с рабочими. Были предприняты и другие меры, призванные обезопасить город от возможных последствий срыва производственных циклов и железнодорожного сообщения. Все, кто с тревогой, а кто с надеждой, ждали дня начала стачки. Но когда 2 июля наконец наступило, стало очевидно, что расчеты оппозиции не оправдались.

Хотя в листовке о результатах забастовки ее лидеры заявляли, что в стачке приняло участие 20 тыс. человек, это было сильным преувеличением. Реально в забастовке участвовало в 2–3 раза меньше рабочих. В том же воззвании организаторам выступления

пришлось признать: «Советская власть торжествует победу над рабочим классом. Забастовка против нее не удалась». Объективно обстановка в городе складывалась совершенно иначе, чем на то рассчитывала оппозиция. Трамвайное сообщение прервано не было. На некоторых трамваях красовались плакаты с надписями «Да здравствует Советская власть» и «Мы, рабочие, работаем, а белогвардейцы бастуют». Аналогичный плакат с красноречивым дополнением был вывешен и на воротах Дома предварительного заключения: «Мы, рабочие и служащие, работаем. Вы, белогвардейцы, бастуете. Здесь для белогвардейцев места есть. ДПЗ».

Работало подавляющее большинство фабрик и заводов города. Бастовало всего несколько предприятий, среди них такие, как Обуховский завод, фабрики Паль и Масквел. Бастовали рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг. Колебались рабочие фабрики Торнтон. После обеденного перерыва некоторые из них все же решились на работу не выходить. Неустойчивые настроения наблюдались на Путиловском заводе, но в большинстве мастерских завода работы производились. Под впечатлением прохладного отношения к стачке со стороны путиловцев заколебались и приступили к работе рабочие завода Тильманс, накануне вроде бы принявшие решение примкнуть к стачке. Условно был решен вопрос о присоединении к стачке на фабрике Варгунина. Как вынуждены были признать сами лидеры оппозиции, забастовка была осуществлена «лишь на единичных заводах... и притом не на крупных». Провал общегородской стачки стал неприятным ударом по оппозиции и заставил некоторых ее деятелей перейти на позиции более активной борьбы с большевиками. Однако в целом обстановка в рабочих кварталах города постепенно нормализуется.

Беспорядки и волна стачек прокатились также и по другим регионам страны. На почве голода, безработицы, недовольства урезанием своих прав забастовки прошли в большинстве городов ЦПР: Клину, Коломне, Калуге, Орехово-Зуеве, Твери. Рабочий класс промышленного Центра России был по своей природе архаичен, формы его протеста были ближе к традиционным формам прежней, аграрной эпохи. Отсюда их меньшая организованность, большая разрушительность. В условиях начинавшей-

ся гражданской войны это было особенно опасно. Опасно ещё и потому, что наибольшую активность проявляли металлисты, непосредственно связанные с оборонным комплексом страны. В свое время, после выхода России из Первой мировой войны и начала конверсии, металлисты пострадали особенно остро. К тому же государство поторопилось переложить ответственность за осуществление демобилизации производства на органы рабочего самоуправления рабочих-металлистов. Теперь это сказывалось в полной мере в росте среди них протестных выступлений.

Одним из важнейших очагов протестных выступлений в промышленном центре России становится Москва. Здесь выступления рабочих не приобретают такого всеобщего характера, как в Петрограде, но они особенно тревожили большевистское руководство, поскольку столица страны теперь находилась в Москве.

Наибольшим упорством отличалось сопротивление со стороны железнодорожников. Среди них крупные беспорядки, к примеру, имели место в июне 1918 г.; в ходе этих выступлений железнодорожников выдвигались не только экономические, но и чисто политические требования. Несколько позже, 17 июля 1918 г., рабочие Казанской железной дороги провели многочисленное рабочее собрание, на котором вновь выдвигались ультимативные требования властям, причем в случае отказа властей удовлетворить их, рабочие грозили объявлением забастовки. Помимо железнодорожников к акциям протеста присоединились рабочие других профессий. Особую активность в который раз проявили печатники. Так, резко оппозиционную резолюцию приняло проходившее в воскресенье 16 июня общее собрание Союза печатников Москвы. Через несколько дней, 21 июня, ту же позицию заняло собрание уполномоченных рабочих печатного дела.

Возникали трудовые конфликты и протесты и на других предприятиях столицы. Так, в середине мая 1918 г. прошел митинг на фабрике «Богатырь». Собравшимися была принята резкая резолюция. В ней рабочие отказывали народным комиссарам в праве считаться избранниками и защитниками интересов рабочего класса, протестовали против продовольственной политики Совнаркома. Кроме того, в связи с колпинскими событиями участники митинга осудили развязанную против рабочих гражданскую

войну. Немало московских предприятий бастовало в июне. Волнения были отмечены даже на таких гигантах, как завод Густава Листа.

Другим крупным очагом протестных выступлений весной – летом становится Тула. В июне 1918 г. состоялись забастовки на тульских фабриках Богашева, Копырзина, Лялина. Напряженной обстановка была на крупнейших заводах города: Патронном и Меднопрокатных. Особенно нелегко большевикам приходилось на Оружейном заводе. В случае невыполнения своих требований рабочие угрожали начать 17 июня с 12 часов дня всеобщую забастовку. Для координации действий был создан стачечный комитет. Зримой была угроза, что выступления рабочих пройдут под политическими лозунгами. И хотя постепенно ситуацию в городе удалось нормализовать, время от времени острые конфликты вспыхивали в Туле и в последующее время.

Следующей точкой на карте протестных выступлений весны – лета 1918 г. может быть названа Тверь. Здесь накат протестных выступлений шел по нарастающей. На ряде предприятий города, таких как Дерговская и Морозовская фабрики, начались митинги. Наиболее решительно в эти дни действовал трудовой коллектив тверской фабрики Рождественской мануфактуры П. Б. Берга. На ней с 5 июня была объявлена забастовка, проходившая в основном под политическими лозунгами. На фабрике шли бурные митинги, на которых толпа выкрикивала антиправительственные лозунги. Не внес успокоение в рабочую массу и визит на фабрику комиссара труда Баклаева. В Твери, к счастью, в результате произошедших там событий никаких жертв не было. Но обстановка в городе ещё долго оставалась тревожной в силу отказа властей выполнить требования рабочих и запрещения фабрично-заводским организациям производить самостоятельные хлебные закупки.

Неспокойно было в Брянске. Рабочие местных предприятий имели боевое настроение и были готовы не только к политической стачке, но и к бойкоту выборов в Совет. Напряженностью отличалась обстановка в Рыбинске. Здесь недовольство проявляли местные металлисты и железнодорожники. Не редкостью в городе становятся стачки, охватывающие сразу несколько предприятий.

От слов к делу в своих протестах перешли рабочие Клина. «Грандиозный», по определению газеты «Новое дело народа», митинг состоялся здесь 20 июня 1918 г. на Высоковской мануфактуре. На нем присутствовало и несколько большевистских чиновников Клинского совета. Но ни одному из них рабочие не дали использовать полностью все пять минут, предусмотренные регламентом для участников прений. Особенно сильное отторжение вызвало у рабочих выступление комиссара Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Галкина – «контрреволюционной комиссии», как ее окрестили клинские рабочие. Он пригрозил арестом Новикову, члену делегации петроградских рабочих, прибывших в Клин агитировать за присоединение к движению уполномоченных фабрик и заводов. Рабочая масса от этих слов буквально взорвалась. Двухтысячная толпа ринулась к трибуне, угрожая расправой. Только вмешательство самого Новикова предотвратило неминуемый самосуд. Рабочие заявили о предзабастовочной готовности.

Особой напряженностью отличалась обстановка в Нижегородской губернии. Еще в марте 1918 г. сормовские рабочие потребовали перевыборов местного совета, а в начале мая 1918 г. здесь состоялась однодневная забастовка. Ее причиной стала попытка организовать суд над газетой «Вперед», против чего рабочие категорически возражали. Следующий подъем стачечной борьбы нижегородских рабочих приходится на июнь 1918 года. Протестные выступления этого времени уже далеко вышли за рамки трудовых конфликтов и приняли острый политический характер. Крупные беспорядки произошли, в частности, 9 июня, когда была предпринята попытка провести конференцию уполномоченных Нижегородской и Владимирской губерний. Но и после событий 9 июня ситуация в Нижнем Новгороде и заводских пригородах продолжала оставаться накаленной. На 18 июня в городе была назначена политическая забастовка и демонстрация рабочих. Состоялся общегородской митинг, собравший 8 тыс. человек. В этот же день прошло многолюдное собрание работников Нижегородского порта, на котором присутствовало 20 тыс. человек. Грузчики присоединились к забастовке и поставили разгружать только продовольственные грузы. Повсюду

в городе волнения имели яркое антибольшевистское звучание. По некоторым данным, забастовка прокатилась в следующих пунктах: Нижнем Новгороде, Канавине, Сормово, Муроме, Растяпино, Кулебаки (19 и 20 июня), Бор.

Стаечная активность социалистами во все времена воспринималась как проявление сознательности пролетариата. Поэтому нарастание стачечной волны весной – летом 1918 г. деятели правосоциалистического лагеря готовы были объяснять осознанием рабочими пагубности большевистской диктатуры. Однако ситуация складывалась более противоречиво. Во-первых, рост рабочего протеста ещё не означал падения в рабочей среде позиций большевиков (не забудем о том, что одновременно с антибольшевистскими выступлениями быстро росло количество фабзавкомов и комиссий рабочего контроля). Но и разочарование рабочих в политике большевиков ещё не свидетельствовало об их переходе на позиции правых социалистов. Ещё меньше протестные настроения среди рабочих в этот период следует трактовать как однозначно свидетельствующие о росте их сознательности. Часто происходило и наоборот. Бедственное положение вовлекало в протестные выступления не только передовых рабочих, но наиболее отсталые, маргинальные слои рабочего класса. Свое выражение это находило в росте бунтарства и погромных настроений среди рабочих. Московские «Известия» в те дни писали, что рабочий класс под гнетом кризиса «экономически распыляется, распадается как класс, теряет свое значение как производитель, и вместе с тем ослабляется его значение как вожака. Вот почему в настоящее время стали возможны такие события...»

Массовый характер в этот период приобретали хищения. Наиболее неблагоприятно в этом отношении складывалась ситуация на предприятиях пищевой промышленности. О воровстве на предприятиях текстильной промышленности писала центральная большевистская пресса. Хищения были широко распространены в табачной промышленности. Не редкостью кражи были даже там, где, по убеждению большевиков и прочих социалистов, трудились наиболее сознательные пролетарии – на металлургических и оружейных заводах. Получает распространение практика захвата рабочими предприятий, распродажи ими

заводского имущества и готовой продукции с целью перераспределения вырученных средств между собой. Все это, конечно, не может быть причислено к активному сопротивлению власти, но вполне оправданным будет назвать подобные действия скрытой формой протеста рабочих против своего материального положения и перекосов экономической политики.

Нередко случаются и элементарные погромы, в том числе винные. Присоединение рабочего класса к погромным выступлениям случалось и в более ранние месяцы. Так, ещё в середине ноября 1917 г. в Камышине Саратовской губернии были разгромлены винные склады, начались бесчинства. По определению В. В. Канищева, весь город представлял собой «пьяное царство». Председатель Камышинского совета попытался нормализовать обстановку в городе и отдал распоряжение вооружить рабочих. Но, получив оружие, они сами отправлялись за водкой и присоединялись к охмелевшей и разгоряченной вседозволенностью толпе. Пьяными оказались и некоторые члены Совета. Случались подобные инциденты и позже, придавая специфические черты отдельным проявлениям рабочего протеста.

Своеобразную окраску носили события 5–6 августа 1918 г. в Ижевске. Здесь причиной всплеска бунтарских настроений стало недовольство зажиточной части городского купечества и крестьянства окрестных деревень. Они протестовали против ограничений свободной торговли. Чтобы обеспечить монополию торговли хлебом, местные власти послали отряд конной милиции на городской рынок разогнать торговков хлебом. Но толпа встретила милиционеров враждебно. Торговки набрасывались на милиционеров, стаскивали их с лошадей и избивали безмелами для взвешивания хлеба. В беспорядках активное участие приняли и рабочие Ижевского завода, многие из которых также нельзя отнести к беднейшей части населения.

Вместе с тем, если говорить об основных причинах участия рабочих в погромных выступлениях весны – лета 1918 г., то важнейшей среди них будет все же *голод*. Так, совершенно оголодавшие железнодорожники станции Бологое решились на то, чтобы отцепить 4 вагона с хлебом, шедших в Петроград. Только вмешательство властей предотвратило самоуправство. Аналогичные

настроения «отнять и поделить» продовольствие возникали и в самом Петрограде. Как сообщал представитель Северо-Западной железной дороги Квач, в начале июня 1918 г. железнодорожники решили завернуть поезд с сухарями, направлявшийся русским военнопленным в Германию. По решению общего собрания 1 июня петроградских главных мастерских Северо-Западной железной дороги поезд оставили в Петрограде. Собранием была принята соответствующая резолюция и создан специальный комитет для распределения посылок на месте.

Но нередко стихийные протесты рабочих на почве голода перерастают в настоящие бунты. Именно с голодного бунта, если угодно – с бабьего бунта, – начались события в Колпине. Похожим образом события развивались, к примеру, в Рыбинске в начале апреля. Беспорядки повторяются здесь и позже – 29 апреля 1918 г. В этот день все хлебные хвосты, стоявшие у продовольственных лавок города, без всяких видимых причин вдруг снялись с места и двинулись к городскому Совету. Толпа избивала всех проходивших в здание членов исполкома и разоружила 40 красноармейцев караульной команды. На почве голода и недовольства политикой властей 23 мая вспыхнули погромы, переросшие в бунт, в Костроме. В те же дни волнения отмечались в Нижнем Новгороде. Анализируя их, газета «Знамя труда» подчеркивала однотипность развития событий во всех этих случаях: женщины, толпа, избивание советских работников, войска, выстрелы в воздух, военное положение...

О тяжелом положении дел в Рыбинске и расположенном рядом Ярославле писал в те дни печатный орган Наркомпрода. По сообщению газеты «Новая жизнь», известия о произошедших в этих двух городах волнениях в первых числах мая дошли до рабочих Твери и серьезно осложнили обстановку в этом городе. По ее сведениям, беспорядки, начавшиеся в Твери на почве продовольственного кризиса, быстро переросли в политические. Другая, уже официальная, газета писала о «голодных беспорядках», учиненных безработными рабочими в Смоленске. На этот раз в подстрекатели были записаны не меньшевики и эсеры, а местные анархисты. Погромом окончились беспорядки, возникшие на почве голода в начале мая в Павловом Посаде Московской губернии.

Наиболее взрывоопасной обстановка была в тех городах, которые располагались в непроизводящих губерниях. Здесь подвоз хлеба осуществлялся издалека, и власти не всегда успевали доставить его вовремя. Если брать города европейского центра России, то особо бедственно дела с продовольствием обстояли в текстильном крае. Здесь весной – летом 1918 г. проходит целая серия столкновений и всплесков бунтарства, перераставших, как правило, в политические акции протеста. Так было в Иваново-Вознесенске, Кинешме, Шуе. О психологической стороне тех событий рассказывал видный участник рабочего движения Г. Горелкин. Часто главным аргументом погромщиков в Иваново-Вознесенске служили слухи о том, что «большевики гноят огромные запасы муки в городских складах, сами хозяйничают», а рабочих и их детей «морят голодом». В такие моменты, вспоминает Горелкин, «успокоить разбушевавшуюся стихию» стоило «сверхчеловеческих усилий». Урезонивать голодную толпу получалось не всегда, и беспорядки оканчивались столь же драматично, как и в Колпине.

Отдельные волнения в рабочей среде продолжались и на протяжении следующих месяцев 1918 г. Даже рабочие Мотовилихи, крупнейшего в России пушечного завода, расположенного в одноименном поселке недалеко от Перми, чьи красногвардейские отряды стали «грозою буржуазии» «не хуже балтийских матросов», в октябре и декабре 1918 г. предъявили свои счета советской власти и готовы были отстаивать свои интересы силой. Но хотя подобные эксцессы по-прежнему представляли угрозу советской власти, в целом к осени *протестный активизм рабочих, направленный против большевиков, начинает ощутимо спадать.*

Размах выступлений протеста рабочего класса в 1918 г., их широта и разнообразие делают актуальным вопрос о численности их участников. Оппозиционные большевикам авторы приводят такие цифры, из которых может сложиться впечатление, что до $\frac{2}{3}$ рабочих страны выступало против большевиков. Это утверждение явно противоречит здравому смыслу и не дает ответа на вопрос, почему же тогда советская власть смогла удержаться и победить в начавшейся Гражданской войне? Противоречит она и другим фактам, таким, как массовое участие рабочих в

органах власти и управления Советской республики, в строительстве РККА, в становлении органов рабочего самоуправления и контроля, в национализации и других начинаниях Советского государства. Но и прежние утверждения советской историографии, принижавшие реальный размах рабочего протеста в этот период, сегодня уже никого не могут убедить.

Очевидно, что вопрос о численности участников различных форм массового рабочего протеста требует серьезного дополнительного изучения на материалах отдельных регионов страны, городов и даже отдельных предприятий. Вместе с тем уже сейчас могут быть названы основные параметры протестного активизма рабочих того времени в основных промышленных районах страны. Методика подсчетов здесь может быть примерно такой же, как и для изучения рабочего контроля в период от февраля к октябрю. То есть в качестве отправных данных могут задействоваться материалы официальной статистики, самооценки размаха движения со стороны его участников, самостоятельные подсчеты отдельных случаев рабочего протеста в эти месяцы и т. п. При этом, разумеется, следует помнить о неполноте официальной статистики за этот период, а также о существенной тенденциозности оппозиционных авторов, заинтересованных в преувеличении антибольшевистских настроений в рабочей среде.

Первое, что удастся определить при выявлении размаха протестного движения этого времени, это его география. Выступления рабочих в этот период отмечены в Москве, Петрограде, Астрахани, Бежицке, Бологом, Брянске, Владимире, Вологде, Воткинске, Гусь-Хрустальном, Екатеринбурге, Иваново-Вознесенске, Ижевске, Казани, Калуге, Канавине, Клине, Коломне, Колпине, Костроме, Кременчуге, Кулебаках, Курске, Муроме, Нижнем Новгороде, Николаеве, Новгороде, Орле, Павловом Посаде, Пензе, Пицунде, Подольске, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Самаре, Саратове, Севастополе, Серпухове, Сестрорецке, Смоленске, Сормове, Сухуми, Тамбове, Твери, Тихвине, Томске, Туле, Уфе, Царицыне, Челябинске, Шуге, Ярославле. Этот список не полон. Но уже из него видно, как широка была география рабочего протеста.

Могут быть также названы предприятия, которые в этот период становятся основными очагами рабочего протеста, примерно

определена их численность по регионам страны. Среди крупнейших предприятий, рабочие которых участвовали в акциях протеста и неповиновения, были такие, как Путиловский завод, Обуховский завод, Русско-Балтийский завод, завод бр. Бромлей, Сормовский завод, Ижевский оружейный завод, Сестрорецкий завод, Тульский оружейный завод и др. В одном только Петрограде можно говорить о 80–90 предприятиях, рабочие которых принимали участие в протестных выступлениях. Примерно такое же количество предприятий с взрывоопасной ситуацией могут быть названы по Центральной России, из них около 20 располагались в Москве, а остальные – в прочих городах и рабочих поселках. Всего по России рабочие примерно 210–220 предприятий в той или иной форме выражали свое недовольство своим положением и политикой революционной власти. Скорее всего, этот список также не полон.

Может быть оценена, пока правда примерно, численность вовлеченных в протест рабочих. Наиболее точные данные по этому вопросу имеются для Петрограда. Соответствующие сведения собирались и анализировались Отделом конфликтов Петроградского областного Комиссариата труда. Периодически они публиковались для всеобщего пользования в специализированном издании – «Материалы по статистике труда Северной области», выходившем под редакцией С. Г. Струмилина, Данные Струмилина носят официальный характер, вместе с тем сам он, как известно, был меньшевиком, причем отношение к советской власти у него было далеко не самым лояльным. Поэтому его подсчеты могут рассматриваться как объективные и достаточно достоверные. Собранные Струмилиным данные позволяют определить количество петроградских рабочих, участвовавших в массовых выступлениях протеста примерно в 40–50 тыс. человек, что составляет примерно 10–15% от общего числа петроградских рабочих. Понятно, что с течением времени количество рабочих в городе уменьшалось, не оставалась на одном уровне и протестная активность их наиболее обездоленной части. Но в целом эти показатели могут быть приняты в качестве средней величины для оценки протестного активизма рабочих в это время.

Если учесть, что на весну – лето 1918 г. приходится пик протестной активности рабочего класса, то в целом можно говорить,

что в самых разнообразных выступлениях против советской власти в разные месяцы 1918 г. участвовало от 5 до 20% рабочих по разным регионам страны или, если брать в абсолютных цифрах, 100–250 тыс. человек. Эти данные, конечно, ощутимо ниже, чем приводимые в меньшевистских и эсеровских источниках, но тоже достаточно показательны, тем более что нередко речь идет об активных элементах рабочего класса. Но вместе с тем протестного элемента в рабочей среде в 1918 г. было явно недостаточно, чтобы взорвать режим изнутри.

Коротко обобщая сказанное, обратим внимание на одно важное обстоятельство. Протестное движение мая – июня 1918 г. отличалось не только своим размахом, но и широким разнообразием форм. Это и бунтарские выступления, и погромы, и элементарные хищения, и письма в многочисленные официальные и полуофициальные инстанции, и захваты предприятий и складов, и хулиганское избивание представителей официальных структур, и стачки, носившие как экономический, так и политический характер. Некоторые массовые беспорядки и акции сопротивления носили локальный и кратковременный характер, другие, наоборот, вели к объединению рабочих нескольких предприятий и целых городов, растягиваясь на несколько дней, а то и недель. Разнообразие форм рабочего протеста в этот период свидетельствует о наличии в нем значительного элемента стихийности. Другое дело, что стихийным протестом рабочих пытались в своих целях воспользоваться самые разные организованные политические силы. Но их вмешательство отнюдь не отрицает способности рабочего класса к самостоятельным политическим действиям – осознанным или стихийным.

Рабочий протест и традиционные пролетарские организации

Развитие протестного движения рабочего класса в послеоктябрьский период, естественно, вело к его организационному оформлению. В центре рабочего движения и теперь оставались прежние, традиционные пролетарские объединения. Они были в центре и растущих протестных настроений в рабочей среде. С февраля 1917 г. в адрес традиционных рабочих организаций вдет постоянный поток писем от рабочих. После Октября он только усиливается. К советам, профсоюзам и другим рабочим организациям обращаются целые делегации и отдельные просители. К ним же обращены гневные требования рабочих. Традиционные пролетарские организации оказываются в противоречивой ситуации. Все их развитие в 1917 г. было связано с протестной энергией рабочего класса. И после прихода к власти большевиков часть рабочего активизма именно через них направлялась против прежних владельцев предприятий. Но теперь прежние рабочие объединения эволюционировали в сторону низовых структур государства. Это заставляло их служить не только целям «гражданской войны», но и «гражданского мира». В то же время теперь рабочие выступали не только против капиталистов, но и против Советского государства и его представителей. Как в этом случае должны были себя вести традиционные пролетарские организации? Полностью отдать инициативу уличной стихии? Или разрушать то самое государство, становлению которого ими было отдано столько ресурсов?

Дилемма, ставшая столь остро после Октября, осложнялась тем очевидным обстоятельством, что уже сам факт превращения

традиционных организаций рабочего класса в низовое звено нового государства означал возможность и неизбежность поражения их всеми болезнями, присущими государству как особому общественному институту, будь то кумовство, коррупция или ещё более глубокие язвы. В своих записках профсоюзный лидер с многолетним стажем, меньшевик Г. Б. Струмилло приводит один эпизод, который даже его заставил усомниться в жизнеспособности традиционных рабочих организаций в изменившейся ситуации. Объездив весь Урал, куда он выбрался из голодного Петрограда, Струмилло пришел к заключению, что в этом некогда цветущем центре российского профдвижения «профессиональные союзы были превращены просто в клубы бездельников, куда набилась всякая сволочь, которая не хотела работать, но во все вмешивалась, везде мешала и изо всех сил старалась показать, что она начальство и что – хочет казнить, хочет милует». И вот однажды он был вызван к начальнику депо, в котором устроился временно работать. «Входя в кабинет, – рассказывает он, – я увидел, что там стоят трое рабочих и о чем-то просят помощника. Как только я вошел, вошел и начальник депо, и тут разыгралась следующая сценка. Все трое обратились к нему с просьбой защитить их от профессионального союза, говоря, что им от него нет житья, что ничего не помогает, что председатель Гусев берет у них взятки и все же их донимает и штрафами, и арестами, обходит их квартиры, вмешивается в их личную жизнь, пристаёт к их женам, дочерям... Рассказывая это, один старик-рабочий тут же заплакал.

– Что вы скажете на это? – обратился начальник депо ко мне. Нужно сознаться, что я был ужасно смущен и потрясен всем слышанным. Но что я мог сказать, зная, что борьба с этим ни к чему не приведет, разве только к арестам протестантов? Он их отпустил, обещав переговорить с союзом, а меня он вызвал для того, чтоб показать мне иллюстрацию к тем разговорам, которые мы с ним вели, когда я в спорах с ним отстаивал необходимость профессионального движения и рабочих организаций. Меня это разозлило, и я ему заявил, что это ещё больше меня убеждает в необходимости организаций и сплочения рабочих и что только тогда этого не будет. Но он все же видел, как это меня потрясло. Да и действи-

тельно положение было ужасное, когда рабочим приходилось искать защиты от своих же организаций у администрации».

Подобные эксцессы не были, конечно, повально распространенным явлением. Но и чем-то совсем уж исключительным их не назовешь. Еще до Октября рабочие подчас страдали от давления со стороны своих классовых организаций и стремились найти защиту у владельцев предприятий. После прихода большевиков к власти, когда рабочие организации почувствовали себя подлинными хозяевами на производстве, «недоразумения» такого рода участились. В начале 1918 г. они отмечены в городах Севера России, промышленного центра, Урала, Сибири. Чем дальше шел процесс бюрократизации Советского государства, тем шире становился разрыв между ним и его социальной базой – рабочим классом. Критикуя на одном из заводских собраний новое «пролетарское» руководство своего предприятия, работница ткацкой фабрики Раменского района Таптыгина, делегатка Всероссийского женского съезда, так передавала отношение рабочих к подобным явлениям: «Только те коммунисты, – говорила она, – которые живут с рабочими в спальнях корпусах, а которые в особняки убежали, это не коммунисты. Это уже не коммунисты, которые пишут у себя: без доклада не входить». После Октября бюрократизм все больше начинает восприниматься рабочими не просто как какой-то «нарост на теле революции», а как злейший враг.

Превратившись в органы государства, существовавшие до Октября рабочие организации, вынуждены были выполнять функции по нейтрализации если не протестного движения рабочих вообще, то наиболее резких его проявлений. Так, в начале июня Исполком Петросовета на совместном заседании с ЦИК и СНК Союза коммун Северной области постановил «принять самые энергичные меры по ликвидации всей погромной агитации». Тем самым погромы были приравнены ни много ни мало к контрреволюции. Аналогичной была позиция Железнодорожного районного совета г. Москвы. Район стал центром протестных настроений, и Совет постановил всеми силами государства препятствовать самодельным объединениям рабочих, выступающих против политики правящей коалиции большевиков и левых эсеров. Резко негативную позицию по отношению к любым

формам протестного активизма проявляли Ярославский, Тульский, Ижевский, Боткинский, Калужский, Нижегородский и другие местные советы. Можно сказать, что весной – летом 1918 г. это была позиция большинства советов.

Многие профсоюзы, особенно большевизированные, также пытались притупить протестные настроения среди рабочих. Их позиция восходит ещё к напряженным часам Октябрьского восстания, когда Петроградский совет профсоюзов совместно с ЦС ФЗК обратился к рабочим с настоятельным призывом прекратить все экономические забастовки, на том основании, что «лучшее средство» поддержать Советское правительство – это «исполнять свое дело». На заседании Петроградского совета профсоюзов 31 октября 1918 г. эта позиция была конкретизирована и заострена. В принятой резолюции отмечалось, что «ПСПС подтверждает свое постановление о прекращении всех забастовок» и, кроме того, все забастовки в период острой классовой борьбы расценивает не иначе как «акт саботажа». Еще категоричнее в те дни высказывались профсоюзы Москвы: в условиях власти трудящихся, говорилось в их ноябрьской резолюции, «стачка является саботажем, против которого следует бороться самым решительным образом».

Кроме того, как бы неожиданно это ни выглядело, но против несанкционированных стачек выступали и те профсоюзы, которые отнеслись к установлению большевистского правления настроенно. Тот же Викжель больше угрожал стачкой на железных дорогах, нежели реально готовился к ее проведению. Такова же была позиция ориентировавшихся на него «нейтральных» профсоюзов, в частности Виквода. Центральное руководство профсоюза водников после создания однопартийного правительства большевиков предприняло некоторые шаги в направлении поддержки Викжеля, но, о чем речь шла выше, фактически запретило местным органам союза устраивать самочинные выступления и требовало не прекращать работу. Существенно позже, уже летом 1918 г., аналогичные призывы раздавались от руководства союза рабочих и служащих продовольственных органов.

По мере разрастания масштабов кризиса и протестных выступлений жесткость заявлений профсоюзного руководства

усиливалась. Решительней и репрессивней становились также и меры, предпринимаемые им по отношению к «отступникам». Так, в начале лета 1918 г. резко против забастовок (как против формы протеста, ведущей «к гибели рабочего класса») выступил Нижегородский губернский совет профсоюзов. В принятой им 25 июня резолюции давалась следующая оценка произошедшим в городе неделю назад беспорядкам: «Политическая забастовка, имевшая место в Нижнем [Новгороде] 18-го [сего] июня, должна рассматриваться как определенное контрреволюционное выступление».

При этом секретариат Совета союзов Нижегородской губернии в разворачивавшемся в те дни конфликте занял ещё более однозначную позицию. Проект резолюции, вынесенный им на заседании 25 июня, был выдержан в значительно более непримиримом духе. В первом пункте проекта утверждалось: «В момент чрезвычайного обострения классовой борьбы, в момент, когда пролетариат, ведя непрерывную борьбу с контрреволюцией, едва успевает отражать ее удары, в момент, когда пролетариат; встав у власти, строит новую жизнь и ведет огромную работу по улучшению экономического состояния страны, в такой момент всякая мысль о возможности и допустимости забастовок должна быть отброшена, т. к. путь забастовок в данное время есть путь гибели рабочего класса».

В проекте резолюции, предложенной секретариатом, профсоюзные верхи без всяких колебаний становились на точку зрения местных советских властей. В пунктах 3 и 4 проекта они полностью поддерживали те репрессивные меры, которые против стачечников были предприняты советскими и государственными учреждениями. В частности, все произведенные ими увольнения за участие в забастовке 18 июня 1918 г. признавались правильными. Места и должности уволенных предлагалось занять через биржу труда безработными. А в 5-м пункте выносомой на голосование резолюции предлагалось «всем сознательным членам профессиональных союзов», рабочим и служащим, продолжающим стачку, прекратить ее «и немедленно встать на работу» без каких-либо предварительных условий.

В эпицентре борьбы с протестными настроениями непосредственно на предприятиях оказались фабзавкомы, как это было, например, на заводе бр. Бромлей, завком которого в ноябре 1917 и в апреле 1918 г. пытался унять брожение среди рабочих предприятия. Аналогичную позицию отстаивали фабзавкомы Тулы, в которой страсти были накалены как ни в каком другом городе ЦПР. Разъяснение позиции большинства фабзавкомов города можно найти в воззвании к рабочим Центрального заводского комитета Тульского оружейного завода. «В интересах цеховых комитетов, как *рабочих организации*, – отмечалось в нем, – первым по важности должен стоять вопрос оставить предприятие работающим и ни в коем случае не допускать то или иное предприятие к закрытию. К тому же в Заводском Комитете имеется телеграмма, в которой ясно указано, что если производительность на заводе поднята не будет, то Оружейный завод может быть закрыт». Здесь государственный террор и угроза локаута явственно сливались с борьбой за сохранение завода.

Активно выступали против беспорядков завком и цеховые комитеты Обуховского завода. Его деятельность в этом направлении естественным образом активизировалась в марте 1918 г., когда на заводе началось создание альтернативных рабочих организаций, которые попытались донести до сведения Советского правительства требования стоящей за ними части рабочих. По всей вероятности, была сформирована делегация для переговоров в Наркомате труда. Ее состав определялся, понятно, в обход позиции официальных рабочих организаций завода. Это вызвало с их стороны резкое недовольство. На заседании 8 марта 1918 г. члены заводского и цеховых комитетов, демобилизационной комиссии и Исполнительного комитета районного совета, стоящих на платформе советской власти, сложившаяся ситуация была подвергнута заинтересованному анализу.

«После всестороннего обсуждения вопроса» собравшимися была принята резолюция. В ней требовалось исключить всех членов заводских организаций, не стоящих на платформе советской власти. Было решено также проинформировать СНК, Раскольникову, Шляпникову, Шмидта и других советских руководителей о состоянии дел на заводе с целью не допустить пере-

говоров центра с «самозванными» делегациями от рабочих. От Заводского комитета резолюцию подписал Зубарев, от цеховых комитетов – Ермаков, от Исполкома – Ильин, от Демобилизационной комиссии – Стельмаков. Возникает вопрос, если бы не столь бескомпромиссная позиция, занятая местным завкомом, не мог ли диалог между недовольными рабочими и Наркоматом труда снять возникшее на заводе напряжение? Но диалог между властью и рабочими не заладился, и с 25 июня 1918 г. завод был закрыт. Вместе с закрытием завода прекратили свое существование его заводской и цеховые комитеты.

Однако и традиционные пролетарские организации оказались вовлечены в орбиту протестных выступлений рабочих. Об этом неоспоримо свидетельствуют не только события вокруг лозунга «однородного социалистического правительства», но и позиция, которую в последующее время занимали некоторые профсоюзы. Постоянную головную боль, в частности, и в 1918 г. вызывал у властей Союз железнодорожников. После разгрома Викжеля на переднюю линию борьбы выдвигались его региональные структуры. Именно они оказывались в центре рабочего протеста во многих городах России, вовлекая в выступления рабочих и других профессий. Именно в этом русле развивались события в Ярославле, Рыбинске, Туле, Москве. Но если в Центре протесты железнодорожников могли оперативно пресекаться властями, то совсем иной была их роль в прифронтовых районах. Скажем, на Урале, в Свердловске, Уфе и других городах, от позиции Союза железнодорожников во многом зависела прочность тыла Советской республики.

Сила профсоюза железнодорожников, его устойчивость, а также его политическая позиция были во многом связаны с тем, что в рядах союза состояли как рабочие, так и служащие. Это способствовало более квалифицированному участию союза в управлении железными дорогами. Кроме того, правый элемент, состоящий в союзе, более культурный и организованный, мог воздействовать на основную массу путейцев в сторону критики большевистского правления. Но подобной членской базой в тот период обладали и другие профессиональные союзы. Их позиция также была сдержанной или даже резко негативной по отношению к большевикам. К числу таких организаций следует

отнести в первую очередь Всероссийский союз продовольственных служащих, довольно консервативный и оппозиционный.

Если Викжель может считаться детищем Февраля, то Викс-прод появляется только после Октября. Его рождение во многом обусловлено той борьбой за право распределять хлеб, которая развернулась в конце 1917 г. между большевиками и умеренными социалистами. В русле усилий, предпринимаемых социалистической оппозицией, проводились совещания по продовольствию с их независимыми рабочими конференциями. В этом же ключе 14–18 января 1918 г. в Москве состоялся I Всероссийский съезд служащих продовольственных организаций. На нем-то и принимается решение о создании нового профессионального объединения рабочих и служащих продовольственного дела.

Само решение о создании союза сотрудников продовольственных органов принималось на фоне острой политической борьбы вокруг Учредительного собрания, в которую оказались втянуты многие заинтересованные лица. Инициатива создания союза исходила от Союза Союзов Юга России. Еще в начале декабря на одном из его собраний было решено приступить к работе по созыву объединительного съезда. Тогда же была выбрана так называемая Организационная комиссия в составе пяти человек. Идею объединения сил продовольственников всецело поддерживал Московский областной продовольственный комитет. Именно на него легли основные материальные и финансовые усилия по подготовке съезда.

Оргкомиссия начала свою работу с подготовки воззвания региональным продовольственным органам. В нем подчеркивалось, что работники продовольственного дела серьезно отстают от других профессий, которые уже имеют свои организации, в частности от почтово-телеграфных служащих (Потель) и железнодорожников (Викжель). Кроме организационных обращение затрагивало и сугубо политические вопросы. В нем подчеркивалось, что предстоящий съезд «может сказать свое веское слово, от лица демократии, работающей по продовольствию страны, в защиту Учредительного собрания. В этом будет состоять политическое значение съезда».

Вообще проведение Первого съезда продовольственных служащих оказалось связано с Учредительным собранием самым

тесным образом. В качестве основных докладчиков на съезд приглашались видные оппозиционеры. В основном это были меньшевики и эсеры, деятели профсоюзов и кооперации. Однако события вокруг Учредительного собрания поломали планы организаторов съезда. Участие оппозиции в вооруженных столкновениях 5 и 9 января 1918 г. повлекло репрессии со стороны властей. Лидеры оппозиции были либо арестованы, либо переходили на полулегальное положение. В результате лица, намеченные докладчиками, на съезд не явились. Его проведение оказалось под угрозой срыва.

Оставались в центре внимания политические вопросы и на самом съезде. Представитель Курска Неймарк от имени руководства съезда, оглашая результаты материалов, поступивших с мест, в самом начале заседания 15 января заявил о том, что все продовольственные органы страны стоят на платформе Учредительного собрания. Поднимались вопросы текущей политики и в докладе по организационному вопросу, с которым выступил А. П. Тольский. Он обвинил Совет народных комиссаров в том бедственном положении, которое переживало продовольственное дело в стране. Докладчик подчеркнул, что продовольственные органы должны стоять вне политики. Он обвинил большевиков в нарушении аполитичности продовольственных управ. При этом он сразу показал, что в реальности следовало понимать под «аполитичностью» продовольственных работников. С трибуны съезда Тольский призвал к «конструированию общепризнанной власти» в лице Учредительного собрания.

«Для того чтобы закрепить дело революции, в развитии которого должен участвовать весь демократический фронт, – провозгласил он, – нужно определенно сказать, что Учредительное собрание в стране должно существовать». «Отсюда ясно, – продолжал развивать свою мысль Тольский, – что если будущий союз не примет такую политическую платформу, то он не будет пользоваться авторитетом и не обеспечит себе дальнейшего существования». По убеждению докладчика, по основному вопросу повестки дня съезда, «если союз примет такую политическую платформу, естественно, он будет опираться на реальную силу».

Нельзя сказать, что доклад Тольского отражал мнение всех присутствовавших. Но то, что он отражал настроения большинства – это бесспорно. Те же мотивы, что и в его докладе, откровенно звучали и в выступлениях с мест. Как образно сформулировал один из выступавших, «курские соловьи поют старые свои песни», и в этих песнях курских соловьев «нет трелей большевизма». Особенно бушевавшие на съезде политические страсти усилились после доклада о текущем моменте, с которым от устроителей съезда выступил П. И. Гроховский. В его докладе почти ничего не говорилось о продовольственном деле, зато давался краткий теоретический курс по истории русской революции, теории марксизма и возможности построения в России социализма. Гроховский стержнем своего доклада сделал уверения в невозможности в стране социалистической революции и в том, что большевики, вместо социалистической, устроили революцию анархическую. Диктатура пролетариата по-большевистски, заявил он, «это значит те сумасшедшие декреты, которые сейчас издаются».

То, о чем лишь намекал в своем выступлении накануне Тольский, Гроховский не только не стал маскировать, но и сформулировал предельно откровенно. «Все мы в один голос говорим о том, что нам необходимо Учредительное собрание как вода рыбе, как воздух человеку. Мы выносим ответственные резолюции. Но надо сказать, что время резолюций прошло. Что сейчас, когда Учредительное собрание разогнано штыками, смешно говорить, что нужно Учредительное собрание. Теперь поздно уже выносить резолюции. Сейчас, товарищи, нужно дело». По договоренности, заранее достигнутой с Гроховским, слово на съезде было дано также Кедровскому – представителю союза защиты Учредительного собрания. Как записано в протоколе съезда, «оратор в горячей речи призвал к защите Учредительного собрания. Речь его была покрыта аплодисментами».

В соответствующем духе была принята и резолюция съезда. О продовольственном деле и профессиональной организации в ней упоминалось постольку-поскольку. Главное внимание сосредотачивалось на критике большевистской власти и политических требованиях к ней. В резолюции отмечалось, что ни о какой аполитичности продовольственников в ситуации попра-

ния большевиками их профессиональных прав не может идти и речи. Большевики обвинялись в «чудовищном терроре», «разжигании кровавого пожара анархии», «братоубийственной войне», разрушении экономики и других тяжелых грехах перед Родиной и революцией. Результатом некомпетентного воеводства большевиков, подчеркивалось в документе, становится неизбежность голода. Выход участникам съезда виделся исключительно в восстановлении Учредительного собрания. К его защите они и призывали всех своих коллег на местах, «в согласии с другими демократическими организациями».

Сам Викспрод, занимая центральное положение и прекрасно понимая свою уязвимость, в отношениях с большевиками придерживался осторожной линии. Это, конечно, не мешало ему на страницах своих изданий подвергать политику власти самой острой критике. Но часто публичная оппозиционность Викспрода этим и ограничивалась. Центральное руководство союза апеллировало к необходимости уклоняться от самочинных, стихийных выступлений. С призывом не форсировать события призывал в своем выступлении на съезде даже Гроховский. Еще более сдержанной политика Викспрода становится к лету. С одной стороны, этому способствовала угроза голода, из области пропагандистских обличений переместившаяся в реальную жизнь. С другой стороны, в условиях начавшейся интервенции и Гражданской войны важно было не подставиться под удар властей и сохранить продовольственный аппарат на случай победы союзников и оппозиции. Но умеренность центральных органов союза вовсе не означала такой же умеренности профессиональных организаций работников продовольственного дела на местах. Наоборот; там они часто оказывались в центре протестного движения, приобретавшего самые бескомпромиссные формы.

Так, на платформе альтернативного Советам рабочего представительства стояли, в частности, продовольственники Тулы. Свою оппозиционность они успели обозначить уже в январе. После этого они активно поддерживали оппозицию в ее борьбе с большевиками, вплоть до объявления стачки. В июне 1918 г. III продовольственный съезд прошел в Твери. На нем было представительство и от рабочих. На заседании 16 июня съездом была

одобрена резолюция по продовольственной политике. В ней делегаты высказали свою резкую оппозиционность существующему в стране режиму и наметили меры по консолидации оппозиционных большевикам сил. До острых столкновений между властями и продовольственниками дело доходило в Петрограде.

Чрезвычайно напряженно, как уже неоднократно отмечалось, складывалась борьба вокруг профессионального союза печатников. Не случайно лидеры печатников жаловались, что в официальной прессе их союз называли не иначе, как желтым, – это было следствием упорства, с каким союз отстаивал свою независимость и критиковал любые действия властей. Уже в начале 1918 г. многие печатники активно выступили против решений Первого Всероссийского профсоюзного съезда. На проходившей вскоре после него II конференции рабочих печатного дела, как сообщалось в московском издании союза, было признано необходимым вернуться к платформе III Всероссийской конференции профессиональных союзов. В частности, печатники отвергли рабочий контроль и активно выступили за выработку «государственного плана регулирования производства. Позже лозунг «Назад, к Третьей Всероссийской конференции профсоюзов!» станет единым лозунгом всей правой оппозиции.

На низах шла острая борьба за перевыборы правлений местных правлений там, где их работа контролировалась большевиками. Так, 24 марта 1918 г. требование переизбрать правление городского союза было принято на общем собрании печатников Петрограда, на котором присутствовало около 2500 человек. На собрании была «принята резолюция, резко осуждающая линию поведения большевиков, стоящих во главе правления». Как писала в те дни газета «Дело народа», «печатники первые начали борьбу за свою независимость и самостоятельность. Это их заслуга перед русским рабочим классом. Переизбранием правления они завоюют свое организационное отмежевание от власти». Перевыборы дали негативные для большевиков результаты. Из 25 мест в новом правлении они получили только 9, тогда как меньшевики и их союзники – 16.

Примерно такая картина, как и в Петроградском союзе печатников, наблюдалась и в Москве. Из 25 мест в правлении Москов-

ского союза рабочих печатного дела у большевиков оказалось только 10, тогда как у их оппонентов – 15. По сведениям мандатной комиссии, в выборах в Москве приняли участие около половины всех членов союза, т. е. примерно 10 тыс. человек. Меньшевики и эсеры получили голоса 6 тыс., а большевики – 4 тыс. рабочих. При этом оппозиционная пресса подчеркивала, что собранные большевиками голоса им дали «главным образом женщины и 17–18-ти летние подростки ученики». Меньшевистская оппозиция добилась успеха и на перевыборах правления в Саратове.

Однако протестные настроения возникали не только в таких организациях, как профсоюзы печатников, продовольственных служащих или железнодорожников. Время от времени конфликты случались и с теми рабочими организациями, которые в советской историографии принято было относить к наиболее надежным союзникам большевиков, к примеру с металлистами. Так, в начале июня 1918 г. с протестом против арестов некоторых своих членов выступил Боткинский союз металлистов. Правлением союза была сформирована специальная делегация в составе Алленова, Никулина и Лазарева, перед которой была поставлена задача проверить факты арестов. Примерно в те же дни на защиту рабочих выступило правление Тульского союза металлистов. Город остро переживал недавние события, когда против протестовавших рабочих было применено оружие, а многие протестовавшие оказались задержанными. Специально приехавшей для анализа ситуации в Туле комиссии из Москвы правление союза предъявило требование немедленно освободить всех рабочих и наказать виновников расстрелов. Профсоюзники также настаивали, чтобы государство взяло заботу о семье убитого рабочего Данилова. Как указывалось в одном из выпусков «Новой жизни», с целым рядом требований металлистов комиссия из Москвы вынуждена была согласиться в силу их справедливости.

Обострение ситуации в Нижнем Новгороде привело к возникновению протестных настроений и в Нижегородском союзе металлистов. Часть руководства союза оказалось в рядах активных оппозиционеров. В союзе наметился явный раскол. Накануне 18 июня по городу были распространены воззвания, под которыми среди прочих подписей стояла и подпись Бюро губернского

комитета металлистов. В нем звучал призыв не принимать участие в стачке. Правление профессионального союза рабочих по металлу Нижегородского городского района вскоре после этого выступило с протестом и заявило, «что никакого отношения к этому воззванию не имеет». Исходя из общих установок, содержащихся в его воззвании «К рабочим металлистам Нижегородской губернии», правление союза решительным образом поддержало борьбу Союза торгово-промышленных служащих. В листовке в резкой форме осуждались обрушившиеся на него репрессии. В ней подчеркивалось, что меры властей чреваты победой «самой неприкрытой реакции». Советская власть обвинялась в сознательном или бессознательном пособничестве самым темным внутренним силам. Воззвание заканчивалось призывом к совместной борьбе за «восстановление полного народовластия»: «Мы обращаемся ко всем профессиональным союзам и призываем их также выявить свое отношение к переживаемым событиям, ни одна рабочая организация не вправе теперь оставаться в стороне, мы должны поднять все вместе свой мощный голос, так как только он может повлиять на существующую теперь власть, и только общими усилиями может быть спасена революция... Да здравствует объединение рабочих! Да здравствуют Профессиональные союзы!»

Если протестное движение развивалось через профсоюзы лишь отчасти, то настоящим форпостом борьбы с большевистским режимом, как и в годы самодержавия, некоторое время являлась кооперация, в данном случае рабочая кооперация. Нельзя сказать, что все ее руководители, тем более рядовые пайщики, были непримиримыми противниками большевизма, но очень многие кооператоры вступили в противодействие советской власти с момента ее установления. «Примирение» кооперации и большевистского государства происходит далеко не сразу. К примеру, один из лидеров рабочей кооперации Л. М. Хинчук был среди тех, кто в знак протеста покинул заседания II Всероссийского съезда советов. С решительным осуждением переворота выступили кооператоры Рыбинска, Ярославля, Смоленска и других городов. А правление и совет Московского общества «Кооперация» не стали ограничиваться пустыми протестами и

призывали оказывать противодействие большевикам «всеми возможными для кооперации способами».

Помимо всего прочего, вовлеченность традиционных рабочих организаций в протестное движение первых месяцев существования советской власти выразилась в активном процессе их дебольшевизации. Отлив рабочих масс от РКП (б) вылился даже в сокращение ее численности в период с октябрьского восстания 1917 г. по VII (март 1918 г.) съезд. Дебольшевизация частично коснулась профсоюзов и фабзавкомов. Этот процесс развивался на волне настроений в пользу так называемой «беспартийности», когда рабочие отворачивались от политики и политических партий в целом. Падение влияния большевиков, конечно, усиливало ряды оппозиции. Однако дебольшевизация отнюдь не вела к серьезному увеличению числа ее сторонников. Об очень характерном в этом контексте эпизоде рассказывает официальная газета Смоленского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 21 июля 1918 г. в Смоленске проходило общегородское собрание союза металлистов, на котором предполагалось избрать новое правление. Состоялось оно вскоре после подавления мятежа левых эсеров, когда прежний советский правительственный блок распался и ситуация складывалась очень неопределенно. Большевикам приходилось рассчитывать теперь только на свои силы, поэтому, как писала газета, «некоторые товарищи в своих речах призывали выбирать только истинных защитников рабочих интересов – коммунистов». Прежнее правление вынесло на обсуждение список этих «истинных защитников» – в основном «все виднейшие работники союза»: Лянсберг, Красовский, Лукин и другие. Из восьми предложенных кандидатур лишь трое были беспартийными. «Но собрание предложило своих кандидатов», – рассказывает автор репортажа. В результате новое правление оказалось беспартийным. В него вошло несколько большевиков и меньшевиков, но в целом большинство его новых членов не принадлежало ни к какой партии.

Особенно грозно для большевиков ситуация складывалась в Советах рабочих депутатов, ставших теперь не просто органами рабочего представительства, а органами власти. Перевыборы Советов, проходившие весной – летом 1918 г., практически повсеместно

привели к ослаблению позиции большевиков в Советах рабочих депутатов (при усилении их в тех Советах, где широко были представлены депутаты от крестьянства и других слоев населения). Над многими Советами рабочих депутатов большевики просто теряли контроль. Так случилось в Туле, Сормове, Орле, Тамбове, Ярославле, Ижевске, Березовске и других городах и рабочих поселках. В результате как самостоятельные организации Советы РД повсюду ликвидировались и, по примеру Петрограда, объединялись с Советами депутатов от армии. Но теперь это были уже не Советы солдатских депутатов, а Советы красноармейских депутатов, что, понятно, не одно и то же.

Одним из наиболее ярких, показательных, но одновременно и наименее изученных моментов протестного движения рабочих в период перевыборов в Советы является та борьба различных точек зрения, которая развернулась в Петрограде в ходе проведения здесь районный рабочих конференций весной – летом 1918 г. Рабочие районные конференции играли важную институционную роль: на них рабочие, независимо от своей партийной принадлежности, выбирали своих представителей в Советы. Кроме того, делегаты, выбранные на эти конференции трудовыми коллективами своих предприятий, сохраняли свои полномочия ещё на некоторое время после завершения самих конференций. Тем самым, на какой-то, пусть и очень непродолжительный срок, конференции превращались в некий суррогат органов власти районного уровня, подобие прежних Советов. Характерно, что представительство оппозиционных настроений на этих конференциях было ощутимо выше, чем собственно в Советах. В то же время среди лидеров петроградских меньшевиков и эсеров отношение к рабочим районным конференциям было весьма неоднозначным. Так, активным сторонником участия оппозиции в выборах и работе районных конференций был рабочий Государственной типографии, видный деятель оппозиции Юнкеров. Другой лидер антибольшевистского оппозиционного движения рабочих Петрограда, рабочий Патронного завода А. Н. Смирнов, наоборот, сомневался в целесообразности активного участия оппозиции в подготовке и проведении конференций. В одном из своих выступлений он отмечал:

«Я глубоко уверен, что дальнейшее строительство рабочего класса пойдет не вокруг Советов. Советы, которые вызвали сейчас злобу всего населения против рабочих организаций, не могут больше пользоваться престижем у демократии. Если рабочий класс сможет ещё проявить творчество, то он его проявит не здесь, а в другом месте. И сочувствием Советы уже пользоваться никогда не будут. Кроме того, мы этим сеем иллюзии. Призывая рабочих к участию в перевыборах, мы внушаем им мысль, что добиваемся передачи власти другим партиям. Песня их спета. В некоторых местах их просто поджигают. На такой почве нельзя строить рабочие органы.

В районных конференциях, конечно, надо участвовать, но все силы отдавать было бы ошибкою. Вместо того чтобы устраивать пышные бои с большевиками на районных конференциях, лучше отдать силы на подлинное строительство в области рабочего движения».

Несмотря на скепсис оппозиции по отношению к районным рабочим конференциям, они стали важным барометром настроений петроградских окраин. Нередко высказываемые на этих конференциях мнения шли вразрез с линией, проводимой официальными властями города. Районные рабочие конференции сыграли роль той трибуны, с которой рабочие могли достаточно свободно высказывать свой счет за ошибки, допущенные властью. О накале страстей, атмосфере рабочей вольницы, царившей на рабочих районных конференциях, дают наглядное представление материалы конференции 1-го Городского района. Конференция проходила 25 мая – 5 июня 1918 г. Всего в ней приняло участие: 201 делегат с правом решающего голоса и 30 делегатов с правом совещательного голоса. В общей сложности они представляли около 20 тыс. рабочих и красноармейцев района. В социальном плане большинство делегатов были рабочими – не менее ста человек, примерно 43 делегата являлись красноармейцами (социальная принадлежность остальных не выявлена). Из делегатов с решающим голосом 67% (134 человека) принадлежало к партии большевиков, 6% (13 человек) – к ПЛСРИ, 15% (30 человек) – к меньшевикам и социал-демократам интернационалистам, 12% (24 человека) – к эсерам. Всего на конференции присутствовали

представители от 61-й организации (из них 32 «организации» – это промышленные предприятия района, остальные – воинские части и различные рабочие объединения).

В первый день конференции с приветственной речью выступил Г. Е. Зиновьев. В своем выступлении он выразился в том смысле, что начавшаяся рабочая конференция – есть шаг к полномочному рабочему парламенту. Конференция проводила его аплодисментами. Но уже на следующий день, когда на повестке дня стояли доклады с мест, от благодушного настроения предшествующего дня конференции не осталось и следа. Выступавшие с мест, независимо своих от партийных симпатий, рисовали картину тех тяжелейших условий, в которых оказались петроградские рабочие. Особенно критично были настроены представители тех предприятий, на которых сильные позиции сохранялись у правых социалистов.

Так, делегат от Центральной электрической станции общества 1886 г. Разказов сообщил собравшимся о том, что бедственное положение рабочих его электростанции чуть было не привело к стачке. Но когда рабочие станции обратились к советским властям, ответ был прост: «Мы к вам пришем пулеметы и красногвардейцев». Типичная картина тех дней была изложена в докладе делегата от Синодальной типографии Юнкерова: после революции многие рабочие типографии оказались безработными, сама типография работала далеко не на полную мощь. По признанию докладчика, на типографию пришлось вернуть 4 человека из старой администрации, «ибо убедились рабочие, что так дальше нельзя». Юнкеров, меньшевик по партийной принадлежности, открыто сетовал на то, что рабочие разочаровались в революционной власти. «Пусть это правительство большевиков, меньшевиков, но если это правительство не наладит дела, оно не должно существовать дальше», – передал докладчик настроения своих товарищей по типографии. Разочаровались рабочие и в профессиональных союзах. «Если бы сегодня союз закрыли, – подчеркнул Юнкеров, – то рабочий сказал бы так: “Ну что ж, так и нужно”». В заключение своего выступления Юнкеров зачитал две резко антибольшевистские резолюции, принятые подавляющим большинством рабочих его типографии. Ключевой

мыслью обеих резолюцией являлось признание необходимости перехода всей полноты власти к демократическому Учредительному собранию. Выступавший следом делегат от гильзового отдела патронного завода Филиппов подтвердил слова предшествующих докладчиков о разочаровании части рабочих политической большевиков, с которыми многие рабочие связывали зажим демократических свобод и свое бедственное положение.

Дебаты продолжились и в последующие дни работы конференции. Остро был поднят вопрос о хлебе и мерах по преодолению продовольственных трудностей. Так, представитель завода Сан-Галли Август Сирро от имени своих товарищей резко высказался против осуществляемой большевиками продовольственной диктатуры. «Если мы сейчас пойдем в деревни с артиллерией и винтовками в руках, – заявил он, – то можем быть уверенными, что осенью мы ничего, кроме голой земли, не получим. И наступит голод, который совсем нас задушит». Выступление Сирро интересно не только тем, что оно оппозиционно большевикам, но и тем, почему этот рабочий оказался в оппозиции к ним. Выступая, он отметил: «Нас хотят отколоть от крестьянства, но забыли, что мы сами крестьяне... Кто должен следить, чтобы в среде демократии не произошел раскол? Правительство должно следить. А между тем правительство толкает рабочих на вражду с крестьянами».

Оппозиционеры, особенно в Петрограде, любили повторять, что на стороне большевиков – отсталая масса рабочих, связанных с деревней, тогда как на стороне оппозиции – кадровые рабочие, рабочая интеллигенция, что в ряды оппозиции рабочих приводят демократические убеждение, неприязнь к порядкам времен самодержавия, которые стремятся восстановить большевики. Малочисленностью рабочей интеллигенции и засильем в рабочей среде выходцев из деревни оппозиция и объясняла свою слабость. Вместе с тем делегат от завода Сан-Галли не только признается, что он крестьянин, но выказывает типичную для крестьянина позицию по отношению к власти: кто отвечает за мир, справедливость, сытость каждого человека, построение царства Божия на земле? Государство! Какая уж тут борьба с пережитками самодержавия, какая уж тут демократическая (в западном

понимании) культура. Но именно потому, что А. Сирро, поддерживав оппозицию, выступил против ее установок, его позиция становилась особенно опасной для большевиков. Его выступление показывало, что большевистский режим начал утрачивать основной источник для всякой власти, существующей в России, – моральный авторитет, причем именно в тех слоях, которые во многом были социально однородны с ним.

Близкие к паническим настроения, охватившие часть рабочих в связи с продовольственными затруднениями, хорошо переданы в выступлении на утреннем заседании конференции 1 июня делегата Мандельштама. «Я, к сожалению, должен констатировать и сказать вполне прямо, откровенно, что наше продовольственное положение является даже не тягостным, даже не тяжелым, а прямо-таки катастрофическим, ибо каждый день мы не знаем, что будет завтра, каждый день мы живем под угрозой надвигающегося голода, каждый день ждем, что, быть может, завтра, послезавтра, через 2–3 дня не будет вовсе хлеба, не будет чем жить, и мы начнем помирать с голода». Отметив, что «уже наблюдаются признаки истощения, на улицах люди падают от истощения», Мандельштам высказался против свободной торговли хлебом. При этом он задался вопросом, а есть ли то государство, которое сможет наладить жесткое централизованное распределение продовольствия? Ответ его был категоричен: «Такой государственной власти у нас не имеется, такая государственная власть у нас отсутствует, и это является одной из причин ухудшения продовольственного положения».

Остро встал на конференции и вопрос о безработице. Помимо основного докладчика от правящего блока большевиков и левых эсеров, с содокладом по вопросу о безработице выступил представитель от оппозиции Каплан. По его мнению, положение с безработицей во многом обострилось из-за проводимой большевиками политики в поддержку рабочего контроля. Результатом этой политики стало усугубление трудностей, вызванных войной. В ходе развернувшейся затем дискуссии прозвучали опасения, что очень скоро может остановиться вся петроградская промышленность. Когда на голосование была вынесена резолюция по вопросу о борьбе с безработицей, итоги волеизъявления

делегатов конференции оказались неожиданными. Несмотря на явное преобладание на конференции представителей партий правительственной коалиции, за вариант резолюции, предложенный большевиками, проголосовало всего 64 человека (при переголосовке чуть больше – 73 человека), тогда как альтернативная резолюция набрала 44 голоса. Помимо этого, конференция приняла ряд поправок, предложенных оппозицией.

Несмотря на заверения большевистских лидеров Петрограда, районные рабочие конференции в дальнейшем не превратились в некий «рабочий парламент»: время парламентаризма стремительно уходило – даже рабочего. Однако определенные последствия районные рабочие конференции все же имели, в том числе в плане улучшения материального положения петроградских рабочих. В целом деятельность районных рабочих конференций весной – летом 1918 г., так же как и деятельность других рабочих организаций в это время, продемонстрировала растущие среди рабочих протестные настроения. Они также показали, что протестные настроения рабочих, все шире проникая внутрь советской системы организации власти, могут серьезно повлиять на ее природу и политику.

Тем самым переход рабочего протеста от стихийных разрозненных выступлений к организованным формам борьбы через систему существующих пролетарских организаций существенно повышал его действенность. Традиционные рабочие организации создавали для рабочих не только возможность донести свою позицию, рассказать о своих бедах власть предержащим, но и позволяли рабочим самостоятельно включаться в решение своих проблем, отстаивать свои интересы. Кроме того, инициатива низов, в том числе протестная, аккумулируясь традиционными рабочими организациями, направлялась в конструктивное, созидательное русло, что уже само по себе способствовало стабилизации. Другое дело, что в той ситуации, которая в середине 1918 г. сложилась в Советской республике, организационные формы пролетарского самоуправления и представительства не могли охватить всех протестных настроений, накопившихся в рабочей среде, что способствовало кризису традиционных рабочих организаций не меньше, чем посягательства на их самостоятельность со стороны государства.

Петроградское движение уполномоченных от фабрик и заводов

В первые месяцы существования советского режима существовали различные формы организованного выражения рабочими своих политических и экономических требований. Так, существенное значение для становления рабочего движения в этот период сыграли *альтернативные органы рабочего представительства*. Их возникновение и существование именно в первой половине 1918 г. было обусловлено целым набором разноплановых обстоятельств. Предпосылки выхода на политическую сцену этих новых организаций рабочего класса складывались не только в результате бедственной ситуации в экономике, но и в силу слабости революционного государства, процесс складывания которого был ещё очень далек от завершения. Более того, по мере усиления напряженности в системе «общество – власть» возникла и настоятельная *потребность* в самостоятельных, не связанных с государством рабочих организациях. Она сводилась отнюдь не только к необходимости противостоять курсу на огосударствление, взятому большевиками, их экономической политике. Важно было предотвратить рост в рабочей среде деструктивности, разрушительных тенденций, опасных не только для большевиков, но и для страны в целом. В том числе – и для самих рабочих.

К первым, ещё неудачным попыткам строительства подобных альтернативных пролетарских организаций относится деятельность Комитета борьбы за свободу печати (КБСП), рабочих конференций Союза защиты Учредительного собрания и рабочих конференций по продовольствию. Из них первым заявил о себе КБСП. Его первые шаги относятся к началу ноября 1917 г. Предлогом для создания неформального объединения печатников явился отказ большевиков смягчить свою диктаторскую

политику в области свободы оппозиционной печати. У истоков Комитета борьбы за свободу печати стоял видный представитель оборонческого крыла меньшевизма, рабочий-печатник М. Ш. Кефали (Каммермахер).

Неформальные рабочие совещания возникают несколько позже, в период борьбы за Учредительное собрание. Гарви называет имена тех, кто играл инициативную и руководящую роль в их организации. Это такие представители крайне правого крыла меньшевизма, как Б. С. Батурский, А. Э. Дюбуа, А. Н. Смирнов, Ф. А. Юдин, К. А. Гвоздев, Борисенко, Шпаковский и другие. Практически те же фамилии старых практиков профсоюзного движения приводит другой непосредственный участник событий, Р. А. Абрамович. Начало деятельности рабочих конференций, стоявших на платформе защиты Учредительного собрания, приходится на декабрь 1917 г., хотя в меньшевистской литературе нередко можно встретить утверждения, будто бы они начались лишь в январе 1918 г. Очевидно, причиной подобного рода «неточностей» служит нежелание меньшевиков признать, что не они в качестве партии сознательного пролетариата, а правые эсеры (которых считали крестьянской партией) стали родоначальниками этой формы антибольшевистского рабочего движения (в Союзе защиты Учредительного собрания эсеры играли куда более заметную роль). Лишь немногие меньшевики, такие как А. С. Мартынов, признавали, что в организации альтернативного рабочего движения больше отличались эсеры, сумевшие провести через СЗУС «весьма энергичную агитационную кампанию на фабриках и заводах».

И действительно, СЗУС выпускал разнообразные воззвания к рабочим, а также «Бюллетень» о своей деятельности. Именно эти широкомасштабные усилия и создали почву для созыва рабочих конференций Союза защиты Учредительного собрания. В декабре 1917 г. успело пройти три такие конференции. Местом их проведения было выбрано помещение Вольного экономического общества в доме № 33 по Забалканскому проспекту. Первая конференция проводилась, по всей видимости, 18 декабря. В ее работе приняли участие более 250 делегатов от фабрик и заводов. Собравшиеся одобрили обращение, в котором призывали

рабочих «потребовать от большевистских лидеров немедленного прекращения гражданской войны и подчинения Учредительному собранию». На проходившем 20 декабря втором заседании рабочей конференции помимо рабочих присутствовали делегаты от комитетов социалистических партий, районных дум и т. д. На нем были приняты две резолюции, в которых осуждались аресты и гонения на неугодных большевикам депутатов Учредительного собрания. Третья конференция состоялась 23 декабря. На ней присутствовало всего 180 человек. В центре внимания собравшихся оказались тактические вопросы, связанные с подготовкой демонстрации в честь Учредительного собрания, а также подготовкой к III съезду Советов в январе 1918 г. Самой массовой и значимой, похоже, является конференция, проходившая 18 января 1918 г.

Примерно в то же время, что и рабочие конференции Союза защиты Учредительного собрания, имели место и другие попытки организовать оппозиционные элементы среди рабочих. Свои рабочие собрания проводились также Всероссийским продовольственным советом. Назывались они «рабочими конференциями по продовольственному вопросу». Как известно, критика продовольственной политики большевиков, также как и борьба за Учредительное собрание, становится важным элементом в деятельности оппозиции. Оба эти направления были связаны и велись параллельно. Часто сами продовольственные трудности объявлялись чуть ли не прямым следствием разгона Учредительного собрания. Наиболее представительная рабочая конференция по продовольственному вопросу проходила 20 января. Собравшиеся 120 делегатов этой конференции представляли собой довольно пеструю публику, подчас лишь формально связанную с рабочим классом.

Это были члены самого Продовольственного совета, представители районных комитетов РСДРП, заводских и фабричных кооперативов, деятели продовольственных управ и т. п. Докладчик от Продовольственного совета В. Г. Громан в своем выступлении сосредоточился на голоде, грозившем промышленным центрам страны. «В Москве паек $\frac{1}{8}$ фунта в день. Во Владимирской губернии – до 2 фунтов в месяц. Рабочие падают у станков. В Петрограде

$\frac{1}{4}$ фунта в день», – докладывал он. Конференция обвинила большевиков в развале продовольственного дела и призвала рабочих находить выход из положения самостоятельно.

Нельзя не отметить того очевидного обстоятельства, что все усилия оппозиции по организации антибольшевистского рабочего движения в ноябре 1917-го – январе 1918 г. являлись продуманными и последовательными. Однако в то время, на которое приходится деятельность КБСП и «рабочих конференций», рабочие ещё не были охвачены достаточно широким протестом. Были и другие причины тупиковости первых шагов по созданию альтернативных органов рабочего представительства. Во-первых, ни КБСП, ни «рабочие конференции», по сути, не были чисто пролетарскими организациями. Организованная оппозиция открыто декларировала их общегражданский характер. Участвуя в их деятельности, рабочие втягивались в борьбу за интересы других, подчас совершенно чуждых им социальных групп. Об этом открыто писали и сами инициаторы оппозиционного рабочего движения. Один из них, Мартынов, в своей статье в меньшевистской газете «Новый луч» признавал, что СЗУС «есть политическая организация, построенная на принципе тесного блока пролетарских элементов с представителями непролетарских слоев демократии», а это не устраивало рабочих, поскольку служащие и прочие непролетарские слои, представленные в Союзе, не желали учитывать «настроения рабочих масс». Кроме того, рабочих отталкивал навязчивый диктат радикальной правоцентристской интеллигенции. Поэтому, когда на волне растущей протестной активности начинают создаваться новые альтернативные организации, они опираются на совершенно иные принципы. Теперь упор делается на «беспартийность» и «классовость» новых объединений, а не на их «общегражданский» характер.

Не справившись с задачей подъема организованного оппозиционного движения среди рабочих в начале 1918 г., умеренные социалисты временно отложили свои планы. Но ненадолго. Уже на рубеже февраля – марта соответствующая деятельность активизируется вновь. На этом этапе основной формой альтернативного рабочего представительства становится движение уполномоченных фабрик и заводов, возникшее как развитие на

совершенно новом уровне инициативы по проведению рабочих конференций в декабре 1917-го – январе 1918 г. Движение уполномоченных явилось последней ветвью рабочего движения из рожденных революционной эпохой. В период зрелости за новым движением закрепилось название Чрезвычайных собраний уполномоченных от фабрик и заводов (ЧСУ ФС).

Своим прообразом ЧСУ ФЗ имело собрания уполномоченных 1915–1917 гг., на которых формировались рабочие группы Военно-промышленных комитетов – организаций, подконтрольных цензовой буржуазии. Именно этот опыт мог в январе 1918 г. использовать Богданов при создании новой представительной организации рабочего класса: во время Первой мировой войны он являлся заместителем председателя рабочей группы Центрального ВПК К. А. Гвоздева и хорошо был знаком с деятельностью собраний уполномоченных той поры. Во всяком случае, в 1918 г. ЧСУ ФЗ строилось не на пустом месте и опиралось на широкий опыт прежних лет. Сам Гвоздев, а также другие меньшевики, прежде всего правые, активно включились в строительство новой рабочей организации. В своей основе движение уполномоченных виделось его инициаторам как действенная альтернатива большевизированным Советам и должно было сыграть важную роль в борьбе с большевистским влиянием в рабочей среде. Несколько позже правые меньшевики совместно с правыми эсерами, трудовиками и кадетами поддержали также создание другой антибольшевистской организации, по своему духу столь же не подверженной узкопартийным доктринальным пристрастиям – Союза возрождения России. Видимо, не случайно обе организации преследовали близкие общегражданские цели, а именно создание широкого народного фронта против большевистской диктатуры, критику Брестского мира и воссоздание русской государственности через созыв избранного на демократических принципах Учредительного собрания.

Латентные, закулисные маневры оппозиции по оформлению протестного рабочего движения, как свидетельствуют некоторые наиболее откровенные мемуаристы, в частности Ю. П. Денике, не прекращались и в феврале. Однако к открытым, публичным действиям оппозиция переходит только в первых числах марта.

Точкой отсчета в истории ЧСУ ФЗ Петрограда можно считать собрание группы рабочих, состоявшееся 3 марта 1918 г. в Невском районе. В основном на нем присутствовали активисты меньшевистской и эсеровской партий, а также несколько беспартийных рабочих. Как свидетельствуют ныне известные источники, ни одного рабочего-большевика на этом собрании не было.

В мемуарной и даже научной литературе можно встретить суждение, что это собрание носило спонтанный характер и являлось плодом самостоятельного творчества рабочих. Но объективное изучение предыстории ЧСУ ФЗП заставляет серьезно усомниться в стихийности его возникновения. Кроме прямой записи в протоколе рабочей конференции Союза защиты Учредительного собрания 18 января 1918 г. о созыве в ближайшее время новых рабочих конференций, важная информация для размышлений по этому вопросу содержится в стенограмме допроса Е. С. Берга на утреннем заседании 16 июня 1922 г. процесса по делу о партии эсеров. Берг являлся опытным подпольщиком. Его ответы носили взвешенный, продуманный характер. Но даже из умышленно запутанных ответов Берга видно, что инициатива создания ЧСУ ФЗ принадлежит не просто каким-то случайным рабочим, а именно активистам оппозиционных большевикам социалистических партий.

Вводимые сегодня в научный оборот объективными историками документы подтверждают этот вывод и позволяют достаточно полно и достоверно осветить механизм создания движения уполномоченных меньшевистской партией. Заодно можно убедительно опровергнуть бытующую точку зрения, согласно которой движение уполномоченных поддерживалось исключительно правыми меньшевиками-оборонцами, в то время как взявшие под свой контроль центральные органы объединенной социал-демократической партии сторонники Мартова» меньшевики-интернационалисты, были категорически против ставки на эту новую пролетарскую организацию.

В действительности процесс протекал по гораздо более сложному сценарию. Вклад правых в создание движения уполномоченных, очевидно, следует считать ведущим, но позиция левых вовсе не была категорически негативной по отношению

к беспартийным рабочим конференциям. Восприняв уроки рабочих конференций Союза защиты Учредительного собрания, новое левое руководство меньшевиков в своей борьбе по отрыву рабочих от большевиков очень надеялось на ставшие популярными в рабочей среде беспартийность и узко понимаемую классовость. В связи с развитием линии на «беспартийность», Бюро ЦК РСДРП (о)⁷ 23 февраля 1918 г созвало совещание местных парторганизаторов, представителей районных меньшевистских организаций, комитетов обеих фракций ЦК, работников профсоюзов и др. Целью совещания было проконсультироваться с партийными практиками рабочего движения, насколько рабочая масса готова воспринять идею оппозиционных рабочих конференций под маркой беспартийности. В ходе состоявшегося обсуждения «выяснилось, что идея широкого беспартийного рабочего совещания может встретить сочувствие». Учитывая сложившуюся обстановку, было признано полезным начать подготовительные работы по созыву беспартийной рабочей конференции. ЦК РСДРП (о) спешило, форсировало события. Буквально на следующий день, 24 февраля, состоялось второе совещание, принявшее ряд «практических решений». В том числе было избрано временное Бюро «для налаживания агитационной и организационной работы в этой области». Еще днем позже, 25 февраля, проводится сбор агитаторов, также посвященный беспартийной рабочей конференции, на котором принимается решение о создании специального Бюро «для распределения и инструктирования агитаторов».

Только после этого и произошло «стихийное» собрание рабочих Невского района 3 марта 1918 г., формально положившее начало движению уполномоченных. Тем самым его приходится признать не в последнюю очередь результатом предшествующей колоссальной работы, проделанной левым, мартовским ЦК меньшевистской партии и специально созданными при его участии органами. Первоначально мероприятие, проведенное в Невском районе, так и называлось – «собрание членов РСДРП (о), социалистов-революционеров и беспартийных, видных общественных работников района»; о том, что собравшиеся были рабочими, даже не упоминалось. На собрании присутствовали

⁷ Объединенная.

около 100 человек. Было решено выполнение поставленной задачи созыва Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов «взять на себя». Для повседневной координации усилий вместо временного было сформировано постоянное Бюро в составе 25 рабочих района.

Важно подчеркнуть, что и на этом, и на последующих этапах деятельность по созыву беспартийной рабочей конференции протекала при плотном содействии со стороны столь же «беспартийного» Союза защиты Учредительного собрания, к тому времени давно запрещенного и перешедшего к подпольным методам борьбы с правительством, а также руководящих центров оппозиционных социалистических партий. Об этом красноречиво свидетельствуют данные, собранные японским историком Е. Цудзи. В архивах он обнаружил очень важные документы, показывающие источники финансирования движения уполномоченных. Большинство средств, которыми располагало ЧСУ ФЗП, было выделено руководством ЦИК 1-го созыва, СЗУС, ЦК меньшевиков. Как удалось установить японскому исследователю, взносы от рабочих в казну движения уполномоченных почти не поступали (так, путиловцы перечисли всего 81 руб., рабочие «Красной газеты» передали 91 руб. – в целом взносы рабочих составили лишь несколько сотен рублей).

Анализируя динамику различных форм протестного активизма рабочих, нельзя не обратить внимание на тот факт, что начало движения уполномоченных совпало с февральско-мартовским всплеском массовых выступлений, вызванных страхом перед немецким наступлением. Распространявшиеся в те дни слухи заставляли усомниться в прочности Советской власти и вызывали у части населения панику. Природа и происхождение слухов того времени разнообразны, но уверять с определенностью, что их источником была оппозиция, невозможно. В то же время очевидно, что оппозиция поспешила воспользоваться кризисом. В распространявшихся от ее имени листовках методично повторялась информация о продвигавшихся к городу неприятельских армадах. Словом, Брестский мир стал именно тем событием, которое побудило организованную оппозицию выступить с открытым забралом. Самая первая прокламация

ЧСУ ФЗП начиналась предельно лаконично: «Мир подписан». После этих, самих по себе нейтральных слов, уже шли описания тех ужасов, которые ждут рабочих: «Германское владычество несет разрушение промышленности, безработицу, потерю всех наших завоеваний, нищету и порабощение. Неприятельское нашествие усиливает опасность голода, погромов и анархии. Идет и шириться будет контрреволюция».

Сами оппозиционеры и не старались скрыть, что сложившаяся ситуация видится ими наиболее благоприятной для борьбы за власть. Один из участников движения уполномоченных, Г. Сви-ров, так прямо и писал в то время, что перелом в отношении рабочих к большевикам произошел сразу же после Бреста, и требовалось лишь придать ему организованную форму. Оппозиция, тем самым, поспешила воспользоваться антивоенными настроениями толпы. Но использовала она их специфически, – как инструмент борьбы против мира. Лозунги против мира и потом будут выдвигаться движением уполномоченных в качестве важнейших. Временами при знакомстве с его документами даже возникает вопрос, действительно ли инициаторы ЧСУ ФЗ были движимы заботой о судьбах рабочих в оккупированном Петрограде, или они стремились не позволить большевикам изменить «союзническому долгу». Вместе с тем движение уполномоченных ставило, конечно, и другие проблемы, а к марту 1918 г. их успело накопиться уже предостаточно: продовольственный и топливный кризис, противоречия конверсии, последствия превращения пролетарских организаций в звенья государственного аппарата и многое другое. Весь комплекс этих непростых вопросов был затронут уже на первом чрезвычайном собрании уполномоченных от фабрик и заводов Петрограда, состоявшемся 13 марта 1918 г. Проходило оно по решению Организационного бюро, созданного совещанием партийных активистов и беспартийных рабочих на собрании 3 марта за Невской заставой. По призыву ОБ в районах Петрограда были созданы районные организационные бюро. Так, 4 марта такое бюро возникло в Нарвском районе. Позже подобные бюро возникли на Васильевском острове и в некоторых других районах города. На них легла задача работы непосредственно с рабочими.

Уже через несколько дней удалось избрать уполномоченных на многих крупных предприятиях города. На Первом заседании ЧСУ ФЗ собрались представители от Путиловского завода, Семянниковского, Обуховского, Трубочного, Балтийского, Александровского механического, Пороховых, Вестингауза, Паровозных мастерских Николаевской железной дороги, Вагонных мастерских (за Московской заставой), Вагонно-строительных мастерских Николаевской железной дороги, Паровозных мастерских (за Нарвской заставой), Вагонных мастерских Северо-Западной железной дороги, фабрики Паля, Максвела, Пылинина, Блигкена и Робинсона, Электрической станции, типографий: Голике, «Копейка», «Слово», Первой Государственной, Шестой Государственной. По данным анкетирования, проведенного среди уполномоченных, среди участников первого заседания ЧСУ ФЗП было 35 меньшевиков, 33 эсера, 1 народный социалист и 42 беспартийных.

Целью 1-го собрания уполномоченных, по словам официального докладчика Е. С. Берга, было создание рабочего органа «для оформления общественного мнения и для объединения воли петроградского пролетариата». Уже во вступительном слове он обозначил политическое кредо ЧСУ ФЗП. Оно сводилось к противостоянию с Советами. Они объявлялись «судейскими палатами» и «полицейскими участками». Следовательно, настаивал докладчик, Советы потеряли право «говорить от имени рабочих». Перед рабочими вырисовывалась задача восстановить собственные классовые организации. С постановочной речью перед рабочими выступил также Богданов. Он более откровенно заявил, что целью собраний должно стать оформление того перелома, «который произошел в их политическом настроении» в сторону отрыва от большевиков.

После краткого обсуждения была сформирована следующая повестка дня собрания: 1) отчеты с заводов, 2) отношение к IV Всероссийскому съезду Советов, 3) продовольственный вопрос, 4) эвакуация, 5) выборы постоянного Бюро, 6) формы будущей самоорганизации рабочего класса. Собравшиеся также обсудили организационные вопросы. Было решено, что решающий голос на собраниях получают только уполномоченные от фабрик и

заводов, а также члены Советов разных уровней. Совещательный голос предоставлялся районным организационным бюро по созыву чрезвычайных собраний, а также Центральному бюро, Петроградскому союзу потребительских обществ, районным кооперативным объединениям и профсоюзам. В то же время собранием было отвергнуто предложение Рагозина дать совещательный голос представителям политических партий.

Когда организационные вопросы наконец были решены, собрание перешло к заслушиванию отчетов делегатов от предприятий. Этот пункт повестки дня собрания был традиционным, чисто формальным. Тем не менее именно эти доклады с мест, с которыми выступали сами рабочие, а не инициаторы ЧСУ ФЗ, позволяют наиболее наглядно представить те настроения, которые охватили часть рабочих столицы в начале весны 1918 г. В этих выступлениях, часто противоречивых, малограмотных, – не только страх за свое будущее, но и обеспокоенность будущим своего завода, всей страны. Информация, содержащаяся в них, часто уникальна и не может быть прослежена по другим источникам.

Из выступлений рабочих, в частности, следует вывод, что их гораздо больше интересовали вопросы мира, нежели войны. Можно даже сказать определеннее, – их волновали проблемы перехода от войны к миру. Прежде всего тревогу рабочих вызывали планы разгрузки Петрограда, а также демобилизации промышленности. Так или иначе, эти темы затрагивались подавляющим большинством выступавших.

Так, уполномоченный завода Вестингауза Болотов рассказал о злоключениях делегации, направленной рабочими его предприятия в ВСНХ. Делегация пыталась выяснить самые элементарные вопросы, связанные с планами эвакуации завода. «Но ни на один вопрос, – рассказывал Болотов, – в Совете [Народного Хозяйства] не ответили: куда ехать? Куда хотите. Как ехать? Как хотите. Что везти? Что хотите». «А как же эвакуировать без плана, без средств перевозки?» – возмущался рабочий.

Веселов из Государственной типографии сообщил о тревоге, которая охватила рабочих его типографии в связи с планами эвакуации правительства. На все вопросы печатникам отвечали коротко: «Пока Советы у власти, вы будете получать свое, об

остальном не беспокойтесь». Но такие ответы только подливали масла в огонь. Совершенно непонятны рабочим были и планы создания в Петрограде Трудовой Коммуны, в связи с чем некоторые остряки шутили, что коммуна – «это комму – на, кому – нет». Поднимался вопрос об эвакуации и представителями других предприятий города. Особенно рабочих возмущала та безответственность, с которой официальные власти подходили к этой проблеме, их стремление переложить все тяготы эвакуации на плечи самих рабочих. Делегаты с мест сообщали, насколько работа по эвакуации была сумбурно организована, приказ о выезде то принимался, то вновь отменялся.

Весомо прозвучало выступление Розенштейна с Путиловского завода. Он сообщил, что на их предприятии эвакуация обсуждалась уже давно. По заводу ходят самые разные слухи. Говорят о каком-то плане, по которому готовятся вывезти лишь 5% заводского имущества. Коснулся Розенштейн и общей ситуации на заводе. Она определялась тем фактом, что уже продолжительное время, с декабря 1917 г., никаких работ на заводе фактически не велось. В результате Путиловский завод захлестнули расчеты. Из 36 тыс. рабочих к марту 1918 г. на нем оставалось 13 тыс. Такое положение заставило рабочих требовать, чтобы при увольнении им платили за полтора месяца вперед. Но в ответ Шляпников не только не принял делегацию путиловцев, в которую Розенштейн входил и сам, но даже отказался выдать хотя бы расписку в том, что рабочие у него были, но их не приняли. Докладчик, кроме того, подверг критике методы проводимой в городе национализации: «Завод будто бы отошел к рабочим, “национализирован”, но это не верно – заявил он. – Рабочие тут ни при чем. Правительственное Правление назначено сверху Шляпниковым. Авторитета в глазах масс оно не имеет. В него входят далеко не лучшие рабочие нашего завода и один даже назначен такой, которому целые округа выносят порицания и осуждения, но, видимо, это не действует – он со вчерашнего дня большевик».

В своих выступлениях на конференции рабочие также говорили о других волновавших их экономических трудностях: падении производства, безработице, невыплатах зарплаты, нехватке хлеба, плохом медицинском обслуживании. Эти темы так или

иначе затрагивали в своих выступлениях Литовин (завод Нобеля), Щеглов (Общество электрического освещения 1886 года), Баранов (Паровозные мастерские Николаевской железной дороги), Дунаев (фабрика Паль) и другие выступавшие. О теневых сторонах революционной действительности, к примеру, сообщал уполномоченный Охтинских пороховых заводов Блохин. «С начала революции, – отметил он, – производительность труда у нас сильно увеличилась, а когда, так сказать, взяли в свои руки предприятие, интенсивность сильно понизилась. Пришлось почти закрыть заводы. Хотя жалование платят, а работы никакой нет».

После того как отчеты с мест по предложению Каммермахера были прерваны из-за недостатка времени, собрание перешло к обсуждению вопроса о предстоящем IV съезде Советов. С развернутым докладом по нему выступил А. Н. Смирнов. Он сразу же придавал всем прозвучавшим выступлениям острый политический подтекст и призвал искать собравшихся свой, третий путь в революции. Он заявил: «В районах, где было сильно влияние большевизма, рабочие бросаются с левого на правый фланг. Надо выяснить и указать рабочим путь не правый и не левый, а соответствующий их интересам». По его мнению, для этого, прежде всего, следовало выбрать на собрании уполномоченных делегацию на созываемый IV съезд Советов, которая бы поехала в Москву и озвучила подлинный голос пролетариата. Далее докладчик зачитал декларацию, адресованную съезду Советов, и предложил принять ее. Зачитанная Смирновым декларация была загодя подготовлена Оргбюро по созыву собрания уполномоченных, и накануне 12 марта проведена на общем собрании рабочих Вагонных и паровозных мастерских Николаевской железной дороги. Теперь организаторы конференции рассчитывали заручиться поддержкой представителей и других петроградских предприятий.

Предложения Смирнова о формировании делегации на IV съезд Советов поддержали Кононов, Каммермахер, Соловьев, Орлов и Ерманский. Однако, совершенно неожиданно для себя, организаторы собрания столкнулись с серьезными возражениями со стороны рядовых уполномоченных от заводов. Так, Никифоров с Трубочного завода заявил, что его выбирали на собрание

уполномоченных обсуждать вопросы о безработице, эвакуации и другие жизненно важные для рабочих проблемы, поэтому голосовать за политическую декларацию он не имеет права, так как не уполномочен на это рабочими своего завода. Против посылки делегации высказался Рагозин. «Не этим надо заниматься, – подчеркнул он, – надо работать на местах, надо добиваться большинства в Советах».

Наиболее резко против посылки делегатов на IV съезд Советов выступил уполномоченный от Путиловского завода Н. Н. Глебов. «Что делегаты скажут там, на “съезде”? – рассуждал он. – Что он нехорошо составлен – большевистски, и потому не имеет права решать вопросы за страну. Ну а если бы “съезд” был меньшевистский. Что тогда? Имел бы он право?» В своем выступлении Глебов высказался против той навязчивой идеологии «Учредилочки», которая была заложена в основу обсуждавшейся декларации. Он, в частности, заявил:

«В вашей декларации, которую вы даете делегатам, указано ещё “Учредительное собрание” – поверьте мне: для данного переживаемого и ещё не изжитого, максималистского периода, это плохой лозунг. Вообще Учредительное собрание можно сравнить для спокойного времени с хорошим белым хлебом, для данного времени это паштетный пирог с уткой, а вы ставите это единственной задачей того дня, в который народ русский ест мякину, конину и даже овес. Для этого нужно быть большим, почти больным мечтателем, и, по-моему... неисправимо вредным».

Страстная аргументация Глебова собранием не была услышана. В то время «революционная действительность» была такова, что организаторы того или иного мероприятия, как правило, могли рассчитывать на успех. Недовольные и случайные люди на них обычно оказывались в меньшинстве. Не стало исключением и первое заседание ЧСУ ФЗП. Голосование по вопросу о необходимости отправки делегации на IV съезд Советов дало следующий результат: за – 61 голос, против – 8, воздержалось – 19. Принимается решение, что избранная делегация должна действовать как коллегия. В ее состав вошли: Измайлов (Балтийский завод), Орлов (Парвиаинен), Зиницкий (завод Речкина), Каммермахер (Всероссийский союз печатников), Розенштейн (Путиловский

завод), Абрамов (Семянниковский завод), Соловьев (Вагонные мастерские Николаевской железной дороги), Кононов (член Совета), А. Н. Смирнов (Патронный завод), Борисенко (Трубочный завод). Сопко (Обуховский завод). Глебов, выдвинутый Путиловским заводом, свою кандидатуру с голосования снял.

Еще более согласованным, чем голосование по составу делегации, оказалось голосование по декларации, оглашенной Смирновым. В протоколе значится, что принята она единогласно. Из этого следует, что Глебов, Никифоров и, возможно, некоторые другие участники собрания уполномоченных в голосовании не участвовали.

Следующее собрание уполномоченных состоялось 15 марта. Среди его участников были уполномоченные от Путиловского завода, Обуховского завода, фабрики Паль, Семянниковского завода, Трубочного завода, Паровозостроительных мастерских Николаевской железной дороги, Пороховых заводов, Балтийского завода, Русско-Балтийского авиационного завода, Русско-Балтийского воздухоплавательного завода, Типографии Народного Банка, Типографии бывшего Градоначальства, 1-й Государственной типографии, 6-й Государственной типографии, 9-й и 10-й Государственных типографий, Типографии Маркуса, Общества электрического освещения 86 года, Экспедиции заготовления государственных бумаг, Управления Николаевской железной дороги, Мастерских Северо-Западной железной дороги, Общества «Гелиос» и др. предприятий города.

Как и первое, второе собрание началось отчетами с мест: постепенно эта практика станет традиционной для ЧСУ ФЗП. В выступлениях представителей от предприятий города звучала все та же неудовлетворенность своим положением, апатия, неуверенность в завтрашнем дне. Так, Кононов от имени рабочих Арсенала подтвердил, что и у них на предприятии «распоряжения об эвакуации разрушили всю работу». «Пустить вновь завод нет почти никакой надежды», – сокрушался он. Расчеты на Арсенале приняли к марту массовый характер. Рабочих увольняли сотнями. Когда делегация от завода обратилась к властям с просьбой выделить деньги для выплаты рабочим, ей ответили, что денег не будет, потому что арсенальцы когда-то получили

лишние. О неудовлетворительном положении с работами по разгрузке сообщал представитель Трубочного завода Зотов. Власти могли выделять заводу только 15 вагонов в сутки, что было явно недостаточно. Васильев, представлявший Русско-Балтийский воздухоплавательный завод, жаловался: «Вывозят ценные вещи, а мы остаемся. Разве мы менее ценны для промышленности, чем машины?»

О недовольстве политикой большевиков говорил уполномоченный от Обуховского завода Корохов. По его словам, прежде на заводе существовали различные комиссии, в том числе демобилизационные. Но большевики своим хозяйничаньем все разрушили. К эвакуации вроде бы приступили, что-то даже вывезли, но потом заявили, что по дороге выбросили. «Теперь будет управлять тот, кто даст хлеб», – заявил он. Общее настроение выразил в своем сообщении уполномоченный от Ижорских заводов Зимин. По его убеждению, «эвакуация – это детские разговоры», поскольку реально «можно вывезти только в крайнем случае ценные машины и часть металла». «Рабочие волнуются, – продолжал он свое выступление, – почему комиссары уехали, а мы не можем». По его словам, некоторые рабочие поговаривали даже о «взрыве поездов», их еле удалось сдерживать.

Подводя итоги обсуждения положения на местах, Б. О. Богданов выделил основные вопросы, над которыми теперь, по его мнению, следовало детально поработать ЧСУ ФЗ. Это вопросы об эвакуации, безработице, продовольствии, организационный вопрос. Особо докладчик остановился на последнем из них. Пафос его выступления свелся к тому, что политика большевиков разрушает социалистические иллюзии пролетариата. Надвигается буржуазная контрреволюция. А встретить ее во всеоружии рабочие не смогут, поскольку их организации находятся в кризисе, подчинены государству, не имеют самостоятельности. Из этого вытекала первейшая необходимость борьбы за независимость пролетарских организаций.

Мысли, содержащиеся в докладе Богданова, собственно говоря, разделялись большинством участников конференции. Однако само понятие «независимости» организаций рабочего класса понималось разными ее участниками неодинаково, далеко не

все рабочие делегаты готовы были верить словам умеренных социалистов, даже тогда, когда те озвучивали мысли, созвучные их собственным. Результатом этого стала полемика, неожиданно разгоревшаяся после выступления Богданова. Возмутителем спокойствия вновь оказался Глебов. «Фраза Богданова о независимости рабочих организаций приятно меня поразила, – начал свое выступление он. – Но это пока шифр. Мы ещё не знаем, как надо понимать “независимость” и как ее понимает т. Богданов. Независимость, по-моему, это свобода от кружковщины, от преобладающего интеллигентского влияния. Это классовая независимость, в смысле проявления рабочими их максимальной самостоятельности».

Позиция Глебова вновь встретила понимание части уполномоченных от рабочих. Так, Шишков, делегированный 10-й Государственной типографией, также выразил сомнение по поводу искренности намерений некоторых лидеров движения. «Всюду идет борьба за власть, – пояснил он свое понимание ситуации. – Когда у власти одна партия, другой приходится туго. Правительство Керенского расстреливало большевиков, теперь большевики расстреливают, и другие хотят их сбросить. Надо обуздать их». Стенограмма не совсем ясно передает мысль Шишкова. Но, по всей вероятности, он имел в виду, что нужно обуздать и большевиков, как злоупотребляющих властью, и некоторых чересчур ретивых оппозиционеров, готовых бороться с большевиками за власть, но не за интересы рабочих. Именно так трактовать слова Шишкова позволяет завершающая часть его выступления. Он, в частности, заявил: «Эвакуация должна производиться. Мы, печатники, остаемся здесь. Нам придется строить организацию, и мне думается, нам придется создать беспартийную рабочую организацию, а лозунги некоторых по-старому партийно-фракционные, и это плохо».

Выступления Глебова и Шишкова вызвали шквал негодования в рядах правосоциалистической части участников конференции. Богданов и другие главные действующие лица, впрочем, предпочли промолчать, выставив вперед рядовых участников движения и его формальных лидеров. Так, представитель союза аптекарских служащих Паперно заявил, что, по его мнению,

никаких оснований для заявлений Глебова и Шишкова не имелось, поскольку, как он утверждал, «к власти стремятся только большевики». Категоричен в своих суждениях был Кефали. Он подчеркнул, что обозначенные Глебовым проблемы уместнее было бы решать в «нормальной стране и в нормальное время». Что же касается существа поставленных Глебовым вопросов, Кефали пояснил, что для него самого «независимость – это освобождение от полицейских, административных функций», которые взвалили на себя рабочие организации, взявшиеся решать вопросы экономического управления и возрождения государства совместно с большевистским правительством. Расширенное токование «независимости» рабочих организаций, как свободу от партийного диктата и доктринерства, с которым выступал Глебов, его явно не устраивало. С развернутой отповедью отступникам поспешил выступить Смирнов. По его словам, на него «две последние речи произвели невеселое впечатление». Он усомнился в конструктивности позиции, занятой Глебовым и Шишковым. Стоит ли во всех бедах винить интеллигенцию? По его мнению, поступать так, «значит идти по линии наименьшего сопротивления». «Интеллигенция действовала плохо, а мы где были?» – задавался он риторическим вопросом. Примирительную позицию постарался занять Ерманский. С одной стороны, он резонно возразил Глебову что «когда говорят о беспартийности, то это тоже своего рода партийность». С другой стороны, он признал, что «определенная узкопартийная политика создала дурной осадок, и, вероятно, только этим объясняется противофракционное выступление товарищей Глебова и Шишкова».

Но, похоже, проработка, устроенная социалистическим большинством беспартийной рабочей конференции Глебову и Шишкову, на последних не произвела должного впечатления. Во всяком случае, когда Богданов предложил создать районные объединения уполномоченных, Шишков вновь выступил против, поскольку объединения уполномоченных по районам, по его убеждению, превратятся в «конкурирующую с районными Советами организацию, борющуюся за власть». Тем не менее предложение Богданова большинством было поддержано.

Собрание также поддержало ещё одно предложение Богданова и проголосовало за издание специального информационного листка ЧСУ ФЗ. Забегая вперед, следует заметить, что в исполнение этого решения был выпущен специальный информационный листок, содержащий стенограмму первого собрания уполномоченных, а также принятые рабочими представителями решения. Он сыграл важную роль в мобилизации и организации протестных групп рабочего класса. Бюллетень ЧСУ ФЗП широко разошелся по России. Известно, к примеру, что в качестве агитационного материала он применялся в Рыбинске. Стоял вопрос о его распространении и даже переиздании в Москве. Было издано ещё несколько номеров бюллетеня, но постепенно его информативность падала, вместо полных отчетов о заседаниях ЧСУ ФЗП стали публиковаться выдержки из них, иногда на страницах бюллетеня появлялись резолюции по некоторым особо важным вопросам. Со временем планировалось также начать выпускать свою газету «Гудок». В дальнейшем, однако, ЧСУ ФЗП выпуск своей газеты наладить не удалось, и со временем пришлось прибегать к помощи союзников по левому лагерю, в частности горьковской «Новой жизни». Хотя характер публикуемых в ней материалов время от времени вызывал недовольство участников движения уполномоченных, но дальше резких протестов дело не пошло.

Наконец делегаты второго заседания ЧСУ ФЗ 15 марта 1918 г. провели выборы Бюро, которое должно было стать постоянно действующим руководящим органом нового движения. Никаких особых неожиданностей баллотировка в Бюро не дала. Руководящие функционеры социалистической оппозиции свои кандидатуры выдвигать в Бюро не стали, предпочитая разного рода неформальные каналы взаимодействия с новой рабочей организацией. В этой ситуации Бюро было сформировано из наиболее ярких представителей оппозиционно настроенных рабочих, в основном членов социалистических партий. В Бюро вошли: Берг (47 проголосовавших в его поддержку), Каммермахер (44), Глебов (42), Смирнов (40), Корохов (38), Рагозин (32), Зимин (31), Яковлев (30), Кононов (29), Зверев (26). Кроме того, было выбрано 8 кан-

дидатов. Ими стали: Блоха (23), Шпаковский (22), Шибалов (20), Ильин (16), Орлов (12), Никитин (11), Гамзюков (8), Борисенко (8).

На следующий день, 16 марта 1918 г, Бюро ЧСУ ФЗП собралось на свое заседание. На нем присутствовали Смирнов, Каммермахер, Рогозин, Берг, Глебов, Кононов, Блоха, Корохов, Зверев и Яковлев. На заседании было решено несколько принципиальных вопросов, касающихся внутренних вопросов движения. Так, был сформирован Президиум Бюро уполномоченных в составе Берга, Смирнова, Каммермахера. Перед ЧСУ ФЗП остро стояла проблема финансов. Бюро решило предложить на обсуждение общего собрания следующие источники пополнения казны: 1) собирать отчисления на заводах; 2) добровольные пожертвования; 3) использовать средства, выделяемые государством на работу ликвидационных комиссий на заводах.

Были также созданы ряд комиссий. В частности, Каммермахеру поручалась организация комиссии по безработице. Создавалась также специальная комиссия по эвакуации, в которую кроме членов ЧСУ ФЗ Ильина (Путиловский завод), Зотова (Трубочный), Блохи (Пороховые заводы), Зубкова (Управление Николаевской железной дороги) и Корохова (Обуховский завод) предполагалось пригласить инженеров Левина, Халешкого и Холмогорова, а также представителей союза металлистов и союза инженеров. Бюро также подробно вернулось к вопросу об издании бюллетеня, который было решено так и назвать – «Чрезвычайное Собрание Уполномоченных фабрик и заводов». Работу над бюллетенем должны были возглавить Глебов, Смирнов и Богданов, который формально в руководящий орган ЧСУ ФЗ не входил. Здесь уместно отметить, что в комиссиях, в особенности по профдвижению, ведущая роль принадлежала бывшим деятелям Союза защиты Учредительного собрания, которые были тесным образом связаны с прочими центрами антибольшевистского сопротивления и могли координировать с ними свою деятельность.

В своей дальнейшей работе Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, его рабочие органы придерживались тех направлений деятельности, которые были сформированы в первые дни существования организации. Спадала напряженность одних вопросов, жизнью выдвигались другие,

требующие немедленного решения. Так, по мере исхода рабочих из города (большей частью самотеком) потеряла первоначальную остроту проблема эвакуации. Зато к маю – июню 1918 г. резко обострилась продовольственная проблема. Пожалуй, ни до этого, ни позже угроза голода не становилась для Петрограда столь реальной, как в этот период. Вполне понятно, что ЧСУ ФЗП не могло не откликнуться на сложившуюся ситуацию. В специальной резолюции, принятой на заседании ЧСУ ФЗП 19 мая 1918 г. по выступлению С. О. Загорского и А. Н. Смирнова, проблема голода была приравнена к «народному бедствию». В ней говорилось о настроении «безумия и отчаянья, охватившего широкие круги голодного народа» и о стихийном, анархическом движении населения, способном «в крови и погромах потопить все завоевания февральской революции». В резолюции звучало требование «ликвидации... всех установленных советской властью продовольственных учреждений» и передачи продовольственного дела оппозиции (через восстановление общегражданских органов самоуправления, привлечение частного торгового аппарата и оживление кооперации).

Когда же большевикам неимоверными усилиями все-таки удалось предотвратить вымирание рабочих Петрограда от острой нехватки продовольствия, ЧСУ ФЗП переключилось на критику мер, действительно жестоких и диктаторских, которыми власть выколачивала хлеб из деревни. Так, в конце мая 1918 г. ЧСУ ФЗП была принята специальная жесткая резолюция с требованием отменить ограничения на ввоз продовольствия в город и уравнивать пайки рабочих с пайками красногвардейцев. Эти и другие шаги большевиков, в частности, создание продотрядов и гонения на служащих продовольственных управ, расценивались как развязывание гражданской войны.

Первостепенное значение продолжало уделять движение уполномоченных проблемам самоорганизации рабочего класса. По этой линии ЧСУ ФЗП неоднократно возвращалось к вопросам независимости профсоюзов и других рабочих организаций. Так, важная резолюция о свободе профсоюзов принимается движением уполномоченных в конце мая. «Советская власть, как всякая власть меньшинства, опирается на штыки и в каждой

независимой демократической организации видит своего врага», – утверждалось в ней. Далее в резолюции отмечалось, что уполномоченные фабрик и заводов, как представители рабочего класса Петрограда, считают «свободу союзов неотъемлемым правом народа и одним из драгоценных завоеваний революции». В заключение в документе подчеркивалось, что рабочие должны это свое право «отстаивать всеми доступными нам средствами, вплоть до организации всеобщей политической забастовки».

Представители движения уполномоченных принимали участие в различных выборных компаниях, в частности в летних выборах в Петросовет. Лозунгом ЧСУ ФЗП на этих выборах становится призыв к рабочим не дать ни одного голоса ни большевикам, ни левым эсерам. В поле зрения рабочих уполномоченных находились и другие вопросы текущей политики. Традиционно большое значение отводилось ЧСУ ФЗП, к примеру, независимости прессы. Так сложилось, что именно движение уполномоченных выступило инициатором увековечения памяти Г. В. Плеханова, скончавшегося 30 мая, находясь на лечении в санатории близ города Териоки в Финляндии. В частности, Бюро ЧСУ ФПЗ выступило инициатором создания объединенного комитета по устройству похорон Плеханова. По решению комитета, похороны должны были пройти на средства самих рабочих. Было также принято решение провести траурные собрания питерских рабочих, посвященные памяти Г. В. Плеханова. Выступая 5 июня 1918 г. на XV заседании ЧСУ ФЗП, Смирнов подчеркнул высокую роль Плеханова в рабочем движении и многозначительно добавил: «В лице Плеханова мы потеряли крупную силу... эту потерю мы все глубоко почувствуем очень скоро».

Экономические трудности, а также некоторые политические мероприятия советской власти апреля – мая 1918 г. усиливали среди некоторых слоев питерского пролетариата недовольство и протестные настроения. Движение уполномоченных сделало немало для их углубления и придания им организованности. В частности, ЧСУ ФЗП живо откликнулось на колпинские события. На одном из заседаний ЧСУ ФЗП были проведены специальные слушания, на которых заслушивались показания свидетелей и участников столкновений с вооруженными красноармейцами,

излагалась суммированная оппозиционная оценка событий в этом рабочем пригороде Северной столицы. Глубокий символический смысл придавался лидерами движения участию в похоронах погибшего в Колпино рабочего, превратившихся в мощную политическую акцию.

Когда в июне 1918 г. накал протестных настроений в рабочих окраинах возрос ещё больше, движение уполномоченных также стремилось не упустить руководство массовыми протестами рабочих из своих рук. В это время его роль может быть оценена двояко. Вряд ли будет большим преувеличением сказать, что уравновешенная позиция большинства руководителей ЧСУ ФЗП стала преградой на пути развития рабочих протестов по деструктивному руслу. В частности, как выявилось на следствии над эсерами в 1922 г., движение уполномоченных не поддержало инициативы матросов минной дивизии, выступавших в середине июня 1918 г. с призывами к немедленному вооруженному восстанию рабочих против партии большевиков. В то же время ЧСУ ФЗ Петрограда становится инициатором проведения в городе всеобщей стачки 2 июля, решение о чем принимается, по всей видимости, на XIX пленарном заседании собрания уполномоченных. Этой акции рабочие уполномоченные придавали повышенное внимание.

Общегородская стачка в Петрограде 2 июля 1918 г. и поддержка оппозиционных кандидатов на выборах в Петросовет становятся высшей точкой развития движения рабочих уполномоченных в Петрограде. После этого давление на ЧСУ ФЗП со стороны местной большевистской власти в Петрограде усиливается. Зиновьева явно не устраивало, что депутатами Совета от крупнейших предприятий в его «пролетарской вотчине» вдруг стали оппозиционеры. Серьезные опасения вызывали и планы ЧСУ ФЗ провести общепролетарскую акцию протеста 2 июля. Чтобы не усложнять себе жизнь, власти города в конце концов делают выбор в пользу радикального решения проблемы и 27 июня 1918 г. Петросовет решает распустить ЧСУ ФЗП как контрреволюционную организацию. В ответ депутаты, прошедшие в Петросовет при поддержке ЧСУ ФЗ, «нашли нужным покинуть 1-е заседание Совета».

Однако дальше этого и ещё нескольких чисто символических демаршей главные силы оппозиции, по большому счету, не пошли. Видимо, в глазах лидеров антибольшевистского фронта уполномоченные (как действовавшие в рамках советской легальности) сыграли свою роль, и ставка теперь делалась на штыки чехословаков, очистивших от «ненавистных большевиков» весь восток страны и теперь неуклонно приближавшихся к сердцу новой большевистской России – Москве. Попытки официально руководства движения уполномоченных хоть как-то использовать намечавшуюся на 2 июля забастовку в целях организации сопротивления роспуску Петроградской беспартийной рабочей конференции значимых результатов не дали: рабочих больше волновали их собственные проблемы.

После провала планов общегородской стачки руководители ЧСУ ФЗП вообще впадают в уныние. Производит, к примеру, совершенно странное впечатление текст резолюции, принятой на заседании Бюро 19 июля. Выполняя, по сути, роль ликвидационной комиссии, лидеры ЧСУ ФЗП даже не пытались поставить вопрос о дальнейшем неповиновении диктатуре. Резолюция бесстрастным, канцелярским языком перечисляет намечаемые ими мероприятия: отказаться от квартиры, выплатить, если позволит касса, жалование служащим на несколько дней вперед, – и никаких больше призывов к забастовкам или другим актам неповиновения. Такой тривиальный финал организации, всего несколько месяцев назад имевшей столь радужные перспективы, невольно заставляет задуматься, а действительно ли движение уполномоченных имело достаточно глубокие корни, как о том заявляли его лидеры?

По этому вопросу между историками согласия нет. В советской историографии движение уполномоченных расценивалось как незначительная группка чуждых пролетариату самозванцев, белогвардейцев, в лучшем случае – предателей и отщепенцев. Историографическая традиция русского зарубежья и западная историография дают иное видение этого вопроса. Так, М. С. Берштаму динамика вовлеченности рабочих в движение уполномоченных видится следующим образом: к концу марта в нем принимали участия не менее 52 петроградских предприятий с

общим числом занятых на них рабочих не менее 55 тыс. К началу мая, т. е. к моменту колпинских событий, в движении участвовало уже 60 тыс. человек, но всего лишь с 21 предприятия. На этих данных, почерпнутых им из правосоциалистической печати, Бернштам основывает свой вывод о том, что с марта по начало мая 1918 г. плотность охвата рабочих различных петроградских предприятий движением уполномоченных резко возрастает. Наконец, к середине мая, по убеждению Бернштама, ЧСУ ФЗП охватывало не менее 52 предприятий, в нем было представлено уже около ста тысяч рабочих. Исходя из оценки численности рабочих Петрограда на этот момент в 180 тыс. человек, историк пишет о том, что движение уполномоченных имело поддержку 55% рабочих Северной столицы. К ещё более масштабным оценкам влияния ЧСУ ФЗ приходят современные российские авторы А. П. Ненароков и Д. Б. Павлов. По их утверждению, весной 1918 г. собрание представляло две трети (или 66,5%) рабочих Петрограда.

Первое, что обращает на себя внимания в подсчетах Бернштама, это не критическая ориентация на пропагандистские материалы ЧСУ ФЗП и правых социалистов. Кроме того, авторы, склонные называть наивысшие данные о размахе движения уполномоченных, оперируют количеством всех рабочих тех предприятий, которые имели свое представительство в ЧСУ ФЗП. Вместе с тем необходимо недвусмысленно признать, что исследователям приходится иметь дело с тремя различными величинами: 1) количеством всех рабочих предприятия, уполномоченные от которого присутствовали хотя бы один раз на беспартийных собраниях; 2) количеством рабочих, в какой-то момент поддержавших акции ЧСУ ФЗП; 3) количеством рабочих, задействованных в деятельности Собрания уполномоченных. Совершенно очевидно, что первая величина имеет к вопросу о распространении движения уполномоченных среди рабочих Петрограда очень опосредованное отношение (хотя ее, вне сомнения, так же следует иметь в виду).

В последние годы ситуация с источниками стала меняться к лучшему, теперь в распоряжении исследователей попали даже такие материалы ЧСУ ФЗП, на которых условно можно было бы

поставить гриф «для служебного пользования». Благодаря этим новым документам вопрос о влиянии движения уполномоченных на петроградских рабочих может быть решен с гораздо большей обоснованностью, чем прежде. Одним из таких документов является обобщающая справка о количестве рабочих, участвовавших в избрании уполномоченных у себя на заводе. Она, в частности, показывает, что те данные, которые ЧСУ ФЗП использовало в своих пропагандистских материалах, носили сутобо приблизительный и оценочный характер, не имели под собой реальной основы. Еще больше, чем к документам внутреннего пользования, этот вывод может относиться к пропагандистским материалам движения уполномоченных. Следует также добавить, что для более точной оценки степени влияния ЧСУ ФЗП представляется необходимым сопоставить содержащуюся в них информацию с какими-то внешними, независимыми оценками. Для этого вполне подходят приводимые выше данные из таблицы, составленной Ю. И. Кирьяновым по материалам забастовок и других трудовых конфликтов в Петрограде, где суммарное количество участников трудовых конфликтов за первый год существования Советской власти определено в 44,9 тыс. человек. Отождествлять количество участников стачек и коллективных протестов с количеством сторонников ЧСУ ФЗП было бы, наверно, слишком категорично, но в условиях весны – лета 1918 г. принципиального различия между этими двумя показателями быть не могло. Тем самым социальная база движения уполномоченных охватывала примерно 40–50 тыс. рабочих. Причем все они не могли одновременно поддерживать оппозицию, то присоединяясь к ее требованиям, то вовсе отходя от политики. Тем самым представляется, что (с учетом этой постоянной ротации) одновременно за ЧСУ ФЗ Петрограда могло стоять не более 20–30 тыс. рабочих.

Опираясь на архивные данные, сегодня можно приступить и к решению вопроса о количестве самих участников движения. Как уже отмечалось выше, в преамбуле анализируемой нами справки общее количество уполномоченных, избранных непосредственно от рабочих, определено в 218 человек. К сожалению, эта цифра вновь повисает в воздухе, хотя на этот раз разброс значений определяется уже не тысячами, а единицами. В графе «Уполномоченные»

количество представителей от предприятий и безработных города составляет 190 человек. Кроме них в документе упомянуты ещё уполномоченные от различных организаций. Сведения о них иногда встречаются и в других источниках. В самой справке сообщается о 22 подобных функционерах, представлявших Василеостровский союз печатников, Василеостровский союз служащих кредитных учреждений, Выборгский районный совет рабочих и крестьянских депутатов, Петроградский районный совет рабочих и крестьянских депутатов, а также Петросовет. Суммируя количество уполномоченных от предприятий (190) и от рабочих организаций (22), можно ориентировочно оценить их общее количество в 212 человек. Однако похоже, что реально ни 218, ни 212, ни даже 190 человек ни в акциях ЧСУ ФЗП, ни в его заседаниях постоянно не участвовали. Неслучайно один из видных деятелей организованной оппозиции И. И. Шпаковский оценивал численность участников движения существенно скромнее. На Московском рабочем съезде он заявил, что в апреле вокруг собрания уполномоченных успело «сгруппироваться» до 130 уполномоченных от фабрик и заводов. Но и это было число формальных участников, а не активистов. Как пояснял сам Шпаковский, «конечно не все 130 [делегатов] посещало Собрание Уполномоченных». На основании стенограмм и других документов размер активного ядра движения уполномоченных в Петрограде может быть оценен примерно в 50 человек, что, безусловно, не так уж много для такого города, как недавняя столица одной из крупнейших империй.

Вместе с тем было бы совершенной ошибочно забывать, что сила организации не всегда определяется ее размерами либо числом ее сторонников. С этих позиций следует подходить и к Чрезвычайному собранию рабочих уполномоченных Петрограда. Хотя ЧСУ ФЗП не смогло в практической плоскости решить ни одной из проблем, называемых его лидерами приоритетными, оно тем не менее способствовало консолидации рабочих Петрограда. Втягиваясь в трудовые конфликты, питерские рабочие могли рассчитывать на моральную поддержку уполномоченных, а также на то, что об их борьбе станет известно на других

предприятиях Питера и даже в других городах. Деятельность ЧСУ ФЗП заставляла власти более оперативно реагировать на протестные выступления, хотя бы из опасения, что оппозиция сможет перехватить инициативу. Формы и методы деятельности ЧСУ ФЗП вошли в общую копилку опыта рабочего движения периода русской революции.

Новые центры движения уполномоченных

Многие авторы, пишущие о движении рабочих уполномоченных, как правило, ограничиваются деятельностью ЧСУ ФЗ Петрограда. О том, что происходило в прочих городах, либо вообще не упоминается, либо упоминается вскользь. Такой подход сохраняется даже в наши дни. Но его правомерность уже не может не вызывать серьезные сомнения. Признавая важную роль ЧСУ ФЗП, несправедливо не замечать, что организованные формы протеста были широко распространены не только в Петрограде. Практически во всех крупных городах, где социалистическая оппозиция имела достаточный вес, март месяц становится временем зарождения альтернативных форм рабочего представительства. Причем, как показывают новейшие исследования, легализация подобных структур происходит фактически в те же дни, что и в Петрограде, а иногда даже несколько раньше.

Так события развивались в одном из важнейших рабочих центров ЦПР – Туле. Здесь волнения рабочих по той или иной причине не затихали фактически с первых дней революции 1917 г. Но если прежде рабочий протест был направлен против Временного правительства, то теперь объектом критики становится уже Советское правительство. Причины этого коренились и в политических, и в экономических особенностях жизни тульских оружейников в годы революции. Еще в феврале 1918 г. лидеры тульских меньшевиков предложили создать в городе независимую рабочую конференцию. Она мыслилась как альтернатива большевистскому Совету, попытки переизбрать который неизменно оканчивались неудачей оппозиции: большевики, захватив рычаги власти в городе, умело использовали «административный ресурс».

Предложение социал-демократов встретило понимание у широких слоев тульских рабочих. В конце февраля – начале мар-

та 1918 г. состоялись выборы уполномоченных Тульской рабочей конференции (ТРК). Общее их количество составило 116 человек. Из них 73 человека представляли Тульский оружейный завод (ТОЗ), 16 – железнодорожников, 10 – представителей профсоюзов и др. Некоторые авторы полагают, что первоначально они представляли 25 тыс., а затем до 30 тыс. тульских рабочих. Конференция, так же как и ЧСУ ФЗП, работала как постоянный орган. Был сформирован также руководящий орган Тульского движения уполномоченных. Им стал исполнительный комитет в составе 12 человек. Председателем ИК избирается представитель ТОЗ П. А. Пастухов.

Как и в Петрограде, главной темой обсуждения тульских рабочих уполномоченных становится Брестский мир. Речь о его преступности и недопустимости шла уже на первых заседаниях ТРК 2–3 марта. Переданные в Президиум Исполкома Тульского совета рабочих и солдатских депутатов материалы конференции, в которых помимо прочего ставился вопрос и о Брестском мире, были разорваны одним из представителей местной советской администрации. Поднимались ТРК и другие вопросы. К примеру, на ее заседании 10 марта шла речь о судьбах гражданских органов самоуправления, разрушаемых большевиками.

Отличительной чертой ТРК становится требование не просто переизбрать неудобный большевистский городской Совет, а создать отдельный, самостоятельный Совет рабочих депутатов без участия в нем депутатов от армии. Оппозиция, не без оснований, надеясь в этом случае получить в нем долгожданное большинство. Соответствующие настроения вылились в специальную резолюцию, принятую 30 марта комитетом конференции совместно с комитетами социалистических партий. В ней звучало требование немедленно приступить к выборам СРД и завершить его формирование к 14 апреля. Выдвинутый меньшевистско-эсеровской оппозицией через рабочую конференцию лозунг самостоятельного рабочего Совета, по определению историка В. А. Клокова, становится стержнем ее последующей деятельности. По мере роста хозяйственных трудностей требования, выдвигаемые ТРК, радикализировались. К лету выдвигались уже такие лозунги, как созыв Учредительного собрания и отставка Совета народных комиссаров.

Если успех движения уполномоченных в Туле был предсказуем, то совсем иначе воспринимаются бурные события тех дней в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород без преувеличения может считаться оплотом максимализма в предшествующий период русской революции. Местные органы рабочего представительства часто шли впереди всего революционного движения в стране. В отстаивании своих интересов они не останавливались перед угрозой применения силы. Не случайно уже в первые месяцы после Февраля 1917 г. Нижний Новгород становится одним из форпостов рабочей милиции, а позже и Красной гвардии. Так, в Канавине, заречной части Нижнего Новгорода, вооруженные отряды рабочих были созданы почти на всех 16 заводах, на которых работало в общей сложности около 30 тыс. человек. Они-то и являлись фактическим источником власти, определявшим физиономию местной политической жизни. Ленин даже называл опыт нижегородцев показательным.

Результатом влияния большевиков на предприятиях Нижнего Новгорода, зрелости органов рабочего самоуправления стал безболезненный переход власти в руки Советов. Советская власть в городах и рабочих поселках губернии была установлена практически одновременно с Петроградом. К примеру, на Сормовском заводе митинг рабочих уже 26 октября, т. е. когда чаша весов в столице могла качнуться в любую сторону, принял резолюцию с поддержкой социалистической революции. И поддержка эта была не пассивной. Органы самоуправления нижегородских рабочих не только участвовали в установлении советской власти, но и активно включились в переустройство своих предприятий.

Тем решительней на фоне прежней почти единодушной поддержки большевиков в октябрьские дни 1917 г. выглядит начавшийся спустя всего несколько месяцев после революции поворот рабочих Нижнего Новгорода в сторону оппозиции. Здесь, в отличие от Тулы, в массовой психологии рабочего класса можно констатировать существенный сдвиг. Особенно оппозиционно были настроены рабочие Сормова. Причиной перемен опять-таки являлись экономические трудности. В частности, конверсия оборонных предприятий требовала помощи со стороны государства. Нижегородские предприятия нередко обращались за такой

помощью в хозяйственные органы республики. Но помощь до всех дойти не могла. В условиях безработицы и голода это создавало взрывоопасную массу недовольных своим положением рабочих.

Так же как и в других крупных центрах движения уполномоченных, первые попытки инициировать его создание на предприятиях Нижегородской губернии были предприняты оппозицией ещё в марте. 19 и 20 марта, например, были избраны специальные уполномоченные от 26 цехов Сормовского завода, в которых работало 11 тыс. из 16 тыс. рабочих предприятия. Им был дан наказ вручить под расписку о получении принятую рабочими резолюцию руководителям Совета. В резолюции, принятой большинством рабочих указанных 26 цехов, звучали те же призывы и оценки, что содержались в документах ЧСУ ФЗП. Среди основных требований оппозиции, поддержанных рабочими, звучали призывы прекратить гонения на оппозицию, переизбрать утратившие доверия Советы, возобновить выход закрытых большевиками газет. Нередки были и призывы к передаче власти Учредительному собранию. Словом, как показывает в своем исследовании В. А. Клоков, на этом этапе требования носили преимущественно политический характер.

Но в марте ситуация в Нижнем Новгороде ещё не созрела для более активных действий оппозиции. Организовать постоянно действующую рабочую организацию ей пока не удалось. Но с течением времени положение становилось все более сложным и непредсказуемым. В своих записках один из лидеров движения уполномоченных, рабочих Сормовского завода И. Г. Уповалов, примыкавший к правому крылу меньшевиков, вспоминает тревожную атмосферу весны – лета 1918 г. Массовые стихийные выступления рабочих, по его словам, были только на руку большевикам. Власть легко расправлялась с неорганизованными рабочими массами. В такой ситуации нижегородские меньшевики постарались взять ситуацию под свой контроль. «Стремясь к тому, чтобы волна народных восстаний не унесла измученные массы крестьян и рабочих в правую сторону, нижегородский комитет с.-д. партии созвал в июне месяце 1918 г. беспартийную конференцию рабочих для обсуждения всех тревожных вопросов момента», – рассказывает Уповалов.

Предполагалось, что конференция рабочих города повысит организованность рабочего класса. А когда рабочие смогут сорганизоваться, они уже не позволят большевикам подавить отдельные выступления протеста. Только объединенные действия, согласно взглядам нижегородских лидеров оппозиции, могли привести к успеху. Воспоминания Уповалова находят свое подтверждение в материалах Нижегородского движения уполномоченных. В одной из прокламаций, принятой нижегородской оппозицией, так прямо и провозглашалось: «...широкой волной разливается по России революционное движение пролетариата. Очнувшись от длительной стачки (так в тексте, по смыслу нужно читать «спячки», оговорка почти «по Фрейду», когда вслух произносится то, о чем человек думает на самом деле. – Д. Ч.), рабочий класс берется за старые испытанные средства борьбы. Стачное движение растет и ширится, каждую минуту грозя захлестнуть борющуюся с рабочим классом власть, смести на своем пути все преграды. В этот час, товарищи, нужно быть особенно осторожными, чтобы одним необдуманным шагом не испортить всего великого дела». Далее в воззвании утверждалось, что «власть явно провоцирует» рабочих Нижнего Новгорода на преждевременные разрозненные выступления. Ее цель – воспользоваться неорганизованностью нижегородских рабочих и «разгромить, расстрелять грозное движение, убить его в самом зародыше». Организаторы Нижегородского движения уполномоченных призывали рабочих «стиснув зубы» ждать удобного момента для решающего боя, поскольку у нижегородских рабочих ещё не имелось возможностей «сейчас же кинуть в жаркий бой за общее... дело все свои силы». А потому было бы преступным рисковать разгромом рабочего движения «накануне дня, когда понадобятся все силы всероссийского пролетариата для решающего боя».

Сормовская рабочая конференция представляет собой одно из наиболее знаменательных событий российского движения уполномоченных. В ее работе приняло участие более 180 человек. Эту цифру по тем временам можно назвать весьма существенной. Заявлялось, что делегаты представляют от 40 до 74 тыс. рабочих по предприятиям, помимо профессиональных союзов, больничных касс и прочих пролетарских организаций. Кроме делегатов

от Нижегородской губернии на конференцию прибыли представители также от части Владимирской губернии. Свою работу конференция начала 9 июня. В повестку этого дня конференции было включено несколько докладов от организаторов, а также сообщений с мест. С ключевым докладом о бедственном положении дел в «разрушенных большевиками рабочих организациях», прежде всего в профсоюзах, рабочей кооперации и Советах, должен был выступать Уповалов.

Свою работу конференция продолжила 10 июня. Собравшиеся в этот день делегаты приняли несколько резолюций и постановлений установочного характера. Важнейшей из них являлась резолюция по текущему моменту. В ее основу был положен «Наказ петроградских рабочих». Высказались участники конференции и по другим актуальным вопросам. Так, в резолюции по продовольственному вопросу выдвигалось требование ликвидировать твердые цены и государственную монополию хлебной торговли. Звучал призыв разрешить свободную закупку продовольствия, а также свободу деятельности кооперативов. Кроме того, конференцией был решен и организационный вопрос – избран руководящий орган движения уполномоченных Нижегородской и Владимирской губерний. Им становится Бюро, в которое делегировались представители следующих городов и рабочих поселков: Нижнего Новгорода, Канавина, Сормова, Кулебак, Выски, Павлова, Вормсы, а также Вязников, Коврова и Муром. Первоначально число членов бюро, по всей видимости, составляло 13 человек. В дальнейшем это количество возросло за счет кооптации новых членов.

После конференции 9–10 июня 1918 г. и ее разгона протестный активизм рабочих в Нижнем Новгороде не затихает. Наоборот, он развивается одновременно во многих направлениях. Во-первых, растет число стихийных и организованных стачек. Забастовками оказались охвачены сразу несколько крупных населенных пунктов Нижегородской губернии. Рабочих в их борьбе за свои права поддерживала не только социалистическая оппозиция, но и крестьянство губернии. Вторым направлением протестного рабочего движения становится борьба в традиционных рабочих организациях. В эпицентре этой борьбы оказываются железнодорожники

и металлисты. Резко отрицательную по отношению к политике большевиков позицию в те дни занимал профсоюз торгово-промышленных служащих Нижнего Новгорода. После забастовки 18 июня он оказался под сильнейшим давлением со стороны властей. И наконец, среди направлений, по которым развивалось альтернативное рабочее движение в Нижнем Новгороде, следует назвать борьбу за расширение движения уполномоченных фабрик и заводов, а также подготовку к Всероссийскому рабочему съезду.

Вся эта оппозиционная активность находилась под контролем Бюро, созданного конференцией 9–10 июня. Первое свое заседание оно провело уже 10 июня. Одним из первых решений становится создание постоянного президиума. В него вошли представители от Нижнего Новгорода, Канавина и Сормова. Количество членов постоянного президиума первоначально составило 6 человек. Этому «малому Бюро» предоставлялось право кооптации, которым оно вскоре воспользовалось, введя в свой состав ещё 2 человека. Впоследствии, как говорится в материалах постоянного президиума, в него вошли представители политических партий: РСДРП, ПСР, Бунда. Общий пленум Бюро конференции уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губерний решено было созывать по необходимости без какой-либо периодичности.

Одним из приоритетных направлений деятельности Нижегородского Бюро уполномоченных становится пропаганда. Можно сказать, что работа эта была поставлена на широкую ногу. За время своей деятельности Бюро подготовило и выпустило несколько обращений и прокламаций. Общая их численность, по одним сведениям, составляла 12, а по другим – 13 типов листовок. Важнейшими среди них можно назвать следующие: «Ко всем рабочим, профессиональным союзам и другим рабочим организациям», «Ко всем рабочим Нижегородской и Владимирской губерний», «Обращение к рабочим». В них содержался анализ текущих событий и призыв к конкретным действиям. Распространялись решения и резолюции конференции уполномоченных, его руководящих органов. Отдельно следует сказать о «Бюллетене», в котором самым подробным образом излагались история и

деятельность движения уполномоченных в Нижнем Новгороде. Издание это было небольшим по формату, но содержало много важной информации. Когда деятельностью Нижегородской конференции уполномоченных заинтересовались «компетентные органы» большевиков, то содержание выпускавшейся Бюро печатной продукции дало основную массу «изобличающего» материала, настолько яростным и бескомпромиссным был их тон, настолько полным и исчерпывающим было их содержание.

Размах протестного активизма рабочих Нижнего Новгорода показывает, что листовочная война, начатая Бюро, приносила свои плоды. Вместе с тем практическая деятельность Бюро одной только агитацией не ограничивалась. Наоборот, им были взяты на вооружения методы, привычные социалистам ещё со времен борьбы с самодержавием. Лидеры движения уполномоченных Нижегородской и Владимирской губерний признавали, что «все-российская стачка – главная задача боевая» рабочего класса. Уже на первом заседании Бюро было намечено время проведения стачки-протеста. Работа велась нелегально. Вероятно, именно в деятельности Бюро конференции уполномоченных и следует искать объяснение размаха стачки, имевшей место в Нижнем Новгороде 18 июня 1918 г., а также в протестных выступлениях, последовавших после нее.

С целью расширения собственной социальной базы Нижегородским Бюро принимается решение произвести на местах довыборы уполномоченных на тех предприятиях, где они ещё отсутствовали. Также было решено создать собрания уполномоченных на местах. Там же, где удалось бы сконструировать альтернативные рабочие организации, необходимо было переходить к тактике отзыва представителей трудовых коллективов из Советов. В документах советских следственных органов на эти намерения обращалось особое внимание, поскольку они явно были направлены на отрыв рабочих от Советов, на полную изоляцию Советов от рабочих масс, что, впрочем, декларировалось и в документах самого Бюро. В дальнейшем Бюро к вопросу о Советах возвращалось дополнительно. В результате состоявшихся дебатов была принята резолюция. В ней указывалось на «полную невозможность при создавшихся условиях

вести работу в Советах». Резолюция подтверждала прежнюю стратегию отказа от их поддержки.

Большую тревогу властей вызывала также решимость конференции уполномоченных Нижегородской и Владимирской губерний установить связи с представителями разогнанных органов самоуправления и «приложить все старания к воссозданию их». Кроме того, в порядке мобилизации всех антибольшевистских сил Нижегородское Бюро постановило открыть широкую кампанию за перевыборы правлений профессиональных союзов, а также Совета Союзов Нижнего Новгорода. Идеологическим оправданием кампании стал тезис о полном разрыве рабочих и профсоюзной верхушки. Возникновение этого разрыва объяснялось тем, что рабочие уже изжили утопии большевизма, тогда как профсоюзная верхушка по-прежнему продолжала служить целям большевистских властей, «проводит самостоятельную политику, часто идущую вразрез с интересами рабочего класса».

Свою линию Бюро проводило по отношению к Союзу торгово-промышленных служащих, оказавшемуся в авангарде стачечной борьбы в губернии. По инициативе Бюро было проведено несколько летучек, митингов, на которых прозвучал призыв активно поддержать бастующих. Был налажен сбор средств в их поддержку. Бюро предлагало направлять отчисления в пользу торгово-промышленных рабочих через рабочих-делегатов в Бюро, устраивать сборы по подписным листам. Кроме того, планировалось организовывать всевозможные акции, с тем чтобы «волна протеста против репрессий, волна поддержки бастующим товарищам» приняла не только губернский, но и всероссийский размах. В дни забастовки Бюро проводило ту мысль, что забастовка торгово-промышленных служащих не их частное дело. «Их карают за общее дело, – подчеркивалось в его прокламации, – если разгромят их сегодня, завтра разгромят вас». События вокруг профсоюза торгово-промышленных служащих подтолкнули лидеров движения уполномоченных к идее создания специального стачечного фонда. Он мог сыграть свою роль не только для поддержки текущей забастовки, но и в недалеком будущем.

Наконец, как показывают сохранившиеся материалы, Бюро конференции уполномоченных Нижегородской и Владимирской

губернии в своей деятельности выходило далеко за рамки указанных губерний. Через личные связи оно было так или иначе связано также с организацией движения уполномоченных в Брянске и Коломне. В этих городах разворачивались процессы, аналогичные Нижегородским. Так, в Брянске движение уполномоченных самым тесным образом переплеталось с бойкотистскими настроениями по отношению к Советам. Серьезную поддержку организованной социалистической оппозиции оказали рабочие Коломны, где 8 июня 1918 г. прошло городское собрание уполномоченных. Проходило оно в присутствии рабочих Коломенских заводов, которых по такому случаю собралось около 2 тыс. человек. Собрание высказало недоверие внешней и внутренней политике Совнаркома и потребовало его отставки. Особо острой критике подверглась политика так называемого «продовольственного террора». Звучали слова о том, что направляемые в деревню продотряды «внесут в деревню все ужасы гражданской войны». По мнению собравшихся, проводимый правительством курс означал «жестокую и бесплодную борьбу над подавляющим большинством крестьянства». Принятая по итогам конференции резолюция заканчивалась призывом к объединению действий рабочих Великороссии, Украины, Дона, Сибири, Кавказа, Польши, Финляндии и Балтийского края «в смертный час революции» «под знаменем и лозунгами Чрезвычайного Собрания Уполномоченных фабрик и заводов Петербурга».

На начало марта 1918 г. приходятся первые попытки инициировать оппозиционное рабочее движение в Москве. Эти усилия социалистической оппозиции по времени совпадают с переносом в Москву столицы нового Советского государства и проведением в ней IV съезда Советов, призванного ратифицировать мир с Германией. В эти дни Чрезвычайным собранием уполномоченных фабрик и заводов Петрограда принимается решение направить в Москву на съезд представительную делегацию с протестами против заключения Брестского мира. Инициаторы этой акции прекрасно понимали, что делегация на съезде не сможет добиться хотя бы минимального положительного результата. Поэтому заранее подразумевалось, что вояжеры с берегов Невы встретятся с рабочими Москвы и постараются изложить им свою позицию.

Расчеты оправдались. Так, член Бюро Петроградского собрания уполномоченных, рабочий трубочного завода Н. К. Борисенко выступил на 18 московских предприятиях, а член организационно-агитационной комиссии Бюро ЧСУ ФЗП и завкома Путиловского завода М. Розенштейн – на 30. Результатом их активности стало первое рабочее совещание, прошедшее 27 марта. На нем были представлены уполномоченные от 25 столичных предприятий, кооперативов и союзов. Собрание сформировало временное бюро из 12 человек. Им было поручено возглавить работу по организации беспартийной рабочей конференции г. Москвы. Но большего в этот свой приезд питерские эмиссары не добились.

С этого времени делегации ЧСУ ФЗП направляются в Москву фактически каждый месяц. Им принадлежит особая роль в оживлении организованного протестного движения московских рабочих. Г. Я. Аронсон в этой связи утверждал, что движение уполномоченных возникло в Москве «только по инициативе Петроградского собрания Уполномоченных». В Москве предпосылок обострения рабочего протеста было гораздо меньше, чем где бы то ни было в России. Особенно выгодно Москва отличалась от Петрограда и Тулы, где основная масса рабочих не просто работала на войну, но ещё и трудилась на металлургических предприятиях, особенно пострадавших в результате демобилизации промышленности. После того как Москва превращается в столицу, ситуация здесь улучается. Не говоря уже о моральном факторе, решение большевиков обосноваться в Первопрестольной сулило московским рабочим и очевидные материальные выгоды. Зарплата в Москве становится выше, чем в других городах, примерно на треть, а то и в два раза. Поэтому без постоянного прилива в город активных деятелей радикальной оппозиции подвинуть московский пролетариат на активные протесты было бы нереально.

С этим, вероятно, связан и неуспех первой делегации ЧСУ ФЗП, не сумевшей привлечь к себе какого-либо внимания со стороны рабочих столичных предприятий. Руководство социалистов в этой связи вынуждено было отказаться от планов организации движения уполномоченных в Москве уже в марте. Поэтому реальное становление движения уполномоченных в

Москве начинается только в апреле. В начале месяца в город прибывает делегация петроградцев, нацеленная уже исключительно на создание альтернативной рабочей организации в столице. В нее входили такие деятели, как Борисенко, Розенштейн и другие. Визитеры плодотворно поработали на московских заводах, выступая на рабочих собраниях. Также им удалось помочь москвичам организационно оформить структуры, близкие петроградскому движению уполномоченных. Но поскольку расположить на свою сторону московских рабочих было ещё трудно, в городе первоначально создается Временное организационное бюро по созыву рабочей конференции.

Первое заседание Временного ОБ состоялось в первых числах апреля. На нем присутствовали Епифанов, Алексеев, Кочергин, Костюченко, Покровский, Вульф, Мысков, Шер, Рогов и А. Иноземцев. Председательствовали Мысков и Иноземцев. Первое заседание было в основном посвящено организационным вопросам. В начале своей работы собравшиеся обсудили вопрос о формировании Президиума московского движения уполномоченных. Было решено избрать его в составе пяти человек. В президиум вошли Епифанов, Шер, Мысков, Иноземцев и Рогов. Собираться на свои заседания было решено в помещении Бутырского клуба партии социалистов-революционеров, по крайней мере, пока не удастся подыскать собственное помещение. На первом заседании ОБ также были обсуждены вопросы об издании агитационной литературы движения рабочих уполномоченных, о средствах организации и другие первоочередные проблемы.

С целью упрочения своих связей в рабочей среде Временное ОБ на своем первом заседании принимает решение кооптировать в свои ряды новых членов, представляющих крупные отряды московского рабочего класса. От печатников в бюро приглашался Буксин, от металлистов – Чиркин, от Больничной кассы – Девяткин, от завода Дуке – Иванов и Куваев, от типографии Машистова – Соловьев, от Александровской железной дороги – Розинов, а также от петроградской рабочей конференции – Филипповский. При обсуждении распределения обязанностей членов Временного организационного бюро было решено, что вошедшие в него деятели должны взять на себя работу с теми районами и

предприятиями, с которыми они связаны. Кроме того, вошедшие в руководящие органы московского движения рабочих уполномоченных меньшевики и эсеры через центральные организации своих партий должны были наладить контакты с прочими районами Москвы «для оповещения рабочих о конференции».

В конце апреля Временное организационное бюро по созыву в Москве рабочей конференции выступило со специальным воззванием к московским рабочим. В нем предлагалось сообщать обсудить «создавшееся положение и найти какой-нибудь выход». Решение о его подготовке было принято на заседании Временного бюро 15 апреля. На этом заседании присутствовали московские и петроградские уполномоченные Филипповский, Кочергин, Казаков, Мысков, Рогов, Епифанов, Костиченко, Иноземцев, Николаев и Моисеев. Для редактирования воззвания была избрана комиссия, в которую оказались включены Мысков, Филипповский, Кочергин и Казаков. Кроме того, на этом заседании поднимались и некоторые другие вопросы агитационной работы. В частности, было решено продумать возможность издания протоколов Петроградской конференции с приложением к ним выдержек из воззвания Тульской конференции и предисловием от имени Бюро.

После проведенной редакционной комиссией подготовительной работы и одобрения воззвания Временным ОБ оно было распространено среди рабочих московских предприятий. Воззвание начиналась со слов: «Товарищи! С каждым днем положение рабочих все хуже и тяжелее». Признав, что наибольшую угрозу для пролетариата по всей стране представляет безработица, его авторы обращались к фактам из жизни самих московских рабочих. «Фабрика закрывается за фабрикой по всей Московской области, – декларировалось в документе, – а дальше – это достигнет небывалых размеров, Брестский договор специально будет убивать русскую промышленность (а вместе с ней и рабочий класс)... Да, голод и безработица идут, завоевывая город за городом, фабрику за фабрикой».

По мнению авторов листовки, ситуация усугублялась положением в самом рабочем движении. Все пролетарские учреждения, подчеркивали они, подпали под пресс государства. Так,

«Советы из свободных органов объединения широкой рабочей массы, всегда близких массе, стали далекими канцеляриями». Что касается профсоюзов, то «они тоже стали «государственными» органами, важными казенными учреждениями, но свободу свою вследствие этого потеряли, уже не всегда идут в ногу с рабочими интересами, перестали быть органами рабочей борьбы». Те же процессы, по мнению лидеров движения уполномоченных в Москве, коснулись и рабочей кооперации, в отношении которой была начата политика переподчинения правительству. Неодобрительно авторы документа отзывались также о намерениях власти навести на производстве дисциплину и повысить производительность труда через введение на предприятиях тейлоровской системы. В этом правым социалистам также виделись признаки политики огосударствления, угрожавшей самостоятельности пролетариата. Из всего сказанного ими делался вывод: рабочие Москвы должны повторить опыт рабочих Петрограда и Тулы, создавших свои беспартийные рабочие совещания уполномоченных фабрик и заводов.

Однако, начавшись «за здравие», воззвание заканчивалось «за упокой». «Товарищи, относитесь со вниманием к этим совещаниям, – говорилось в нем, – это сейчас, может быть, единственное место, где свободно раздается голос свободного мнения. Посылайте на совещания своих товарищей. Вместе решим, как нам быть. Решим, каким путем пойти, устраивать ли рабочую конференцию или найдем другие способы нашей самозащиты» (выделено мной – Д. Ч.). Почему же сами зачинатели рабочей конференции вдруг публично усомнились в ее целесообразности?

Ответ на этот действительно интересный вопрос может подсказать протокол заседания Временного московского бюро от 25 апреля. Кроме недвусмысленных, выразительных разъяснений, почему же организованная оппозиция не спешила с созывом рабочей конференции в столице, выступления, прозвучавшие на этом заседании, дают немало пищи для размышлений на тему о природе и характере движения уполномоченных, его целях и методах. В них содержится немало ценного также и по проблеме взаимоотношений движения уполномоченных с партиями умеренных социалистов. В этом смысле протокол

заседания Московского бюро от 25 апреля представляет собой документ уникальный. Очевидно, что, в отличие от протоколов чрезвычайных собраний рабочих уполномоченных Петрограда, он не предназначался для широкой огласки: мнения лидеров и функционеров оппозиции даются в нем без ретуши и без умолчаний, характерных для большинства агитационных документов той поры, вне зависимости от их партийной принадлежности.

На совещании 25 апреля ключевым пунктом повестки дня являлось обсуждение планов оппозиции по проведению празднования 1 мая. Начал работу заседания Мысков. Он предложил создать кроме Бюро ещё и «коллектив из представителей всех представленных на совещании товарищей рабочих». Скорее всего, это предложение прозвучало в связи с тем, что в первые недели деятельности движения уполномоченных в Москве роль рабочих в движении и особенно в руководстве им была явно недостаточной. О том же свидетельствует и выступление Епифанова. Он сообщил, что рабочие его завода предложили устроить митинг, где предлагалось «всесторонне» обсудить роль и задачи беспартийных конференций. Очевидно, что такое предложение стало следствием недостаточной осведомленности рабочих и непонимания ими целесообразности создания организаций, параллельных существующим профсоюзам и Советам.

Ровное течение заседания Бюро было прервано выступлением представителя партии эсеров (имя которого в протоколах указано не было). Он начал свое выступление с заявления, что комитет ПСР больше не считает Совет пролетарской организацией, и что поэтому они готовы поддержать создание новой альтернативной организации – беспартийной рабочей конференции. В то же время докладчик подчеркнул, что, по его мнению, созывать рабочую конференцию в Москве было преждевременно и даже опасно. Поэтому эсеры предлагали конференцию рабочих Москвы пока не созывать. Согласно их оценкам, для начала следовало ограничиться широкой пропагандисткой компанией, совещаниями и митингами.

Понятно, что у многих собравшихся такие откровения могли вызвать реакцию, близкую к шоку. Отказаться от проведения рабочей конференции только потому, что большевики ещё име-

ют преобладающее влияние на рабочую массу? А как же совместный поиск путей выхода из кризиса? Ведь его, кризис, все равно необходимо каким-то образом преодолевать! Мысков попытался было напомнить, «что на совещании решено не считаться с мнением партий, ибо рабочая конференция должна выявить самостоятельность рабочих к своей собственной организации». Но его слова не встретили понимания. Предложение представителя верхушки московской эсеровской организации нашло поддержку у многих собравшихся. В его защиту выступили такие активисты движения, как Иноземцев и Рыбаков. «Причем тов. Рыбаков высказал следующие соображения, – значит в протоколе, – так как после Пасхи закроется масса предприятий и в рабочую среду вольется новая волна безработных, то идея рабочей конференции получит популярность и легче привьется».

Особенно напористо поддержала докладчика от ПСР Приемыкина, с самого начала присоединившись к его мнению. По ее глубочайшему убеждению, созывать рабочую конференцию в Москве было однозначно преждевременно. Она всячески выгораживала позицию социалистов, в отношении которых у части присутствовавших могли закрасться подозрения в их неискренности. «Рабочая масса инертна, – убеждала Приемыкина, – совсем не так рвется к “самостоятельности”». По ее словам, «партии вовсе не заинтересованы задерживать рабочую самостоятельность». Приемыкина не сомневалась, что «они также идут на встречу рабочей конференции, только не хотят, чтобы она отцвела, не успев расцвести». По поводу «независимости» движения уполномоченных у нее тоже была своя позиция. В своем выступлении Приемыкина остановилась на этой проблеме особо.

«Временное бюро, – рассуждала она, – должно обязательно столкнуться с партийными комитетами, выработать известные взаимоотношения, чтобы совместно вести работу по созыву конференции. Опрос доказал, что временное бюро не может обойтись и в смысле организационном без партийных организаций, ибо у него нет людей, организационного аппарата, связей с предприятиями и т. д.». Кроме того, Приемыкиной было озвучено предложение «после воскресного совещания немедленно созвать расширенное совещание Бюро вместе с представителями

[партийных] комитетов, чтобы выработать общий план работы». Историкам, убежденным в «независимости» движения уполномоченных, слова Притыкиной могут показаться выражением исключительно ее личной позиции. Но такое суждение явно будет поверхностным. Все, что предлагалось Притыкиной, было поддержано большинством членов Временного бюро. Тем самым в своем выступлении она излагала не свое, а консолидированное понимание ситуации.

В заключение заседания Бюро 25 апреля, дабы ни у кого из революционных романтиков не осталось сомнений в неизбежности тесного сотрудничества с социалистами, слово для внесения предложений по плану работы на ближайшие дни было вновь дано члену комитета эсеровской партии. В его выступлении вновь ничего не говорилось о необходимости рабочей конференции, зато предлагалось устроить на Пасхальной неделе «большой митинг по рабочим вопросам». Как и следовало ожидать, его предложение, так же как и предложение Притыкиной, было принято. На этом первая попытка организовать в Москве ЧСУ ФЗ была благополучно отложена «до лучших времен». У многих поверивших в движение уполномоченных рабочих это не могло не вызвать разочарования. В документах, показывающих дальнейшее развитие альтернативного рабочего движения в Москве, фамилии многих активистов, сыгравших видную роль в апреле, больше не попадают. Не исключено, что это связано не только с фрагментарностью источников, но и с отходом некоторых из них от антибольшевистской оппозиции.

Следующая попытка завоевать симпатии московских рабочих предпринимается организованной оппозицией лишь спустя несколько недель. Между 15 и 20 мая 1918 г. ЧСУ ФЗ Петрограда сформировало свою очередную команду, для отправки в Москву. Голосование по персональному составу делегации состоялось на XII пленарном заседании Собрания уполномоченных 18 мая 1918 г. В нее, по свидетельству Г. Л. Аронсона, вошли Кононов с завода Арсенал, Земницкий с завода Речкина, Борнсенко с Трубочного завода, Панин с завода «Сименс-Шуккерта», Грабовский с Гильзового завода, Кузьмин с Обуховского завода, Семенов с «Эриксона», а также три представителя Сестрорецкого завода –

Кузнецов, Хробостов и Краковский. Вскоре, 21 мая 1918 г., делегаты отбыли в Москву. Как отмечает М. С. Бернштам, на этот раз в Москву оправились сторонники более активной линии. Возможно, это являлось всего лишь случайностью, но нельзя не включить и того, что имелись планы превратить Москву в арену более активных форм борьбы. Бернштам, впрочем, не исключает, что таким образом петроградские руководители «спроваживали» подальше от себя наиболее радикальных и неподконтрольных рабочих. В Москву петроградские уполномоченные везли особый «Наказ», о котором подробнее ещё будет сказано. Видный деятель эсеровской военной организации В. И. Лебедев в своей изданной в 1919 г. в Нью-Йорке работе «Борьба русской демократии против большевиков» писал: «Этот наказ, написанный в яркой и красивой форме, был внутренним криком души отчаявшегося, обманутого и преданного народа».

Однако наибольшего успеха движение уполномоченных смогло добиться в столице только в июне. Руководящая роль в организации беспартийной конференции московских рабочих принадлежала как раз членам сформированной 18 мая делегации ЧСУ ФЗП, а также новым группам питерских эмиссаров, которые одна за другой спешили на помощь своим ранее прибывшим товарищам. К этому времени волна экономических трудностей наконец серьезно сказалась и на положении московских рабочих, что серьезно облегчало оппозиции решение ее задач по активизации протестных выступлений московских рабочих. Ситуация, что называется, «дозрела», и сомнений в своевременности рабочей конференции в городе не высказывали уже ни эсеры, ни меньшевики. Вот как в своем отчете писали о положении дел в столице Советской России члены делегации петроградцев:

«В Москве мы нашли много общего с Петроградом. Рабочие так же бедствуют и так же не имеют своих классовых организаций, которые защищали бы их интересы. Постоянное недоедание переходит в настоящий голод. Советы оторвались от рабочей массы и являются проводниками антирабочей и противореволюционной политики Совета Народных Комиссаров и считаются только с волей и приказами правительственных верхов и меньше всего с желаниями и стремлениями рабочих низов. Объявлено

военное положение. Газеты закрываются десятками. Свободное слово задушено. Собрания запрещаются. В рабочей среде производятся аресты. Охранное отделение, именуемое “комиссией по борьбе с контрреволюцией”, получило право расстреливать без суда и малейшего следствия и широко пользуется этим правом».

Несмотря на некоторые преувеличения, содержащиеся в письме петроградской делегации, можно увидеть, в каких тонах им рисовалась политическая обстановка в Москве. Исходя из своих оценок ситуации, прибывшие приступили к активной агитации на заводах столицы за проведение беспартийной рабочей конференции. По сообщению корреспондента «Новой жизни», работы по подготовке в Москве совещания уполномоченных продвигались «довольно успешно». Оно должно было состояться уже в первой половине июня. Из московских предприятий инициатива созыва совещания исходила от рабочих Александровских железнодорожных мастерских, завода бр. Бромлей и фабрики «Богатырь». От железнодорожников, металлистов и пищевиков не отставали и печатники, профсоюз которых не так давно вернулся под контроль социалистов. Становилось понятно, что столкновение власти и оппозиции здесь, на московской земле, будет бескомпромиссным.

Решающим эпизодом в развитии ЧСУ ФЗ в столице становятся события 13 июня 1918 г. В этот день они начались с того, что в клубе Александровской железной дороги собрались 59 человек, объявивших себя чрезвычайным собранием уполномоченных фабрик и заводов Москвы. Из присутствующих на собрании 44 человека состояли в РСДРП или ПСР. Среди них были такие известные фигуры, как Каммермахер (Кефали), секретарь МК РСДРП Г. Д. Кучин и другие. Настроения, преобладавшие в тот день в клубе Александровской железной дороги, проправительственными назвать было невозможно. Хотя заявлено собрание было как посвященное решению продовольственного вопроса, в центре его внимания оказались совсем иные проблемы. Если продовольственная политика власти и обсуждалась, то сугубо с целью ее жесткой критики. В целом же собравшиеся сосредоточились на выработке мер борьбы с большевиками. Собрание потребовало немедленной замены советской власти Учредитель-

ным собранием. Некоторые участники настаивали на неизбежности и желательности свержения большевистского режима силой. Вновь звучали лозунги свободной торговли, прекращения братоубийственной войны против крестьян, отмены Брестского мира. Собрание приняло два документа – «Воззвание ко всем рабочим Москвы» и наказ «Московским рабочим». В документах собрания звучал решительный призыв к рабочим столицы и других промышленных центров к немедленной политической забастовке с выдвижением забастовщиками целого пакета экономических и политических требований, находящихся в русле идеологии организованной оппозиции. Предполагалась, что стачка должна протекать до победы. Причем под победой, скорее всего, понималось не выполнение властями требований забастовщиков, пусть даже в самом полном объеме, а бесповоротное свержение советской власти.

Как полагает М. С. Бернштам, среди участников ЧСУ ФЗ Москвы оказались два или три провокатора. Тогда именно они могли сообщить о том, что действительно проходило в клубе Александровского вокзала под маской беспартийного рабочего собрания. Вероятно, когда собрание уже завершалось, в помещение клуба вошла группа вооруженных чекистов. Они изъяли все материалы собрания и арестовали всех участников совещания. Среди арестованных оказался и весь состав петроградской делегации. Аресты вызвали в рядах организованной оппозиции серьезную обеспокоенность. На освобождении арестованных на поруки пытались настаивать ЦК и МК РСДРП. Поднял брошенную перчатку и ответил на вызов и лидер меньшевиков Ю. О. Мартов. Сразу же после произведенных арестов он выступил в поддержку своих товарищей по партии. Уже на другой день после разгона собрания, 14 июня 1918 г., он поставил вопрос о произошедших накануне событиях на заседании ВЦИК. Мартов требовал произвести разбирательство. Он также обратил внимание членов ВЦИК на то, что делегации московских рабочих, направлявшиеся в Советский парламент с требованиями отпустить арестованных, не были допущены на его заседание.

Возникло напряжение и в рабочих кварталах. Волна протеста вышла далеко за пределы Москвы и прокатилась по другим городам.

Так, рабочие Сестрорецкого и Оружейного заводов не только приняли резолюцию против арестов в Москве, но и избрали для пополнения делегации Молчанова и Зарубаева. Вместе с ними в Москву был направлен ещё один видный деятель социалистической оппозиции – Грабовский, представлявший рабочих Гильзового завода. В связи с арестами свое официальное осуждение политики большевиков вынесло Бюро Собрания уполномоченных Петрограда. В нем клеймились позором «жандармские приемы расправы с представителями рабочего класса», звучал призыв к «солидарности с ними».

Но все же основные события в этот момент разворачивались именно на московских предприятиях. Собрания протеста состоялись в типографии Сытина, на Московско-Казанской железной дороге, на фабрике Симано и на предприятиях Мюр-Мюрилиза. На некоторых из них были сформированы специальные делегации в Моссовет, просить смягчения меры пресечения. Но посылкой «ходоков» во власть и пикетированием ВЦИК формы протеста не ограничились. Как писала в те дни оппозиционная печать, «несмотря на разгон Московской конференции, арест ее членов», рабочие были «намерены добиться созыва ее». По ее сообщениям, они готовы были не останавливаться и перед «открытой угрозой» политической стачки. Так, решительную позицию занял Союз рабочих печатного дела. Всего через три дня после ареста московской рабочей конференции, в воскресенье 16 июня 1918 г., на своем собрании они обсуждали вопросы, связанные с развязанными большевиками репрессиями и свободой слова. В ходе обсуждения было решено не поддаваться давлению со стороны властей. «Из этого последнего решения, – говорилось в отчете о собрании, – вытекает насущная необходимость и прямая обязанность всех членов союза, и в особенности наиболее сознательных из них, оказать всемерное содействие правлению в его работе по выборам уполномоченных от печатных предприятий г. Москвы и посылке их на рабочую конференцию».

Несмотря на всю корректность печатников, свои конечные цели они сформулировали вполне определенно. «Наша священная обязанность, прямой долг, – читаем в их резолюции, – помочь проснувшимся пролетарским массам России организованно и

чисто демократическими способами, ничего общего не имеющими с заговорческими авантюрами, изжить режим насилия и произвола». Несколько дней спустя, 21 июня 1918 г., состоялось очередное собрание печатников. Почти единогласно на собрании была принята резолюция с осуждением ареста Кефали (Каммермахера). Подчеркивалось, что он является одним из старейших работников Союза печатников. Его имя обладает среди рабочих высоким авторитетом. В резолюции звучало требование его немедленного освобождения.

На 22 июня 1918 г. намечалось собрание рабочих экипажной фабрики Ильина. На этом совещании рабочие планировали избрать своих представителей в Бюро уполномоченных. Арест рабочей конференции вызвал забастовку на заводе Густава Листа. Рабочие завода категорически заявляли, что они либо добьются освобождения арестованных делегатов, либо выдвинут новых представителей. Предсказуемо встретили арест конференции в мастерских Александровской железной дороги. Митинги и акции протеста в эти дни происходили здесь практически постоянно. Большевикам на этих собраниях говорить практически не давали. Их освистывали и засыпали гневными выкриками и вопросами о терроре против рабочих. Не ограничиваясь митингами и принятием резолюций, железнодорожники организовали мощную забастовку протеста. Они соглашались возобновить работу лишь тогда, когда будут выпущены их товарищи. Лишь когда из тюрем начали выходить задержанные рабочие, на Александровской железной дороге наступает некоторое успокоение.

Кроме таких городов, как Нижний Новгород, Тула или Москва, политическая борьба в которых имела важное значение в общегосударственном масштабе, движение уполномоченных разворачивалось и на региональном уровне. Так, весьма неудобно чувствовали себя большевистские власти Ярославской губернии. Помимо Ярославля очагом рабочего протеста в губернии стал небольшой город Рыбинск. Особую активность проявляли рыбинские железнодорожники. Вслед за своими ярославскими товарищами 30 мая они провели общее собрание рабочих, мастеровых и служащих Рыбинского железнодорожного узла. Выступления ораторов на нем носили исключительно оппозиционные

характер. Возмущения и протест вызвали меры советского руководства, направленные на подавление оппозиционных рабочих организаций, и другие действия большевиков. В принятой резолюции говорилось, что рыбинские железнодорожники, «видя, как под влиянием деятельности Совета народных комиссаров растет массовая безработица, продовольственная разруха и разлагается государственный механизм», требуют его отставки «и немедленного созыва Учредительного собрания», которое, по их убеждению, одно могло «сплотить ныне разъединенную великую Российскую Федеративную демократическую республику».

Не ограничиваясь одними декларациями, рыбинские железнодорожники делали все для вовлечения в движение уполномоченных рабочих других профессии. Так, имеется информация, что через железнодорожников велась активная агитация в Союзе металлистов. Рабочие-путейцы Рыбинска предложили металлистам города по примеру Петрограда создать «в противовес Советам» Временное бюро уполномоченных фабрик, заводов и железнодорожников. Металлисты проявили интерес и запросили у железнодорожников предоставить «руководящие материалы». В ответ на запрос металлистов районный комитет рабочих-путейцев переслал им материалы и отчеты о деятельности ЧСУ ФЗ Петрограда.

Оказываются охваченными движением уполномоченных некоторые города Поволжья, Черноземья, Урала. Из крупных заводов Урала движение уполномоченных, согласно имеющимся сведениям, возникло на Мотовилихинском заводе. Важным пунктом, где ЧСУ ФЗ получило прописку, становится Воткинск. Инициаторами движения уполномоченных в городе, как и везде, становятся правые эсеры и меньшевики. О возникновении воткинского движения уполномоченных сохранились краткие упоминания в записках видного участника ижевско-воткинского рабочего восстания С. Н. Лоткова. Из них, в частности, становится ясно, что здесь, как и обычно, ЧСУ ФЗ возникают вследствие ограничений прав оппозиции влиять на состав и политику местных органов советской власти. Поводом создания альтернативных форм рабочего представительства в Воткинске можно считать отказ большевиков считаться с результатами перевыборов в гор-

совет; давших до 80% голосов умеренным социалистам. Натолкнувшись на упорное нежелание большевиков выпускать власть из своих рук, оппозиция берет курс на создание в противовес потерявшему авторитет у рабочих большевистскому Совету независимого движения рабочих уполномоченных. Инициатива по его созданию принадлежит именно депутатам, победившим на выборах, но не допущенным большевиками к работе в городском Совете. Идеологией движения уполномоченных в Воткинске становится стремление к «объединению рабочих» и борьба с их «распыленностью», которая наблюдалась в городе после выборов в Совет. Судя по всему, воткинские уполномоченные позже попытались войти или делегировать своих представителей в действующий «официальный» Совет. Но, по воспоминаниям Лоткова, большевики не допустили этого, прекрасно зная настроения, царившие среди рабочих уполномоченных.

Вместе с тем, несмотря на существенное оживление альтернативного рабочего представительства весной – летом 1918 г. во многих промышленных центрах страны, постепенно к середине лета 1918 г. движение уполномоченных фабрик и заводов в провинции, так же как и в Петрограде, вступает в полосу своего заката. К осени 1918 г. лозунги проведения беспартийных рабочих конференций утрачивают свою актуальность. К этому времени все региональные организации ЧСУ ФЗ оказываются распущенными или распадаются самостоятельно и в дальнейшем никогда уже свою деятельность не возобновляют. Это было связано не только с изменениями в политике большевиков по отношению к движению уполномоченных и к оппозиции в целом, что, конечно, тоже сыграло свою роль, но и с теми радикальными сдвигами в настроениях рабочих и ситуации в стране в целом, которые были связаны с началом нового этапа революции, получившего название «военного коммунизма».

Два дня в июле: московский Рабочий съезд

Наивысший подъем в развитии оппозиционного большевикам организованного рабочего движения был связан с работой по подготовке и проведению независимого Рабочего съезда летом 1918 г. в «новой столице» российского государства – городе Москве. Развиваясь по тем же законам, что и все рабочие организации периода революции, движение уполномоченных фабрик и заводов объективно стремилось выйти на общегосударственный уровень. Это создавало потребность и высокую вероятность объединить усилия независимых рабочих организаций в различных городах страны, изначально не имевших общих организационных структур.

Сама идея рабочего съезда не была чем-то новым. Умеренные течения в социалистическом лагере в прошлом прибегали к ней неоднократно. В историческом плане, как утверждал в 1918 г. Ю. О. Мартов, идея рабочего съезда была связана с планами широких кругов антицаристской оппозиции, не только социалистов, в период первой русской революции 1905 г. провести кампанию по бойкоту булыгинской Думы. Когда общественность была нацелена на организацию бойкота выборов в нее, с предложением провести беспартийный рабочий съезд выступил в статье «Народная Дума и рабочий съезд» П. Б. Аксельрод. Эта первая попытка созыва Рабочего съезда была сорвана принятием Манифеста 17 октября, в котором речь шла не о законосовещательной, а уже о полноправной, законодательной Думе.

Вскоре, однако, меньшевики вернулись к планам проведения Рабочего съезда уже в рамках думской легальности. Их целью в этот период по-прежнему оставалась перестройка партии и изоляция максималистских течений в ней от рабочего класса. В условиях, когда деятельность профессиональных рабочих организаций была легализована, идея Рабочего съезда приняла фор-

му борьбы за единство профессионального движения. Наконец, третья за период революции 1905–1907 гг. попытка реализовать замысел Рабочего съезда последовала за разгоном I Государственной думы. Основным инициатором и тогда оставался Аксельрод, но теперь сторонники Рабочего съезда заручились поддержкой со стороны патриарха отечественного марксизма Г. В. Плеханова, и хотя Плеханов на этом поприще преуспел не сильно, его имя навсегда осталось связано с борьбой за создание широкой независимой рабочей организации; именно в силу этого ЧСУ ФЗП после смерти Плеханова в 1918 г. сделало все от него зависящее для увековечения его памяти.

Аксельрод и Плеханов рассчитывали посредством расширения социальной базы оздоровить российскую социал-демократию, оказать содействие ее «пролетаризации», высвобождению из-под господства мелкобуржуазной интеллигенции. Однако уже тогда выявились деятели, готовые идти ещё дальше и провозгласить формальный разрыв новой организации с РСДРП. С таких позиций выступил, к примеру, Ю. Ларин. В своей брошюре «Широкая рабочая партия и рабочий съезд» он предложил в предлагавшейся пролетарской организации объединить и разные течения в социал-демократии, и социалистов-революционеров, и беспартийных рабочих. Характерно, что уже в эти годы идея Рабочего съезда большевиками принята не была, и они выступили против нее с резкой критикой, тогда как меньшевики-практики отнеслись к ней вполне лояльно и даже сочувственно.

Планы создания массовой рабочей организации выдвигались и в дальнейшем. Как и в годы первой русской революции, они активно продвигались либералами. В частности, как утверждал участник событий А. Я. Гальперн, а также современный историк В. С. Брачев, вопросами создания оппозиционного царизму рабочего движения занимался руководящий орган российского политического масонства Верховный Совет Великого Востока Народов России. Именно в этом духе развивались события в 1916 г., когда организованная антицаристская оппозиция подняла на щит идею окончательной мобилизации и общей консолидации всех своих сил на борьбу с «внутренним врагом», т. е. правительством. После того, как по инициативе А. И. Коновалова

были организованы рабочие группы при центральном и местных Военно-промышленных комитетах, обозначилась задача «увенчать» построенное здание. Соответствующие разговоры активно велись в феврале 1916 г. Коновалов готов был не только всемерно способствовать проведению рабочего съезда, но и оплачивать из собственных средств членов нового центра рабочего движения. С целью созыва рабочего съезда был образован специальный Организационный комитет, в который вошли деятели из рабочих групп при Центральном и Московском ВПК. Как показывает исследователь русского масонства О. А. Платонов, Рабочий союз должен был превратиться в ячейку целой сети подобных союзов: земского, городского, торгово-промышленного, крестьянского, кооперативного и др. Все эти союзы планировалось объединить в Союз Союзов, который бы возглавил легальную деятельность общественности по свержению самодержавия. Эти далеко идущие планы были с пониманием встречены различными течениями социалистической оппозиции (опять за исключением большевиков), послужили целям ее консолидации.

В 1918 г., когда легальные демократические институты, такие как городские думы и земства, были упразднены, планы создания Союза Союзов свою актуальность утратили, но идея созыва изолированного беспартийного рабочего союза осталась. Первые выступления с целью перевода ее в практическую плоскость в 1918 г. прозвучали, по всей видимости, в начале марта 1918 г., то есть в момент, когда движение уполномоченных ещё только выходило из подполья и заявляло о себе как о самостоятельной политической силе. Проведению Рабочего съезда, в частности, была посвящена передовица органа ЦК РСДРП (о) газеты «Новый луч». Прошедшие в Петрограде и Туле собрания уполномоченных от фабрик и заводов корреспондентами газеты назывались первыми подготовительными шагами по организации беспартийного съезда рабочих всей страны. Опыт Петрограда и Тулы вселял в журналистов надежду, что предстоящий Всероссийский рабочий съезд наконец-то проложит дорогу к возрождению «самостоятельного рабочего движения», т. е. вырвет его из-под влияния большевиков. Тем самым меньшевики (в первую очередь те из них, кто в прошлом принадлежали к оборонческому

крылу партии) демонстрировали устойчивую заинтересованность в организации подконтрольного себе рабочего движения.

Основная работа по реализации планов созыва Рабочего съезда выпала прежде всего на долю Петроградского собрания уполномоченных, на определенном этапе фактически выполнявшего роль общероссийского центра организованного рабочего протеста. Усилиями активистов движения уполномоченных Петрограда идея беспартийного Рабочего съезда начинает приобретать реальные очертания уже в конце мая – начале июня 1918 г. Именно тогда предложение о созыве Рабочего съезда из области пропаганды было окончательно переведено в практическую плоскость, получив абсолютную поддержку и одобрение рядовых участников движения: 1 июня 1918 г. на XV пленарном заседании ЧСУ ФЗП решение о проведении всероссийского независимого съезда рабочих было принято единогласно. Детальная проработка предстоящего форума специальным решением конференции была возложена на Петроградское бюро уполномоченных. Ему поручалось подготовить общий план работы предстоящего важного мероприятия, продумать предложения о нормах представительства, разработать соответствующие инструкции для рассылки на места. Как значилось в материалах следствия, проводившегося большевиками против инициаторов и участников съезда, «именно Бюро взялось представлять собой на совещании (имеется в виду на съезде. – Д. Ч.) Петроградский пролетариат и говорить от его имени».

Организаторы съезда, однако, понимали, что главной их целью на этом этапе должна стать Москва, а не Петроград. Первоначально, правда, по свидетельству отдельных газет, съезд было решено провести в Петрограде, но от этой идеи пришлось очень быстро отказаться. Столица теперь переехала в Москву. Петроград превратился хотя и в большой, но провинциальный город. Как метко характеризовал Г. Я. Аронсон, «было положено начало государственно-политическому отмиранию Петрограда – и за его счет начался “расцвет” Москвы». В этих условиях проведение съезда в Петрограде было бессмыслицей, и работу по его подготовке следовало срочно переносить в Москву. Тем самым предстояло вдохнуть жизнь в московские структуры движения уполномоченных и создать надежный

плацдарм для работы с делегациями, прибывающими из других городов России. Именно с этой целью в Москву была направленная специальная делегация, заранее сформированная на XII заседании ЧСУ ФЗП 18 мая 1918 г., т. е. ещё до принятия официального решения о начале подготовки беспартийного рабочего съезда. Прибытие питерской делегации, по свидетельствам современников, действительно вызвало среди московских рабочих «очень сильное брожение» и способствовало консолидации оппозиции в столице вокруг идеи съезда, на что и делался расчет антибольшевистским подпольем.

Одним из ключевых мероприятий в общем русле подготовки Рабочего съезда становится разработка и самое широкое распространение Петроградским бюро особого наказа, предназначенного для отправлявшейся в Москву делегации. Видный деятель эсеровской военной организации В. И. Лебедев в своей изданной в 1919 г. в Нью-Йорке работе «Борьба русской демократии против большевиков» вспоминал: «Этот наказ, написанный в яркой и красивой форме, был внутренним криком души отчаявшегося, обманутого и преданного народа». Судя по самому широкому отклику и влиянию, который получил этот документ, ему довелось стать своего рода манифестом предстоящего Рабочего съезда и всего антибольшевистского рабочего движения начала лета 1918 г.

И это неслучайно. Наказ является одним из самых резких и бескомпромиссных документов, родившихся за всю историю движения уполномоченных. В материалах следствия, которое велось по делу о Рабочем съезде, подчеркивалось, что «Наказ» Петроградского бюро казался куда «откровеннее» тех документов, которые появились позже в его развитие. Если не по подбору критических выпадов в адрес советской власти, то по стилю, по языку, по общему впечатлению, – это, без сомнения, справедливо.

«Наказ» начинался с изложения ситуации в стране, какой она виделась участникам движения уполномоченных. В нем говорилось, что жизнь рабочего человека становится невыносимой. Закрываются заводы. Исчерпаны хлебные запасы. Дети умирают от голода. Но ждать хлеба неоткуда. Никто не уверен в завтрашнем дне. Десятки тысяч рабочих нуждаются в бесплат-

ных столовых. Еще один момент, многое дающий для понимания «Наказа» и того, какие силы стояли за его принятием: львиная доля довольно небольшого по объему документа отводилась Брестскому миру и его последствиям. Создается впечатление, что именно оценка Бреста являлась его ключевой политической задачей. Брест назывался среди важнейших причин начавшихся экономических трудностей. Содержались в документе и некоторые положения, показывающие, как могла выглядеть альтернатива внешней политике, проводимой Советским правительством. «Позитивная программа» была полностью списана с документов правого крыла РСДРП. Так, ещё в феврале 1918 г. правые меньшевики признавали невозможным спасение страны силами одних только рабочих и призывали к сплочению с цензовыми элементами. Кроме того, признавалась необходимой ориентация «в сторону англо-французской коалиции». Те же самые принципы отстаивались также авторами «Наказа».

Знакомство с документом оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, в нем звучит понимание реальной ситуации, в которой оказалась страна и российские рабочие, но с другой – полная непримиримость, отрицание какого-либо диалога с властью. Для большевиков не оставалось никакого маневра. В документе так и провозглашалось: «Нами правят бесконтрольно люди, которым мы давно не верим, которых мы не выбирали, которые над нами издеваются, которые не знают закона, права, чести, которые любят только власть и за нее нас предали... В эти тяжкие смертные часы мы говорим Вам, пролетарии всей России: нашим именем прикрылась власть, враждебная нам, власть противонародная, власть, принесящая нам только муки и бесчестье. Пусть она уйдет». Это был открытый вызов. В «Наказе» не содержалось ни малейшего намека на возможный компромисс. По сути, это было объявлением войны, а не приглашением к переговорам. Так «Наказ» Петроградского бюро и оказался воспринят самой властью. В заключении, подготовленном следственной Коллегией Революционного трибунала при Всероссийском центральном исполнительном комитете, читаем: «Цитируемый наказ не оставляет сомнения, что Петроградское бюро уполномоченных, во всяком случае, уже имело определившийся взгляд

по всем вопросам порядка дня предполагавшегося совещания (Рабочего съезда. – Д. Ч.), определенные методы решения всех «тревожных вопросов нашей жизни» и отнюдь не нуждалось в приглашении «подумать» о том, как и каким образом их следует разрешить».

Направленная в Москву делегация петроградцев сразу же приступила к активной деятельности. Основной целью прибывших становится проведение митингов на столичных предприятиях. На них обсуждались вопросы текущей политики, зачитывался «Наказ» петроградских рабочих, а также принятое в дополнение к «Наказу» совместное обращение «Ко всем рабочим России», под которым стояло две подписи – Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда и Временного бюро по созыву Собрания уполномоченных фабрик и заводов Москвы. В письменном отчете, который члены делегации отправили Петроградскому бюро уполномоченных, рассказывалось, что их позиция рабочей массой воспринималась крайне сочувственно. На некоторых собраниях после его оглашения петроградцам устраивали настоящую овацию.

Помимо Москвы эмиссары движения уполномоченных отправляются с агитационными турами и по другим городам ЦПР. Наиболее подробно в источниках отражена деятельность по организации выборов на Рабочий съезд, которая велась в Иваново-Вознесенске. В начале июня сюда со специальной миссией прибывает рабочий Петроградского гильзового завода Г. М. Грабовский. Он вошел в контакт с местными организациями РСДРП и ПСР и от их имени выступал на собраниях и митингах. В своих выступлениях Грабовский «главным образом напирал на то, что для спасения революции теперешний [Иваново-Вознесенский] Совет чересчур слаб и ненадежен», и что для спасения революции необходимы всеобщие пере выборы. В целом, как позже отмечал сам Грабовский, его позиция на проводившихся в городе рабочих собраниях «носила одинаковый характер по содержанию» с идеологией движения уполномоченных.

Горячий отклик замысел создать беспартийный рабочий съезд нашел в Туле. Рабочее движение в городе на протяжении всего революционного времени носило не стихийный, а орга-

низованный характер, и правые социалисты рассчитывали, что идея независимого Рабочего съезда, скорее всего, найдет в туляках надежных сторонников. Именно так в действительности и произошло. Выдвижение делегатов на Рабочий съезд обсуждалось в городе 10 июня на пленарном заседании Тульской рабочей конференции. На нем собравшиеся выслушали доклады гостей от Петроградского собрания уполномоченных фабрик и заводов, ознакомились с их опытом борьбы за рабочий съезд. Заседание проходило в напряженной обстановке в силу прямого противодействия властей. Явившийся в помещение, где шло заседание, член губернского Исполкома Соломенное попытался сбить боевой настрой собравшихся. В его выступлении прозвучали угрозы в адрес конференции и выступавших на ней ораторов. Как писала в те дни газета «Новая жизнь», на ультиматум Соломеннова рабочие ответили резолюцией, осуждающей политику большевиков. В ней заявлялось, что угрозы, аресты и расстрелы – это вызов, брошенный «в лицо пролетариата». Участники конференции потребовали представителя губисполкома немедленно удалиться.

По вопросу о Рабочем съезде Тульская рабочая конференция постановила полностью присоединиться к наказу петроградской делегации и послать своих представителей в Москву. Предполагалось, что туляки вместе с рабочими других городов примут участие в работе инициативного Бюро по созыву областного, а вслед за тем и всероссийского беспартийного рабочего съезда. Стержнем принятых Тульской конференцией документов становится изменение существовавшего в стране политического режима и установление в России демократической республики. Согласно приложенной к делу Абрамовича, Альтера и других делегатов съезда резолюции Тульской конференции, им было поручено отстаивать: «а) уничтожение созданного брестским миром закабаления России Германскому империализму, б) ликвидацию большевистской власти, в) борьбу за народовластие и д) укрепление и воссоздание боевых классовых организаций пролетариата». Как можно видеть, наказ тульской делегации строился трафаретно и отличия имел в основном стилистические.

Решительно включились в подготовку Рабочего съезда рабочие Нижнего Новгорода. Прошедшая здесь 9–10 июня

конференция уполномоченных, по воспоминаниям некоторых ее организаторов, изначально мыслилась как подготовительный этап к Всероссийскому рабочему съезду. О необходимости «скорейшего созыва рабочего съезда всей России» говорилось в принятой на ее втором, нелегальном заседании резолюции по организационному вопросу (в основу которой, как можно легко догадаться, был положен все тот же «Наказ петроградских рабочих»). По мере ухудшения экономического и политического климата в Нижнем Новгороде планы проведения Рабочего съезда находили растущую поддержку. «Всероссийский рабочий съезд – главная организационная задача пролетариата», – провозглашалось в одной из прокламаций, распространявшихся в городе во второй половине июня. Основная нагрузка по подготовке Рабочего съезда в Нижнем Новгороде легла на созданное конференцией уполномоченных Бюро.

Тем самым в один наиболее критический момент существования советского режима, летом 1918 г., большевистские лидеры столкнулись с совершенно новой ситуацией в протестном рабочем движении. Его организованная часть перерастала локализм и претендовала на роль силы общенационального масштаба. Во главе движения за Рабочий съезд стояли опытные политические лидеры, а сам механизм подготовки съезда включал в себя давно опробованные организованной оппозицией приемы и методы борьбы с властью: сперва царской, теперь – советской. И если бы к этому времени не обозначился спад общей протестной активности рабочих, такое развитие событий могло бы представлять для большевистского государства серьезную угрозу. Но в середине – конце лета 1918 г. ещё никто не мог точно сказать, не повторится ли всплеск протестного рабочего активизма вновь. Поэтому в период, непосредственно предшествующий Рабочему съезду, окончательный расклад сил был далеко не очевиден, а стороны настраивались на жесткое противостояние.

Последним организационным мероприятием на пути к рабочему съезду становится частное совещание Организационного комитета и делегатов съезда 21 июля 1918 г. В литературе можно встретить упоминание, что 21 июня начал работу сам Рабочий съезд (или иначе – Рабочая конференция). Иногда даже как дата

начала съезда встречается 20 июля 1918 г. Обе эти даты нуждаются в уточнении. Действительно, первоначально начало работы съезда намечалось именно на 20 июля. Но к намеченному сроку в Москву съехалось незначительное количество делегатов. Не изменилась обстановка и 21 числа. Это и побудило организаторов съезда провести утром 21 июля Частное совещание съехавшихся к тому времени делегатов. Председательствовал на нем А. Н. Смирнов. В своем вступительном слове он предложил выработать порядок дня и регламент предстоящего съезда. Была назначена и окончательная дата начала самого съезда – 22 июля 1918 г.

На следующий день, как и намечалось Частным совещанием делегатов накануне, Рабочий съезд начал свою работу. Проходил он в помещении Центрального продовольственного кооператива по адресу: Филипповский переулок, дом 9. В конце июня в Москве было уже непросто снять зал для проведения широкой антибольшевистской акции, поэтому при попытках подыскать помещение для Рабочего съезда не обошлось без проблем. В конце концов, из конспиративных соображений, его пришлось снимать за деньги. Плата за помещение предполагалась 40 рублей за будни и 75 рублей за выходные дни. Кроме того, организаторам съезда пришлось пойти на обман и заявить, будто помещение арендуется для собрания печатников, и что вопросы на нем будут обсуждаться сугубо профессиональные, неполитические.

В первую очередь делегаты заслушали доклад Мандатной комиссии. Ее материалы, а также другие обнаруженные в архивах документы, позволяют достаточно полно ответить на ряд вопросов, относящихся к важнейшим при освещении работы любого подобного мероприятия, в частности, – о его представительности и составе участников. Удалось точно установить 36 участников съезда: Р. А. Абрамович, В. И. Альтер, П. И. Башкиров, А. Е. Бейлин, Е. С. Берг, Н. К. Борисенко, А. А. Вецкалн, И. Г. Волков, М. А. Вороничев, А. Л. Вульф, М. И. Гальберштадт, Н. Н. Глебов, Д. И. Замораев, Д. В. Захаров, В. П. Кац, В. Ф. Кошелев, Я. Б. Лапкес, Ю. С. Лейкин, Н. И. Логвинов, А. А. Лотков, В. И. Матвеев, С. И. Полукаров, И. П. Пушкин, С. И. Русак, А. Н. Смирнов, Д. В. Смирнов, Б. А. Тумилевич, Н. Н. Усольцев, П. И. Уханов, И. П. Фомичев, И. И. Храмченков, А. А. Чиненков,

В. Г. Чиркин, В. П. Шестаков, И. И. Шлейфер, И. И. Шпаковский. В дальнейшем данный список может подвергнуться корректировке, поскольку в настоящий момент по некоторым персоналиям имеется слишком противоречивая информация, чтобы их безоговорочно включать или исключать из числа участников.

Наиболее значительной на съезде была делегация петроградцев, что вряд ли следует считать случайным. Помимо «колыбели движения уполномоченных» на съезде были представлены и другие важные промышленные центры – Москва, Тула, Нижний Новгород, Сормово, Кулебаки, Орел, Коломна, Воткинск, Рыбинск, Вологда, Тверь, Брянск (Бежицк), Кострома, Севастополь, Тамбов. Кроме того, сегодня могут быть названы основные предприятия, делегировавшие на съезд своих уполномоченных: Александровские железнодорожные мастерские. Электрическая станция 1886 года, Путиловский завод, Патронный завод. Трубочный завод, Русско-Балтийский завод, Ижорский завод. Коломенский завод, Воткинский завод, Вологодские ремонтные мастерские Северной железной дороги, Тульский патронный завод, Тульский оружейный завод, Кулебакский завод, Брянский завод и, по всей видимости, Орловский железнодорожный узел.

С высокой степенью достоверности удастся восстановить и партийность большинства участников съезда. Следует признать, что Московский Рабочий съезд является ещё менее «беспартийным», чем движение уполномоченных в целом. Во-первых, политические партии имели на нем свое официальное представительство. От ЦК РСДРП на съезд был делегирован Р. А. Абрамович, от Главного комитета Бунда – В. И. Альтер, от ЦК ПСР, как можно предположить, в съезде принял участие А. Е. Бейлин. А. А. Вецкалн (в одном из списков он проходит как Векцман) следствию представил себя членом литовской социал-демократической партии. Кроме того, на съезде было представительство от региональных организаций меньшевистской партии: так, от Костромского Комитета РСДРП присутствовал Н. Н. Усольцев, «по совместительству» он представлял интересы также и других социалистических партий губернии. Некоторые участники съезда имели двойное членство. Р. А. Абрамович, И. О. Шлейфер и В. И. Альтер являлись одновременно членами и РСДРП, и Бунда,

а Н. Н. Глебов заседал на съезде не только как меньшевик, но и как один из лидеров созданной им самим Единой рабочей партии.

Всего удалось установить партийную принадлежность 27 участников съезда, партийную принадлежность ещё четверых пока точно определить не удалось (из них двое – предположительно социал-демократы). Из тех, чья партийность установлена, больше всего, как и следовало ожидать, оказалось меньшевиков – 21 человек. Эсеры имели на съезде 6 представителей, Бунд – трех, латвийская социал-демократическая партия и Единая рабочая партия – по одному представителю. Ни одного большевика, левого эсера или анархиста на съезде не было. Беспартийными из участников съезда с полной уверенностью можно назвать только пятерых. Из беспартийных на съезде присутствовали П. И. Башкиров (Брянск), М. А. Вороничев (Сормово), В. И. Матвеев (Сормово), Д. В. Смирнов (Тверская губ.), И. И. Храмченков (Брянск). Двое из них (Вороничев и Смирнов) в прошлом были социал-демократами, и ещё один человек (Матвеев) прежде состоял в эсеровской партии. Таким образом, беспартийные рабочие были только в трех делегациях (от Брянска, Сормова и Тульской губернии), все остальные делегации по своему составу являлись исключительно партийными.

О том внимании, которое уделялось съезду руководством оппозиции, свидетельствует не только большой процент среди его участников членов различных правых социалистических партий, но и тот факт, что на съезде присутствовало немало видных функционеров традиционных пролетарских организаций: И. П. Волков являлся членом Правления Петроградского союза кооперации и одновременно председателем Петроградского союза рабочих кооперативов, а также членом правления Союза металлистов. Д. И. Замораев некоторое время возглавлял Сормовский совет рабочих депутатов. Чиненков числился членом правления Союза металлистов. В. Г. Чиркин – членом Центрального совета профессиональных союзов. Захаров занимал должность секретаря Петроградского союза рабочих-химиков. Были на съезде, естественно, и функционеры рангом пониже.

В значительно большей мере, чем беспартийным, Московский съезд может считаться рабочим. По материалам следственного

дела удается установить не только место работы, но рабочие профессии большинства делегатов и гостей съезда. Самую многочисленную группу участников съезда составляли рабочие-металлисты: слесари, разметчики, токари по металлу (Волков, Замораев, Чиркин, Полукаров, Глебов и др.). Присутствовали на съезде отдельные представители и других рабочих профессий: электромонтеров (Берг), плотников (Вецкалн), железнодорожников (Тумилевич). В то же время среди участников съезда было немало, как говорили раньше, и непролетарских элементов: рабочих Коломенского завода представлял Кац, по профессии – зубной техник, Воткинский завод – помощник конторщика Лотков. Несколько человек представились журналистами или литераторами – это Абрамович, Бейлин, Шестаков. Трое участников съезда проходили как учащиеся – Гальберштадт (курсистка), Лапкес (студент сельскохозяйственного института) и Усольцев (студент-медик). Альтер работал инженером, Вульфов заявил о себе как о профессиональном партийном работнике, а Русак – как о безработном (прежде работал на Ижорском заводе).

Из всех вопросов, связанных с составом участников съезда, наиболее сложным представляется вопрос о том, какое количество рабочих они реально могли представлять. Информация, содержащаяся на этот счет в докладе Мандатной комиссии, доверия не вызывает. По подсчетам Мандатной комиссии получалось, что участники съезда представляли более чем 115 тыс. рабочих. В ее докладе говорилось, что петроградская делегация избрана на съезд от 60 тыс., делегация от Коломны – 8 тыс., от Вологды – 5 тыс., от Бежицы – также 8 тыс. рабочих и т. д. Эти данные говорят сами за себя и являются очевидным преувеличением. Сведения, приводимые Мандатной комиссией, опровергаются свидетельствами самих участников съезда. Так, в докладе Мандатной комиссии утверждалось, что делегаты от Тулы представляли 30 тыс. рабочих. Реальные цифры были на порядок ниже. Делегат от Тулы И. П. Пушкин, например, признался, что его делегировали на съезд 500 человек из 1700 работающих на Тульском оружейном заводе. Еще более красноречивы слова другого туляка – С. И. Полукарова. По его словам, на съезде он является делегатом от 60 тульских рабочих. К сожалению, подоб-

ной, более или менее объективной, информации материалы следствия содержат крайне мало. Кроме Полукарова и Пушкина ее сообщил ещё делегат из Кулебак П. И. Уханов. Он показал, что из 7000 рабочих, работающих на его предприятии, за него проголосовало «тысячи три». Характерно, что лишь только двое участников съезда в своих показаниях пытались настаивать, что они, как это и предусматривалось Уставом, были избраны от 5 тыс. рабочих. Речь идет о делегате из Петрограда Борисенко и делегате от Вологды Кошелеве. Ни подтвердить, ни опровергнуть слова Кошелева сегодня не представляется возможным, но что касается Борисенко, то относительно него совершенно точно установлено, что он был избран не рабочими конкретного предприятия, а собранием уполномоченных Петрограда, на котором присутствовали лишь несколько десятков человек.

Какие-либо данные о большинстве других участников съезда гораздо более относительны или отсутствуют вовсе. Ничего не говорится о количестве рабочих, избравших на съезд Абрамовича, Бейлина и других представителей центральных органов социалистических партий, скорее всего, они не имели за собой голоса ни одного реального рабочего и на рабочих собраниях не избирались. Также из области предположений количество рабочих, делегировавших Замораева, Вороничева, Башкирова, Лоткова, Каца и других делегатов от конкретных предприятий Сормова, Брянска, Воткинска, Коломны. Учитывая динамику протестного движения в этих городах, можно лишь предполагать, что за ними действительно стояли реальные избиратели, но численность их не может быть определена даже приблизительно, поскольку в материалах следствия на этот счет не удалось обнаружить и намеков.

При ответе на вопрос о представительности съезда не следует также сбрасывать со счета и общую динамику развития движения уполномоченных. Как уже отмечалось, в июле оно повсеместно находилось в состоянии упадка. Кроме того, очень широкие протестные массы рабочих не были никоим образом связаны с движением уполномоченных. Тем самым общее количество рабочих, которых представляли участники съезда, может быть определено в границах от 20 до 30 тыс. человек. Если бы

съезд удалось провести хотя бы на месяц – полтора раньше, он мог бы иметь и существенно большую поддержку.

После обстоятельного доклада мандатной комиссии состоялись выборы президиума. В него вошли И. О. Шлейфер, Д. И. Замораев и Е. С. Берг, ставший его председателем. Доклад Организационного комитета оглашался А. Н. Смирновым. Смирнов подробно проинформировал собравшихся о работе предварительного совещания в Москве, на котором был создан Организационный комитет, и развернуто остановился на дальнейших мероприятиях по подготовке съезда. Он сообщил, что Организационный комитет за время своей деятельности разработал несколько важных документов, в том числе принял устав съезда и подготовил 3 письма, которые широко разошлись по всей стране. Всего документы съезда были направлены ста шести региональным рабочим организациям (собраниям уполномоченных, комитетам оппозиционных профсоюзов, потребительским обществам) в количестве 150 тыс. экземпляров. Но общий итог сказанного Смирновым был неутешительным: царившее на местах приподнятое настроение после мятежа левых эсеров сменилось общим унынием, и намечаемый съезд рабочими воспринимался совершенно равнодушно, посылать своих делегатов на него они не спешили. Отдельно, по просьбе некоторых делегатов съезда, Смирнов остановился на развитии движения уполномоченных в Москве. По определению докладчика, результаты деятельности по созданию движения уполномоченных здесь «были плачевными».

Заслушав доклад Смирнова, участники съезда перешли к обсуждению его основных положений и к сообщениям с мест. Первым слово взял делегат от Петрограда Шпаковский. Он рассказал о некоторых сторонах деятельности ЧСУ ФЗП с момента его легализации весной 1918 г. С того времени в нем удалось объединить до 130 активистов. Не все из них посещали ЧСУ ФЗ регулярно, причиной чему служили постоянные закрытия крупных заводов и локауты. По определению Шпаковского, «события то поднимали, то опускали деятельность Собрания Уполномоченных». Несмотря на это, Бюро ЧСУ ФЗ Петрограда сохранило позиции, занятые движением в первые дни его зарождения.

По словам докладчика, положение в городе резко осложнилось в связи с планами общегородской забастовки 2 июля. В целом властям удалось сорвать стачку, но многие рабочие все же приняли в ней участие. После забастовки произвол властей ещё более усилился, и ЧСУ ФЗП пришлось встать «на путь отделения от Советской власти, активной борьбы с нею».

Ситуация в Северной столице была дополнительно охарактеризована ещё одним выступающим – Захаровым. Он представлял социалистическую оппозицию Петросовета. Значительную часть своего доклада Захаров посвятил тому бедственному положению, которое сложилось в промышленности Петрограда. По его словам, промышленности в городе практически не существовало. Продолжали работать лишь немногие уцелевшие предприятия, остальные бездействовали. Но резкое ухудшение жизни рабочих, признал докладчик, не привело к автоматическому росту авторитета оппозиции, хотя некоторые подвижки в этом вопросе он все-таки отметил: если до перевыборов в Петроградский совет оппозиция в нем была представлена совсем незначительно, то после июньских перевыборов она имела там более 100 своих сторонников. При этом Захаров признал, что предвыборная компания для оппозиции оказалась не слишком удачной, поскольку ее раздирали очередные противоречия по текущим вопросам. Да и после выборов, подчеркнул докладчик, депутатов от социалистических партий характеризовала удручающая недисциплинированность.

Следом за петроградцами о событиях в своем городе участникам съезда докладывала делегация нижегородцев. Однако в отличие от единодушного выступления представителей Северной столицы, нижегородцы в своих оценках и подходах серьезно разошлись. На примере нижегородской делегации можно видеть, что настроения рабочих – рядовых участников движения уполномоченных – были подчас существенно радикальней, чем у его лидеров. Такой революционный радикализм присутствовал в выступлении первого докладчика от Нижнего Новгорода токаря Сормовского завода Вороничева. Характеризуя политические настроения рабочих, он заявил, что рабочие не видят смысла даже в таких формах борьбы, как политические стачки. С похвалой

отозвавшись о многочисленных крестьянских восстаниях, в те дни охвативших всю Нижегородскую губернию, Вороничев не скрывал, что в сложившейся ситуации рабочие убеждены в «необходимости вооруженного выступления».

Сказанное Вороничевым не содержало прямых призывов к свержению режима комиссаров, но вполне могло быть истолковано именно как призыв к насильственному перевороту. Если бы слова Вороничева получили огласку, они могли бы повредить не только ему самому, но и всем участникам съезда. Понимая неуместность прозвучавших откровений, представитель Нижегородского бюро уполномоченных Лейкин, взявший слово сразу за Вороничевым, поспешил максимально сгладить произведенное им впечатление. Лейкин не стал отрицать, что многие рабочие действительно разочаровались в пассивных методах борьбы, «ибо они считали, что момент требует действия». Вместе с тем он отметил, что большинство рабочих «опускают головы», проникнуты чувством всеобщей апатии, и это ведет к затуханию движения уполномоченных в губернии. Закончил он свое выступление категорично: «Преувеличивать настроения рабочих нельзя».

Выступление Лейкина спровоцировало на съезде первую конфликтную ситуацию. Вороничев отказался признать правоту своего более опытного и осторожного товарища и вопреки принятому на съезде регламенту потребовал слово повторно. Он заявил, что Лейкина никто не уполномочивал говорить от имени рабочих и, по сути, обвинил его в клевете. В пылу полемики Вороничев, видимо, совсем забыл об осторожности и проговорился, что рабочие вынесли резолюцию о «готовности выступить» и будут «силой каких угодно мер защищать и отстаивать» свою позицию. После этого президиум съезда, похоже, уловил опасное направление вспыхнувшей полемики и поспешил ее прекратить.

Далее последовали выступления прочих делегаций. В их отчетах содержались все та же картина глубокого кризиса всего народного хозяйства: промышленности, транспорта, системы продовольственного снабжения. Так, представитель Тулы Полукаров сообщил об упорной забастовочной борьбе, которую в тот период вели тульские рабочие. По его словам, многих из них даже «приходилось удерживать от стачки». Нерешенность соци-

альных и экономических вопросов заставляла тульских рабочих все чаще вылететь радикальные политические лозунги в поддержку Учредительного собрания и требовать отставки Совета народных комиссаров. Делегат от Бюро уполномоченных Коломны В. П. Кац заявил, что своей деятельностью местный Совет «на практике доказал рабочим всю негодность большевистской политики» и зафиксировал полный отход «масс от большевиков». На волне массового недовольства большевиками социалистам в Коломне удалось резко усилить свои позиции и в Совете, и в прочих рабочих организациях. В своем выступлении Кац привел один эпизод, красноречиво характеризующий настроения рабочих. По его словам, «на митинге, устроенном большевиками, при извещении об убийстве Мирбаха были аплодисменты».

Ситуация на съезде вновь начала накаляться, когда слово было предоставлено делегату от Вологды В. Ф. Кошелеву. Его выступление можно считать важнейшим из прозвучавших в первый день съезда. В официальном протоколе выступление Кошелева сохранилось не полностью. По всей видимости, недостающая часть протокола была уничтожена Шлейфером в момент ареста участников съезда. Однако следственным органам удалось восстановить пропавший фрагмент выступления Кошелева по запискам, сделанным на съезде Усольцевым. В них он передан следующим образом: «В Совет оппозиция не входит, до тех пор, пока союзники не будут в двух днях от Вологды. Перевыборы были произведены нахрапом, рабочие готовы выступить (выделено в документе. – Д. Ч.)». На очной ставке между Усольцевым и Кошелевым делегат от Вологды вынужден был согласиться, «что приведенные в записках Усольцева выражения могли бы быть им сказаны – хотя не в такой определенной категорической форме». Кошелев также настаивал, что все озвученные им факты известны ему исключительно по слухам. Но сам эпизод интенсивных контактов вологодских социалистов с ярославскими мятежниками и чехословаками он отрицать не стал.

После обстоятельного обмена мнениями участники съезда, по всей видимости, проголосовали за резолюцию с оценкой текущей политической ситуации в стране. В стенограмме этот момент не отмечен. Кроме того, в дальнейшем, уже находясь под следствием,

все как один делегаты съезда заявляли, что никаких документов они не рассматривали и не принимали. Очевидно, поэтому в материале, подготовленном Следственной комиссией Революционного трибунала при ВЦИКе, об этой резолюции говорилось как о ещё не принятой. Согласно версии Следственной комиссии, участники съезда были арестованы ещё до того, как успели принять какие-либо документы. Однако арест был произведен не в первый, а во второй день работы съезда, когда первый вопрос был обсужден и делегаты перешли к рассмотрению второго вопроса. Логика любых представительных мероприятий подразумевает, что резолюции на них выносятся отдельно по каждому вопросу, а не все одновременно, после исчерпания всей повестки дня (тем более когда приходится заседать в полулегальных условиях и велика вероятность срыва работы). Следовательно, резолюция по первому вопросу должна была быть принята ещё в первый съездовский день. Таким образом, очевидно, дело на практике и обстояло. В документах ВЧК сохранился экземпляр резолюции по отчету Организационного комитета съезда. На нем имеется пометка, что резолюция действительно была принята, причем одобрили ее всеми голосами «за» при одном воздержавшемся. Говорится о принятии резолюции и в заметке, появившейся в газете «Известия» вскоре после ареста Рабочего съезда.

Текст резолюции состоял из семи пунктов. В первом пункте декларировалось, что условия возрождения промышленности и ослабления безработицы могут быть созданы только при восстановлении политических прав рабочих и всего народа, а также только при ликвидации внутренней, гражданской войны, вызванной политикой большевиков. В этой связи во втором пункте своей резолюции участники съезда называли проводимый большевиками «план хозяйственной организации» «вредным для рабочего класса», а в третьем пункте требовали прекратить «опыты социализации и национализации фабрик и заводов». Далее в резолюции содержались несколько важных положений, которые могут быть условно названы «конструктивной программой по выходу из кризиса» в том виде, в каком она представлялась устроителям съезда. Так, в четвертом пункте звучал призыв создать все условия «для привлечения

русских и иностранных капиталов на началах свободной конкуренции» для возрождения экономики страны.

В пятом пункте предлагалось в кратчайшие сроки восстановить кредитную систему и провести денационализацию банков. В шестом пункте звучало требование установить «государственный контроль над производством и планомерное распределение сырья между фабриками и заводами», иными словами, отказаться от проводившейся советской властью политики рабочего контроля. И, наконец, седьмой пункт резолюции требовал от властей наладить «регулирование и распределение предметов первой необходимости среди населения».

К принятой съездом резолюции прилагались тезисы, которые не были самостоятельным документом, а являлись органическим продолжением самой резолюции. Начинались тезисы с утверждений о том, что Россия представляет собой страну в основном аграрную, с малокультурным населением, а потому «меньше, чем какая-либо другая страна» имеющую «данные для постройки социалистического хозяйства». Составители тезисов подчеркивали, что «война подорвала даже те слабые устои, которые находились в стране». В сложившейся ситуации, полагали они, рабочий класс будет поставлен в самые неблагоприятные условия и просто обречен на массовую безработицу. Следовательно, рабочие кровно заинтересованы в освобождении страны от внешнего и внутреннего ига, возрождении промышленности, усилении пролетарских организаций и восстановлении всех демократических прав народа.

В резолюции и тезисах прямых политических лозунгов не выдвигалось, но их общая направленность не оставляла никаких иллюзий. Неслучайно сообщавшая об аресте Рабочего съезда и о содержании принятых на нем документов газета «Известия» заключала: «Можно лишь благодарить г. Абрамовича и его соратников за такую откровенность». Позже, анализируя материалы съезда и содержание дискуссии по первому вопросу повестки дня, органы обвинения в своем заключительном документе отмечали: «Содержание приведенных докладов устанавливает, что: а) все представители... вели определенную контрреволюционную работу на местах; б) цель совещания всецело совпало у всех

участников с целью деятельности, намеченной Организационным комитетом, в) конечной целью их была организация нового центра для подготовки выступлений во всероссийском масштабе против рабоче-крестьянского правительства, что, в частности, в план этого выступления входила координация сил с англо-французскими войсками (Вологда)».

Можно соглашаться или не соглашаться с категоричностью большевистских оценок состоявшегося Рабочего съезда. Категоричность эта была следствием шедшей в стране Гражданской войны. Но главный вывод обвинения можно признать: если бы планы инициаторов съезда удалось реализовать, организованная оппозиция получила бы мощный рычаг давления на власть. Другое дело, что сами делегаты по-разному представляли себе те организационные формы, в которые по итогам съезда должно было воплотиться протестное движение рабочих. Преувеличивать разногласия между участниками съезда, конечно, не стоит. Но они все же существовали и вполне определенно смогли проявиться при обсуждении следующего вопроса повестки дня съезда – вопроса о создании новой пролетарской организации и ее задачах.

Начать обсуждение планов создания всероссийской беспартийной организации рабочих делегаты съезда успели ещё в первый съездовский день. Правда, вечером 22 июня пришлось ограничиться только официальными докладами, а прения были перенесены на следующий день. На этот раз основных доклада было формально два: с первым выступил А. Н. Смирнов, со вторым – Р. А. Абрамович. Доклад Смирнова являлся своеобразным «вступительным словом» к докладу Абрамовича, и чего-либо важного в своем выступлении Смирнов говорить не стал, ограничившись общими декларациями. Более содержательным и деловым оказался доклад Абрамовича. Начиная свое выступление, Абрамович отметил, что «масса раздроблена» и «нужно ее объединить». Он заявил, что готов предложить конкретную схему создания новой рабочей организации, при этом отметив, что в сложившихся в стране условиях она должна будет строиться на принципиально новой основе и должна кардинально отличаться и от Советов, и от собраний уполномоченных. В этой связи

Абрамович специально пояснил, что он не предлагает создать новую рабочую партию. В условиях середины 1918 г. ставить вопрос о создании новой, антибольшевистской партии было занятием бесперспективным. Создаваемая организация должна была заняться вопросами экономического положения рабочих, их политических прав и культурного развития, отдельно – вопросами рабочей кооперации. Говоря о конечной цели новой организации, Абрамович был предельно искренен и заявил: «Необходимо изолировать большевиков от рабочей массы, ибо тогда они должны будут уйти (выделено в оригинале. – Д. Ч.)...»

На этом первый съездовский день завершился. Во второй, заключительный день работы съезда, 23 июля, обсуждение прозвучавших накануне докладов Смирнова и Абрамовича было продолжено. Открывал прения Бейлин – официальный представитель на съезде ЦК ПСР. В своем выступлении он отметил, что намеченная Смирновым идея объединения рабочих уже осуществляется. Но Смирнов, по мнению Бейлина, сузил задачу. В мирное время объединением рабочих в единую организацию можно было бы ограничиться. Но теперь, когда ситуация в стране изменилась, нужно «иметь определенную программу борьбы с большевиками». Для этой цели, полагал Бейлин, необходимы и партия, и рабочий союз. Беспартийные рабочие центры должны работать в контакте с партийными центрами.

В заключительном документе следственных органов после цитаты из протокола с выступлением Бейлина отмечалось, что «дальнейшие прения были прерваны арестом». Но это неверно. Прения продолжались, и после Бейлина успели выступить ещё пять человек: Чиркин, Шпаковский, Захаров, Глебов и Лейкин. Чиркин и Захаров являлись крупными функционерами меньшевистской партии. Поэтому их выступления были полностью выдержаны в русле прозвучавшего накануне установочного доклада Абрамовича. Весь их пафос сводился к доказательству порочности малейших попыток принизить роль социал-демократии в рабочем движении, которая, по их убеждению, должна была оставаться «руководящей» и «направляющей» силой. Захаров в своем выступлении так и заявил, что «партии будут существовать» и впредь, поскольку «Рабочий съезд не может

вести классовой борьбы, и роль партии выполнить не может», а все разговоры о беспартийности рабочих организаций возникли исключительно в результате отсталости России с ее неразвитой политической культурой. По его мнению, съезд, участником которого он сам являлся, не должен был создавать новую партию, и его задача существенно скромнее – «образовать новый рабочий центр, который будет тесно объединен с Партийным Центром».

Однако далеко не все участники съезда, даже состоящие в меньшевистской партии, были согласны с такой постановкой вопроса. Диссонансом с заслушанными ранее докладами прозвучало выступление Шпаковского. В нем он не стал деликатничать и дал крайне низкую оценку партийным функционерам, занятым в рабочем движении. «Наши партии, – заявил оратор, – не удовлетворяют уже отдельных товарищей членов партии, ибо не дают ответа на поставленные жизнью вопросы». Свою аргументацию Шпаковский начал издавека. Прежде чем перейти к текущим событиям, он вернулся на несколько лет назад, когда в условиях революции 1905 г. идея Рабочего съезда возникла впервые. Он напомнил слова, сказанные накануне Смирновым, что в период первой русской революции идея Рабочего съезда выдвигалась Аксельродом точно в такой же кризисной политической ситуации, когда рабочее движение переживало упадок. Получалось, что партийные функционеры вспоминали о Рабочем съезде только тогда, когда их собственные усилия заводили рабочее движение в тупик, но при этом вину за все переживаемые страной трудности партийная интеллигенция перекладывала на рабочих. Шпаковский отверг пренебрежительное отношение к рабочему классу и заявил, что рабочим, «способным к организованной работе и разбирающимся в политических вопросах», давно пора приступить к созданию собственно Рабочей партии, «хотя бы как результат Рабочего съезда».

Полемика разгоралась. Слово было предоставлено Глебову, и прежде известного своей принципиальной и независимой позицией. Свое выступление Глебов начал с того, что фактически обвинил меньшевистскую часть Рабочего съезда в доктринерстве и преследовании интересов собственной партии в ущерб интересам рабочих. Он категорически не согласился с узкофрак-

ционным подходом, положенным в основу докладов Смирнова и Абрамовича. По его убеждению, время требовало решительного слома не только старых организационных форм рабочего движения, о чем говорили основные докладчики, но и прежней застывшей идеологии. Начавший свое выступление за Глебовым Ю. С. Лейкин тоже не стал поддерживать официальную линию съездовского руководства. «Задача образования... Рабочего Союза неблагоприятна», – заявил он. Лейкин полностью соглашался с необходимостью объединить рабочих «на почве классовой борьбы», хорошую базу для чего мог создать именно Рабочий съезд. Но он также видел, что в обществе существуют силы, стремящиеся внести новый раскол и противопоставить Рабочий съезд Советам.

Таким образом, на второй день Рабочего съезда начала вырисовываться интересная картина: сразу три докладчика с мест разошлись с позицией ораторов от партийного руководства меньшевиков. Один за другим они более или менее явно отказывались поддержать те цели, которые им предлагали одобрить – явление для подобных мероприятий нечастое. Ситуация явно выходила из-под контроля. Однако дальнейшего развития она не получила. Именно в тот момент, когда Лейкин говорил о роли Советов в революции, в помещение, где проходил съезд, ворвался отряд вооруженных людей, и его работа была прервана. Так закончился первый и единственный в истории России Рабочий съезд, который его организаторы рассчитывали превратить в переломный момент всей революционной эпохи.

Что же касается последующих планов социалистической оппозиции разыграть карту независимого Рабочего съезда в дальнейшем, то они были фактически обречены. Хотя в записках некоторых участников тех событий и утверждается, что среди находящихся в большевистских застенках делегатов разогнанного съезда имелись планы их дальнейшей работы на случай освобождения кого-либо из них, никакой активизации движения уполномоченных осенью 1918 г., даже после возвращения на свободу всех основных участников Рабочего съезда, не возникает. Лозунг беспартийности и независимости рабочих организаций, так же как и лозунг Учредительного собрания, все ещё время от времени

возникал то тут, то там в обстановке особенно острых трудовых конфликтов, но серьезной поддержки он уже не находил. Советскому режиму, все более приобретающему черты патерналистского, к этому времени удалось нормализовать отношения со своей социальной базой. А без опоры на рабочие массы любые попытки организовать альтернативное рабочее представительство оказывались обречены. Не было будущего у Рабочего съезда и с точки зрения институционального развития революции. Так же как и движение уполномоченных, Рабочий съезд воплощал в себе принципы парламентской, а не советской формы демократии, и это сказалось на его судьбе самым непосредственным образом: попытки обмануть свою эпоху и создать в революционной России, в которой царили традиционализм и реставраторские тенденции, рабочую организацию, построенную на межклассовых принципах, не имели ни единого шанса на успех.

Умрем в борьбе за это!

Ситуация, складывавшаяся в рабочих предместьях в первой половине 1918 г., свидетельствовала о росте среди рабочих агрессивных и деструктивных настроений. Создавалась взрывоопасная среда, в которой протесты принимали насильственный характер. К радикализации форм протестных выступлений подталкивали рабочих и неудачи в организации альтернативных Советам и профсоюзам организаций по типу движения уполномоченных от фабрик и заводов, Всероссийского беспартийного рабочего съезда и т. д. Крайним проявлением этих набиравших обороты процессов становится возникновение рабочего повстанчества. В годы революции и Гражданской войны рабочее повстанчество, как и повстанчество вообще, имело самую разную окраску. Наиболее распространено было красное рабочее повстанчество. Но случалось, что рабочие с оружием в руках выступали против большевиков, а иногда и в целом против советской власти. И большинство подобных случаев приходится именно на 1918 г.

Изучение рабочего повстанчества имеет фундаментальную значимость, причем не только для рабочей истории. Взгляд на причины, его порождающие, позволяет глубже понять характер революции, природу советовласти. Кроме того, изучение рабочего повстанчества необходимо для понимания механизмов «малых войн», моделирования реакции государства на очаги сопротивления экстремистского типа. Но вот парадокс, – из всех форм рабочего движения повстанчество изучено наименее полно. Причем имеется в виду не только антибольшевистское, но и красное повстанчество. Тому есть свои объяснения, но лежат они вне сферы науки: дело в том, что в 1930-е гг. сталинское руководство свернуло эту тему; многие ученые, начинавшие ее разработку, оказались репрессированы. Тем ценнее те немногие сохранившиеся работы 1920-х гг., авторы которых, как правило,

непосредственные участники революционного повстанчества, сумели подняться до уровня первичных теоретических обобщений. К их числу принадлежит, например, монография М. А. Дробова, два экземпляра которой в 1974 г. чудом удалось обнаружить в спецхране. В ней делается попытка сравнить антибольшевистское и красное повстанчество, с упором, конечно, на второе.

Давая научное определение роли «малой войны» и, в частности, повстанчества в «большой» – Гражданской войне, М. А. Дробов писал о том, что именно участие рабочих придавало повстанчеству тех лет организованность и целенаправленность. Наиболее стойким, утверждал он, являлось то повстанчество, в котором партизаны-крестьяне связывались с рабочими. В этом случае повстанчество приобретало «твердую и четкую линию поведения, организационную ясность, целеустремленность и перспективу борьбы, сознание общности с рабочим классом и его партией». Рабочие-повстанцы, по мнению Дробова, «не распыляют своих сил, а исподволь и планомерно готовят к будущим боевым действиям, не давая бить себя по частям». Дробов писал о красном повстанчестве, отсюда и ещё один пункт его рассуждений: «Наряду с широкой агитацией и пропагандой, – подчеркивал он, – идет их боевая работа по завоеванию и организации масс против буржуазии».

Теоретическое обобщение Дробова применимо отнюдь не только к красному рабочему повстанчеству. Под «целью» рабочего повстанчества можно понимать не установление советской власти, а ее ликвидацию. Под партией рабочего класса – не большевиков, а меньшевиков или эсеров, или даже организации ветеранов-фронтовиков, офицерские организации, крестьянский союз, кооперацию. А сплочение масс может быть направлено и против «комиссародержавия». Что же касается агитации, то она может иметь самую разную направленность. Все остальные черты рабочего повстанчества, о которых пишет Дробов, не несут идеологической нагрузки и вполне приложимы к рабочему повстанчеству любой «расцветки». И это вполне подтверждается практикой тех лет.

Своеобразным предвестием антибольшевистского рабочего повстанчества стали нередкие стычки между отдельными груп-

пами рабочих, вооружаемых самой советской властью. Так, в мае 1918 г., ещё до известного антисоветского мятежа в Ярославле, по сообщению газеты «Знамя труда», на улицах этого города развернулись настоящие бои между пока не расформированными отрядами рабочей Красной гвардии и частями Красной армии. Но это был отнюдь не первый инцидент с участием красногвардейцев в этом городе. Рано утром 28 января 1918 г. по приказу командующего 211-го полка, без постановления местного ВРК, был разоружен штаб ярославской Красной гвардии, помещавшийся в доме Лопатина по Стрелецкой улице. Подобные столкновения происходили и потом, не без участия местных левых эсеров, что серьезно ослабило позиции революционных сил накануне Ярославского мятежа, подготовленного группой Савинкова. К разоружению отдельных отрядов рабочих властям приходилось прибегать и в соседнем Рыбинске, когда летом там намечился резкий подъем рабочего протестного активизма. Столкновения между Красной гвардией и властью происходили в Нижнем Новгороде. Когда местные советские органы попытались изъять у рабочих оружие, на требование выдать винтовки и боеприпасы рабочие заявили: «Их мы дадим такой власти, которая даст порядок, а вы даёте свинец».

Примерно к тому же времени относятся и события в Ижевске. В Октябрьские дни заводская Красная гвардия насчитывала до 300 бойцов. Ижевцы помогали вооружать отряды Красной гвардии других заводов края. Но в случае с Красной гвардией самого Ижевского завода для советской историографии существовала одна «неудобная» деталь. Ведущие позиции в отряде занимали не большевики, а эсеры-максималисты. Разногласия, вспыхнувшие между двумя революционными партиями, привели к вооруженному мятежу красногвардейцев Ижевска. На его подавление пришлось присылать отряды матросов из Казани. Перестрелки с применением артиллерии нужно было как-то объяснить населению. В своем специальном воззвании к рабочим от 20 апреля 1918 г. Ижевский совет рабочих депутатов возложил на Красную гвардию города главную ответственность за многочисленные «обыски, аресты, грабежи и расстрелы». Отряд заводской Красной гвардии был квалифицирован большевиками

«преступной армией мародеров, грабителей и убийц». Ошеломленному обывателю воззвание сообщало, что «следствие по важнейшим преступлениям последнего времени показало, что главные участники их есть красногвардейцы». Однако документ проговаривался и об истинной причине произошедшего. Ею стала попытка нормализовать в городе и на заводе обстановку, централизовать всю полноту власти в руках Совета. Это и привело к мятежу отряда красногвардейцев, отказавшихся разоружаться. Вряд ли стоит сомневаться, что и сами события, и неуклюжие разъяснения их причин не укрепляли авторитет новой власти в глазах рабочих. Разгром наиболее революционно настроенных кадров также не приходится сбрасывать со счетов при анализе дальнейших событий на Ижевском заводе. Сходные конфликты с участием Красной гвардии происходили также в Нижнем Тагиле и других городах Урала.

Тем самым, можно видеть, что Красная гвардия, рабочая милиция и подобные им вооруженные формирования, как звенья единой системы пролетарского самоуправления, так же как и другое ее звено – рабочий контроль, у большевистских вождей начали вызывать все более острую озабоченность. С течением времени красногвардейцы и рабочие милиционеры чаще и решительнее отказывались выступать против своих товарищей. Процесс этот затронул и молодую Красную армию, которая, по мысли большевистских руководителей, должна была стать более надежной опорой режима, нежели Красная гвардия с ее «полупартизанской дисциплиной». Один из современников тех событий рассказывал, что по мере нарастания рабочих протестов красноармейцы начали мало-помалу возвращаться на заводы. Так, к середине мая 1918 г. чуть ли не все рабочие, ушедшие с петроградского завода Речкина в Красную армию, вернулись к станкам. В объяснении своего поступка они заявляли, что не желают выглядеть в глазах остальных рабочих «опричниками». Сообщения о возвращении в одиночку и целыми группами рабочих на заводы поступали в те дни из Невского, Нарвского, Выборгского и других районов города. Рабочие мотивировали «своей уход нежеланием отправляться в какие-то экспедиции по реквизиционным делам, а также

отсутствием у них желания выступать против рабочих, к чему их приводит политика Советской власти».

Ситуация, которая начала складываться в отношениях между официальной властью и «полусамостоятельными» отрядами вооруженных рабочих к весне 1918 г., заставила некоторых историков предположить, что Брестский мир понадобился большевикам в том числе и для того, чтобы получить предлог для разоружения всей системы Красной гвардии. Исследователи, стоящие на этой точки зрения, убедительно ссылаются на опыт Петрограда: эта операция по разоружению Красной гвардии была проведена практически сразу после подписания договора с немцами, уже 17 марта. В этот день по всем районным советам было объявлено, что Красная гвардия распущена, а все желающие могут записываться в Красную армию. А вскоре газета «Знамя труда» сообщила об аресте бывшего начальника штаба Красной гвардии И. Н. Корнилова. Но и подобные меры не смогли снять все стоящие перед правительством проблемы по наведению порядка в своем собственном стане. С начала 1918 г. хроническими становятся стычки между красноармейцами и частями рабочих из продовольственных отрядов. Один из таких эпизодов, когда солдаты «вступились за мешочников», разоружив при этом дружину по охране железной дороги, даже потребовал вмешательства лично Л. Д. Троцкого. Крайне возмущенный произошедшим, он поспешит высказаться в том духе, что «такого рода гнусное самоуправство должно повлечь за собой самую суровую кару». Власти реагировали на подобные инциденты специальными распоряжениями, категорически воспрещавшими остановку воинских эшелонов на станциях расположения заградотрядов.

Относительная доступность оружия в первые месяцы существования советской власти, непростая экономическая обстановка на многих предприятиях создавали угрозу и других локальных вооруженных конфликтов между новой властью и рабочими. К открытому вооруженному противостоянию дело постепенно шло на Обуховском заводе. На судьбе предприятия серьезно сказалась неподготовленность к условиям мирной жизни. Многочисленные организационные нововведения, административные перестановки, попытки ведомственного переподчинения

завода – все это на первых порах только вносило неразбериху, но не способствовало оздоровлению обстановки. Ситуация для властей осложнялась ещё и тем, что на заводе сохраняли прочные позиции умеренные социалисты. Если в Октябре 1917 г. рабочая милиция прочих питерских заводов участвовала в установлении советской власти, то на Обуховском заводе эсерам удалось сформировать единственный во всей России «пролетарский ударный батальон смерти», стоявший на защите Временного правительства. Возникшие на заводе проблемы в конце концов привели рабочих-обуховцев к мысли о необходимости отстаивать свои права с оружием в руках.

Апогея события на Обуховском заводе достигли к 18 июня. В этот день состоялся очередной общезаводской митинг. На нем было принят ряд резолюций, в одной из которых звучало требование «сложения Народными Комиссарами власти, создания демократической власти и созыва Учредительного собрания». Заканчивалась резолюция словами: «Невыполнение наших требований влечет последствия, за которые ответственность падает на правительство, которое, издеваясь над рабочими и крестьянами, цenia свое самолюбие, властолюбие больше интересов крестьянства, рабочих, солдат и матросов, называет себя рабоче-крестьянским». В резолюции обуховцев однозначно заявлялось, что ждать дальше они не могут и готовы поддержать борьбу против правительства всеми доступными им средствами.

Важно, что обуховцы нашли понимание матросов значительной по размерам флотилии минных заградителей, стоявшей неподалеку от завода у Невской набережной. Газета умеренных социалистов «Новая жизнь» 1 июня 1918 г. сообщала о прошедших на судах флотилии митингах. На них рабочие разъяснили причины своего недовольства советской властью, изложили свои требования. На уже упоминавшемся митинге рабочих-обуховцев 18 июня к матросам минного дивизиона было принято специальное обращение. В нем звучал призыв поддержать борьбу рабочих завода с «кучкой властолюбивых людей». Этот призыв нашел самую горячую поддержку. Парадокс заключался в том, что первоначально власти предполагали использовать матросов флотилии как раз для борьбы с рабочими беспорядками.

В ночь на 14 мая 1918 г. 13 эскадренных миноносцев, 2 буксира, 1 транспорт и 1 тральщик эскадры были подведены к Обуховскому заводу, когда ситуация на заводах Невской стороны особенно накалилась. Но когда во второй половине мая на Обуховский завод прибыли представителями Петроградского губисполкома агитировать за создание продотрядов, именно матросы флотилии силой удалили их с завода. Два эскадренных миноносца выдвинулись к Литейному мосту.

Под прямой угрозой оказался Смольный. Приказы большевиков немедленно отвести корабли матросы игнорировали. Однако дальнейшие события к большим потрясениям не привели. Рабочие Обуховского завода и матросы Минной флотилии призвали рабочих Питера с 25 июня 1918 г. начать политическую стачку. Но за день до назначенного срока, 24 июня, в Невский район были введены верные правительству кавалерийские и пехотные част около 500 матросов. Делегация матросов Центробалта, прибыв на суда Минной флотилии, ультимативно потребовала выдать зачинщиков, снять замки с корабельных орудий и отойти от Обуховского завода. Судовые комитеты судов флотилии ультиматуму подчинились, и флотилия была разоружена. Отказались подчиняться ультиматуму матросы лишь только одной команды. Не выполнив ни одного из предъявленных требований, они снялись с якоря и направили свой корабль вверх по Неве по направлению к Шлиссельбургу. По сообщению оппозиционной печати, произошедшее «произвело на рабочих сильное впечатление». Весь день в районе шли митинги, а после 10 часов вечера поползли зловещие слухи о начавшихся арестах. На следующий день обуховцы нашли ворота своего завода запертыми. Объявления от заводского комиссара гласили, что «вследствие объявления рабочими итальянской забастовки, завод с 25 июня закрывается». При разгоне собравшихся красноармейцы дали залп в воздух, в толпу врзались кавалеристы. Но, как писала «Новая жизнь», «к счастью, дело обошлось без кровавых жертв».

И если на Обуховском заводе рабочих от силовых акций удалось удержать, то в других случаях ситуация выходила из-под контроля, и в вооруженное противостояние с властями оказывались вовлечены рабочие самых разных профессий. Подобный

инцидент, в частности, произошел 7 июня 1918 г. в Кинешме. В этот день возле местного Совета собралась большая толпа. Поводом для недовольства стал отказ властей выдать рабочим обещанные ранее деньги на «осеменение» и арест делегатов от фабрик, требовавших накануне от местного Совета полюбовно решить возникший конфликт. Здание Совета охранял отряд красноармейцев. Толпа напирала, и обстановка постепенно накалялась. Вдруг из толпы раздался выстрел. В результате завязавшейся перестрелки имелись жертвы: 6 погибших и 24 раненных.

Ареной вооруженного противостояния 5 апреля 1918 г. на несколько часов становится Рыбинск. В этот день железнодорожники и рабочие некоторых других предприятий города присоединились к крестьянам окрестных деревень, требовавших немедленной выдачи хлеба. Толпа под красными знаменами двинулась по городу. Путь им попытался преградить отряд Красной Гвардии, но толпе в конце концов удалось доказать свое превосходство над стражами порядка, и красногвардейские заслоны оказались сметены. Красногвардейцев ловили и разоружали. Остальным, из-за опасения самосуда, пришлось ретироваться.

Свою знаковую роль, пусть и достаточно скромную, сыграли рабочие в знаменитом Ярославском восстании 6–21 июля, ставшим одним из узловых событий антибольшевистской борьбы в Центральной России. Как показывают новейшие исследования социальной базы Белого движения, организаторы восстания большие надежды возлагали на рабочих Ярославских железнодорожных мастерских. Расчет делался на то, что в решающий момент они смогут выставить на фронт 300 штыков. И хотя реально с оружием в руках смогло выступить лишь около 140 человек, это все равно можно считать довольно большим успехом организаторов восстания. Кроме того, часть рабочих поддержали восставших и другими действиями. Они ремонтировали броневики в мастерских, готовили для контратак на позиции правительственных войск имевшийся в распоряжении повстанцев бронепоезд и т. п. Вместе с тем это были, конечно, уже не чисто рабочие выступления и даже не такие выступления, где бы рабочие играли решающую роль. Не случайно, поэтому, руководители меньшевиков осудили ярославский мятеж. Настороженность в отношении

ярославских событий проявили и более радикальные оппоненты большевиков: свой нейтралитет к ним сохраняли, в частности, участники Рыбинского движения уполномоченных от фабрик и заводов.

Имеются сведения, что выступление, подобное ярославскому, но с более весомым участием рабочих, готовилось в Вологде. Его инициаторами должны были стать не савинковцы, а местные социалистические элементы, стоявшие за вологодским движением уполномоченных фабрик и заводов. Об этом проговорился на Московском беспартийном съезде в конце июля 1918 г. делегат от Вологды В. Ф. Кошелев. Когда чекисты производили арест участников съезда, страница официальной стенограммы с его выступлением была уничтожена в первую очередь, причем вся остальная часть стенограммы уцелела. На беду Кошелева, один из делегатов съезда, Н. Н. Усольцев, вел свои записи выступлений делегатов. По его запискам следствию удалось восстановить уничтоженный фрагмент речи Кошелева. Он, в частности, заявлял: «В Совет оппозиция не входит, **до тех пор, пока союзники не будут в двух днях от Вологды** (выделено в документе. – Д. Ч.). Перевыборы были произведены нахрапом, **рабочие готовы выступить**». На очной ставке между Усольцевым и Кошелевым делегат от Вологды вынужден был согласиться, «что приведенные в записках Усольцева выражения могли бы быть им сказаны – хотя не в такой определенной категорической форме». К слову сказать, в отличие от рыбинских уполномоченных, вологодцы активно помогали мятежникам в Ярославле, о чем также сообщил Кошелев.

Постоянная эскалация насилия в Нижнем Новгороде и в нем усиливала угрозу повторения событий по ярославскому сценарию. Об этом косвенно заявлял делегат на Московском рабочем съезде от Нижнего Новгорода М. А. Вороничев. По его утверждениям, многие рабочие убедились в нерезультативности даже такой формы сопротивления, как стачка, и выступали за вооруженное выступление. Его слова косвенно подтвердил второй выступавший делегат от Нижнего Новгорода, Ю. С. Лейкин, заявивший, что рабочие разочаровались в играх, устроенных оппозицией, и «требуют действия». К тому же Нижегородская

губерния становится центром, как писали раньше, кулацких восстаний. Негодование вызывали широкие хлебные реквизиции. Рост протестной активности среди рабочих приводил к тому, что многие рабочие готовы были перенять методы борьбы, которые уже использовало крестьянское население губернии. К счастью для большевиков, ни в Вологде, ни в Нижнем Новгороде восстаний не произошло.

Случались вооруженные стычки и в новой столице. В Москве эпицентром событий становятся мастерские Александровской (Казанской) железной дороги. Именно от рабочих этих мастерских в Первопрестольной шла инициатива создания альтернативных Советам и профсоюзам независимых пролетарских организаций – движения уполномоченных, а также Рабочего съезда. Крупные беспорядки среди рабочих Александровской железной дороги имели место 19 июня 1918 г. Развитие имевших место в этот день событий в историографии получило разную интерпретацию. По одной версии, принадлежащей М. С. Бернштаму, причиной беспорядков и последовавших за ними столкновений с властями стало горячее желание московских железнодорожников во что бы то ни стало создать в Первопрестольной беспартийную рабочую конференцию. Видимо, с этой целью, считает историк, 19 июня 1918 г. ими и был собран очередной митинг. Чтобы оградить себя от произвола властей, предполагает далее он, рабочие выставили собственную охрану – местных рабочих-милиционеров. Прибывший на место отряд чекистов и красноармейцев снял и арестовал охранявших собрание милиционеров, после чего был произведен обстрел собравшихся, большинство из которых также были арестованы.

Иначе объясняет присутствие рабочих милиционеров на собрании в Александровских железнодорожных мастерских А. Ф. Киселев. Он пишет о том, что в этот день сотрудники охраны Александровской железной дороги отказались исполнять инструкцию ВЧК и дать расписку о согласии расстреливать на месте мешочников и спекулянтов. Милиционеры решили искать поддержки у рабочих Александровских железнодорожных мастерских. В силу этого они и попали на собрание рабочих, решавшее в то время какие-то свои вопросы. Военно-политиче-

ская секция железной дороги, узнав о стремлении милиционеров заручиться поддержкой рабочих, вызвала отряд красноармейцев, по прибытии обстрелявших рабочее собрание. По-разному авторы оценивают и результаты расправы. Если Бернштам пишет о том, что несколько арестованных были тут же расстреляны, то у Киселева говорится лишь о 10 тяжелораненых.

Расхождения между историками вызваны, по всей видимости, не только различными «доисточниковыми установками»: если Киселев в своей книге придерживается спокойного, академического стиля изложения, корректен в полемике с оппонентами, то Бернштам ставит своей целью непременно идейно разгромить большевиков, доказать их диктаторскую сущность, – отсюда гиперболы и очевидные подтасовки фактов. Разногласия между двумя авторами вызваны использованием ими разных источников. Если Бернштам опирался исключительно на оппозиционную прессу тех лет, заведомо заинтересованную в демонизации большевиков посредством дезинформации своих читателей, то Киселев опирался на архивные материалы, в том числе и оппозиционного происхождения. Поэтому именно его версия является более точной и убедительной, хотя и в ней имеются некоторые неточности и полемические преувеличения в плане критики большевиков.

В действительности события в тот день выглядели примерно следующим образом. В послеобеденное время на Александровской дороге проходили сразу два мероприятия. Одно было разрешено властями – это было собрание рабочих в мастерских Малого ремонта (правда, собравшиеся, как можно судить по отзывам оппозиционной печати, отклонились от утвержденной повестки дня и намеривались обсудить вопрос созыва беспартийной конференции, но власти ни 19 июня, ни позже не догадывались об этом и не подвергали легитимность собрания ни малейшему сомнению). Другим мероприятием был стихийно возникший митинг рабочих милиционеров. Они действительно не желали подписываться под новой инструкцией, предложенной ВЧК. Но, вопреки мнению Киселева, эта позиция диктовалась отнюдь не протестами против необходимости «расстреливать мешочников». Негодование против этого положения резолюции появится

в выступлениях милиционеров не сразу, и произойдет это, видимо, в целях идеологического обоснования более «приземленных» требований. Главное же, что не устраивало милиционеров, как можно видеть по сохранившимся документам, было обязательство служить в милиции не менее 6-ти месяцев. Рабочие-железнодорожники, силою обстоятельств пополнявшие ряды железнодорожной милиции, по всей видимости, не желали так надолго отрываться от своей обычной трудовой деятельности, мирной жизни, а то и от семей. Их не устраивал переход к жесткой дисциплине, означавшей потерю своды в выборе сферы деятельности и места жительства.

Кроме того, если рабочие, собравшиеся на свое собрание, не были вооружены, то у милиционеров оружия было в достатке. В любом случае, их выступление несло большую угрозу властям даже в том случае, если бы милиционеры не прибегли к использованию имевшегося у них оружия, поскольку железнодорожный узел – важный стратегический объект – оказался бы без охраны и мог стать легкой жертвой злоумышленников, толпы погромщиков или просто хулиганов. Понимая, что власти не погладят их по головке за самочинные действия и бряцанье оружием, милиционеры, наслышанные о проходящем в мастерских Малого Ремонта рабочем собрании, решили искать сочувствия и защиты у своих братьев по классу. Пока милиционеры решали, у кот бы им можно было встретить понимание и поддержку, власти тоже не бездействовали. Они вызвали отряд вооруженных красноармейцев. Поскольку милиционеры уже проникли в помещение, где проходило рабочее собрание, то вооруженные люди ворвались туда. Началась стрельба. Появились жертвы: раненных огнестрельным оружием оказалось всего четверо (трое получили легкие ранения, четвертый – более серьезную, но не тяжелую рану), несколько человек отделались ушибами и порезами. Рабочих и оппозицию поведение красноармейцев возмутило, и они потребовали от властей расследовать дело.

Характерно, что комиссия, в состав которой входили и деятели оппозиционных социалистических партий, признала правомерность вызова на станцию вооруженного отряда. В то же время применение красноармейцами оружия было признано незакон-

ным и предосудительным – за это решение голосовали и большевики, входившие в комиссию. Комиссия вынесла заключение о том, что присланный на станцию отряд являлся недостаточно дисциплинированным и подготовленным. Красноармейцы были обвинены в самочинном применении оружия. Действия командного состава признавались преступными. Было постановлено предать суду Революционного трибунала шесть человек: Венглинского (командир отряда), Наленча (его адъютант), Баклунова (член политсекции дороги), Зарембского (представитель ЧК), Сапожникова (начальник охраны дороги) и Чосткевича (начальник охраны 1-го участка дороги).

Таким образом, география отдельных конфликтов между рабочими и новой властью с применением сторонами оружия достаточно широка. Это и Москва, и Питер, и прочие города и регионы России. Однако, как справедливо отмечает Дробов, районом, где повстанчество оказалось наиболее развито, был Урал. Рабочее повстанчество здесь было не только наиболее массовым и упорным, но и разворачивалось на фоне мощной волны восстаний крестьян, «инородцев» и казачества, что существенно осложняло положение властей. Первые очаги повстанчества рабочих национализированных и прочих предприятий на Урале и в соседних с ним областях стали образовываться уже в декабре 1917 г. В это время отмечены беспорядки в Ревде, Ирбите, Камышлове. Январь – февраль 1918 г. ознаменовались волнениями в Белорецке, Нижнем Тагиле, Лысьеве, Шадринске.

Из общей череды восстаний и очагов рабочего повстанчества выделяется несколько, ставших своего рода поворотными пунктами развития революции в Уральском регионе. Первым в чередѣ их стоит, безусловно, Невьянское восстание. Оно произошло 12–17 июня 1918 г. в Невьянске. Невьянское восстание отозвалось всплеском повстанчества в Верхотурском и Екатеринбургском уездах. Под его влиянием прошли восстания на Полесском, Верхне-Туринском и прочих заводах края. Катализатором беспорядков на Невьянском заводе послужил слух, будто бы между Невьянском и Екатеринбургом прервано сообщение. В 11 часов утра 12 июня отряд вооруженных рабочих ворвался в здание Исполкома и открыл частую стрельбу. Сразу же погиб

народный судья П. П. Шайданов. Он пытался с криком «Измена!» выпрыгнуть в окно, но был застрелен. Его труп так и застрял на прутьях железной ограды. После этого начались аресты и бессудные убийства. По мере распространения очага восстания на прилегающие села они приобретали массовый характер. Только в сам Невьянск для расправы было эпатировано 60 партийных и советских работников. Мученической смертью погибли, в частности, комиссар труда И. А. Долгих, комиссар просвещения и юстиции Н. П. Мартянов, уполномоченный Наркомпрода Сбарский, директор цементного завода Чижов, директор кожевенного завода А. И. Дерябин, красногвардеец П. И. Быстров, работник военкомата А. Д. Котляров, член продовольственной управы Н. И. Шведов и другие.

В те же дни попытка восстания была предпринята в поселке Верх-Исетского завода и в самом Свердловске. Об этих событиях сохранились воспоминания А. И. Медведева, члена РСДРП (б) с мая 1917 года. В Верх-Исетском поселке фронтовики устроили 10 июня демонстрацию. Они требовали выдать им оружие, разоружить красноармейцев, а также заключить мир с белочехами и упразднить должность политкомиссаров. Не получив желательного ответа, фронтовики предприняли попытку разгромить местный Совет. Еще за месяц до памятных Невьянских событий по очень похожему на них сценарию произошло восстание на Березовском заводе, расположенном примерно в 17 верстах от Екатеринбурга. Здесь точно так же детонатором взрыва послужили ложные слухи, – на этот раз слухи о падении советской власти в Екатеринбурге. После того как 9 мая 1918 г. весть об этом облетела поселок, восставшие разогнали местный Совет.

В одно время с Невьянским и Верх-Исетским восстаниями поднялись рабочие Рудянского завода. Во время наступления белочехов на Кыштым арестовали свои советы рабочие Полевского и Северского заводов. К аресту местного Совета привело восстание на Камбарском заводе, о чем в своих мемуарах подробно рассказывает профессиональный революционер У. И. Манохин, ставший очевидцем и участником тех событий. Отмечалось брожение на Чусовских, Радвинских, Богословских заводах. На Кусинском заводе жертвами рабочего восстания стали как мини-

мум трое советских работников. По сообщению оперативной сводки Уральского агитационного бюро, в середине лета 1918 г. был «объят мятежом Саткинский завод и окрестности Белебея». В ней же извещалось о разрастающихся боях с мятежным Бакальским заводом. Другой официальный армейский источник сообщает о повстанцах с Нязе-Петровского и Нижне-Сергинского заводов. Рабочие беспорядки докатились до Тюмени. Военное положение из-за рабочих выступлений было введено в Кизиле. Об «очень крупном восстании» на Артинском заводе (Шемахинском заводе в поселке Арти) сообщает сводка НКВД по Красноуфимскому уезду Пермской губернии за июль 1918 года.

Крайне негативно на устойчивости большевистского режима на Урале сказалось восстание 1-го московского продовольственного полка, формировавшегося не в последнюю очередь из рабочих московских предприятий. Его можно считать крупнейшим среди подобных событий. Полком командовал капитан старой армии А. А. Степанов, но состав части был существенно укреплен коммунистами. Полк, общей численностью до 1 тыс. штыков, был направлен в Уржумский уезд Вятской губернии для заготовки хлеба. Но с первых же дней по прибытии на место в нем началось разложение. Личный состав полка занимался элементарным грабежом и насилием. Это даже спровоцировало токай-белякский коллектив бедноты, самую надежную опору советской власти в Уржумском уезде, выступить против степановцев с оружием в руках. В ответ командный состав полка решает под предлогом защиты завоеваний революции захватить власть в уезде. Вскоре инициатива по руководству восстанием переходит в руки командира полка Степанова. 3 августа 1918 г. степановцы предпринимают успешную попытку ограбления казначейства в городе Малмыже, где они первоначально располагались. Завладев крупными денежными суммами, 8 августа они оставляют город и выдвигаются в направлении Уржума. В Уржуме степановцами был расстрелян вятский комиссар юстиции Ю. А. Дрылевский и нолинский комиссар по продовольствию Карелов (оба – члены большевистской партии). В дальнейшем степановцы отошли к Казани, в то время находящейся в руках белочехов. Тем самым посланные из Москвы на заготовку хлеба рабочие-продармейцы окончательно переходят на сторону антибольшевистских сил.

Рубежным событием в истории антибольшевистского рабочего повстанчества явилось восстание в Ижевске и Воткинске. Но если Невьянское восстание знаменовало собой начало мощной повстанческой волны, то Ижевско-Воткинское восстание явилось ее *верхней точкой*, после которого *начинается* постепенный *спад* и замирание вооруженной борьбы отдельных групп рабочего класса против советской власти. Ликвидация восстания затянулась ровно на три месяца. Значимость событий в Ижевске и Воткинске столь велика, что на них следует остановиться подробнее.

Ижевск «третьего пути»: политика повстанческой власти в Ижевске

Ижевское восстание оставило о себе мощный источниковый пласт: резолюции, распоряжения, газеты повстанцев, фронтовые сводки, листовки, прокламации, наконец, мемуары. Для антибольшевистского повстанческого движения это можно считать явлением исключительным. Ижевские события изначально превратились в символ борьбы «рабочего класса» против «рабочей власти». Поэтому антибольшевистские лидеры разного толка и масштаба спешили заявить о своей причастности к борьбе ижевских рабочих. Аналогичным образом вели себя и «участники подавления» этого «очага контрреволюции»: большевистские авторы не прочь были порассуждать, кто же повинен в том, что недовольство рабочих переросло в беспрецедентное по своему упорству и масштабам вооруженное сопротивление советской власти и как подобное вообще стало возможно.

Восстание ижевцев для революционного правительства в Москве явилось болезненным и неожиданным. Но прежде чем перейти к рассмотрению собственно восстания ижевских рабочих и природы возникшего в результате него политического режима, следует хотя бы в самых общих чертах познакомиться с Ижевском и его рабочими, а также с тем, чем город жил в предшествующие несколько месяцев, ставшие прелюдией его превращения в станицу повстанческого края.

Заводской поселок Ижевск располагался в Сарапульском уезде Вятской губернии. Население поселка приближалось к 50 тыс. человек. Свою славу Ижевск приобрел благодаря действовавшему в нем Оружейному заводу – одному из старейших предприятий России. Основателем Ижевского завода был мастер А. И. Дерябин. В середине XVIII века он построил небольшой

железодельный завод, из которого и вырос один из крупнейших заводов старой России, на котором работало от 20 до 30 тыс. рабочих. История Ижевского завода и до революции складывалась непросто. В 1774 г. он был почти полностью разрушен. Рабочие завода присоединились к восстанию и разделили участь многих сподвижников Пугачева. В 1807 г. завод начал производить ружья, а с 1837 г. – высокопрочные сорта стали. Ижевский завод был одним из трех заводов, помимо Тульского и Сестрорецкого, снабжавших русскую армию винтовками системы С. И. Мосина. Перед Первой мировой войной в Ижевске изготовлялось до 150 000 винтовок и ещё около 350 000 стволов для поставок на другие оружейные заводы. Важное значение для экономики страны имел и расположенный по соседству Воткинский завод, рабочие которого в августе 1918 г. вместе с ижевцами также поднялись на восстание против большевистского правления в Прикамье.

В Ижевске и Воткинске истари складывался особый уклад жизни рабочих. На этих заводах основное ядро составляли потомственные кадровые рабочие. Частым случаем из жизни заводов был переход одних и тех же станков от деда к отцу, от отца к сыну. Для воспитания новых поколений рабочих в Ижевске существовали не только начальные школы, но и школы, где можно было получить навыки рабочей профессии. По достижении 56 лет рабочие могли уйти на покой. При этом они имели пожизненную государственную пенсию. Было развито и социальное страхование. Рабочие получали пособия при несчастных случаях и больничные выплаты, составлявшие до половины оклада. На заводе существовала бесплатная медицинская помощь как для самих рабочих, так и для их семей. При этом материальный достаток рабочих Ижевска основывался не только на промышленном труде. Значительная часть рабочих имела землю, свой сад, огород, луговые угодья. Часто рабочие держали лошадь, корову, а то и двух, домашнюю птицу. По свидетельству современников, рабочий не знал, что такое покупать молоко, яйца или овощи – все это он получал из своего хозяйства. Кроме того, дополнительным источником благополучия для некоторых рабочих служила возможность сдавать часть своего жилья внаем, взимая за это квартирную плату. В массе

своей старожилы Ижевского завода были религиозны, законопослушны, жили интересами своего крохотного хозяйства.

Февральская революция всколыхнула провинциальный уклад жизни ижевских рабочих. Начинается строительство партийных организаций. К осени 1918 г. большевики стали решающей силой в городе, а сам Ижевский завод становится форпостом советизации всего Прикамского края. Однако выступать в качестве ударной силы советизации Урала ижевским оружейникам суждено было недолго. В первые месяцы 1918 г. ряды ижевской большевистской организации сократились с 1700 до 250 человек. К маю 1918 г. правым социалистам удалось окончательно перехватить инициативу. Свою критику политики большевиков блок эсеров и меньшевиков резко активизировал после прошедшего в Москве в середине мая 1918 г. VIII Совета партии эсеров. На нем было принято решение начать вооруженную борьбу с большевиками. Эмиссары ЦК ПСР устремились в разные города на востоке страны. Не был обделен внимание и Ижевск. Сюда летом 1918 г. прибывают сразу два члена эсеровского ЦК – Н. Н. Иванов и И. И. Тетеркин. Дважды на перевыборах Ижевского совета большевики потерпели поражение: в конце мая и в конце июня. И если в мае ситуацию им удалось разрешить мирно, то в июне ижевские большевики при помощи прибывших из Казани подкреплений разогнали городской Совет. Начались аресты. Всего задержанными оказалось около ста депутатов нового Совета, лидеров оппозиционных партий и организаций. Власть перешла первоначально новому исполкому, в котором преобладали большевики и максималисты, а затем – Ижевскому военно-революционному штабу во главе с большевиком С. И. Холмогоровым.

Но репрессии помогали слабо, престиж правящей партии продолжал снижаться. Ижевские большевики неоднократно информировали центр о неблагоприятной, с их точки зрения, ситуации в городе. В частности, заместитель Ижевского исполкома С. И. Холмогоров в своем докладе в Наркомат внутренних дел подчеркивал, что если на Ижевский завод не обратить самое серьезное внимание, то для Советской республики он очень скоро превратится в самую серьезную угрозу. Ведь Ижевск – город оружейников, и произведенное в нем оружие перейдет в руки

антисоветских сил! Но предостережения ижевских большевиков услышаны не были. Наоборот, после падения Казани под ударами чехословацкого легиона французской армии командование проводит в Ижевске всеобщую мобилизацию и отправляет последние силы ижевских коммунистов на фронт. Вместе с большевиками на борьбу с мятежом чехословаков уходят и ударные силы максималистов. В городе оставались лишь несколько десятков красноармейцев и милиционеров. Этот момент и был выбран антисоветской оппозицией для переворота.

Позиции противников советской власти в Ижевске существенно усилились в результате перехода на их сторону городского союза фронтовиков. В союзе фронтовиков объединялись солдаты, командные чины и другие ветераны Первой мировой войны. Первоначально союз занимался социальной поддержкой своих членов, но постепенно втягивался в политическую борьбу на стороне эсеров-меньшевистского блока. Хотя формально у руководства союза стояли рядовые солдаты и унтера, реально его деятельность направлялась активным офицерским ядром, настроенным ещё более враждебно к большевикам, чем официальная правосоциалистическая оппозиция.

Насчитывая примерно четыре тысячи членов, у многих из которых имелось припрятанное оружие, союз фронтовиков являлся реальной политической силой. Именно он и станет ударной силой грядущего восстания. Однако восстание вряд ли победило бы, если бы иную позицию заняли рабочие завода. Большинство из них проявили пассивность и по отношению к большевикам, и по отношению к лидерам восстания. Уставшие от нескольких месяцев потрясений, они больше заботились о благополучии своих семей, чем о вопросах организации власти. Суть этой позиции «нейтрализма» ярко выражена в дошедшем до нас высказывании ижевского рабочего Е. Д. Соболева: «Я беспартийный, и мне все равно та власть и другая». Вместе с тем немалое количество рабочих не только поддержали восстание, но приняли в нем активное участие. Задолго до Кронштадтского восстания 1921 г. ижевские рабочие подняли на свои знамена лозунг, который потом станет символом демократического сопротивления большевизму: власть Советам, а не партии.

Сам момент Ижевского восстания освещен в источниках противоречиво. Называются даже разные даты восстания. Так, Н. Сапожников называет днем начала восстания 7 августа. Один из эмигрантских источников пишет, что стрельба началась ночью 7 августа. Авторы 111 тома 5-томной истории Гражданской войны отмечают, что «мятежники овладели Ижевском» в ночь на 8 августа. Однако большинство других источников, как «красных», так и «белых», относят начало восстания на утро 8 августа, когда была захвачена поверочная мастерская. Наиболее авторитетным источником, также называющим 8 августа как день начала выступления ижевцев, представляется 110-й выпуск «Известий» Вятского губернского Совета и Исполкома, где приводится первое свидетельство непосредственного участника событий о произошедшем в Ижевске. В любом случае, все без исключения исследователи и мемуаристы, какой бы точки зрения они ни придерживались в вопросе о времени начала восстания, сходятся во мнении, что именно 8 августа власть в городе переходит к повстанцам. Довольно определенно по разным источникам прослеживается и общая канва событий: падение Казани – ужесточение мобилизационной тактики ижевских большевиков – отказ союза фронтовиков подчиняться – выдвижение им встречного ультиматума – вооруженные столкновения – свержение большевистского правления в городе. Все это позволяет хотя бы в общих чертах нарисовать целостную картину восстания.

Падение Казани, сыгравшее такую роковую роль в ижевских событиях, происходит 6 августа. Уже через несколько часов о нем становится известно в Ижевске. В «неурочный», по словам Д. И. Федичкина, час, в 3 утра, раздался сильный заводской гудок: большевики зазывали ижевских рабочих срочно собраться на митинг на Михайловскую площадь. Здесь городские власти огласили приказ народных комиссаров о мобилизации лиц, прибывших с фронта, для борьбы против белогвардейцев в городе Казани. Это был случай, давно ожидаемый союзом фронтовиков. В соответствии с заранее намеченным планом на призыв большевиков они выставили свои требования.

Председатель Союза фронтовиков фельдфебель Солдатов заявил Ижевскому военно-революционному комитету, что

призывать своих членов в Красную армию индивидуально союз не позволит; что союз намерен выступить на фронт коллективно. На что последовал ответ ревкома: «Ваше желание, товарищи, приветствуем. Вагоны ждут. Садитесь, на ст. Агрыз получите вооружение и обмундирование». Но выдвижение из Ижевска в планы организаторов мятежа никак не входило, срывало их замысел. Властям, а главное рядовым членам союза, не знающим всей подоплеки поведения своих вожаков, нужно было как-то объяснить недопустимость отправки фронтовиков из города.

Выход был найден. Большевиков обвинили в стремлении вероломно погубить фронтовиков, пользуясь тем, что у них не было оружия. После того как, говоря словами А. Я. Гутмана, «вероломный план большевиков, задумавших уничтожить невооруженных фронтовиков, был разгадан», правление союза потребовало немедленного вооружения своих членов, соглашаясь двинуться на фронт лишь при этом условии. Но эта «военная хитрость» удалась не вполне. Со своей стороны, руководители ижевского ревкома тоже заподозрили неладное. Фронтовикам было ультимативно предложено или подчиниться индивидуальной мобилизации, или, как они того и желали, отправляться на фронт коллективно, но с условием, что вооружены они будут не на заводе, а в составе армии, по усмотрению военного командования, в распоряжении которого будут находиться.

Как утверждает Федичкин, за отказ идти на фронт большевики «стали арестовывать фронтовиков и тут же писать им приговоры о смертной казни». О 15 арестованных заложниках пишет и Гутман. Кроме того, по его утверждению, остальные военнослужащие брались на учет, и при этом им строго-на-строго запрещалось отлучаться без ведома властей не только из города, но даже из дома. Таким образом, оба источника сходятся в том, что аресты были связаны с позицией союза фронтовиков по вопросу о мобилизации, но вовсе не были направлены на подавление *уже фактически начавшегося мятежа*. Это со всей наглядностью демонстрирует, насколько далеки были руководители Ижевска от понимания того явления, с которым пришлось столкнуться. Митинг на Михайловской площади, выявивший свою оппозиционность, после произведенных аре-

стов рассеялся. Но это уже не могло умиротворить рабочих, а наоборот, ещё больше озлобляло их против большевиков.

Сапожников, время от времени позволяющий в свое хронологическое повествование вставлять эмоционально окрашенные фрагменты полулитературного плана, так изображал происходившее дальше: «Получив такой категорический ответ от Ревкома, активный элемент союза фронтовиков, – осолдадившиеся правые с.-р., меньшевики и офицерство, – приступили к работе. От станка к станку, из мастерской в мастерскую перебежали они; будоражили рабочих, разжигали страсти». Другой советский источник более определенно пишет о том, какие лозунги были положены мятежниками в основу их агитации, тем самым многое проясняя в характере начавшегося восстания и его глубинной психологической подоплеке. Основываясь на отказе ревкома выдать оружие, лидеры союза обвинили большевиков в том, что они «не доверяют старым солдатам», а потому большевики – это «предатели России, агенты Германии, изменники родины». На эту основу наслаивались и другие, уже «общедемократические» обвинения. Весь день 7 и 8 августа в разных частях Ижевска и непосредственно у заводских цехов шли митинги.

Чувствуя, что симпатии рабочих на их стороне, фронтовики смело демонстрировали по улицам. Стройными рядами, тысячной колонной они прошли по центральной части Ижевска к зданию Совета. Пытаясь успокоить собравшихся, ревком открыл митинг. Не имея грамотных агитаторов, решаться на такой шаг было крайне опрометчиво. Только один человек из всей большевистской верхушки города «предлагал разговоры с фронтовиками прекратить и противопоставить их выступлениям пулеметы». Но большинство собравшихся активистов-большевиков оружие против рабочих применить были не готовы и высказались за попытку убедить митинговавших. Но вышедших к ним представителей ревкома фронтовики слушать отказались. Как только место оратора занимал кто-то из представителей власти, из толпы начинали раздаваться выкрики «долой его», не смолкавшие до тех пор, пока «ненавистный» большевик не ретировался. Зато «на ура» рабочей массой встречались Бузанов, Солдатов и прочие ораторы от оппозиции.

Об этом важном событии – митинге у здания Совета – сообщает в своей статье только Сапожников. Но, вероятно по ошибке, его проведение он относит на 7 августа, тогда как сам митинг и последовавшие за ним события, если попытаться согласовать факты, приводимые Сапожниковым, с другими имеющимися материалами, происходили утром 8 августа. Помитинговав у здания Совета, фронтовики в том же стройном военном порядке через заводскую плотину двинулись к Угольным заводским воротам. По прибытии на место фронтовики организовали новый митинг. Уже не большевики, а сами фронтовики дали тревожный сигнал заводского гудка, созывая рабочих присоединиться к ним. Именно этот митинг и стал непосредственной прелюдией кровавой развязки.

Понятно, что в советских и белых источниках причины кровопролития называются разные. Федичкин, например, уверяет, что фронтовики лишь пытались собраться на митинг, но большевики разгоняли их, угрожая поголовным расстрелом, если они не разойдутся. Именно эта «свирепая угроза» якобы так возмутила фронтовиков, что им не оставалось ничего другого, как решиться на открытый протест. Но, как подчеркивает М. Бернштам, самого Федичкина 8 августа в Ижевске не было, и его рассказ о событиях этого дня не совсем полон. По мнению историка, более ценным источником о первых часах восстания является все же работа Сапожникова, несмотря на ряд свойственных ей недостатков, прежде всего идеологического свойства. Сапожников же описывает произошедшее на митинге следующим образом: открыл митинг председатель Союза фронтовиков Солдатов. Следом за ним выступили ораторы-эсеры и меньшевики. Они призвали фронтовиков вооружиться и свергнуть «насильников-большевиков». Важно отметить, какую «истинную демократическую власть» они предлагали установить вместо большевистской: лозунгом момента становится призыв «власть Советам, а не большевистской партии». Видно, что оппозиционеры усвоили урок июньского противостояния, когда большинство рабочих не поддерживали идеи организовать власть на принципах Учредительного собрания, а высказались за демократизацию Советов.

В разгар митинговых страстей власти решили как-то обозначить свою позицию. На митинг прибыли три конных милицио-

нера. Понятно, что никакой угрозы толпе в несколько сот человек они представлять не могли, но зато вполне были способны сыграть роль дополнительного раздражителя. Так и получилось. Митинговавшие встретили разъезд конной милиции угрозами и бранью, а затем на милиционеров набросились и стали избивать их. Двоим удалось вырваться, а третьего, зверски истерзанного, толпа сбросила в пруд. После этого разгоряченные люди уже вряд ли были способны контролировать свое поведение. Начался самый элементарный погром. Примерно в 9 часов утра толпа митинговавших бросилась в заводские ворота и устремила к поверочной мастерской, где хранились готовые винтовки с патронами. Практически в одно мгновение стража была обезоружена, склад открыт, и фронтовики начали вооружаться.

Одновременно с этим митинг шел на самом заводе у чуголитейной мастерской. Выступали опять меньшевики, эсеры, офицеры. Лозунг «Власть Советам, а не партии» и здесь у рабочих имел успех. К цеху начали подходить уже вооруженные фронтовики. Часть рабочих тоже вооружилась – готовясь к восстанию, некоторые из них заблаговременно запаслись винтовками и хранили их у себя по домам. Подошедшие окружили находившихся на заводе большевиков и категорически потребовали от них освободить арестованных накануне своих товарищей. После того как завод был полностью оцеплен восставшими, большевиков заставили с него удалиться. Заречная часть города полностью контролировалась повстанцами. В руках большевиков оставалась лишь Нагорная часть Ижевска.

Вскоре с занятой повстанцами части города был открыт огонь по советским учреждениям в Нагорной части Ижевска. Красные части попытались было предпринять наступление на позиции восставших, но их попытка переправиться через реку Иж была отражена. Между тем офицеры из руководства Союза фронтовиков попытались из разрозненных повстанцев сформировать организованные отделения, взводы, роты и, в свою очередь, попытались атаковать красных. Сформированные отряды повстанцев по плотине и Долгому мосту двинулись в атаку на Нагорную часть Ижевска. Но и здесь повстанцы не добились решающего успеха. Со стороны набережной они были встречены ружейным

и пулеметным огнем. Наступление приостановилось. Завязавшая перестрелка продолжалась до вечера. Вот тут-то и произошел странный инцидент, показывающий, что кроме рабочих в ижевском восстании участвовали силы, далекие от интересов рабочих и готовые добиваться своих целей любой ценой.

Вечером ревком пошел на переговоры с восставшими. Руководители союза фронтовиков, при условии со стороны ревкома оставить дело «без всяких последствий», согласились сложить оружие. Но в это время среди фронтовиков и присоединившихся к ним рабочих начинает распространяться слух о якобы «подслушанном по телефону разговоре между большевистскими заправилками», из которого следовало, что восставших, вопреки обещаниям, «ожидают кары». В момент переговоров по Долгому мосту началось наступление гимназистов. Совершенно очевидно, что это не могло быть их самопроизвольным решением. Провокация сработала: оборонявшие мост красноармейцы открыли по наступающим огонь. Гимназисты ответили. Завязавшаяся перестрелка сорвала переговоры.

После этого, примерно в 11 часов ночи, под прикрытием темноты и пользуясь своим численным превосходством, повстанцы предприняли решающее наступление на позиции большевиков. Переправившись через Иж обходным путем по железнодорожному мосту, они начали развивать наступление по Красной и Страстной улицам. Причем каждую позицию им приходилось брать с боем, неся немалые потери. Иногда, чтобы выбить засевших красных, приходилось с криками «ура!» подниматься в штыковые атаки. К 12 часам ночи отряды красных отступили на Михайловскую площадь по линии болваночного склада, ложевой мастерской и порохового склада. Было очевидно, что город удержать не удастся и что необходимо отступать. Отступавшие большевики разбились на два отряда: один отходил по Сарапульскому тракту на юго-восток от Ижевска, другой по Сибирскому – на север. При отступлении началась паника. В результате удалось уйти не всем, и часть красноармейцев была взята в плен. На рассвете следующего дня город уже контролировался людьми в серых шинелях с винтовками на правом плече и с белой (в отличие от красных) повязкой на левом рукаве.

Начавшись в Ижевске, восстание рабочих против большевистского правления быстро распространилось и по другим заводским поселкам Прикамья, перекинулось в деревню. Своего апогея оно достигает с падением советской власти в Воткинске. События там во многом напоминали происходившее в Ижевске – рост недовольства рабочих, активизация оппозиции, неумелые действия новых властей. Но ход самого восстания в Воткинске имея существенную специфику, связанную прежде всего с тем, что здесь свержение советской власти стало эхом Ижевского восстания.

Получив известие о восстании в Ижевске, воткинские большевики избрали ту же ошибочную тактику, которая буквально на их тазах привела их ижевских товарищей к катастрофе. Вместо того чтобы укрепить свои позиции в городе, они взялись проводить тотальную мобилизацию всех имевшихся у них резервов на ижевский фронт. Шли постоянные митинги. К отправке готовился даже бронепоезд. Из города выводились последние боеспособные части, способные обеспечить его защиту в случае наступления на Воткинск со стороны повстанцев. Не сумев извлечь для себя элементарных уроков из Ижевских событий, воткинские большевики только растратили свои силы: поезд с мобилизованными воткинскими рабочими и коммунистами попал под перекрестный обстрел ижевцев и был разбит. В город вернулись только 35 из 250 дружинников. Как оказалось, для местных большевиков эти потери были невосполнимыми. Серьезным оказался и моральный удар.

Гораздо более грамотно и деловито действовали лидеры воткинской офицерско-правосоциалистической оппозиции. О шагах, предпринятых ими, и о Воткинском восстании в целом можно составить представление по отчету поручика С. Н. Лоткова – наиболее информативному и объективному источнику о воткинских событиях. С. Н. Лотков сам являлся участником восстания и рассказывает о нем не с чужих слов, а по собственным впечатлениям. По его свидетельству, подготовка к свержению советской власти в Воткинске велась очень тщательно. Союзы фронтовиков двух рабочих городов Урала имели между собой постоянную связь и координировали действия. Непосредственно в день восстания в

Ижевске туда были направлены активисты воткинского союза фронтовиков Непряхин, Разживин и Петров просить ижевцев возможно скорее прислать оружие.

Ижевский союз фронтовиков, однако, решил не ограничиваться присылкой в Воткинск оружия. Было решено направить туда роту в 250 человек, причем каждый боец должен был нести по две винтовки. По плану организаторов, эта рота должна была подойти к Воткинскому заводу на рассвете 17 августа. Первый залп, произведенный ижевцами, должен был послужить сигналом начала выступления воткинских фронтовиков. Непряхину и Разживину было поручено вернуться в Воткинск и сообщить о принятом решении руководству союза, а Петров должен был идти позже – с назначенной ижевской ротой. Как сообщает Лотков, то, что Воткинск вслед за Ижевском должен поднять антибольшевистский мятеж, «держалось в строжайшем секрете... До последнего дня об этом знала только пятерка тайного Совета фронтовиков». Лотков признает, что даже в ночь накануне восстания «никто из рабочих не знал, что завтра раздадутся оружейные залпы и завод освободится от ненавистного совдепа».

Не посчитав возможным разглашать свои планы в рабочей среде, Совет фронтовиков во главе со своим председателем прапорщиком В. И. Мерзляковым, членами Совета Разживиным, Непряхиным, Мехоношиным и др. активно вел тайные переговоры с находящимися в Воткинске офицерами. Среди давших свое согласие руководить действиями восставших Лотков называет штабс-капитанов Мудрынина и Шадрина, капитана Чебковского, ротмистра Агафонова, поручика Пьянкова. Одновременно шла детальная проработка плана мятежа. Главной целью было разоружение основной опоры большевиков в Воткинске – красноармейского гарнизона, который, по оценкам заговорщиков, насчитывал около 800 штыков. Вряд ли организаторы восстания были знакомы с ленинскими работами, но действовали они почти строго по его советам: в первую очередь планировалось захватить почту, телеграф, телефонную станцию и казначейство, снять рельсы у железнодорожного моста через р. Сивая и тем самым прекратить сообщение с Камской пристанью. Также делался расчет на захват заводууправления и здания Совета с имеющимися там запасами оружия.

Утром 17 августа 1918 г. воткинские фронтовики заняли заранее заготовленные позиции. Но начало вооруженного выступления все откладывалось: рота ижевцев, которая должна была прибыть на рассвете, запаздывала. Двигаясь ночью, 60 верст без дорог, напрямик через лес, чтобы не выдать себя раньше времени, ижевцы смогли добраться до Воткинска только с 2–3-часовым опозданием. Лишь в 8 часов утра раздался долгожданный залп, давший сигнал к началу вооруженного восстания. Дальнейший ход событий развивался во многом в соответствии с разработанным ранее планом. Цепи ижевцев входили в завод с западной стороны, со стороны сарапульского тракта. В это время воткинские фронтовики, вооруженные по большей части одними револьверами, смели красные посты и захватили оружие, хранившееся в Совете. После этого они начали заходить в тыл противнику. Большевики были застигнуты врасплох, но сумели организовать и какое-то время обороняться. Но расклад сил был не на их стороне. Сгруппировавшись в ядро примерно в 360 человек, основные силы красных начали отходить с завода. Лавируя по улицам, им удалось достичь леса, и, преследуемые повстанцами, они отступили на село Дебессы. Остальные рабочие-большевики и красноармейцы, побросав оружие, пытались спастись бегством. Но, по выражению Лоткова, их ловили, «как зайцев». На улицах повсюду виднелись следы боя: десятки убитых и замученных представителей прежней власти и ее сторонников. В руках повстанцев оказалась почти вся головка местных большевиков, только Баклушину и Серебрякову удалось скрыться и бежать в лес.

К 11 часам дня стрельба затихла. Победители праздновали успех. Прибывших из Ижевска бойцов рабочие-воткинцы отпαιвали чаем и благодарили за свое «освобождение», а на состоявшемся вскоре заводском собрании было вынесено постановление «поддержать всемерно фронтовиков и решиться лучше умереть в бою, чем ползать на коленях перед красными комиссарами». И все же, в отличие от Ижевска, где стихийный рабочий элемент сыграл очень и очень важную роль, в Воткинске роль рабочих в перевороте была куда скромнее.

Первое, с чем столкнулись повстанцы после своей победы, была необходимость организации власти. Один из военных

лидеров повстанцев, полковник Д. И. Федичкин, начальные шаги в этом направлении описывает так: «По окончанию расстрелов (речь идет о расправе, учиненной в день восстания над большевиками, подробнее об этом см. ниже. – Д. Ч.) в Ижевске водворилась тишина. Гражданская власть в городе, бывшая до сих пор в руках большевиков, теперь перешла в руки Ижевского Совета рабочих депутатов». Федичкин имеет в виду тот состав городского Совета, который некоторое время назад был разогнан большевиками и максималистами.

В соответствии с намеченным планом и достигнутыми договоренностями обновляются исполком Ижевского совета и его президиум. Членами нового президиума становятся меньшевик Куценко, местный торговец Тюлькин, Санников и Горев. Кроме них в состав президиума вошли бывший член Учредительного собрания от Вятской губернии эсер Бузанов, а также председатель Союза фронтовиков Ижевска Солдатов. Причем Бузанов был привлечен к работе Совета по настоянию не только исполкома, но и образованного союзом фронтовиков Штаба. Позже будут объявлены пере выборы Совета. Излишне говорить, что ни большевики, ни максималисты, ни анархисты к выборам допущены не будут. Сами выборы проходили «по знаменитой системе трехвостки» – т. е. по той же схеме, что и выборы в Учредительное собрание.

Следует отметить, что восстановление власти Совета в Ижевске произошло уже после того, как на других антибольшевистских территориях оказались реставрированы «учредиловские» и дооктябрьские гражданские институты. Власть Ижевского совета была, конечно, далеко не полной: за его спиной с самого начала стоял Штаб союза фронтовиков, а затем Штаб Народной армии. В ещё большей зависимости от военных властей оказался Воткинский совет, исполком которого принимал многие решения по предписаниям начальника Воткинского штаба Г. Н. Юрьева, о чем сохранились соответствующие документальные свидетельства. И тем не менее зависимость повстанческого руководства от требования рабочих «Власть Совету, а не партии» следует признать второй важнейшей чертой событий лета 1918 г. в Прикамье: практически везде в это время свержение большевиков сопровож-

ждалось свержением и советской власти, тогда как в Ижевске, наоборот, свержение большевиков привело к кратковременной реанимации власти Совета.

Такое положение, конечно, не могло не быть промежуточным, хотя бы уже потому, что существование центрального антибольшевистского правительства в Самаре предполагало унификацию органов власти в подконтрольных ему регионах. Поэтому период, когда в Ижевске была восстановлена власть демократически избранного рабочего Совета, оказался непродолжительным. Уже в день присоединения к восстанию Воткинска, 17 августа, гражданская власть Ижевским советом была передана органу, получившему название Прикамского комитета членов Учредительного собрания. В истории передачи власти Прикомучу много неясного, однако общую канву событий можно попытаться изложить по некоторым сохранившимся косвенным свидетельствам. Еще в дни формирования нового Совета идут переговоры Штаба восстания с членом Учредительного собрания от Вятского края Бузановым о создании твердой антибольшевистской власти. Полковником Власовым и капитаном Цыганковым Бузанову было предложено сформировать комитет Учредительного собрания наподобие самарского либо, как единственному члену Учредительного собрания на территории восстания, взять верховную власть себе. Бузанов от персональной ответственности за ход восстания наотрез отказался, но о создании некоего коллегиального органа обещал поставить вопрос на собрании ГК ПСР. Соповещение Власова, Цыганова и Бузанова было частным и нигде не фиксировалось. Обещанного Бузановым заседания эсеровского городского комитета собрать, впрочем, не удалось. Но Бузанов сумел лично переговорить с некоторыми членами комитета и заручиться их согласием.

Прикамский Комуч был повторением в миниатюре Самарского Комуча и считал себя его местной структурой. Было объявлено, что город Ижевск считается территорией, находящейся под «властью комитета Всероссийского Учредительного собрания, временно находящегося в городе Самаре». Декларировалось, что «все гражданские и военные власти в Ижевске признают названный комитет единственной и законной Верховной Властью

в России и считают себя в полном и беспрекословном к нему подчинении». Резиденция комитета была устроена в Ижевске. В Воткинск и Сарапул, также подконтрольные повстанцам, назначались особоуполномоченные на правах комиссаров. При Комитете было образовано агитационно-просветительское бюро, сразу после своего возникновения обратившееся к населению встать на защиту «завоеваний февральской революции и Учредительного собрания». Провозглашалось, что организуемый орган местной власти в Ижевске будет действовать «в интересах обеспечения всех гражданских свобод и истинного народовластия».

Окончательно система органов управления в ее республиканском варианте в повстанческом крае была сформирована к середине сентября. Завершает свое оформление Прикамский Комуч. Его председателем становится Н. И. Евсеев. Кроме него в комитет входят Бузанов и А. Д. Карякин, а с 9 сентября 1918 года под документами Комуча начинает появляться подпись К. С. Шулакова. В связи с этим в некоторых источниках за новым органом власти закрепляется название «верховной четверки». Тогда же, 9 сентября, повстанческая власть проводит целую административную реформу, с целью упорядочения системы управления в крае. Обнародованные в повстанческой прессе уже 13 сентября, положения административной реформы сразу же начали претворяться в жизнь, окончательно порывая с прежней советской организацией власти.

Однако период, когда в крае действовали демократические органы власти, был немногим более продолжительным, нежели период деятельности обновленного Совета. Серьезные передвижки в верхах повстанцев произошли вскоре после роспуска Комуча и создания 23 сентября Уфимской Директории. По решению Уфимского государственного совещания, все местные антибольшевистские правительства передавали свои функции Директории. Эта судьба постигла и Прикомуч, который подлежал упразднению. С 14 октября 1918 г. Евсеев приступил к управлению Прикамьем уже в качестве чрезвычайного уполномоченного Временного Центрального правительства России, т. е. Директории. К. С. Шулаков, В. И. Бузанов и А. Д. Карякин назначались его помощниками. В поселки, находившиеся под

властью Ижевска, направлялись особые уполномоченные Евсеева, в чьих руках теперь концентрировалась вся полнота гражданской власти. Военная же власть по-прежнему принадлежала Штабу армии. В таком виде, как можно предположить, исходя из выявленных источников, органы власти в Ижевске сохранялись вплоть до вынужденной эвакуации повстанцев за Каму под напором наступающей Красной армии.

Тем самым в эволюции повстанческой республики четко выделяются три этапа: период советской администрации, период общегражданской администрации и период единоличной власти.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что гражданская власть на всех этапах своего развития сосуществовала с военной. Притом военная власть являлась изначально доминирующей или по крайней мере столь же весомой, как и гражданская, лишь на время уходя в тень. В те годы и на советских, и на белых территориях демократические институты повсеместно уступали место авторитарным, а гражданские – военным.

На всех этапах развития повстанческих органов власти перед ними стояли многочисленные проблемы, связанные с необходимостью наладить нормальную повседневную жизнь в городах и поселках, охваченных восстанием. Среди них были такие непростые, как поддержание производства, социальный вопрос и многие другие. К их решению повстанцы приступили сразу же после своей победы. Их шаги были предсказуемы. Чуть ли не первым же мероприятием новых ижевских властей становится разрешение запрещенной при большевиках свободной торговли хлебом. В городе отменялось осадное положение и восстанавливался порядок мирного времени. Также подлежала отмене смертная казнь. Все уволенные с заводов за антипатию к большевикам рабочие и служащие зачислялись на прежние места. Оживились опустевшие было при прежних порядках магазины и рынки. Открылись лавки, появилась обувь, мануфактура, посуда, металлические изделия хозяйственного потребления.

Главной заботой повстанцев становится поддержание производства на Ижевском заводе – производимая им военная продукция представляла для них стратегическую ценность. Кроме

того, активное участие в восстании части рабочих подразумевало необходимость выработки повстанческими властями активной рабочей политики. С целью наладить работу предприятий власти повстанческого края предприняли несколько популистских мер. Так, в приказе по ижевским оружейному и сталелитейному заводам № 28 от 5 сентября 1918 г. объявлялось, что за те дни, когда завод не работал (т. е. за 8–10 августа), оплата будет произведена. Кроме того, отменялась предельная норма выработки, а все что рабочие бы вырабатывали сверх нормы, должно было оплачиваться дополнительно. Помимо материальных задействовались и моральные стимулы. В одном из специальных обращений к рабочим Прикомуча подчеркивалось, что ижевские заводы являются «наиболее сильным средством» в борьбе с «поработителями русского народа» «для окончательного торжества народовластия». «Рабочие, оставшиеся на заводе, – звучало в воззвании, – должны помнить, что только повышая производительность труда, в виде успешного выпуска необходимого оружия, они этим самым принимают непосредственное участие в спасении нашей Родины».

Идя навстречу рабочим, новые власти сохранили ставки оплаты труда, существовавшие при большевиках. Не были тронуты и декреты советской власти, касавшиеся условий работы, решения рабочего вопроса и социальных гарантий, – все они оставались в силе. Так, например, как и прежде, ижевский оружейный завод работал в три смены – по 8 часов каждая, хотя из интересов обороны можно было бы пойти на увеличение рабочего дня. Повстанческие власти ограничились лишь тем, что ввели обязательные сверхурочные работы. Но первоначально это новшество было введено только в середине октября и распространялось только на мастерские, отстающие «в подаче необходимых изделий для выпуска винтовок». Многие экономические мероприятия повстанческого руководства носят явные следы уравнилельных тенденций, столь характерные для всей русской революции 1917 г. Это выразилось прежде всего в том, что и командные чины, и солдаты, и рабочие должны были получать равное денежное довольствие. Прикамский Комуч не этому поводу принял специальное постановление, требовавшее «...всем работающим на

заводах, всем действовавшим против большевиков с оружием в руках и всем городским и заводским служащим без различия должностей и старшинства – платить всем одинаковое жалование: 420 рублей в месяц».

После того как власть в городе перешла к умеренным социалистам, изменилось положение профсоюзов. Меньшевики, а также примыкавшие к ним в этом вопросе эсеры, выступали за независимость профсоюзов. Вопрос о независимости профсоюзов обсуждался, в частности, на общем собрании Делегатского совета Воткинского союза металлистов. Выступивший с докладом по этому вопросу видный меньшевик И. Г. Уповалов осудил практику большевиков, когда профсоюзы допускались к управлению производством «Союз превратили не в организацию экономической или политической борьбы рабочих, а в какое-то правительственное учреждение, которое ведет борьбу с рабочим классом, а не защищает его интересов», – подчеркнул он и призвал покончить с подобной практикой. Собрание поддержало предложенную меньшевиками резолюцию, которая заканчивалась словами: «Мы, рабочие Воткинского завода, делегаты Союза металлистов, считаем необходимым, что Профессиональный союз должен порвать со всякою властью, откуда бы она ни происходила, т. е. стал нейтральным и строго и определенно стоял исключительно на страже интересов рабочего класса в его борьбе с угнетателями». Последовательно проводя линию «независимости», Союз металлистов порой выступал и против повстанческих властей края, подчас даже вступая с ними в острые конфликты. Особенно сильны позиции рабочих организаций были в Сарапуле. Там распоряжения военных властей должны были подписывать ещё и делегаты от фабзавкомов, без чего никакие решения не имели законной силы.

Особой заботой повстанцев было создание боеспособных регулярных частей. Основой будущей Прикамской Народной армии становится отряд в 300 человек, сформированный на следующей же день после восстания в Ижевске для отражения первого контрнаступления красных. В Воткинске формирование частей Народной армии также началось сразу после перемены в городе власти: в первый день восстания были сформированы две

роты из воткинских рабочих. Одну из них возглавил Л. Н. Наугольный, чертежник по своей основной профессии, вторую – счетовод Мудрынин. Затем было начато сведение рот в полки. Первый добровольческий полк, состоящий из рабочих, был назван «17 Августа заводской полк».

По мере присоединения к повстанческой республике новых заводских поселков и городов росла и Прикамская Народная армия. Были, в частности, попытки организовать дружины из рабочих Сарапула. В период наивысшего подъема своего движения повстанцы могли опереться на весомую вооруженную силу. По официальным оценкам, общее количество повстанческой армии достигало 25 000 штыков. Вместе с тем, несмотря на важные успехи в военном строительстве, повстанческая армия, по определению самих ее участников, в частности С. Н. Лоткова, больше походила на «запорожские курени», чем на регулярные воинские части. Касалось это и внешнего вида повстанцев, и боевой организации. Лишь соединение с армией Колчака в последующий период несколько переломит ситуацию к лучшему.

Важным направлением деятельности повстанческого правительства Ижевска становится политика в области взаимоотношений с крестьянством. Успехом восставших следует считать то, что значительные слои прикамского крестьянства встретили Ижевское восстание с сочувствием. Среди первых мероприятий новых ижевских властей, нашедших полное понимание крестьян – разрешение запрещенной при большевиках свободной торговли. Ожились опустевшие при прежних порядках магазины и рынки. Открылись лавки, временно появились, исчезшие было, а точнее, припрятанные до лучших времен, обувь, мануфактура, посуда, металлические изделия хозяйственного потребления. Все эти шаги повстанческих властей были предсказуемы: неслучайно среди лозунгов восстания, наряду с политическими, были и такие, как лозунг: «Чай, сахар, белый хлеб и ярмарка два раза в год». Ижевско-Воткинское восстание было поддержано частью крестьян Малмыжского, Уржумского, Сарапульского, Надинского, Глазовского и Оханского уездов. На их вооружение ижевцы выделили около 60 тыс. винтовок, произведенных в основном уже в дни восстания. Добившись слияния заводских и крестьянских

восстаний в единое целое, повстанцы серьезно укрепили свои силы и на какое-то время обеспечили себе стабильный тыл. Этот фактор, безусловно, сыграл важную роль в успехах повстанческого движения в крае.

Осенью протестные настроения в рабочей среде повсеместно идут на спад. Входит в полосу кризиса и «повстанческая республика» в Прикамье. С середины сентября повстанцы начинают терпеть от правительственных войск одно поражение за другим. Под натиском наступающих красных частей кольцо вокруг мятежных городов сжимается. Но поражению повстанцев способствовали и причины иного, внутреннего порядка, разлагавшие их тыл и обрекавшие начатую ими борьбу на поражение. Когда движение было на подъеме, существовавшие противоречия отходили на второй план. Но по мере структуризации первоначально аморфной массы, особенно в условиях кризиса, стало проявляться, что конечные цели антибольшевистского восстания разным его участникам видятся по-разному.

Прежде всего обращает на себя внимание тот разброд, который существовал среди лидеров восстания. Основу конфликта в повстанческом руководстве составляли разногласия, существовавшие между входившими в него правыми социалистами и представителями беспартийного офицерства. Так, по утверждению А. Л. Гутмана, союз фронтовиков согласился на руководство со стороны «четырех членов бывшей учредилки» «весьма неохотно». Лишь позиция прочих социалистических групп, поддержавших эсеров, заставила фронтовиков примириться с их возвышением, да и то лишь временно – до соединения повстанцев с основными белыми центрами. Уже само то обстоятельство, в каких словах Гутман описывает формирование и деятельность Комуча, очень наглядно показывает истинное отношение «товарищей по общей борьбе» друг к другу:

«Пример самарского “Комуча” соблазнил и ижевских эсеров, и они поспешили объявить себя верховной властью, под громким титулом “Прикамский Комитет Учредительного Собрания”, – с сарказмом пишет он в своих мемуарах, – ... обаяние власти самарского “Комуча” было слишком сильно, чтобы случайно оказавшиеся на поверхности общественной жизни несколько

маленьких, никому неведомых людей не соблазнились хоть на короткое время стать “верховными правителями” одного уезда великого государства... Социалистическая зараза, сделавшая свое злое дело в столицах и крупных городах России, перешла на Каму. Вновь к власти пришли случайные, слабые и бесхарактерные люди, проникнутые насквозь узкой партийностью. Пришли эсеры, на сей раз третьестепенные, и померк огонь энтузиазма борьбы за Россию». Результат «социалистического хозяйничанья», по мнению Гутмана, был один: «Болтали в Самаре, болтали и в Ижевске», «пока не пришли красные и не разгромили все и всех».

Идеалом военных оставалась крепкая единоличная власть. Их не устраивало «второе издание Учредиловки». Они предпочитали «второе издание корниловщины». «Если бы в Ижевске пришел к власти энергичный и твердый вождь и сумел бы движение подчинить себе и им руководить, все пошло бы за ним, – делится своими размышлениями на этот счет А. Л. Гутман. – Все подчинились бы его разумной воле. Но в Ижевске к моменту возникновения восстания оказались к прискорбию четыре партийных деятеля, для которых догма была важнее, чем государство. Особенно, когда дело шло о власти». По его мнению, Ижевско-Воткинское восстание вполне могло вылиться во «всенародное движение», но для этого им должны были руководить «люди, не связанные крепкими узами с той или иной политической программой, а охваченные идеей спасения России от большевизма и восстановления в стране государственного порядка».

Не оставались в долгу и социалисты. Пользуясь своим положением в органах власти, они всячески стремились навязать противоположной стороне свои условия политического сожительства. Офицерство, даже его представители, вышедшие из местного заводского населения, рассматривались гражданскими властями как «необходимое зло». На доверие могли рассчитывать лишь те из офицеров, которые состояли в социалистических партиях, такие, как социал-демократ член заводского комитета Г. Н. Юрьев, долгое время командовавший Воткинской группой повстанцев. Постепенно давала всходы пацифистская пропаганда социалистов за «прекращение братоубийственной войны». Некоторые социалисты готовы были идти ещё дальше, предпо-

читая лучше власть большевиков, «чем погоны и порядки царской армии», которые «навязывались» повстанцам из Сибири. А. Л. Гутман передает свою беседу с уполномоченным Прикамского Комуча эсером Михайловым, состоявшуюся между ними накануне падения Сарапула. «Мы лучше примиримся с большевизмом, чем с реакцией», – уверял Михайлов. А в кадры «реакции» социалисты, как и во времена Керенского, в первую очередь относили «контрреволюционное офицерство».

Результатом соперничества между социалистами и офицерством становилось положение своеобразного двоевластия, когда отношения между военной и гражданской администрацией выливались в откровенное противоборство. На таком фоне и разразился скандал, ставший последним в цепи кризисов повстанческой власти и послуживший предвестием ее падения. Его начало может быть отнесено на 20 октября 1918 г., когда на совместном собрании старших чинов армии и Прикамского комитета членов Учредительного собрания Д. И. Федичкин предложил начать экстренную эвакуацию раненых, женщин и детей, а также ценного имущества и вооружения, на восточный берег Камы. Свое решение он обосновывал тем, что через неделю у ижевцев не будет ни одного патрона и тогда им придется «бежать из Ижевска голыми по льду».

Предложенный Федичкиным план понимания не встретил. Более того, Евсеев, к тому моменту ставший гражданским руководителем повстанческого края, назвал предложения Федичкина трусостью. Федичкину ничего не оставалось, как, сославшись на «расстроенное состояние здоровья», подать в отставку. Отставка была немедленно принята. В приказе Н. Евсеева № 12 от 23 октября двусмысленно говорилось, что Федичкин увольняется с должности Командующего Прикамской Народной армией «ввиду его болезненного состояния, угрожающего крайне опасными последствиями для обороны». Однако страх перед возможностью военного переворота был столь велик, что по завершении заседания весь состав гражданского правительства немедленно ретировался в неизвестном направлении. Лишь через некоторое время стало известно, что «верховная четверка» перебралась в Воткинск. В результате решение об эвакуации принято так и

не было, а в руководстве Прикамской народной армией произошли серьезные перемены. На место Федичкина был назначен социалист Г. Н. Юрьев. Командование ижевскими частями передавалось штабс-капитану Журавлеву – человеку, ижевцам почти не известному, даже в кругах старших начальников. Тем самым изменения, по всей вероятности, шли по линии «укрепления» командования повстанческой армии офицерами, близкими или лояльными лично Евсееву.

Но противоречия между правыми и левыми в руководстве повстанцев не были плавной причиной слабости Ижевской республики. Куда более глубокие противоречия имелись между верхушкой повстанцев (как единым целым без учета раздиравших ее распрей) и основной массой рядовых участников восстания. Противоречия эти выявились не сразу, но постепенно становились все более и более принципиальными. Говоря языком социологов, можно утверждать, что первопричины нестабильности повстанческого движения как такового коренились в социальной неоднородности его движущих сил. Несмотря на краткий срок существования повстанческой республики в Прикамье, ростки этой социальной неоднородности успели дать о себе знать вполне определенно. Вместо популярных в рабочей среде лозунгов рабочего контроля и 8-часового рабочего дня лидерами мятежа выдвигались призывы к защите родины и демократии, а также к выполнению долга перед союзниками. Демократические нормы труда были действительно с течением времени отброшены. Сверхурочные работы становятся обязательными. В приказе за номером 63 председателя правления Ижевского завода от 18 октября по этому поводу говорилось: «Ввиду невозможности в полной мере возвращения рабочих с фронта в завод по военным сообщениям и крайней необходимости в ружьях, во всех мастерских на тех переходах, где вырабатывается меньше 1000 изделий, ввести 2-часовые сверхурочные работы». При этом деньги за сверхурочные часы рабочим не выплачивались, а числились как задолженность. Перестала выплачиваться рабочим и зарплата. На руки им выдавалось в лучшем только $\frac{2}{3}$ причитающейся суммы, а остальные также удерживались. Когда эта мера вводилась в первой половине сентября, она многими воспринималась как

временная. Но и во второй половине сентября, и в октябре ситуация с выплатой зарплаты рабочим не улучшилась.

Но кризис этим не ограничивается. Поскольку рабочие во многом являлись костяком Прикамской народной армии, процессы разложения перекидываются и на нее. Первоначально повстанческая армия формировалась как добровольческая. Но по мере истощения среди рабочих активного антибольшевистского элемента добровольческий статус сохранять становилось все сложнее, и очень скоро лидеры мятежа переходят к практике принудительной мобилизации. Первая принудительная мобилизация была проведена в период успешного наступления советских частей на Ижевск в середине августа. Призыву подлежали мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Началась мобилизация 18 августа 1918 г., и во многом благодаря ей руководители восстания предотвратили падение повстанческой столицы. В дальнейшем принудительные мобилизации становились обычной практикой. Последняя насильственная мобилизация, которая вполне может считаться тотальной, относится к завершающим дням восстания, когда под ружье призывали даже 16- и 50-летних. Но и такие меры перелома уже не вносили.

Как и всегда в таких случаях, в условиях разраставшегося кризиса власти Ижевска начинают прибегать ко все большему насилию. Само начало переворота связано с рядом кровавых эпизодов. После первых успехов восстания в Заречной части началась кровавая расправа над сторонниками советской власти. По свидетельству военного лидера повстанческой армии полковника Д. И. Федичкина, мятежники в течение 12 часов ловили и расстреливали большевиков. Уже в первые дни восстания были замучены председатель военного отдела Исачев, военный комиссар Лихвинцев, председатель чрезвычайной комиссии Бабушкин, председатель ревтрибунала Михайлов, начальник милиции Рогалев, члены ревкома Папельмейстер, Боталов, руководитель эсеров-максималистов Посаженникова, был выведен из госпиталя и растерзан видный деятель большевистской организации Ижевска В. С. Жечев, – и этим список жертв стихии далеко не исчерпывается. Расправы носили варварский, циничный характер. Обыски и убийства проводились на улицах, в советских

учреждениях, в больничных палатах, в домах, где жили рабочие. Издевательствам подвергались не только жертвы, но и тела убитых. Так, после того как в бою у военного отдела погиб председатель ревкома Холмогоров, один из погромщиков «вставил в рот убитому огурец и пнул труп со словами: “Жри собака, не жалко теперь”».

Кровавыми сценами был отмечен захват власти во второй столице мятежа – Воткинске. На этот счет, правда, существуют разные точки зрения. Так, например, современный воткинский исследователь В. Г. Лекомцев, ссылаясь на свои встречи с очевидцами, пишет; как по одной улице шли повстанцы, а по соседней, в другом направлении, из Воткинска спешно уходили красные. Из услышанного он делает вывод, что у белых не было цели уничтожить противников, главное, чтобы их не осталось в Воткинском заводе. Но собранные им рассказы очевидцев относятся уже ко времени, очень далеко отстоящему от описываемых событий. Совсем иная картина отражена в более ранних источниках, в том числе в газетах повстанцев. Имеются, например, сообщения «Ижевского защитника» об аресте 300 большевиков и красноармейцев. По выражению ещё одного мемуариста, поручика С. Н. Лоткова, пытавшихся укрыться большевиков в Воткинске ловили, «как зайцев». На улицах повсюду виднелись следы боя: десятки убитых и замученных представителей прежней власти и их сторонников. Все это заставляет утверждать, что на самом деле и в Воткинске происходили те же отвратительные сцены бессудных расправ, что и в Ижевске несколькими днями ранее.

И подобная картина наблюдалась в те дни во всех заводских поселках и деревнях Прикамья, захваченных повстанцами. На большевиков и всех сторонников советской власти устраивалась настоящая охота. Как показывают исследования современных ижевских историков П. Н. Дмитриева и К. Л. Куликова, очень часто речь шла вовсе не о стихийных вспышках насилия, а о вполне продуманных, целенаправленных акциях новой повстанческой власти. Арестами и содержанием под стражей первоначально занималась следственная комиссия по расследованию деятельности большевиков, а затем созданная на ее основе контр-

разведка. Арестам подвергались не только деятели большевистского режима, но и члены их семей. Как вспоминал воткинский меньшевик Смирнов, «чтобы где ни сказали, или не сделали, в пользу арестованных, даже за передачу и посылку табаку, и те лица привлекались за сочувствие». Так, был арестован отец заместителя председателя Воткинского совета К. А. Казенова – старику мстили за сына. Вскоре под арестом оказалась и 18-летняя сестра К. А. Казенова, которая пыталась «передать брату посылку». Через несколько дней все они были расстреляны. В Сарапуле оказались под арестом отец, сестра и 12-летний брат члена городского комитета РКП (б) И. С. Седельникова, других коммунистов. Также был схвачен и расстрелян проявлявший сочувствие к большевикам священник Дронин, многие другие.

С течением времени репрессивные меры распространялись на все более широкие слои населения Ижевска, всего Прикамья. Даже сами повстанческие авторы признают колоссальный размах осуществляемых ими репрессий. Так, А. Л. Гутман пишет о «сотнях арестованных в импровизированных арестных домах». Поскольку помещений тюремного типа было немного, арестованных содержали в здании Совета, штаба, других помещениях. Вплоть до середины сентября под эти цели в Ижевске и Воткинске использовались частные дома. Помимо сотен людей, содержавшихся в арестных домах, около 3 тыс. заключенных содержались на баржах, приспособленных под временные тюрьмы. Этих людей называли «баржевиками». Три тысячи узников для города с таким населением, как Ижевск, было очень и очень много. Примерно такое же количество арестованных находилось в Воткинске, не менее тысячи баржевиков было в Сарапуле. В целом, как свидетельствуют подсчеты современных историков, размах репрессий в демократическом Прикамье был существенно выше, чем во многих других регионах страны, где Гражданская война также приняла особенно ожесточенные формы. Так, только в Сарапуле, который попал под власть восставших значительно позже, чем Ижевск, и оказался освобожден советскими частями существенно раньше его, на каждые 18 жителей приходился один политзаключенный.

Условия, в которых содержались заключенные, были немислимо тяжелы. Никаких человеческих и гражданских прав за арестованными не признавалось, и в любую минуту они могли стать жертвой самого грубого произвола. В расправах над узниками особенно «отличались» такие руководители повстанцев, как Куракин, Яковлев, Сорочинский, Власов (последний из них являлся бывшим жандармским полковником). Особой жестокостью уцелевшим запомнился лидер Союза фронтовиков Солдатов. «В душную, переполненную арестованными камеру тюрьмы, где на грязном полу валялись десятки измученных заключенных, – описывает один советский источник творимые им бесчинства, – примитивный способ судопроизводства. Вечером врывается с десятком белогвардейских опричников Солдатов.

– Встать! Смирно! – раздается зычный голос тюремщика. – На первый, второй рассчитайся!

Пришибленные заключенные торопливо исполняют грозную команду, выстраиваясь в две шеренги и с замиранием сердца ожидая дальнейших издевательств пьяных палачей.

– За что арестован? – грозно обращается к кому-либо из арестованных Солдатов. – А, молчишь, собака! – рычит, не ожидая ответа, озверевший хам, и со всего размаха ударяет несчастного заключенного револьвером по лицу. – Бей его мерзавца, ребята! – командует пьяный палач, и на глазах остальных заключенных начинается зверское истязание несчастной жертвы. Насытившись расправой, палачи удаляются из камеры, а за ними уносятся окровавленный, истерзанный товарищ. Выносятся на двор, где его и приканчивают».

Такие расправы творились чуть ли не каждый вечер, «Прогулки устраивались, – пишет уже другой советский источник, – не только фельдфебелем Солдатовым, но и образованными офицерами, в компании девиц, и даже просвещенным социалистом Бузановым».

Чем хуже у повстанцев дела шли на фронте, тем жестче становился установленный ими тюремный режим в тылу, тем меньше шансов у арестованных было сохранить жизнь. К примеру, расположенная у пристани Гольяны баржа с арестованными на случай прорыва красных была приготовлена к затоплению. Только

дерзкая операция, проведенная красной флотилией под командованием Ф. Ф. Раскольников, смогла спасти узникам жизнь. Однако произошедшее дало повод Юрьеву 5 ноября выпустить приказ, аналогов которому трудно отыскать в истории всей Гражданской войны: «Пусть арестованные молят бога, чтобы мы отогнали красных, – значилось в нем, – если красные приблизятся к городу ближе, чем на 3 версты, то арестантские помещения будут закиданы бомбами». И действительно, в ту же ночь было казнено 19 человек – видных партийных и советских работников, просто рабочих завода.

Массовые расправы вообще были частым явлением в период правосоциалистической власти в Ижевске. Как показывают новейшие исследования, в одну из подобных расправ за несколько часов ижевской контрразведкой и ее сподручными было уничтожено более 100 человек. Наглядным образчиком творимых в городе бесчинств является судьба 22-х Банниковых из расположенной неподалеку от города деревни Болгуры. Карателям понадобился какой-то Банников, возможно, проживавший в этой деревушке. Поскольку какой именно Банников им нужен, прибывший в деревню 23 октября отряд не знал, то были арестованы и доставлены в Ижевск все Банниковы деревни, среди которых были старики и даже дети. Всего было задержано 22 человека, вся вина которых состояла только в том, что они носили фамилию Банников. Как свидетельствует очевидец тех событий Семен Лиринцев, их выстроили на глазах у остальных заключенных, продели сквозь связанные руки веревку, чтобы не падали, и начали сечь кнутами, на концах которых была вплетена картечь. К утру из 22-х Банниковых деревни Болгуры не осталось ни одного – кто-то умер от побоев, кто-то – от полученных ран и потери крови.

Творимое социалистическими властями в Прикамье современные ижевские историки совершенно справедливо называют «конвейером смерти», «методично и безжалостно уносившим человеческие жизни». Однако самое страшное заключалось в том, что повстанцам не удалось прекратить в мятежном городе бытовую репрессивность. Большевистский режим также был достаточно жесток, но его жестокость была направлена на

установление пусть революционной, но все же законности. Советское государство, применяя методы террора и принуждения, тем не менее стремилось установить жесткую монополию государства на применение насилия. Только государственные органы могли судить и выносить приговоры, карать или миловать. Всякий, кто покушался на эту монополию власти, Советским государством рассматривался как враг. Если в расправах и беззакониях были повинны красноармейцы, чекисты, члены правящей партии или руководящие работники, – всем грозило суровое наказание. «Своих» за произвол большевики наказывали даже более сурово, чем «чужих». И делалось это нередко гласно, открыто. Советское государство смогло подавить бытовую репрессивность, конечно же, не сразу, но стремилось к этому, в отличие от своих противников, которые, наоборот, ее поощряли и провоцировали.

Так, руководитель повстанческой армии Д. И. Федичкин писал, например, о получившей среди своих подчиненных широкое распространение практике расправ над ранеными и пленными. Причем Федичкин говорит о подобных случаях без тени осуждения. Наоборот, убийство военнопленных он выставляет проявлением чуть ли не героизма и благородства своих воjak, что является ещё одним очевидным симптомом деградации первоначальных целей и установок рабочего восстания. Странное впечатление чего-то запредельного оставляют и некоторые сообщения повстанческой печати. «Фронтвики народ все смелый, веселый, – пишет в одном из октябрьских номеров газеты корреспондент “Ижевского защитника”. – С самого начала начали они шнырять по лесу да по деревням. В лесу они ловили красноармейцев и большевиков. “Это повыгоднее охоты: у каждого красноармейца и большевика груды денег”, – смеялись фронтвики».

И в повстанческих источниках свидетельства подобного рода многочисленны. Такое поведение становилось морально приемлемой нормой. Об убийстве пленных и мародерстве как о доблести писал в своих мемуарах и рядовой боец Прикамской повстанческой армии М. В. Наумов: в одном из боев, рассказывает он, бойцы его части «сняли комиссара». Поступил приказ опра- вить его в центр, но в центр его не отправили. Проиgnорировав элементарную воинскую дисциплину, рядовые повстанцы устро-

или самосуд. В отряде служили два брата, у которых, как говорили, красные расстреляли младшего брата. «И они, – продолжает свой рассказ Наумов, – решили заколоть комиссара на месте, рассуждая, ещё, мол, удерет из центра, их суд был короток». Не растерялся и сам Наумов. Пока его сослуживцы подручными средствами «восстанавливали справедливость», он решал свои вопросы с амуницией. «Оружие комиссара, – пишет он дальше, – было разобрано, а я решил взять его шинель. Наступила поздняя осень, и я мерз без своего полушубка». Вот так буднично, как о само собой разумеющемся, Наумов пишет о творившемся на мятежных территориях.

Тем самым материалы Ижевско-Воткинского восстания позволяют проследить динамику эскалации насилия в условиях Гражданской войны в целом. Возникнув на волне проявлений стихийного недовольства и слепой мести, насилие быстро сосредотачивалось в руках власти, разрасталось до все больших масштабов и превращалось в важнейшее орудие политики. Еще до установления в Сибири власти Колчака режим «третьей силы» в Ижевске скатывался к методам неприкрытой военной диктатуры. И ее проводниками были не только представители радикального офицерства, но и лидеры социалистических партий – меньшевиков и правых эсеров. Ситуация в Прикамье усложнялась ещё и тем, что здесь явно наметилась тенденция перерастания повстанчества в «партизанщину». Случаи мародерства, дисциплинарного разложения, неподчинение приказам, самосуды – все это было ее неизбежными симптомами. «Белая» партизанщина порождала партизанщину «зеленую», совсем уже беспартийную. Грабежи и насилие, пользуясь неразберихой, множились. Повстанцам не удалось создать режим крепкой власти, о котором мечтали многие из них. Вместо этого в Прикамье складывается обширная зона разгула криминального и девиантного поведения.

Все перечисленные выше кризисные моменты, а также заведомое превосходство центра над одной из временно отпавших провинций, делало поражение Ижевско-Воткинского восстания неизбежным, тем более что и по своему характеру оно становилось все менее и менее рабочим. После взятия в начале октября Сарапула красные части начали готовиться к штурму Ижевска.

Операция по окружению и взятию главной цитадели восставших была поручена особой дивизии 2-й армии под командованием В. М. Азиня. Приказ о начале операции был подписан командующим 2-й армией В. И. Шориным и членом РФС армии П. К. Штейнбергом 3 ноября 1918 г. Решающее сражение произошло 7 ноября 1918 г. С самого утра в этот день началась усиленная артподготовка, которую вели правительственные войска. Повстанцы отвечали тем же. Именно в этом бою впервые в ходе Гражданской войны большевикам пришлось столкнуться с применением психической атаки, так красочно воссозданной в кинофильме «Чапаев». Как всегда в минуты наибольшей опасности, над городом завыл заводской гудок, зазвонили колокола Михайловского собора, а затем отборные части ижевцев ровными шеренгами в полный рост под своим красно-зеленым знаменем двинулись в атаку. По словам участника этого боя А. П. Кучкина, по своей ожесточенности и даже озверелости он может быть сопоставлен только с боями за Челябинск и Перекоп. Только к вечеру наступавшие красные отряды смогли прорваться сквозь бешеный огонь и несколько рядов хорошо оборудованных укреплений. На станцию Ижевска ворвался бронепоезд «Свободная Россия» и своим огнем внес в ряды обороняющихся сильное расстройство. После этого в город вошли пехота и кавалерийские части.

Бои под Ижевском 7–8 ноября 1918 г. и первые шаги по нормализации ситуации в городе на некоторое время приостановили наступление частей 2-й Красной армии и позволили остаткам повстанческой армии предпринять шаги по организованной эвакуации Воткинска. Решение об экстренной эвакуации было принято на специальном совещании, на котором присутствовали гражданские власти края, новый командующий Ижевско-Воткинской армией капитан Юрьев, полковник Альбокринов и командующий ижевцами штабс-капитан Журавлев. 11 ноября Воткинский завод был покинут повстанцами. Отряду поручика Болонкина был отдан приказ прикрывать планомерное отступление основных сил мятежников. В ночь на 12 ноября через Каму перешли последние части их армии, а саперы уничтожили понтонный мост, по которому шла переправа. Даль-

нейшая судьба ижевских повстанцев была связана с историей Белого движения на востоке страны.

Так закончилось крупнейшее антибольшевистское восстание рабочих за всю истории Гражданской войны. Оно стало серьезным испытанием для нарождавшегося революционного государства. Вместе с тем опыт правления в Ижевске «третьей силы» показал, что демократическая власть в тех условиях была реальна только в виде «демократической диктатуры», которая по своим методам и средствам осуществления политики мало чем отличалась и от большевистской, и от военной диктатуры. Развиваясь в этом направлении, политическая линия «третьей силы» ижевских социалистов была если и не исчерпана, то сильно дискредитирована. Демократические лозунги без демократического наполнения не могли убедить в своей справедливости и полезности людей, занятых прежде всего сложной задачей выжить в условиях полного развала и разорения. Не случайно, поэтому, в конечном итоге повстанцем пришлось выбирать между Москвой и Омском: Гражданская война стремилась навязать свои законы, согласно которым у баррикады могут быть только две стороны, а стоящие посередине оказываются под перекрестным огнем.

Разлом: большевики на краю пропасти

Лето 1918 г. стало для нашей страны временем судьбоносных испытаний. Тлевшие на окраинах государства очаги военной интервенции сливаются в единое пламя, перекидываются в центральные районы страны, и утихшая было Гражданская война разворачивается с новой силой. Единое рабочее движение дробится на несколько потоков. Наиболее массовыми и упорными в те годы являлись выступления рабочих против интервентов и различных антибольшевистских правительств. Сегодня историки не склонны упрощать взаимоотношения между рабочими и антибольшевистскими режимами. Новейшие исследования показывают, что многие лидеры Белого дела пытались наладить сотрудничество с профсоюзами и другими рабочими организациями. В свою очередь, немалое количество деятелей рабочего движения с готовностью поддерживали укрепление антибольшевистских сил, будь то в Сибири, на Урале или Украине. Вместе с тем антибольшевистские правительства стремились решать рабочий вопрос на принципах, сформулированных ещё в период Февральской революции, а значит; на тех принципах, которые в конечном итоге были отвергнуты большинством рабочих ещё в октябре 1917 г. Это вызывало у многих рабочих естественный протест и объективно играло на руку большевикам.

Важнейшим регионом рабочего протеста в период Гражданской войны становится Сибирь. Ощутимые неприятности доставляли белым властям Сибири железнодорожники. Осенью 1918 г. к примеру, прошла мощная забастовка путейцев Красноярска, которая была поддержана участниками 1 Всесибирского съезда профсоюзов, состоявшегося в Томске 5–14 октября. Красноярские железнодорожники и присоединившиеся к их акции протеста рабочие других профессий требовали восстановить действие декрета СНК о 8-часовом рабочем дне, повысить размер оплаты

труда, вернуть на работу всех уволенных за поддержку советской власти, освободить из тюрем всех рабочих и красногвардейцев. Правительство Сибири разогнало профсоюзный съезд и расстреляло бастовавших железнодорожников. После установления колчаковской диктатуры многие рабочие организации переходят на нелегальное положение, продолжая устраивать массовые акции протеста. Так, когда в конце 1918 г. Колчак повел наступление против Красной армии, в Омске профсоюзы железнодорожников, строителей и транспортных рабочих подняли мощное восстание. При его подавлении колчаковцы расстреляли более 1000 рабочих, многие уцелевшие были брошены в тюрьмы. Жестоко расправился Колчак и с восстанием шахтеров в Кольчугине, вспыхнувшим в начале апреля 1919 г.: было расстреляно 400 рабочих и ещё 200 крестьян из окрестных деревень, примкнувших к восстанию. Но и жестокие расправы не смогли стабилизировать тыл колчаковских армий. В мае 1919 г. забастовочная борьба развернулась в Сибири и на Дальнем Востоке с новой силой. В частности, первомайские забастовки и демонстрации рабочих состоялись в Омске, Иркутске, Томске, Новониколаевске и других городах.

Активную наступательную позицию занимали рабочие Юга России. Многочисленные экономические и политические стачки под руководством профсоюзов протекали в 1919 г. в Харькове, Николаеве, Таганроге, Екатеринославе. Нередко профсоюзы становились своеобразным прикрытием для большевистского подполья, поддерживали нелегальные контакты с Москвой. По сведениям контрразведки белогвардейцев Крыма, в 1920 г. крымские рабочие готовили целый ряд политических забастовок на севастопольских и симферопольских заводах, которые могли перерасти в вооруженное восстание. Расследование подпольной деятельности рабочих организаций Крыма велось по инициативе печально известного своей жестокостью генерала Я. А. Слащова, ставшего прототипом генерала Хлудова, одного из персонажей драмы Михаила Булгакова «Бег». В действиях против рабочих Слащов вполне подтвердил свою репутацию палача: организаторы стачек, активисты рабочего подполья были приговорены к расстрелу, а печатный орган крымских профсоюзов «Прибой» закрыт.

Ширился рабочий протест и на севере страны – в Мурманске и Архангельске. Действовавшие в Северной России интервенты самым решительным образом пресекали все рабочие выступления; Советы, профсоюзы и другие рабочие организации были разгромлены. Всего за один только год господства англо-американских войск (с августа 1918 по август 1919 г.) в Северной России, где проживало немногим более 400 тыс. человек, через тюрьмы прошло 30 тыс. арестованных, из которых 8 тыс. были расстреляны, ещё около тысячи человек умерли от ран, болезней и бесчеловечного обращения. И тем не менее в мастерских, портах, на железных дорогах рабочие устраивали акции протеста, занимались саботажем, дезорганизовывали работы, срывали ремонт и отправку паровозов, вагонов, кораблей.

Рабочий протест подрывал устойчивость белых режимов, приближал их распад и гибель. В этом смысле нельзя не признать правоту прежней, советской историографии, уделявшей немалое внимание массовым выступлениям рабочих против белогвардейцев и поддерживавших их интервентов, поскольку рабочий протест на территориях, где существовали антибольшевистские правительства, на протяжении всей Гражданской войны имел существенный размах и сыграл важную роль в общей победе большевиков. Вместе с тем историки прежних лет подчас «забывали», что разного рода трудовые конфликты и массовые выступления рабочих происходили в 1918–1921 гг. и там, где существовала советская власть.

В тех же случаях, когда о рабочем протесте в красном тылу все же вспоминали, его стремились приуменьшить, объявить делом рук разного рода контрреволюционеров и соглашателей. Спору нет, рабочий протест в Советской России не имел таких масштабов и судьбоносного значения, как на белых территориях; часто во главе протестных акций рабочих действительно оказывались правые и левые эсеры, меньшевики, анархисты, а то и черносотенцы. Но это не отменяет того факта, что и на советских территориях протестное движение рабочих играло немаловажную роль, и что большевикам приходилось постоянно прислушиваться к настроениям в рабочих окраинах. На процессах и закономерностях, определявших лицо рабочего антибольшевистского протеста в те годы, мы и остановимся подробнее.

Специфику рабочего протеста в Советской России с лета 1918 г. по март 1921 г. определяла не только Гражданская война, но и проводившаяся большевиками в этот момент экономическая и социальная политика, вскоре после своего завершения получившая название «военного коммунизма». Военный коммунизм представлял собой сплав романтизма и практицизма столь причудливый, что историки по сей день не пришли к единому мнению, чего же в нем было больше. Многие лидеры большевизма были заражены утопическими идеями Платона, Томаса Мора и Кампанеллы, рядовые партийцы вдохновлялись громкими именами Стеньки Разина и Пугачева, прочно жившими в народном сознании. Но простым людям, обывателям необходимо было иметь теплый кров, пропитание, минимум безопасности. Поэтому практическая составляющая военного коммунизма должна была присутствовать во всех самых революционных начинаниях большевистской верхушки. И сводилась она к двум важнейшим пунктам – сохранить от полного разрушения тяжелую промышленность и сохранить от полного вымирания рабочий класс. Вряд ли многие лидеры большевиков понимали это, а кто понимал, маскировал свои взгляды коммунистической риторикой, но такую же политику должно было бы проводить любое правительство, оказавшись оно у власти в России в тот момент: и советское, и буржуазное, и царское, в случае реставрации монархии. Только тяжелая промышленность и квалифицированные рабочие, способные поддерживать и развивать ее, оставляли перед страной надежду на выживание и возможное возрождение в будущем.

Тем самым все мероприятия в рамках политики военного коммунизма так или иначе должны были учитывать насущные чаянья рабочих, исходить из задачи удовлетворения их потребностей. Но проблема состояла в том, что в условиях голода и разрухи долгосрочные интересы страны, да и отдельного класса часто не совпадают с текущими потребностями простых людей, маленького человека. Задача правительства сводилась почти к неразрешимой задаче – учесть и отразить в своей повседневной политике и то и другое, а при этом ещё и убедить большинство своих граждан, что обрушившиеся на страну трудности носят временный характер и ради «прекрасного завтра» нужно терпеть

ужасное сегодня. Ясно, что в такой сложнейшей ситуации были возможны и ошибки, и преступления, возникшие на почве злоупотребления властью. Конец 1918 – начало 1921 г. становятся временем стремительного разрушения всех отраслей промышленности: уже в 1919 г. из-за отсутствия хлопка почти остановилась текстильная отрасль. В том же 1919 г. в стране потухли все доменные. Россия фактически не производила металлов, а жила имевшимися запасами. В начале 1920 г. удалось задуть 15 доменных печей, и они дали лишь 3% металлов, выплавлявшихся в царской России накануне войны. По добыче нефти и угля Россия была отброшена ещё дальше – к 90-м гг. XIX в. В целом же по сравнению с «эталонным» 1913 г. промышленное производство упало в 7 раз. Происходит ухудшение жизненного уровня рабочих, падает их продовольственное снабжение, к примеру, за первые три месяца 1919 г. суточный хлебный паек рабочих в Ярославской губернии составлял 0,6 фунта; в Рязанской – от 0,17 до 0,91 фунта; в Московской – от 0,14 до 0,53 фунта. В Москве в 1919 г. средний рабочий получал паек калорийностью 336 калорий, в то время как суточная физиологическая норма составляет 3600 калорий. Резко сокращается численность рабочих вследствие бегства в деревню и мобилизации в Красную армию: если в 1918 г. фабрично-заводских и горнозаводских рабочих насчитывалось 2,5 млн, то к 1920 г. их осталось всего 1,5 млн человек. На таком фоне и происходит развитие прелестного движения на территориях, оставшихся подконтрольными большевикам.

Наиболее массовые и активные протестные выступления рабочих в Советской России в годы Гражданской войны и военного коммунизма происходили в Петрограде. Так, по данным Истпрофа, 63% из зарегистрированных в 1919 г. стачечников являлись рабочими Петрограда. Это совсем не случайно. Жизненный уровень петроградских рабочих продолжал падать. Если принять заработок квалифицированного рабочего-петербуржца в 1913 г. за 100%, то при Временном правительстве он получал уже 81,6%, в 1919 – 20,8%, а в 1920 – лишь 9,6% от прежнего уровня. Снижение заработка рабочих в тот период наблюдалось, конечно, повсеместно. Но к этому добавлялись и другие причины, в других пролетарских центрах не существовавшие. Рабочие

Петрограда, к примеру, как и все питерцы, остро переживали потерю их родным городом столичного статуса. В годы Гражданской войны питерцы неоднократно поднимали вопрос о возвращении столицы из Москвы в город на Неве, добивались предоставления Питеру хотя бы части столичных функций. И надо признать, что потеря столичного статуса имела не только моральные, но и вполне материальные последствия: приоритет в снабжении теперь получала Москва, и все проблемы, вызванные Гражданской войной, Петроград, привыкший при царской власти совсем к другому, переживал гораздо острее.

Свою лету в разжигание недовольства рабочих вносила своим поведением и городская верхушка. Во главе питерских большевиков волею судеб оказался главный оппонент В. И. Ленина в момент Октябрьского переворота Г. Е. Зиновьев. Человек взбалмошный и жестокий, Зиновьев страдал главным пороком вознесенных к вершинам власти вельмож – двуличием. Призывая петроградских рабочих работать во благо революции за скудную продуктовую норму, часто снижавшуюся до одной восьмушки хлеба, себе и своему окружению Зиновьев не отказывал ни в чем. Один из современников революции, Ю. Анненков, позднее вспоминал: «Григорий Зиновьев, приехавший из эмиграции худым как жердь, так откормился и ожирел в голодные годы революции, что был даже прозван Ромовой бабой». Рабочие подмечали царившие в городе безобразия, делали из них выводы. А рабочие в Петрограде были не чета рабочим остальной России, и вовсе не случайно славились своими демократическими и революционными традициями. Не приходится сбрасывать со счетов и то, что в годы Гражданской войны Петроград являлся одновременно и приграничным, и прифронтовым городом, что тоже подпитывало нестабильность политических настроений его жителей.

Впрочем, рубеж 1918–1919 гг. в Петрограде выдался сравнительно спокойным. Начало Гражданской войны, пусть не покажется это странным, принесло многим петроградским рабочим некоторое облегчение. Город, большинство предприятий которого выпускали военную продукцию, немного ожил. Стремительно пошла на спад безработица. Появились новые заказы с твердым государственным финансированием, а значит – надежда

на стабильный заработок. Но война есть война, и очень быстро вызванный ею позитивный эффект прошел, а долгосрочные разрушительные последствия заявили о себе во весь голос. Главной головной болью рабочих Петрограда становится продовольственный вопрос. Хлеб становится кровью города. Нехватка его приводит город к мучительным судорогам, острым социальным и политическим конфликтам, а поступление хлеба в город сразу же понижает накал противостояния. Как это было и год, и два года назад, продовольственный вопрос начинает обостряться в Петрограде в феврале 1919 г. Заметных волнений в этот период в городе не происходит. Отдельные забастовки, такие как на Александровском заводе, к серьезным последствиям не приводили. Тем не менее, настрой рабочей массы меняется. Появляются апатия, равнодушие, чувство отчужденности и глухой враждебности по отношению к советским властям. Народ, в прямом смысле этого слова, безмолвствовал, и, как всегда, это не предвещало властям предрежащим ничего хорошего.

Искрой, взорвавшей относительное спокойствие города, становится трудовой конфликт на Путиловском заводе, подогретый вмешательством в него левых эсеров. За два дня до годовщины начала Февральской революции, 6 марта 1919 г, на заводе начинается забастовка. На своем общем собрании рабочие-путиловцы выдвигают требования: 1) привлечь к государственному управлению и к организации продовольственного дела опытных специалистов, невзирая на их политическую принадлежность; 2) разрешить свободный провоз продуктов; 3) повысить тарифные ставки. Особое внимание обращает на себя требование увеличить рабочим хлебный паек – путиловцы настаивали, чтобы это было сделано без уменьшения существовавшей на тот момент нормы выдачи хлеба для остальных горожан. Для предъявления своей позиции властям, рабочие направили делегацию в Смольный. Не на шутку перепуганные большевистские комиссары поторопились арестовать рабочую делегацию, а Зиновьев кинулся на Путиловский завод агитировать за прекращение забастовки. Но возмущение рабочих нарастало, и по прибытии на завод Зиновьев сам оказался фактически под арестом: под нажимом рабочих он пообещал выпустить их арестованных товарищей.

Беспорядки на заводе продолжились 8 и 9 марта. Путиловские рабочие не хотели, чтобы их считали контрреволюционерами и оппозиционерами, поэтому митинги в эти дни на заводе проходили под прикрытием профсоюзной организации и заводского комитета, а выдвинутые требования отличались своей умеренностью. Скрепя сердце власти пообещали к 12 марта «одарить» рабочих повышенным (как он называется в документах – «бронированным») пайком. На том волнения и закончились, но, как оказалось, ненадолго.

Однако гром все-таки грянул. От сравнительно умеренных претензий к местным властям путиловцы вскоре перешли к осуждению «диктатуры ЦК партии большевиков», якобы предавшей интересы рабочих и заветы Октябрьской революции. Причиной стала нерасторопность Зиновьеве кого руководства, не поспешившего своевременно доставить обещанный повышенный паек. Ответом стала активизация и одновременная политизация протеста рабочих-путиловцев. Ситуацией сумели воспользоваться радикалы из городской левоэсеровской организации. Их представитель был избран председателем общего рабочего собрания, состоявшегося на Путиловском заводе 13 марта. На собрании выступили представители и других оппозиционных партий, в частности, Н. Н. Глебов-Путиловский, в прошлом один из видных лидеров Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов. По своему обыкновению, он призвал рабочих не допускать раскола в своих рядах и к объединению «всех разумных социалистических сил в единый социалистический строй». Итогом собрания стала резолюция, внесенная на голосование Глебовым. В ней помимо экономических требований имелись и политические. В частности, рабочие Путиловского завода требовали снять «заградительно-грабительские кордоны», ввести вместо прежней системы заготовки продовольствия закупку хлеба через кооперацию, а заодно установить рабочий контроль за распределением продуктов, но теперь уже не над капиталистами, а над государственными органами, потерявшими доверие масс. Особенно резким оказался пятый пункт резолюции: «Мы требуем, – звучало в нем, – полной политической амнистии и немедленного освобождения из тюрем, застенков и чрезвычайек

всех людей, брошенных туда за свои убеждения и за свободное их распространение». Важное звучание имел и следующий, шесток пункт резолюции, в котором очерчивались контуры будущего государственного устройства: «... мы требуем отказа, как в области экономического строительства, так и в области политического управления, от узкого и фракционного недоверия к широким народным массам... требуем создания единого социалистического фронта и привлечения к социалистическому строительству всей трудоспособной революционной демократии».

Выступление путиловцев всколыхнуло рабочих других петроградских заводов. Большевистские власти обвиняли в эскалации напряженности в городе левых эсеров. Органы ВЧК имели агентурную информацию, согласно которой ПЛСРИ на своей конференции Северной области ещё 20 января 1919 г. решила активизировать подпольную деятельность, в том числе одобрила применение террора по отношению к большевикам. И вот в начале марта 1921 г. активистами партии были предприняты попытки сорвать работу на предприятиях Нарвского, Петрофского и Московско-Заставского районов Петрограда. Трагический инцидент произошел в Рождественском трамвайном парке. Левый эсер Чуев, выступая перед его рабочими, призвал к свержению диктатуры Совнаркома. Местный рождественский райсовет, понимая, что теряет контроль над ситуацией, для ареста левоэсеровских агитаторов направил туда вооруженный отряд, но, прибыв на место, представители власти встретили неожиданный отпор; завязалась перестрелка, в которой было ранено 9 красноармейцев. Стремясь дискредитировать левых эсеров, 13 марта Петросовет обратился с воззванием к рабочим города, матросам и красноармейцам. В нем отмечалось, что «кучка белогвардейцев, называющих себя левыми эсерами, ходит по некоторым фабрикам и заводам, изображая себя "делегацией Путиловского завода"». «Финские белогвардейцы, – утверждали авторы документа, – затаив дыхание, ждут, чтобы провокация левых эсеров удалась. Тогда они попытаются броситься на Питер, чтобы расстрелять каждого десятого рабочего. Эстонские белогвардейцы в Нарве потирают руки от удовольствия по поводу провокации левых эсеров и ждут не дождутся, чтобы иуди-

на работа левых эсеров облегчила им натиск на Петроград». Не скупилась большевистская листовка и на рецепты, как рабочим нужно себя вести, в ней говорилось: «Левые эсеры – последний отряд буржуазии, который нам надо сломить», а для этого «гоните в шею поддельные делегации», «арестуйте немедленно тех, кто подбивает вас на стачки». Левые эсеры ответили собственным воззванием, в котором были столь же категоричны: «Не верьте ни одному слову большевистских провокаторов, палачей и убийц, – звучало в нем, – больше твердости. Больше веры в революционную правду».

Рабочие прислушивались к перепалке между социалистами – вчерашними союзниками по правительственной коалиции, а массовые выступления шли своим чередом. На некоторых предприятиях, ознакомившись с требованиями путиловцев, не спешили присоединяться к протесту. На многих предприятиях принимались резолюции с осуждением путиловцев и забастовки вообще. На других заводах, где работы все-таки прекращались, рабочие спешили отмежеваться как от «авантюры левых эсеров», так и от политики вообще, как это имело место на заводах «Сименс-Шуккерт» и «Максвел». Тем не менее на некоторых предприятиях акции протеста стали следствием солидарности с путиловскими рабочими, подчас приобретая очень острый характер. Среди первых, кто откликнулся на призыв путиловцев, находились рабочие Рождественского трамвайного парка. На своем митинге 14 марта они заявили о своей поддержке рабочих Путиловского завода и решили направить к ним депутацию с красным флагом. Прибывший к рабочим известный большевистский деятель А. В. Луначарский попытался разagitировать их. Однако речь Луначарского, своими манерами и внешним видом больше походившего на царского профессора, чем на коммунистического вождя, голодные трамвайщики раздраженно заглушали выкриками «белогвардеец», «барин», «снимите с него шубу». Не зная, как предотвратить дальнейшее расползание конфликта, власти решили прервать митинг силой. Собравшихся рабочих окружила некая «сводная коммунистическая рота», в ходе проверки документов возникла паника, прозвучали выстрелы, начались аресты. На следующее утро трамваи по своим

маршрутам не пошли – рабочие бастовали, но к вечеру того же дня забастовка все же прекратилась.

Резолюция солидарности с Путиловскими рабочими была принята 14 марта на заводе Речкина. Позиция путиловцев нашла поддержку на Невском судостроительном заводе, Механическом заводе, обувных фабриках «Скороход» и «Победа», Главных мастерских Николаевской железной дороги, фабрике «Паль» и др. Драматично развивались события на заводе «Треугольник». В официальной трактовке ситуация на нем складывалась следующим образом: воспользовавшись брожением рабочих на почве голода, левые эсеры 15 марта организовали митинг и спровоцировали на нем самосуд над членами большевистского завкома. Выстрелом из револьвера был ранен секретарь завкома Павелковский, избита большевистская активистка Апреликова. «Прибывшая боевая дружина, спасая товарищей, дала несколько выстрелов в потолок, – описывал события один большевистский автор. – Случайно шальная пуля разбила капсюль в гринельной трубе. Только благодаря этому эсеровская провокация обошлась без жертв: помещение наполнилось паром и водой, и толпа разошлась». Дополнительные сведения можно найти в другом советском источнике: «15 марта [левые] эсеры, – сообщается в нем, – устроили буквально “мятеж” в стенах завода, со стрельбой и избиением коммунистов. Избили Варю Апреликову, ещё трех коммунисток. Одному из коммунистов прострелили ногу». Иначе произошедшее рисовали сами левые эсеры. В листовке, выпущенной ими по горячим следам, утверждалось: «15 марта большевистская власть расстреляла общее собрание завода “Треугольник” – 4 убито, 25 раненых и 150 ошпаренных взрывом паровых труб». Запущенные левыми эсерами слухи о десятках ошпаренных рабочих быстро разлетелись по городу и будоражили воображение обывателей, пытавшихся увидеть в каждом случайном выстреле пролог к массовому антибольшевистскому восстанию.

Власти Петрограда оказались не готовы к мартовским выступлениям протеста. Поэтому предпринимаемые городскими властями меры сегодня удивляют своей импульсивностью и несоразмерностью. На заседании ПК РКБ (б) 15 марта вопрос о

положении на Путиловском заводе был рассмотрен отдельным пунктом повестки дня. В принятой по нему резолюции говорилось: «Ввиду агитации, ведущейся на заводе левыми эсерами, занять завод отрядом из кронштадтцев-матросов, прибавив 200 коммунаров из районов. Пропускать на завод только рабочих и служащих, которые согласились стать на работу. Паяк и жалованье выдавать только работающим, посторонних [на завод] не пропускать». Аналогичные меры принимались и на других предприятиях. Так, были арестованы вожаки левых эсеров Трубочного завода П. Зуев и Ф. М. Минин, другие рабочие активисты. Аресты руководителей левых эсеров начались ещё в феврале 1919 г. и теперь только усилились. Среди арестованных оказались все, кого только можно было заподозрить в сочувствии левоэсеровским взглядам. Власти города не постеснялись арестовать выдающихся представителей отечественной культуры: А. А. Блока, Е. И. Замятина, А. М. Ремизова, Р. В. Иванова-Разумника, С. А. Венгерова, М. К. Лемке, К. С. Петрова-Водкина. Расправу осуществляла питерская Чрезвычайка. В справке Петроградского ГубЧК в те дни сообщалось: «До 11 час. вечера 19 марта арестовано было всего около 200 человек. Из них: 35 левых с.-р., в том числе 3 интеллигента-профессионала; 15 с.-р. правых и центр; десяток шатавшихся по заводам мазуриков без определенных занятий. Означенные арестованные либо мешочники, либо работающие на одном заводе лет по 20–25 и успевшие превратиться из пролетариев в мелких буржуа. Есть немного служащих. По количеству арестов первое место занимает Путиловский завод, затем идет “Треугольник”, за ним Рождественский трамвайный парк, где арестовано 3 делегата левых с.-р. фракции Петербургского Совдепа. Вчера же обнаружена типография во время печатания в ней левыми с.-р. листа».

После нескольких месяцев затишья новое осложнение ситуации в городе происходит в июле 1919 г. На этот раз застрельщиками оказались рабочие и служащие Николаевской железной дороги, 8 июля предъявившие требования разрешить свободную торговлю и прекратить бесчинства на железных дорогах комиссаров, препятствующих попыткам горожан провезти для себя хотя бы минимум продовольствия. Выступления не прекратились и на

следующий день. В столкновениях с прибывшими красноармейцами погиб рабочий-путеец. Известие о случившемся быстро облетело город и стало причиной забастовок на других предприятиях города. Но для многих трудовых коллективов события на Николаевской железной дороге стали лишь предлогом: трудовые конфликты назревали там давно и могли бы начаться и самостоятельно. Волнения были отмечены в некоторых типографиях, на телефонной станции, заводе Речкина, Невской Ниточной мануфактуре, Рождественском трамвайном парке, заводе «Треугольник», фабриках Паля и Торнтон, Трубочном заводе, Никольской мануфактуре и др. Непокойно было и на таких гигантах, как Путиловский и Обуховский заводы. В отличие от весенних событий, в июльские дни преобладали волнения на экономической почве. Но на некоторых предприятиях отчетливо прозвучали и политические ноты. Такой оборот, например, приняли выступления рабочих на заводе «Сименс-Шуккерт». На Охтенском заводе не давали говорить большевистским ораторам. На заводе Вестингауза была избрана делегация для агитации на других заводах, так же поступили рабочие фабрики Гука, но на ней волнения случились на экономической почве. В июле 1919 г. акции протеста оказались более быстротечными, чем в марте, и на многих предприятиях поддержаны не были. Еще менее масштабной была следующая волна рабочего протеста в Петрограде, поднявшаяся только через год – летом – осенью 1920 г. Вновь напомнили о себе рабочие завода Речкина, а также Ижорского и Обуховского заводов, состоялись выступления, преимущественно экономические, на 4-й парусиновой фабрике, фабрике Гознака, писчебумажной фабрике «Коммунар» и других предприятиях. Впрочем, не обошлось и без политических выступлений. Так, мастерские Варшавской железной дороги потребовали освободить арестованных левых эсеров. Принимал политический протест и совсем обескураживающие формы: в сентябре при разгрузке на артиллерийском складе снарядов местные власти обнаружили, что внутри них вместо боевой начинки песок с опилками.

Помимо Петрограда в годы Гражданской войны неспокойно было и в других крупных пролетарских центрах, прежде всего в тех, где сосредотачивались важные оборонные предприятия,

среди них особо выделялись Ижевск и Тула – города, в которых большевикам пришлось столкнуться с наиболее масштабным рабочим протестом ещё в 1918 г. Рабочие этих городов осознали свою значимость и силу, и теперь готовы были решительно бороться за соблюдение своих прав.

В Ижевске, как и в 1918 г., помимо общих причин недовольства рабочих, важное значение приобретали ещё и вызванные некомпетентностью и разложением местной верхушки – городской и заводской. Почувствовав свою безнаказанность, ижевские руководители переставали считаться с интересами и мнением рабочих, не выполняли свои прямые служебные обязанности, банально спивались. Так, по сведениям Вятской губернской ЧК, председатель Технической комиссии Ижевских заводов Егоров пьянствовал чуть ли не ежедневно. От него не отставали комендант Ижевских заводов Гусев и его помощник Растягаев. «Пьянство ширится», – делали вывод вятские чекисты. Свой вывод делали и рабочие Ижевска, поговаривая: вот как представители власти строят «новую жизнь»... Кроме названных, в пьянстве были уличены и другие руководители. Вот что докладывал 20 августа 1920 г. своему начальству представитель вятской Чрезвычайки О. Я. Мурнек: «Выпивка в Ижевске идет усиленным темпом... Имеются специальные фабрики по изготовлению самогонки, таковых фабрик много. В пьянстве замечены: Матвеев – предисполкома, Макаров – начальник милиции, Татарский – заведующий Земотделом, Филимонов Поликарп – заведующий ссыпным пунктом, Бажутин – заведующий стройотделом. Выпивка происходит за городом на даче...» Недовольство рабочих выражалось в массовом дезертирстве с заводов, апатии по отношению к политике и лозунгам советской власти, частых трудовых конфликтах. Под воздействием сохранившихся в Прикамье колчаковских, эсеровских, меньшевистский, максималистских и анархистских организаций, нередко подпольных, недовольство рабочих приобретало политических, опасный для властей оттенок. После второго освобождения Ижевска от белых в июне 1919 г. в городе дважды возникала угроза повторения, правда, в существенно меньших масштабах, чем в 1918 г., восстания ижевских рабочих. В сентябре 1919 г. не на шутку встревоженные большевики даже

сформировали Временный революционный штаб, к которому перешла вся полнота власти. По приказу ВРШ 19 сентября прямо в мастерских завода были проведены аресты эсеров-максималистов, подозреваемых в подготовке восстания. Ровно через год, в сентябре 1920 г., недовольство рабочих обозначилось гораздо шире. Невозможность примириться с беззаконием местных властей объединила в рядах одной подпольной организации представителей всех оппозиционных большевикам сил – от крайне правых до самых радикальных леваков. Крупных выступлений удалось избежать только благодаря превентивным мерам, предпринятым чекистами.

В Туле рабочих восстаний в годы Гражданской войны не происходило, но положение местных большевистских властей также было весьма неустойчивым. Рабочие Тулы проявляли свою оппозиционность, симпатизируя то меньшевикам, то представителям наиболее левых течений в самой большевистской партии. Ярчайшим выражением протестного рабочего движения в Туле становится забастовка в начале апреля 1919 г., которую объективно можно назвать общегородской. Ее причиной стали не только экономические трудности, но и произвол местной ЧК. Начало 1919 г. выдалось не самым легким для Советской России. Обстановка на фронтах вызывала серьезные опасения, подняла голову внутренняя контрреволюция. Пытаясь предотвратить выступления в тылу Красной армии, чекисты усиленно занимались выявлением и изоляцией оппозиционных элементов. 31 марта и 1 апреля 1919 г. в Туле были арестованы 32 члена меньшевистской и эсеровской партий. Среди арестованных меньшевиков было немало уважаемых деятелей профсоюзного движения. С целью защитить их и других своих товарищей, оказавшихся в заключении, тульский профсоюз металлистов 2 апреля собрался на чрезвычайную конференцию. Конференция участие арестованных в подготовке контрреволюционного выступления сочла недоказанным и потребовала их освобождения под поручительство рабочих организаций. Местные власти не нашли ничего более подходящего, как арестовать и часть делегатов конференции. В ответ уже на следующий день, 3 апреля, Тула забастовала. В авангарде стачки вновь оказались рабочие

тульских оборонных гигантов – Оружейного и Патронного заводов, а также железнодорожники. Но аресты продолжались. Они затронули 290 человек: 110 были арестованы по городу, 95 – на Оружейном заводе, ещё 85 – на Патронном. С целью разобраться в причинах забастовки и попытаться предотвратить их повторение в будущем в Тулу была направлена специальная комиссия из Москвы. Шантажируя рабочих массовыми увольнениями, власти потребовали возобновить работу. Пригрозив кнутом, власти прибегли и к методу задабривания. В качестве «тульского пряника» было использовано решение Совета обороны перевести рабочих оборонных предприятий города на красноармейский паек, что сулило резкое улучшение их продовольственного снабжения. На проходившем 9 апреля совещании цеховых комитетов Оружейного и Патронного заводов было принято обращение к рабочим возобновить работы. Вместе с тем собравшиеся обратились к ВЦСПС с просьбой оказать содействие в освобождении оказавшихся под арестом рабочих. 10 апреля оба завода приступили к работе, на некоторых других предприятиях забастовка была прекращена ещё раньше.

Отдельные протестные действия рабочих случались в 1919–1920 гг. и в других регионах страны. Так, мощная общегородская стачка прошла летом 1919 г. в Твери. Она началась 13 июня 1919 г. на одном из крупнейших предприятий города – Тверской мануфактуре. В ней из 14 200 рабочих фабрики приняло участие 9066, среди которых было 6276 женщин и 722 подростка. От имени рабочих мануфактуры на другие предприятия направились делегации с призывом проявить классовую солидарность и присоединиться к забастовке. Призыв без ответа не остался. В докладе члена ЦК профсоюза текстильщиков Горшкова отмечалось: «Вслед за Тверской м-рой кончила работу Текстильная ф-ка Берга, а потом Вагоностроительный завод, снаряжательные мастерские, Электрическая станция, трамвай, водопровод. На другой день забастовка стала ещё больше разрастаться. Забастовали столовые, типографии, работники, отпускающие медикаменты; кроме того, до нашего сведения дошло, что готовится забастовка почты, телеграфа, горснабжения, а также советских служащих». В Твери на волне всеобщей стачки возникло некое подобие Чрезвычайного

собрания уполномоченных – Делегатское собрание, из состава которого была выбрана Инициативная группа в 30–35 человек для оперативного руководства рабочими выступлениями. В ее состав вошло несколько левых эсеров и меньшевиков, хотя преобладали беспартийные рабочие. Официальное руководство тверской организации меньшевиков стачку осудило и вместе с большевиками боролось за ее ликвидацию. Стачечники выдвинули ряд экономических требований, на первом месте было традиционное – улучшить продовольственное снабжение. Но особую угрозу власти увидели в политических требованиях стачечников, которые выступили за ликвидацию однопартийной диктатуры, независимость профсоюзов, отмену экстренной мобилизации на фронт 10% членов профессиональных союзов. Но политические требования, как и в большинстве случаев после Октября 1917 г., выдвигались с целью шантажа властей, и после того как некоторые послабления в экономической сфере были большевистским руководством обещаны, рабочие от продолжения борьбы отказались. Стачечные комитеты и делегатское собрание приняли решение о прекращении стачки и самороспуске, 20 июня город уже работал.

Не все было спокойно и в самом сердце Советской республики – Москве. Многие конфликты в то время замалчивались, и лишь некоторые по тем или иным соображениям освещались большевистской прессой. Так, серьезный трудовой конфликт имел место в феврале 1919 г. на заводе «Богатырь», на котором трудились 6000 человек. Рабочие завода потребовали увеличить им зарплату, но государственные, а заодно и профсоюзные органы отказались выполнить требования рабочих, было решено всех недовольных уволить, завод закрыть и объявить новый набор рабочих. В марте произошли массовые волнения металлистов на заводе бр. Бромлей. Всего в 1919 г. в Москве, по сведениям Губодела труда, имело место около тысячи трудовых конфликтов, но в преобладающем числе случаев мелких, в которых принимали участие по несколько рабочих. Большинство из них возникало из-за низкой и несвоевременной оплаты труда.

Важное место в ряду антибольшевистских выступлений рабочих занимает восстание 10–11 марта в Астрахани. Эти события

были более или менее подробно освещены и в прежней историографии, поскольку в период восстания важный пост в городе занимал С. М. Киров. Когда фронт поступил вплотную к Астрахани, положение в городе резко осложнилось из-за активизации антибольшевистского подполья. Было решено ввести в городе чрезвычайное положение. На объединенном заседании Астраханского губкома РКП (б), губисполкома, реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и профсоюзов было принято решение о создании Временного военно-революционного комитета, председателем которого и стал Киров. С первых же шагов возглавляемый Кировым ВРК направил на улучшение продовольственного положения рабочих первостепенное внимание, но из-за близости фронта и ограниченности ресурсов снизить накал массового недовольства не удалось. Пользуясь недовольством населения, городские офицерские организации разработали детальный план восстания. Свою роль в его осуществлении должны были сыграть и рабочие. В этих условиях 6 и 7 марта состоялись собрания рабочих завода «Кама», на которых принимается решение в случае неудовлетворения экономических требований рабочих 10 марта начать забастовку. Какую роль в принятии соответствующего решения сыграла антибольшевистская оппозиция, известные на сегодня документы точно утверждать не позволяют. Но массовое использование рабочими оружия может служить косвенным доказательством причастности офицерских организаций к начавшимся 10 марта беспорядкам. Мятеж поначалу развивался вполне удачно. Был разоружен 45-й стрелковый полк, захвачены один из райкомов партии и 6-й участок милиции, многие административные здания были окружены и обстреляны из пулеметов. Лишь поздно вечером 11 марта бои прекратились, начались аресты и расстрелы активных участников мятежа. Потери с обеих сторон были огромными. Соответствующие данные в источниках значительно рознятся, но можно говорить о сотнях и даже тысячах погибших с обеих сторон. Сложной обстановка в городе оставалась и в последующие месяцы.

Особым этапом в плане развития рабочего протестного движения в Советской России становится рубеж 1920–1921 гг., т. е. период окончания Гражданской войны и всеобъемлющего

кризиса политики военного коммунизма. К этому моменту в полном объеме проявились не только экономические трудности, вызванные военным коммунизмом и тяготами военного времени, но и другие кризисные явления. Среди них не последнее место занимал кризис самой правящей партии. Наиболее ярко он проявился в т. н. дискуссии о профсоюзах. На первый взгляд, полемика велась по сравнительно узкому вопросу – методах оптимизации деятельности массовых рабочих организаций. Однако на самом деле проблема стояла шире. Рабочий класс оставался титульным для советской власти. Расширение его демократических прав означало бы расширение демократии в жизни общества в целом, а их ограничение – ещё один шаг к авторитаризму. Началась дискуссия в ходе V Всероссийской конференции профсоюзов, проходившей 2–6 ноября 1920 г. В ходе нее столкнулось две позиции. Одну проводил тогдашний генеральный секретарь ВЦСПС Я. Э. Рудзутак, полагавший, что в условиях мира пора возродить хотя бы самые элементарные демократические нормы в деятельности профсоюзов, отказаться от военных методов руководства ими. Иных воззрений придерживался Л. Д. Троцкий. В тот момент помимо других своих руководящих постов в партии и армии он занимал пост председателя Цектрана (Центрального комитета профсоюза рабочих железнодорожного и водного транспорта, созданного вместо прежних слабоконтролируемых Викжеля и других союзов транспортников). Он настаивал на дальнейшей милитаризации профсоюзов по типу Цектрана, их самоотстранении от защиты материальных, бытовых, культурных и других интересов рабочих, а также на «перетряхивании» профсоюзных кадров (т. е. замещении прежних профдеятелей своими сторонниками).

В ходе дискуссии возникли и другие платформы. Партийная номенклатура среднего звена, регионалы, своеобразные «красные бароны», объединились в группу «демократического централизма» (децисты), ключевой фигурой которой выступал Т. В. Сапронов. Ленин, поддержав Рудзутака, с группой своих ближайших сторонников, среди которых в тот момент были М. И. Калинин, Г. И. Петровский, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, Ф. А. Сергеев (Артем), С. А. Лозовский, М. П. Томский и Зиновьев, составил

т. н. «платформу десяти». Между Лениным и Троцким некоторое время пытался «буферить» Н. И. Бухарин, потом присоединившийся к троцкистам. Дискуссия шла с поистине большевистским размахом и темпераментом, взаимными обличениями и критикой текущей ситуации. Ленин признавал, что дискуссия о профсоюзах грозила партии расколом. «Это была самая опасная дискуссия», – заявлял он. Однако наиболее вредной для партии руководитель Советского государства считал не позицию Троцкого («он в аппарат влюблен, а в политике ни бе ни ме», но «мы с Троцким сойдемся»), и даже не сапроновскую группировку «демократического централизма» («имеется только в Москве и объединяет только интеллигенцию»), а возглавляемую старыми деятелями рабочего и революционного движения А. Г. Шляпниковым, А. М. Коллонтай, С. П. Медведевым и др. фракцию, получившую название «рабочей оппозиции». Угроза, по мысли Ленина, исходила не столько от самой «рабочей оппозиции», внутри РКП(б), довольно малочисленной, сколько от того, что ее взгляды отражали настроения широких рабочих масс, или, выражаясь ленинским языком, «шатания беспартийной массы».

Кризисные тенденции в экономике и политической сфере стимулировали очередной всплеск протестного рабочего активизма. Уже с осени 1920 г. отмечается рост трудовых конфликтов, но его обострение приходится на начало 1921 г. В этот период выступления рабочих отмечаются во многих промышленных центрах. После длительной стабилизации происходит осложнение ситуации в столице. Так, 23 февраля призывы начать забастовку звучали на митинге рабочих фабрики экспедиции заготовления государственных знаков Госзнак в Хамовниках. Возбужденные призывами рабочие покинули территорию фабрики. Большая их часть, количеством до трех тысяч человек, направилась к Хамовническим казармам, надеясь подбить на выступление красноармейцев 2-й запасной бригады. Остальные рабочие пошли по другим предприятиям с призывами проявить пролетарскую солидарность и присоединиться к стачке. Видимо, под влиянием рабочих-госзнаковцев к часу дня остановились фабрики «Земпатлатка», Гивардовского и Гюбнера. Некоторые их рабочие присоединились к демонстрантам, большинство других разошлись

по домам. Власти Москвы понимали опасность проникновения бастующих на территорию военной части. Среди красноармейцев, особенно тех, у кого уже подошел срок демобилизации, но до сих пор не были уволены из армии, росли нездоровые настроения. Чтобы не допустить присоединения красноармейцев к рабочим, охрана казарм дала несколько выстрелов в воздух. Случайной пулей один из рабочих фабрики Госзнак Кузьменко был ранен в живот, от полученного ранения в два часа ночи 24 февраля он скончался. Ранение получила ещё одна женщина, но не опасное – в руку. Неудачная попытка проникнуть на территорию Хамовнических казарм заставила демонстрантов отступить и провести митинг в здании расположенных поблизости Московских высших женских курсов. К 18 часов вечера в МВЖК собрались несколько сотен рабочих. Через день, 25 февраля, волнения на некоторых хамовнических предприятиях вспыхнули вновь, наблюдалось брожение и на некоторых предприятиях в Замоскворечье, Краснопресненском, Сокольническом, Бауманском, а также некоторых других районах столицы. На одном предприятии – фабрике «Богатырь» в Сокольниках – была принята резолюция, предложенная меньшевиком Гольденбергом, но довольно умеренная, «призывающая к объединению всех социалистических партий для борьбы с хозяйственной разрухой».

Центром рабочего протеста в феврале 1921 г., точно так же как и на протяжении всех лет военного коммунизма, становится Петроград. Начиная с января 1921 г. в городе усиливается кризис – топливный и продовольственный. В заводских цехах повсюду ощущается глухое недовольство, правда, некоторое время не перераставшее в серьезные вспышки протеста. Механизмом, взорвавшим хрупкое равновесие в городе, на этот раз стала, по всей видимости, спланированная акция правых социалистов, решивших использовать сезонные колебания настроений в рабочей среде. В начале 1921 г. меньшевиками совместно с другими социалистическими группами было сформировано т. н. Собрание представителей фабрик и заводов г. Петрограда – некий аналог движения уполномоченных фабрик и заводов первой половины 1918 г., однако гораздо менее популярное среди рабочих. Одним из своих решений СПФЗП наметило общее выступление рабо-

чих на 12 февраля 1921 г., но в силу неготовности к этому строку политического воззвания к рабочим и жителям Петрограда начало выступления было отложено. Лишь 14 февраля документ удалось доработать и распространить по городу. В нем содержался призыв консолидировать все демократические силы для свержения существующей большевистской власти. Осуществить запланированное меньшевикам в полном объеме так и не удалось, но обстановка на предприятиях начала меняться. С подачи социалистической оппозиции 14–15 марта некоторые трудовые коллективы поддерживали резолюции, содержащие отдельные политические требования. Первая из них была принята на заводе «Лесснер» по предложению меньшевика А. Каменского. Аналогичная резолюция на следующий день, 15 февраля, была одобрена рабочими завода «Нобель». Там инициатором ее принятия был другой член меньшевистской партии, Кузяков. Близкие по духу решения в те дни принимаются на заводах Кабельном и Дюмо. В течении двух недель беспорядки охватывают все крупнейшие предприятия города, но очень скоро выясняется, что в большинстве случаев рабочие не пожелали присоединиться к каким-либо политическим платформам, ограничившись экономическими и сугубо бытовыми требованиями.

Говоря о рабочих волнениях февраля 1921 г. в Петрограде, имеет смысл отдельно остановиться на взаимосвязи между ними и восстанием в военно-морской крепости Кронштадт – событием, которое по праву считается знаковым и переломным, с которым многие авторы связывают высшую точку массовых выступлений против политики военного коммунизма. В современной литературе нередко можно встретить с попытками связать события в Петрограде и Кронштадте в единую цепь или вообще объединить. Слухи о событиях в Петрограде, часто преувеличенные, действительно стали катализатором обострения обстановки в Кронштадте, чем сыграли в судьбе морской крепости роковую роль. И все же переоценивать воздействие примера петроградских рабочих на моряков Кронштадта также не следует: в Кронштадте имелись свои, внутренние причины произошедшего здесь мощного взрыва недовольства политикой военного коммунизма, хотя причины эти и являлись абсолютно теми же, что и в Петрограде, и в

Москве, и в остальных городах страны, истощенной многолетней братоубийственной войной: голод, чиновничий произвол, невыносимые условия жизни, отсутствие элементарных демократических свобод. Свою роль сыграло и ослабление власти в условиях жесткого политического кризиса: дискуссия о профсоюзах, как и опасался Ленин, быстро перекинулась на рабочие массы, проникла в армию и на флот, ее тон и содержание взбудоражили широкие массы матросов и красноармейцев Кронштадта ничуть не меньше, чем волнения на фабриках и заводах Петрограда.

Сам ход кронштадтского восстания хорошо отражен в публикациях последних лет, поэтому лишь коротко вспомним основную канву событий. На митинге матросов и жителей крепости 1 марта 1921 г. была принята резолюция, в которой звучали призывы перевыборов Советов на принципах тайного голосования, свободы слова «для рабочих, крестьян, анархистов и левых социалистических партий», снятия заградительных отрядов, «полного права крестьян над землей» и др. Ключевыми требованиями восстания становятся известные ещё по Ижевску лозунги «За Советы без коммунистов» и «Власть советам, а не партиям». Повстанцы сформировали свой представительный орган – Военно-революционный комитет, в который вошли матросы и жители Кронштадта. Возглавил ВРК старший писарь линкора «Петропавловск» С. М. Петриченко. В состав ВРК входили беспартийные, меньшевики (В. А. Вальк), эсеры-максималисты (А. Н. Ламанов), кадеты (И. Е. Орешин), возможно, анархисты (некоторые участники событий тех лет считали анархистом П. М. Перепелкина). Был образован штаб обороны, в который вошли подполковники Е. Н. Соловьянов и Б. А. Арканников, другие офицеры «с дореволюционным стажем». Кроме того, для общего руководства боевыми действиями создается Военный совет, в который входили наиболее видные кронштадтские военные специалисты, такие как контр-адмирал С. Н. Дмитриев. Возглавил Военный совет генерал-майором царской армии А. Н. Козловский. Однако, достигнув первых успехов, лидеры мятежа действовали вяло, с оглядкой, похоже, ожидая поддержки из-за пределов России. Это способствовало разложению рядов восставших: только перебежчиков на советский берег в эти дни насчитывалось не менее

400 человек. Несколько фортов крепости вообще отказывались присоединиться к восстанию, их лояльность удалось обеспечить лишь специально присланными дружинами, верными Кронштадтскому ревкому.

В свою очередь советские власти предприняли для ликвидации восстания самые энергичные меры. Военными действиями против восставших руководили главком С. С. Каменев, командующий Западным фронтом М. Тухачевский и лично председатель РВСР Троцкий. На борьбу с мятежом было мобилизовано 300 делегатов X съезда РКП (б), проходившего в эти дни, среди них были К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов, А. А. Фадеев, И. Конев и др. Внутри крепости активизировалась подрывная деятельность большевистского подполья, объединявшего более трехсот коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Его задачи упрощались благодаря сочувствию немалого числа рабочих, красноармейцев и старослужащих матросов, прошедших школу двух революций, Февральской и Октябрьской, и поэтому не спешивших присоединиться к «третьей». 7 марта 1921 г. начался артиллерийский обстрел Кронштадта и его фортов. Первый штурм крепости с материка восставшими был отбит. В ночь на 17 марта началось решающее наступление по льду залива. К утру 18 марта – празднику Парижской коммуны – восстание было ликвидировано. Около 7–10 тыс. матросов успели перебраться в Финляндию, среди них почти все члены ВРК и штаба обороны, в том числе и Петриченко. Потери штурмовавших крепость составили 527 убитыми и 3285 ранеными, кронштадтцев – около 1 тыс. убитыми и 2 тыс. ранеными.

Наконец, завершая разговор о кронштадтских событиях, а заодно о рабочем протесте времен Гражданской войны и военного коммунизма в целом, остается выяснить, какое же влияние оказало Кронштадтское восстание на забастовочное движение в Петрограде. Как петроградские рабочие отнеслись к происходящему на острове Котлин в Балтийском море, где располагалась мятежная военно-морская база? На этот счет в историографии существует сразу три основные точки зрения. Первая из них берет начало в большевистских агитках марта 1921 г. Придерживающиеся ее историки, в первую очередь советские, пишут о

всеобщем осуждении петроградскими рабочими мятежников. Согласно другой историографической традиции, также восходящей к 1921 г., но уже к работам авторов антибольшевистской эмиграции, Кронштадтское народное восстание оказало глубокое воздействие на питерский рабочий класс, способствовало возникновению в городе революционной ситуации, и только массовые репрессии со стороны большевиков позволили предотвратить всеобщий взрыв. Эта точка зрения, пройдя определенную эволюцию в работах эмигрантских и западных историков, получила прописку и в современной российской историографии, причем очень быстро завоевав в ней доминирующие позиции. Нетрудно увидеть идеологическую заданность и предвзятость и одного и другого подхода.

Лишь в самое последнее время начала формироваться новая, объективистская историографическая традиция освещения самого кронштадтского восстания и сопутствующих ему событий, представленная прежде всего работами С. В. Ярова. Прежде всего Яров, а также другие историки-объективисты отмечают чрезвычайную неоднородность взглядов рабочих Петрограда в марте 1921 г. Безусловно, определенные симпатии к восставшим у некоторой части петроградских рабочих существовали, но они были очень аморфны, неустойчивы, имели очень небольшое распространение. Благодаря грамотно построенной пропаганде большевикам удалось добиться того, что кронштадтцев осуждало гораздо больше рабочих, чем сочувствовало им. Главной козырной картой большевистской пропаганды становится усиленный акцент на руководящей роли в Кронштадтском восстании царских офицеров, в особенности генерала Козловского. О том, что во главе восставших находится царский генерал, в те дни говорилось не только в правительственной прессе, но и в свободно циркулировавших по городу слухах, отражая недоверие петроградских рабочих к восстанию. Однако преобладающим настроением рабочих города по отношению к Кронштадту было все же не осуждение, как о том писала советская историографии, а индифферентность, апатия, равнодушие. В чем же причина этого явления?

Ответов на этот вопрос существует множество. Можно сослаться на предпринятые чрезвычайкой в феврале – марте аре-

сты правых социалистов и других несогласных. Можно выделить гипнотизирующее воздействие на рабочих напористой большевистской пропаганды. Называются и другие, не столь очевидные, но не менее значимые факторы. К примеру, свою роль сыграла тенденция социальной самоизоляции, под которой следует понимать растущее взаимное недоверие и отчужденность между различными общественными группами, стремление к социальной автономии. В кронштадтские дни она выразилась в недоверии и неприязни, которые испытывали петроградские рабочие по отношению к матросам. В их глазах матросы, или, как их ещё называли, «клешники», представлялись некими носителями разрушительного, анархического и даже тиранического начала революции, не вызывали сочувствия. Были и другие причины, о которых некоторые историки, до сих пор видящие в рабочих переломной, наиболее сознательный класс, не готовы говорить открыто: в конце февраля – начале марта советские власти выделили фабрикам и заводам города не только дополнительное количество хлеба, но и такие экзотические товары, как мясо, сахар, даже шоколад, а также обувь, одежду, дрова... В результате рабочие Петрограда были больше озабочены тем, как поделить неожиданно-негаданно свалившееся на них «богатство», чем выражением солидарности с далекой морской крепостью. Повлияли, видимо, и многие другие обстоятельства, подчас недоступные современному историческому анализу из-за скупости и противоречивости содержащейся в источниках информации. Но главная причина нежелания питерских рабочих поддержать мятежников, как представляется, заключалась в ином: а именно в громадной усталости от войны и страстном желании мира. Именно мир обещал объявленный большевиками переход к нэпу, и рабочие пошли за теми, кто предлагал стране спокойствие и стабильность, а не зазывал на новую войну.

«Новая эксплуатация пролетариата»? От нэпа к сталинской индустриализации

«Необходимо также отметить весьма резкие выводы против новой экономической политики, Она, например, так и называется: “Сатанинский нэп” ...» – сообщалось в конце 1923 г. о настроениях рабочих в информационной сводке Донецкого губкома большевистской партии руководству страны. Отчеты из других промышленных регионов беспристрастно фиксировали не менее негативные отклики рабочих о нэпе. Для многих людей, живущих сегодня, это может показаться неожиданным и странным. В сознании сегодняшнего человека нэп представляется самым спокойным и благополучным периодом отечественной истории всего XX века. Отказ от политики военного коммунизма, рыночные реформы, по мнению многих, создавали возможности каждому человеку быстро подняться по социальной лестнице, решить свои материальные проблемы, улучшить благосостояние. Но такое представление о нэпе грешит схематизмом и, в конце концов, ошибочно, как любое суждение, продиктованное не научным знанием, а расхожими газетными штампами. В действительности к нэпу следует относиться как к одному из наиболее непростых испытаний, выпавших на долю нашей страны, которое хоть и оказалось преодолено, но потребовало предельной концентрации и напряжения всех сил.

Начать хотя бы с того, что эпоха войн и революционных потрясений, продолжавшаяся почти семь лет, – с лета 1914 по весну 1921 г., а также кризис военно-коммунистической системы имели самые негативные последствия для экономики и социальной сферы, предопределяли крайне низкие стартовые позиции для любых реформ, какой бы характер они ни имели и какие бы задачи ни решали. Прежде всего, Россия понесла чувствительные

людские потери. Участие в Первой мировой войне, интервенция и Гражданская война стоили нашей стране несколько миллионов жизней. Помимо этого, два миллиона человек оказались в эмиграции, среди них было немало рабочих. Кроме того, города и веси были наполнены миллионами калек, беспризорных, людей, утративших кров и родных, что также долгие годы негативно влияло на восстановительные процессы в экономике. Но главным наследием, с которым страна вступала в полосу новой экономической политики, являлось даже не это, а то ожесточение, тот раскол общества, которые прежде предопределяли бескомпромиссный, кровавый характер Гражданской войны, а теперь все ещё густой пеленой окутывал сознание и ответственного работника, и нэпмана, и представителя интеллигенции, и крестьянина, и рабочего. Раны, обнажившиеся в годы революции и Гражданской войны, были столь глубоки, что простой декларацией мира излечить их было невозможно. Неслучайно в последние годы появились историки, называющие нэп то продолжением военного коммунизма, то продолжением Гражданской войны. Эти современные оценки – тоже преувеличение, но они гораздо ближе к действительности, чем прежние сусальные картинки, рисующие нэповское замирение и процветание.

Нэп не был продолжением Гражданской войны, но он стал временем, последовавшим непосредственно за Гражданской войной, унаследовав многие ее пороки и родовые черты. На международной арене это проявилось, к примеру, в той непомерно завышенной роли, которую играл в начале 1920-х гг. в проведении советской внешней политики Коминтерн, а внутри страны – во временном отказе от амбиционных планов прежнего имперского государства по индустриализации и освоению обширных территорий на Востоке страны. Разрушительные импульсы Гражданской войны изживались обществом болезненно и постепенно. К 1925 г. в основном завершилось восстановление отечественной промышленности, но промышленное производство составило лишь около 75% от довоенного. Недостаточно быстро шло восстановление топливной базы. Так, довоенные нормы добычи угля в важнейшем угледобывающем районе Донбассе были достигнуты только в 1927/28 хозяйственном году. Не поспевало за общими

темпами развития экономики и состояние транспорта. При этом даже такие, довольно скромные, результаты достигались дорогой ценой. И, так получалось исторически, прежде всего, расплачиваться за восстановление промышленности приходилось рабочим. Мало-помалу вознаграждение за их труд повышалось, но, во-первых, от слишком низкого исходного уровня, и, во-вторых, не так быстро, как того можно было желать. Кроме того, угнетала рабочих и общая атмосфера, порожденная переходом к новой экономической политике. Они вдруг ощутили, что эпоха революционного романтизма осталась позади. Привыкшие считать себя победителями в революции, хозяевами страны, рабочие с ненавистью смотрели на лоснящиеся витрины магазинов, цены в которых были недоступны для их кошельков, на проносящихся в легковых авто валяжных нэпманов, на «красных управляющих», вышедших из рабочей среды, но теперь без сожалений и угрызений совести порвавших с ней, на спецов – бывших владельцев предприятий и мастеров, за хорошую плату и высокие должности пошедших на службу к Советам. В силу сказанного совсем не удивительно, что рабочие нередко расшифровывали нэп как «Новую Эксплуатацию Пролетариата» – в большей степени сознание определяет все-таки бытие, а не передовицы в газетах «Правда», «Известия» и «Труд». Результатом отторжения рабочими отдельных сторон нэпа и становится рост массовых протестных выступлений в 20-е гг. прошлого века.

Рабочий протест нэповского времени представлял собой пеструю, динамичную картину, в своем развитии он прошел по меньшей мере, два этапа. На каждом из них, помимо общих, существовали какие-то специфические черты рабочего активизма и порождавших его причин. Первый этап являлся переходным, когда рабочие постепенно свыкались с новыми экономическими и социальными реалиями, приспосабливались к жизни в условиях рыночного реформирования. Сполна настрадавшись в годы военного коммунизма, рабочие тем не менее относились к некоторым его проявлениям вполне благосклонно, а потом трудно примирялись с их потерей. К числу таких проявлений военного коммунизма, которые соответствовали представлениям большинства рабочих о справедливости, можно отнести уравни-

тельные тенденции предшествующей эпохи и патерналистское отношение Советского государства к рабочему классу. Особенно позитивно отнеслись рабочие к мероприятиям большевиков, предпринятым в конце 1920-го – начале 1921 г. на гребне военно-коммунистического идеализма, к которым прежде всего относятся отмена оплаты за транспорт; жилье, коммунальные услуги, переход к бесплатной выдаче продовольствия, одежды, обуви и пр. К хорошему, как говорится, привыкаешь быстро, поэтому львиная доля трудовых конфликтов первых нэповских месяцев была порождена именно отказом государства от прежних своих обязательств по бесплатному снабжению и содержанию рабочих, те, являлись прямым следствием перехода к нэповским рыночным механизмам стимулирования труда, которые ещё недавно многим рабочим казались благом.

В частности, неудовлетворенность рабочих продвыдачами по карточкам стала одной из причин беспорядков на Обуховском заводе в Петрограде. Группа рабочих этого завода 11 октября 1921 г. прекратила работу и попыталась от имени завкома организовать общее собрание, обзванивая цеха по телефону. Члены завкома вовремя узнали о происходящем. Видя, что их инициатива не удалась, протестующие рабочие оставили завод, причем, выходя из ворот, они избили одного сторожа, попытавшегося преградить им путь. Менее драматичный, но возникший на схожей почве инцидент 12 октября произошел на Металлическом заводе Петрограда. В другом важном регионе страны – на Урале, по данным современных исследователей, основной причиной трудовых конфликтов в 1921–1922 гг. также являлось ухудшение снабжения рабочих продовольствием, предметами первой необходимости, а также спецодеждой. Чаще всего эти конфликты, в которых принимали участие в среднем 40–60 человек, были скоротечными, всего по несколько часов, но иногда длились 2–3 дня. Если рабочие не добивались выполнения своих требований, они нередко просто оставляли свой завод и уходили в деревню.

Особенно тревожно складывались события при переходе к нэпу в конце 1921 – начале 1922 г. В это время старые рычаги управления экономикой оказались уже разрушены, а новые только налаживались, в результате государству не удалось

предотвратить сильнейший голод, охвативший многие хлебопроизводящие губернии. Положение с продовольствием ухудшилось не только в деревнях пострадавших от неурожая районов, но и в городах. В обзоре ГПУ внутреннего политического положения РСФСР за 1922 г. отмечалось: «Обозначившееся ещё в феврале ухудшение рабочих настроений, в марте выступает ещё резче и определеннее, в связи с усилением весенней волны продкризиса». «Повсеместно пассивное, это ухудшение охватывает в отчетный месяц всю территорию Республики. Благополучных районов в марте в сущности нет... – подчеркивалось далее в документе. – Вызванное повсюду одними и теми же причинами, характерными для всех районов Республики, недовольство, как бы равным слоем покрывает все рабочие центры, от больших как Петроград и Москва и до самых малых». После некоторого летнего затишья осенью настроения в рабочей среде ухудшились вновь. «Октябрь является месяцем окончательно обозначившегося перелома в сторону ухудшения, – отмечалось в очередной сводке ГПУ за 1922 г. – В настоящий момент не предвидится даже возможности ослабления этого кризиса; наоборот, все говорит за то, что в течение ближайших месяцев он возможно с небольшими перерывами, но будет неизбежно усиливаться». В ноябре 1922 г. органами правопорядка было зарегистрировано 49, а в декабре – 40 серьезных трудовых конфликтов.

Наиболее типичным для первого периода развития рабочего протестного движения в годы нэпа можно считать случай на заводе «Красный пролетарий» (бывший бр. Бромлей). Он стал отголоском волны глухого недовольства московских рабочих монетизацией оплаты труда. В преддверии круглого юбилея – 5-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции – по столичным предприятиям поползли слухи о праздничных раздачах предметов первой необходимости и одежды. Слухи эти, то ли по недоумию, то ли из провокационных целей, были подхвачены некоторыми печатными изданиями – официальными, а потому пользующимися большим доверием рабочих. Слухи, как и следовало ожидать, не оправдались, что вызвало разочарование и ропот. Соответствующие настроения не были чужды и рабочим «Красного пролетария». Вздворажен-

ных тщетными ожиданиями рабочих 3 ноября решил посетить один из большевистских лидеров – Л. Д. Троцкий, но говорить он хотел совсем не о том, что реально волновало в тот момент рабочих завода. Что из этого получилось, рассказал воскресный выпуск газеты московских коммунистов «Рабочая Москва».

Прибыв на завод, Троцкий произнес перед рабочими речь, посвященную событиям Октября 1917 г. и IV конгресса Коминтерна, после чего «он призвал рабочих дружно пойти на демонстрацию 7-го ноября, чтобы показать врагам рабочего класса неугасимый революционный дух и силу, и спайку русского рабочего класса». Однако ответ рабочих оказался обескураживающим. Троцкому было подано заявление, которое настолько примечательно и по стилю, и по содержанию, что имеет смысл привести из него обширную цитату:

«Тов. ТРОЦКИЙ.

...Сегодняшний [Ваш. – Д. Ч.] доклад сводится к воспоминанию октябрьских дней. Из этого доклада видно, что всю тяжесть революции, все кровопролитие, холод и голод перенес рабочий металлист и продолжает по сие время нести все тяжести революции: 1) рабочий раздет и разут, 2) рабочему не дают никакого кредита и он не в силах себе справиться ни обуви, ни одежды, а также и своему семейству... Вот [настало. – Д. Ч.] время, когда все государственные тресты загружены одеждой и обувью, теперь же мы серьезно спрашиваем, тов. Троцкий, долго ли мы, рабочие, будем ходить разутые и раздетые и смотреть на своих детей, которые ходят тоже в лохмотьях и босиком. Скажите нам откровенно, когда мы, рабочие, будем жить по-человечески, т. е. одеты и обуты и когда мы увидим своих детей не голыми, а одетыми.

Тов. Троцкий... мы вполне с Вами согласны отпраздновать этот дорогой рабочий праздник потому, что он нам дорог и мы его, металлисты, завоевали своей собственной кровью, но беда в том, что мы, большинство рабочих, раздеты и разуты и не в силах идти на Красную площадь и поздравить с праздником наших дорогих товарищей, руководителей нашей всемирной революции. Мы, рабочие завода б. бр. Бромлей или “Красный Пролетарий”, вполне убеждены в том, что Вы, тов. Троцкий, примете

меры к тому, чтобы наши главки и тресты позаботились о том, чтобы рабочие-металлисты ввиду такого торжественного праздника сумели выйти на улицу одетыми и обутыми и торжественно при крике “ура” встретить светлые дни 5-ти летней годовщины Октябрьской революции».

Начинался 1923 г., ставший переломным в развитии нэповской экономики. Причиной этого стал первый по-настоящему «рыночный» кризис нэповской экономики – кризис перепроизводства. Разумеется, о реальном насыщении рынка товарами не могло быть и речи. Затоваривание происходило, как это всегда и случается, из-за падения спроса. В свою очередь, спрос падал из-за низкой покупательной способности населения, прежде всего крестьянства, и обострившейся диспропорции цен на сельскохозяйственные и промышленные товары. Механизм кризиса был, в общем-то, прост. Сельское хозяйство восстанавливалось успешнее промышленности. Цены на продукцию крестьянского хозяйства начали падать, а на продукцию промышленности – увеличиваться. Один гвоздь или молоток стали стоить дороже мешка картошки. Сложившееся положение было названо современниками «ножницами цен». Их следствием стали кризис сбыта и затоваривание промышленной продукции. Заводы оказались без денег и не могли платить рабочим зарплату. Только Москве в это время бастовали более 11,5 тыс., причем помимо стачек были распространены и другие формы рабочего протеста, не приводящие к остановке работы. Стачки охватили предприятия разных отраслей промышленности и транспорт. Выступая на Пленуме ЦК РКП (б) 25 сентября 1923 г. со специальным докладом, посвященным протестному активизму рабочего класса, Ф. Э. Дзержинский назвал крупнейшие предприятия, на которых рабочий протест выражался наиболее интенсивно: завод «Серп и Молот» (бывший Гужона), «Красный путь», фабрика им. Урицкого, 7-я типография, Электрический завод им. Владимира Ильича (в прошлом Машиностроительный, снарядный и чугунолитейный завод Михельсона), Сормовский завод, Прохоровская (Трехгорная) мануфактура, Цинделевская мануфактура, Тверская мануфактура, Подольский завод и др.

Постепенно, особенно после кризиса 1923 г., рабочие свыклись с мыслью, что государство их больше опекать не собирается и со своими проблемами придется разбираться самостоятельно. Поэтому требования переходного времени, спровоцированные ностальгией по временам военного коммунизма, уходят в прошлое. На первый план выходят причины рабочего недовольства, которые можно назвать типичными для рыночной экономики. «Рост рыночных цен, – отмечается наметившийся перелом в одном из сохранившихся в партийных архивах документов, – повсеместно является основной причиной недовольства рабочих». «Тарифные ставки, несмотря на их увеличение, далеко отстают от уровня прожиточного минимума: жалобы на их недостаточность особенно часто раздаются в центральном и Северо-Западном районах, на Украине, на Юго-Востоке и в Туркестане, – признавалось в нем далее и делался неутешительный вывод: – Таким образом, материальное положение рабочих к концу отчетного месяца должно быть признано более чем неудовлетворительным». Недовольство рабочих на почве дороговизны продуктов и маленьких заработков имело, например, место в Ярославской губернии среди текстильщиков и на лакокрасочных заводах. Рабочих взволновали слухи, что в Москве за ту же работу надбавки к жалованью достигают 10%. В Псковской губернии в городе Великие Луки рабочие котельного и паровозного цехов Главных железнодорожных мастерских на почве недовольства своим материальным положением в апреле 1925 г. устроили итальянскую забастовку. В Гомельской губернии волнения на предприятиях приобрели широко распространенный характер, выделяясь своей остротой на некоторых государственных предприятиях, таких как Глуховская суконная ф-ка им. Зиновьева и Стодольская ф-ка им. Ленина. Органы ОГПУ в информационной сводке за апрель 1925 г. по горячим следам сообщали: «На большинстве предприятий наблюдается острое недовольство рабочих вздорожанием продуктов питания и малой зарплатой. На лесозаводе “Социализм” рабочие указывают, что мука вздорожала вдвое, а зарплата не повысилась. Неквалифицированные рабочие получают не более 20 р. за мес. Особенно сильно недовольство дороговизной хлеба и муки среди текстильщиков».

«Почему заработная плата людям физического труда [составляет] 8, 10, 12–15 руб. в месяц? – задавали рабочие вопрос руководству государства в своих письмах. – Не враг ли народа тот человек, кто выдумал такую низкую плату...»

В ряду причин, вызывавших в годы нэпа рабочий протест, важное место занимали и такие, которые можно считать специфическими для стран со слаборазвитой, периферийной капиталистической экономикой, в первую очередь – задержки с выплатами зарплаты. Уже в наши дни, в середине 1990-х гг., задолженности по зарплате заставляли участвовать в акциях протеста тысячи людей – это хорошо помнят и сами работники государственных предприятий, и члены их семей. И вот архивные документы свидетельствуют; что аналогичные трудности возникали и семьдесят лет назад. Именно несвоевременную выплату зарплаты называл в качестве первейшей среди причин недовольства рабочих Информотдел ЦК РКП (б) в своем аналитическом обзоре за 1925 г. Задержки зарплаты составляли от нескольких дней до нескольких месяцев. Так, Вятский губернский комитет большевиков признавал, что творящиеся беспорядки в области оплаты труда достигают существенных размеров, «и чисто пролетарской части приходится тяжело». Брянский губком в своем информационном письме указывал: «Несвоевременная выдача зарплаты неблагоприятно влияла на настроение рабочих и создала почву для скрытой антисоветской агитации. На рабочих собраниях наблюдались нежелательные выкрики и выступления». По информации ГПУ, протесты рабочих против задержек выплаты зарплаты в 1925 г. отмечались на некоторых столичных предприятиях, к примеру, Радиоаппаратном заводе и Прядильной фабрике им. Володарского, на Белореческом металлургическом заводе в Башкирии, на заводах «Красный пахарь» в Орле, на Петровском механическом заводе города Новочеркаска, на заводе «Красная звезда» в Одессе и т. д. По тем же источникам, недовольство «на почве невыдачи своевременно зарплаты» фиксировалось в текстильной, химической, лесной, но особенно часто – в металлургической промышленности. Скажем, в мае 1923 г. несвоевременная выдача зарплаты стала причиной остановки трех мастерских Путиловского завода, а в марте 1925 г.,

добиваясь выплаты задолженностей по зарплате, приостановили работу рабочие Петровского механического завода Тарусского уезда Калужской губернии и т. д. Так же как и в наши дни, большую активность в борьбе с несвоевременными выплатами зарплаты в нэповское время проявляли горняки и шахтеры. Подобного рода конфликты, подчас приводившие к остановке работ, происходили в 1923 г. на рудниках им. Крупской, «Мировая коммуна», «Пролетарская диктатура» и др. в Донецкой области. В 1925 г. году центром горняцких и шахтерских выступлений вновь становятся Урал, Донбасс, Екатеринославская губерния и т. д.

Постепенно, по мере завершения восстановительного периода, в развитии протестного движения рабочих начинается новый этап, и лицо рабочего протеста в очередной раз претерпевает некоторые изменения. С этого времени в разряд важнейших причин недовольства рабочих попадают новации, связанные с попытками большевистского руководства перевести страну на рельсы индустриального обновления, не порывая при этом с нэповскими принципами управления экономикой. Советская страна была лишена внешних источников индустриализации: заморских колоний не имелось, а западные банки вкладывать средства в экономику своего главного конкурента не спешили. Оставались только внутренние источники. В рамках нэпа достаточная перекачка средств из деревни в город на цели модернизации была исключена, поэтому первоначально предпринимались меры, направленные на изыскание резервов внутри самой промышленности, связанные с экономией, рационализацией, интенсификацией и т. д. В 1925–1927 гг. принимается комплекс соответствующих партийных и государственных решений. Повышенное внимание к вопросам развития промышленности, как представлялось многим, должно было привести к улучшению материального положения рабочих. Но ощутимых позитивных перемен на практике подчас не происходило, что порождало у многих рабочих чувство неудовлетворенности. Объективно, рабочие, выступавшие против повышения производительности труда, внедрения новой техники, передового опыта и т. д. стояли на консервативных позициях, но виноваты в росте протестных настроений нередко были не они сами, а руководители фабрик

и заводов, поскольку все тяготы ускоренной модернизации стремились переложить на рабочих.

Рост протестных выступлений, вызванных тяготами нового этапа развития экономики, скрупулезно отслеживался чекистами. В марте 1925 г. ОГПУ подготовил специальный «Доклад о кампании по поднятию производительности труда». В нем до сведения политического руководства СССР доводилось, что «недовольство задержкой зарплаты перестало быть главной причиной конфликтов в промышленности», и «начиная с ноября 1924 года на первый план выступает недовольство рабочих кампанией по поднятию производительности труда и связанными с ней повышением норм выработки и снижением расценок». Выводы, содержащиеся в документе, подтверждаются и современными исследованиями. Особенно тяжело кампания по интенсификации труда и экономии средств проходила в текстильной промышленности. Здесь она вылилась в переходе на новый метод работы. Вместо прежних двух станков от рабочих требовали теперь обслуживать 3, а то и 4 станка. Как специально оговаривалось в докладе 1925 г, «эта мера вызвала волну недовольства на всех текстильных предприятиях». Недовольство текстильщиков обострялось также из-за повышения норм выработки и снижения расценок, в результате чего многие рабочие лишались возможности выработать хотя бы прожиточный минимум.

Проявления недовольства рабочих в связи с проводимыми мероприятиями приобретали нешуточный характер. «На производственных совещаниях по вопросу о новом методе работы, – отмечалось в подготовленной ОГПУ справке, – чувствовалось сильное озлобление». Так, на фабрике Высоковской мануфактуры в Твери рабочие не давали говорить пришедшим к ним на собрание коммунистам, заявляли о «надетом на шею рабочих хомуте», а закончилось собрание демонстративным уходом рабочих. На текстильных фабриках Иваново-Вознесенского треста и многих других предприятиях рабочие вслух высказывались в том духе, «что фабрично-заводской режим теперь ничем не отличается от царского». На Трехгорной мануфактуре в Москве «во время пробного опыта с работой на 3-х станках» оставили работу около 150 прядильщиц, «возбуждение было настолько сильно, что не

был избит помощник директора» фабрики. Недовольство рабочих имело место на фабрике «Пролетарская диктатура», руководству которой «была подброшена анонимка с резкой критикой нового метода работы, при этом в анонимке говорилось о скором восстании рабочих против РКП». Заслуживает упоминания случай, произошедший на Ликинской фабрике, рабочие которой стояли в авангарде Октябрьской революции, и по требованию которых эта фабрика была первой национализирована большевиками специальным постановлением Совнаркома от 17 ноября 1917 г. На проходившем на ней рабочем собрании, «посвященном годовщине смерти Ильича, большинство рабочих не хотело слушать доклада», звучали «призывы бить докладчиков и фабриком», – публичное равнодушие к мероприятиям по увековечению памяти большевистского вождя даже в годы относительного нэповского либерализма являлось событием неординарным.

Второй отраслью, где кампания по интенсификации труда вызвала повышенное недовольство рабочих, была металлургическая промышленность. В отличие от текстильщиков, среди которых преобладали трудовые конфликты, не приводившие к остановке работы, металлисты, как правило, встречали наступление на их права стачками, хотя органы ОГПУ зафиксировали и другие формы протеста на металлургических предприятиях, такие, как сознательное снижение норм выработки, ползучий саботаж и т. п. Среди рабочих-металлистов накал протестных настроений был в первую очередь спровоцирован снижением расценок. Именно на этой почве на Брянском госзаводе «Профинтерн» произошла одна из крупнейших забастовок, в которой участвовали 2 тыс. чел.; рабочие протестовали против снижения расценок на 20%. Но такое урезание расценок не было пределом: по данным ОГПУ, очень часто оно составляло 50% и даже больше. Например, на заводе «Сельмаш № 1» в Калужской губернии зарплата квалифицированных рабочих-литейщиков оказалась снижена с 70 до 30 руб. в месяц, что вызвало их массовый уход с завода. Среди регионов, где недовольство металлистов приобретало особый размах, оставался Ленинград. По сообщению Василеостровского райкома РКП (б) за март 1925 г., затяжной конфликт произошел на Кабельном заводе, недовольство

рабочих отмечалось на заводе «Красный гвоздильщик» и других предприятиях. Непокойно было на ленинградских заводах Карла Маркса, «Красная заря», «Русский дизель», рабочие которых просто физически не могли поднять свою производительность на столько, на сколько от них этого требовали правления их заводов. Наблюдалось ухудшение настроений в связи с пересмотром норм выработки и расценок на выпускаемую продукцию на традиционно мятежном Ижевском заводе. Несколько трудовых конфликтов на этой почве, некоторые из которых приводили к остановке работ, происходили во второй половине 1924 г. Особенно раздражало рабочих, что политика экономии средств проводится только за их счет, в то время как зарплата служащих и администрации остается в неприкосновенности, а кое-где даже повышается. Так, на Севастопольском заводе вся кампания по сокращению числа служащих свелась к переводу их с одних участков работы на другие; на некоторых уральских предприятиях (Златоуст и др.) члены администрации получали специальные премии, доходившие до 7 тыс. рублей и т. д. «Разве допустима роскошь для одних и голод, болезни, нищета и безработица для других, – волновалась рабочая масса. – Почему партия коммунистов на словах защищает равенство и братство, [а на деле] допускает такую невозможную разницу?»

Настороженно встретили происходящие перемены рабочие и остальных профессий. К примеру, в Поволжье, где в середине 1920-х гг. начинается строительство новых дорог, мостов и промышленных сооружений, на острие рабочего протеста оказались строительные рабочие. Как правило, среди строителей преобладали недавние выходцы из деревни, чей труд и так оценивался сравнительно низко. При малейшей попытке администрации ещё больше занизить расценки они останавливали работу, часто бросали недостроенные объекты и уходили в поисках лучшего заработка. В Ленинграде, помимо металлургических гигантов, не единожды фиксировались конфликты в связи с интенсификацией труда среди печатников и рабочих табачной промышленности. Повышение норм выработки и снижение зарплат вызвало конфликт на 2-й табачной фабрике в Киеве. «Сильное брожение» происходило среди мельничных рабочих в Саратов-

ской губернии и некоторых областях Украины: рабочие жаловались, «что урезывается даже голодный минимум». «На большей части сахарный заводов рабочим не хватает на прокормление себя и своей семьи, – признавали в тот период советские чиновники, – рабочие большинства сахарных заводов вырабатывают не более 15–17 руб. в месяц, при этом у них вычитается за питание более 8-ми рублей». Одновременно с этим отмечалось, что рабочие указывают «на большие оклады администрации». Аналогичную позицию занимали и кожевенники, заявлявшие: «Нам уменьшают ставки, а администрации прибавляют». В частности, в Сарапульском Кожтресте спецам выдавались премиальные и наградные, превышающие 1000 руб., в то время как заработок рабочих чувствительно сокращался. Брожение наблюдалось среди рабочих лесной, а также стекольной промышленности. Свое веское слово, как и прежде, сказали при переходе на новые условия труда рабочие горной промышленности.

Помимо основных существовали и многие другие причины, питавшие протестные настроения рабочих. Среди них на одном из первых мест стояли проявления грубости со стороны членов администрации и специалистов, которые в отдельных случаях заставляли вспомнить старорежимные порядки. В информсводках ОГПУ содержится немало подобных негативных фактов; приведем некоторые из них. Рабочие Фарфоро-фаянсовой фабрики им. Калинина (Тверская губ.) выражали крайнее недовольство «барскими замашками» членов администрации, на все замечания рабочих отвечавших: «Про то знает барин, но не рабочий». Недовольство рабочих по той же причине зрело на фабрике «Заря социализма» (Ярославская губ.), со стороны администрации фабрики в адрес рабочих звучала ежедневная брань; не стесняясь, члены местной администрации, окрикивая рабочих, называли их «сволочью» и т. д. Показательный случай произошел на производственном совещании на Красавинской фабрике в Северодвинской губернии. Один из членов администрации предприятия, «указывая пальцем на сидящих на совещании рабочих», заявил: «Это темная масса ни черта без плетки не может работать. Для нее необходима плетка». Рабочие были до такой степени возмущены его наглой выходкой, что в

дальнейшем категорически отказывались посещать какие-либо совещания. Имели место и ещё более вопиющие факты. Директор фабрики «5-й Октябрь» Владимиро-Александровского хлопчатобумажного треста, к примеру, в пьяном виде бил по лицу рабочих. Рукоприкладством занимался мастер снарядного цеха Златоустовского завода Иванцов – бывший эсер. «В разговоре с рабочим об увеличении норм выработки, – сообщалось в докладе работников ОГПУ о недопустимом поведении мастера, – на возражение рабочего, начал на него кричать, а потом ударил его кулаком по лицу и разбил ему нос. После этого инцидента, многие станки остановились, и группа рабочих со свистом и руганью вывела Иванцова из цеха». На базе подобных проявлений, как справедливо пишут современные исследователи, среди рабочих усиливались настроения недоверия и ненависти по отношению к начальству, проявлялось так называемое «спеедство». Суть последнего явления сводилась к тому, что многие высокооплачиваемые специалисты и члены правлений государственных предприятий являлись выходцами из «так называемых буржуазных и мелкобуржуазных слоев». Некоторые из них, как, например, на Ижевском заводе, в годы Гражданской войны служили антибольшевистским правительствам, но и теперь, перейдя на службу к большевикам, оказались в привилегированном положении даже по отношению к тем рабочим, которые в недавнем прошлом сражались в рядах Красной армии.

Одной из наиболее распространенных причин рабочего протестного активизма в годы нэпа являлось сокращение штатов, что вряд ли можно считать случайностью. В годы военного коммунизма большевикам удалось полностью справиться с такой язвой, как безработица. Наоборот, в некоторых отраслях производства остро ощущалась нехватка рабочих рук. С переходом к нэпу ситуация начинает меняться. Предприятия, которые в прошлом обязаны были кормить даже тех своих рабочих, которых временно негде было задействовать, переводились на рыночные методы хозяйствования, спешили избавиться от лишних рабочих рук. В город из деревни возвращались рабочие, которые в годы Гражданской войны, спасаясь от мобилизации на фронт, и в поисках пропитания покидали свои предприятия, а теперь стремились

вернуться обратно, к привычному образу жизни. В результате к концу нэповского периода безработица достигла невиданного прежде уровня. Оказаться в таких условиях на улице для многих рабочих означало лишиться всех источников существования. Не случайно поэтому многие, подвергшиеся сокращению, были склонны к суициду. По этому поводу в сводке Киевского горкома партии в начале 1925 г. говорилось: «В связи с происходящим на транспорте сокращением рабочих наблюдается ряд болезненных явлений, порождающий по линии нежелательные и вредные настроения. Имеют место случаи самоубийств сокращенных». О том же шла речь в письме от 2 марта 1925 г. рабочего-столяра из российской глубинки Павла Третьякова И. В. Сталину: «Почему, – задавал рабочий риторический вопрос руководителю партии, – у нас около 2-х миллионов людей безработных страдают, большая часть невыносимо, в самых ужасных условиях жизни и многие не выносят безработицы и бедственного положения и кончают себя».

Происходило и наоборот, когда потерявшие работу мстили своим «обидчикам». Такой случай произошел на ленинградской фабрике «Скороход»: уволенный за прогулы и брак рабочий Быков стрелял в мастера-выдвиженца Степанкова. Некоторые выступления безработных приобретали такие размеры, что сообщения о них попадали на страницы не только советской, но и зарубежной, а также эмигрантской печати. Особенно крупное выступление безработных произошло в Москве уже под занавес проведения новой экономической политики, в 1928 г. О нем сообщила издававшая в Берлине И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым газета «Руль». По сведениям, приводимым в газете, в беспорядках, спровоцированных грубостью работников биржи труда, приняло участие более пяти тысяч безработных, преимущественно строителей. С пением «Интернационала» рабочие громили здание биржи. В результате столкновений имелось много раненых, в том числе среди подроспевших милиционеров.

Можно назвать и другие причины рабочего протеста тех лет, среди них – плохое снабжение рабочих продуктами питания, неудовлетворительное состояние кооперации, отвратительные жилищные условия, принуждение подписываться на различные

государственные займы, выдача зарплаты талонами и другими суррогатами либо готовой продукцией, плохая работа транспорта и т. п. Как правило, трудовые конфликты в 1920-е гг. происходили помимо профсоюзов или даже вопреки их позиции. И это также являлось одной из причин недовольства рабочих. На отношении рабочих к профсоюзам и отношении профсоюзов к протестным выступлениям на государственных предприятиях имеет смысл остановиться несколько подробнее. С окончанием Гражданской войны в профсоюзном движении происходили важные перемены. В 1922 г. в профсоюзах восстанавливалось добровольное членство, но это привело не к снижению, а к росту их численности: с 7 млн в 1921 г. до 11 млн в 1928 г, что означало определенное укрепление их авторитета. Кроме того, при переходе к рынку с профсоюзов снимали некоторые несвойственные им чисто административные и хозяйственные функции, такие как снабжение спецодеждой, нормирование зарплаты, распределение продовольствия и т. п. Профсоюзы наконец могли всецело перенести свои усилия в «область всемерной защиты материальных интересов рабочего класса». Применительно к проблематике рабочего протеста в 1920-е гг. это означало, что в случае возникновения напряженности в отношениях между рабочими и администрацией того или иного государственного предприятия профсоюзы получали формальное право выступать в качестве третьей стороны, отстаивать интересы рабочих. В резолюции XI съезда РКП (б) «Роль и задача профсоюзов в условиях новой экономической политики» в этой связи специально декларировалось, что «единственно правильным, здоровым и целесообразным методом улаживания конфликтов и трений между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства является посредническое участие профсоюзов, которые в лице своих соответственных органов либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами, либо апеллируют к высшим государственным инстанциям».

Однако на практике ситуация очень часто складывалась иначе, поскольку в работе профсоюзных органов продолжала господствовать военно-коммунистическая ментальность, убежденность профсоюзных активистов в том, что в период социалистического

строительства никаких забастовок быть не должно, поскольку они являются предательством по отношению к государству диктатуры пролетариата. В одном из появившихся в середине 1920-х гг. документов ВЦСПС так и заявлялось, что «на государственных предприятиях в Советской стране стачка как нормальный метод разрешения конфликтов неприменима». «Штрейкбрехерство» официальных профсоюзных органов в условиях трудовых конфликтов, а то и просто их бездействие даже в тех вопросах, в решение которых профсоюзы могли вмешиваться, не опасаясь окрика сверху, разложение и некомпетентность профсоюзных функционеров, другие негативные моменты профстроительства вызывали растущее раздражение рабочих. В исключительных случаях дело доходило до угроз организовать свои альтернативные, независимые пролетарские организации, которые бы играли «роль защиты цехового рабочего и правильно бы оценивали его труд». Особенно распространены подобные настроения, судя по сохранившимся документам партийных архивов, были среди металлистов. Однако иногда свою организованность могли продемонстрировать и рабочие других профессий. Согласно данным ОГПУ в середине 1920-х гг. подобная инициатива возникла среди текстильщиков Большой Кохонской мануфактуры в Иваново-Вознесенской губернии. Рабочие этого предприятия обвиняли свой фабком в бюрократизме, а его членов – в пьянстве, в результате на общем собрании один из выступавших «от имени рабочих и при поддержке собрания заявил, что фабком не нужен, ибо он не работает, если фабком не примет надлежащих мер, то рабочие будут вынуждены создать стачечный комитет».

Важнейшей причиной, по которой профессиональные объединения рабочих выступали против протестных акций на госпредприятиях, можно считать то положение, которое профсоюзы занимали в советской политической системе. Профсоюзы, с легкой руки Зиновьева, были провозглашены «школой коммунизма», но что это должно означать, разобраться толком большевики так и не сумели. Дело фактически ограничилось проводимой в период Гражданской войны политикой огосударствления профсоюзов и подчинения их руководящей роли коммунистической партии. В нэповские годы происходит

частичное разгосударствление рабочих организаций, но партийный контроль над их деятельностью не ослабевает. А в конце 1920-х гг. начинается очередная волна по ограничению относительной «независимости» профсоюзов, которая была связана с разгромом т. н. «правого уклона в ВКП (б)», среди лидеров которых находился председатель ВЦСПС М. П. Томский и многие другие старые профсоюзные кадры. Тем самым негативное отношение профсоюзов к забастовкам и другим массовым акциям протеста рабочего класса отражало отрицательное отношение к протестным выступлениям рабочих со стороны партийной верхушки. В этой связи интересно остановиться ещё на одной стороне рабочего протестного активизма того времени – несмотря на критическое восприятие рабочего протеста партийным руководством, многие рядовые коммунисты нередко примыкали к боровшимся за свои интересы рабочим, а то и возглавляли их. Проблема участия рядовых коммунистов вопреки воле руководящих органов партии в трудовых конфликтах, вызванных теневыми сторонами нэповской действительности, заслуживает того, чтобы на ней остановиться несколько подробнее. Без ее освещения невозможно будет в дальнейшем нарисовать объективную картину не только рабочего протеста нэповского времени, но и природы самой большевистской партии.

Выступления коммунистов, комсомольцев и кандидатов в ВКП (б) постоянно с неодобрением и тревогой фиксировались различными местными партийными, профсоюзными и правоохранительными органами, что красноречиво свидетельствовало о распространенности явления. Имеются данные о присоединении коммунистов к протестным выступлениям рабочих на Иркутском кожзаводе № 2: «участие коммунистов и комсомольцев в некоторых забастовках и волынках» было характерным среди металлистов и текстильщиков и т. д. В частности, на заводе им. Рыкова в Орловской губ. «коммунисты поддерживали недовольство рабочих новыми нормами и низкими расценками», а на заводе «Красное Сормово» «часть партийцев даже подстрекала рабочих к стачкам». На фабрике быв. Циндель в Москве «коммунисты восстанавливали беспартийную рабочую массу против перехода на 3 сторонки». Наряду с активным протестом немалое

распространение получают и пассивные формы протеста со стороны рабочих-коммунистов. Среди прочего, это нашло выражение в массовом выходе из рядов РКП (б) рабочих. Характерным показателем состояния умов рядовых коммунистов может считаться крупный промышленный и пролетарский район – Нижегородская губерния. По сообщению местной партийной контрольной комиссии, 1925 г. стал временем массового отхода от партии коммунистов и кандидатов, принятых в нее в ходе 1-го и 2-го Ленинских призывов. Особенно массовый отток отмечался в тех парторганизациях, которые прежде пользовались наибольшей поддержкой среди рабочих – Канавинской, Сормовской и Вискунской. Объясняя наметившуюся негативную тенденцию бегства из рядов партии, губернская контрольная комиссия ВКП (б) в начале 1926 г. докладывала: «Подъем духа миновал, прошла опасность быть сокращенными – перестали ходить на собрания, платить членские взносы, несмотря на попытки со стороны бюро ячеек привлечь их к общей работе, и некоторые товарищи на запросы ячейки о причинах выхода из партии отвечали, что их в партию приняли против их желания по коллективному списку и настойчиво требуют исключения. Комсомольцы же из числа переданных в партию преимущественно в возрасте 17 лет при объяснении причин выхода заявляли, что ходить на собрания, в школу надоело, хочется гулять. Небольшая часть кандидатов выходит по личным заявлениям, мотивируя болезнью, семейными обстоятельствами и тяжелыми материальными условиями».

Размах и разнообразие форм протестных настроений среди рабочих-коммунистов заставляли обратить на них повышенное внимание руководства партии. В 1925 г. заведующий Информационным отделом ЦК РКП (б), видный большевистский функционер Л. Б. Рошаль, подготовил аналитическую записку «О поведении коммунистов, работающую на предприятиях, во время конфликтов», содержащую обобщающую информацию за январь – июль 1925 г. В документе имеется немало эпизодов, рисующих напряженность, а часто и драматизм происходящих по всей стране трудовых конфликтов. «В целом ряде предприятий, – с горечью признавал Рошаль, – отдельные коммунисты

являлись инициаторами и руководителями забастовок». Среди прочих выделяется сообщение о стачке на Новоткацкой фабрике Глуховской мануфактуры (Московская губ.), во время которой повышенную активность проявляли именно коммунисты, снимавшие с работы остальных рабочих. Один из кандидатов в партию, Бердников, даже ударил по руке железным челноком ткачиху, не желавшую оставлять станок. Он же на устроенном общефабричном митинге выкрикивал в адрес директора: «Пулю ему в лоб», «В куль и на тачку» и т. п. Призывы вывозить на тачке членов администрации звучали во время забастовки на фабрике «Красное Знамя» Егорьевско-Раменского треста. Другой значимый эпизод произошел в Калужской губернии на заводе им. Петровского, где «в забастовке принимали активное участие все члены заводской ячейки». Оказались вовлечены в стачку почти все члены партийной организации шлифовального цеха во время беспорядков на Хрустальном заводе им. Бухарина во Владимирской губернии. От старших товарищей не отставали и комсомольцы, от которых исходила инициатива забастовки на заводе «Профинтерн». Аналогичный случай имел место в Вотской области – на Ижевском заводе «забастовкой группы рабочих “Лесопилки” руководил член РЛКСМ».

Коммунистами в Гражданскую войну и позже, в нэповские годы, становились, как правило, не только самые активные, но и самые грамотные рабочие. Поэтому участие рядовых партийцев в массовых выступлениях рабочих придавало им необходимую организованность и целенаправленность. Часто именно от коммунистов во многих случаях исходила инициатива по созданию альтернативных рабочих организаций взамен обанкротившихся заводских профсоюзных органов. Скажем, когда на заводе им. Петровского в Калужской губернии началась забастовка и вместо прежнего завкома был организован стачечный комитет, в него вошли два члена РКП (б), один из которых являлся членом бюро заводской партиячейки, «а в Самаре во время 5-дневной забастовки грузчиков один коммунист входил в Ревком, созданный грузчиками для борьбы за увеличение зарплаты». Подчас коммунисты поднимались до важных политических обобщений. Так, на Городшценской фабрике Орехово-Зуевского треста «среди части членов и кандидатов РКП имели даже место толки» о

«необходимости второй революции», а в Брянской губернии во время забастовки на заводе «Профинтерн» один член партии обратился к рабочим с призывом: «Довольно молчать, надо бросить работу, тогда подумают о нас». Еще один показательный эпизод содержится в сообщении ОГПУ из Иваново-Вознесенской губернии: в период забастовки на расположенной там Кохомской льняной мануфактуре «среди активистов выделялся член РКП, ведущий агитацию за передачу фабрики из ведения треста в коллективное пользование рабочих». По сути, этот неизвестный коммунист выступил с программой социализации предприятий, т. е. передачи их в собственность трудовых коллективов, пытался реанимировать почти уже позабытый официальной пропагандой лозунг Октябрьской революции «Фабрики – рабочим!». Всего же, по данным, содержащимся в аналитической записке Рошалья, за семь месяцев 1925 г. «активное участие» кандидатов и членов партии в конфликтах и забастовках наблюдалось более чем на 30 предприятиях, в том числе таких крупных, как московский завод АМО, Путиловский завод, Сормовский завод и др. По мнению автора документа, причины «неправильного поведения рядовой партийной и комсомольской массы сказались:

а) в несвоевременной сигнализации перед партийными и профессиональными органами предприятия об имеющихся в рабочей среде настроениях недовольства, а, местами, и в прямой поддержке и даже поощрении этих настроений;

б) в “хвостизме” и подделывании под настроение рабочих, а, зачастую, и в представлении, что коммунисты должны возглавлять всякое движение рабочих, в том числе антипартийного и антисоветского характера;

в) в имеющих место синдикалистских настроениях среди некоторой части членов партии на предприятиях и недостаточном понимании ими значения системы централизованного управления промышленностью;

г) в пассивности коммунистов на рабочих собраниях при обсуждении вопросов заработной платы и конфликтов, уклонении от присутствия на этих собраниях, в выступлениях и голосовании на собраниях против постановлений и директив партийных органов;

д) в прямом нарушении решений партийных собраний о выходе на работу во время конфликтов, а в некоторых случаях и в подаче заявлений о выходе из партии с целью уклониться от необходимости выполнения партийных директив во время забастовки;

е) в активном участии, как отдельных коммунистов и комсомольцев, так и целых цеховых и заводских ячеек в конфликтах и забастовках, а, зачастую, и руководстве ими, путем участия в забастовочных комитетах и т. п.».

Словом, рабочий протест, как мы могли убедиться из сказанного выше, в 1920-е гг. по-прежнему представлял собой сложный, неоднородный процесс, имевший множество форм и проявлений. Это были классические стачки, «итальянки», волынки, акции саботажа, срыв производственных заданий, погромы, создание стачечных комитетов вместо оторвавшихся от рабочей массы профсоюзов, выход из рядов правящей партии и т. д. Существовали в эти годы и другие формы протеста, не упомянутые выше. Это, например, спровоцированные низким жизненным уровнем и своеволием местной власти конфликты, приобретавшие окраску межнациональных. В некоторых национальных районах, таких как Средняя Азия и Украина, большинство рабочих являлись русскими, и местное население именно на них подчас переносило свое недовольство центральной властью в Москве. На Украине русские рабочие испытывали на себе перегибы так называемой «украинизации», вынуждены были искать новые места работы. Частыми и тревожными в рабочей среде, в том числе среди рабочих-партийцев, стали проявления бытового антисемитизма. В середине 1920-х гг. с антисемитизмом велась борьба, в которую были включены различные общественные организации, в том числе комсомол. По просьбе ЦК ВЛКСМ информотдел ОГПУ в 1926 г. подготовил для комсомольского руководства справку, имевшую не только информационный, но и аналитический характер. Согласно собранным данным, проявления антисемитизма среди рабочих и безработных были зафиксированы в Московской, Тульской, Гомельской, Ленинградской, Черниговской, Волынской губерниях, в Донбассе, Криворожском, Житомирском, Киевском округах и некоторых других районах

России, Украины и Белоруссии. Среди рабочих можно было слышать: «Нас евреи в мешок засадили, осталось только завязать», «еврея ставят начальником, а русские работают дольше и их не ставят», «в вузы евреям легче попасть, чем русским, так как у них везде протекции и связи», «жаль Советскую Россию, которая дала себя захватить евреям, которые любят только комиссарство, а на тяжелые работы не идут» и т. д. Среди других проявлений рабочего протестного активизма тех лет можно назвать бойкот выборов в Советы и профсоюзные органы, отказ посещать разного рода собрания, поджоги, избиения членов администрации и т. п. Некоторые авторы, прежде всего представители антибольшевистской эмиграции, а вслед за ними отдельные современные историки относят к формам рабочего протеста проявления хулиганства, матерщины, оскорбления в адрес начальства, пьянство, прогулы, опоздания на работу, текучесть кадров, халатность на производстве и прочие факты падения рабочей дисциплины, но другие исследователи резонно ставят под сомнения подобного рода поверхностные суждения.

Подводить окончательные итоги развития рабочего протеста 20-х гг. XX в. ещё рано – его изучение историками только-только началось. Но некоторые предварительные обобщения могут быть сделаны уже сейчас. Во-первых, массовые выступления рабочих нэповского времени преимущественно возникали на экономической почве, хотя иногда они все же приобретали и некоторое политическое звучание. Так, как отмечалось в сводках ОГПУ, во время одного из трудовых конфликтов на заводе «Красное Сормово» его участники открыто «посылали» советскую власть «к черту», при этом рабочие заявляли коммунистам: «Вас нужно прогнать... иначе фабрики и заводы будут отданы иностранному капиталу». Антисоветский характер часто приобретали выступления на Ижевском заводе, где работало более 4 тыс. человек, в Гражданскую войну воевавших на стороне белых, по каждому удобному случаю они рады были продемонстрировать свою непримиримость и враждебность по отношению к новым порядкам. Вместе с тем, как и в предшествующие годы, политические мотивы рабочих выступлений самостоятельного значения не имели, шли как бы на втором плане и быстро затихали,

если власти удовлетворяли экономические требования участников конфликта. Во-вторых, как отмечает американский историк В. Розенберг, протестное движение в годы нэпа оказалось существенно масштабнее, нежели это казалось совсем недавно, охватив фактически все прослойки рабочего класса. Не будет преувеличением сказать, что в отдельные кризисные периоды нэпа уровень открытых конфликтов с участием рабочих.

* * *

Постепенно трудности нэповской экономики накапливались. Большое напряжение наблюдалось в социальной сфере. Общество нуждалось в обновлении. И хотя рабочий протест в 1920-е гг., как выше отмечалось, носил преимущественно экономический характер, различные политические силы не прочь были приспособить его для достижения своих далеко идущих целей. В результате развернувшейся в обществе острейшей борьбы лучше всего использовать протестный потенциал, накопившийся в годы нэпа в рабочей среде, удалось сталинской группе. Решительно маневрируя, Сталин переводил разлитое в обществе недовольство на своих критиков. Скажем, антисемитские настроения, как подчеркивал в свое время Троцкий, были использованы в подавлении внутрипартийной оппозиции. С другой стороны, развитое в рабочей среде «спецеество» Сталин сумел направить против дореволюционной интеллигенции, среди которой было немало его политических противников, – начиная от бывших членов оппозиционных политических партий до скрытых сторонников правого уклона. Знаменитое «Шахтинское дело», которое сейчас иногда считают точкой отсчета «сталинской революции сверху», выросло не на пустом месте. Очень многие рабочие совершенно искренне видели в осужденных по нему специалистах своих врагов, которых нужно уничтожить. Митинги, принимавшие резолюции «раздавить гадину», подогревались не только разнарядками вышестоящих органов, но и глубоким чувством социальной несправедливости.

Умело использовались сталинским руководством существовавшие у рабочих нереализованные социальные ожидания, чувство неудовлетворенности застойной атмосферой в стране, общее

недовольство нэпом, присущее и рядовым рабочим, и многим партийным руководителям, не распрощавшимся с психологией Гражданской войны. Обращаясь к стране, Сталин рисовал перспективы стремительного роста. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» – звучало не только в репродукторах, но и в умах людей. Но за иллюзиями стояла суровая действительность, о которой свидетельствуют дошедшие до нас документы. Так, в служебной записке первого секретаря ВЦСПС Н. М. Шверника в СНК СССР за 16 июля 1930 г. отмечалось, что центральные органы профсоюзов по-прежнему завалены жалобами с мест на несвоевременные выплаты зарплат. Брожение рабочих по этому поводу происходило на шахтах Донбасса, в Брянске, Баку... Региональные профорганы также жаловались на перебои со снабжением продуктами. Переход к ускоренной индустриализации опять обострил проблемы, порождаемые снижением расценок и завышением производственных норм. В ЦК ВКП (б) и правительство вновь пошли сигналы о возникновении на этой почве «забастовочных тенденций среди рабочих». Соответствующая информация, к примеру, содержалась в донесении полномочного представителя ОГПУ по Нижегородскому краю Решетова. В документе приводились примеры Сормовского завода, текстильной фабрики «Красный Октябрь», мыловаренного завода Нижжирспирта, канавинской фабрики утильсырья им. Кутузова и других предприятий, рабочие которых в знак протеста увольнялись, оставляли станки, блокировали служебные помещения с требованием «точного разъяснения причин снижения заработной платы» и т. д. Не посрамил доставшуюся от прежних лет громкую репутацию Ижевский завод. Свое бедственное положение ижевские рабочие объясняли тем, что в руководящие органы «насадили людей, которые заботятся лишь о своем кармане». «У нас детали расценены до того мало, что скоро жрать будет нечего», – таков был их приговор. Не ограничиваясь пересудами в курилках и выступлениями на рабочих собраниях, ижевцы направили письмо с призывом обратить внимание на их бедственное положение А. И. Рыкову. «Спасите нас от голода», – требовали ижевцы от главы Советского правительства. В последние годы в трудах исследователей начинают появляться и

первые обобщающие данные о массовых выступлениях рабочих на ранних этапах индустриализации. Так, современный историк Е. А. Осокина отмечает, что только за один первый квартал 1932 г. на Урале было зафиксировано 10 забастовок, ещё 7 – в апреле. Крупнейшим стало выступление Боткинского завода, в котором приняло участие почти 600 человек. Чрезвычайно крупные беспорядки вспыхивали также на текстильных предприятиях Тейкова и Вычуги Ивановской области в апреле 1932-го и феврале 1933 г. Плохое снабжение стало причиной стачек, волевок и даже демонстраций в Донбассе, Нижегородском крае и других районах страны.

Переход к развернутой социалистической реконструкции промышленности не мог в одночасье уничтожить все накопившиеся проблемы в положении рабочего класса, более того – порождал новые. Постоянное подстегивание темпов индустриализации, возникновение великого множества долгостроев и другие просчеты вели к полному расстройству финансовой системы, инфляции, дороговизне. Приток из деревни на «великие стройки коммунизма» миллионов людей до предела обострил и без того крайне болезненный жилищный вопрос. Нажим на крестьянство, по мнению многих авторов, чуть ли не развязавший гражданскую войну в деревне, на какое-то время лишил города хлеба, что обернулось восстановлением карточной системы. Многие стоявшие перед страной трудности по-прежнему пытались решать за счет простых людей, а следовательно, сохранялась почва для проявлений рабочего протеста.

В значительной мере бытовые трудности у рабочих стали нарастать с 1939 г., когда в Европе запыхала Вторая мировая война, постепенно подкатывавшаяся к советским границам. В связи с неизбежностью войны для СССР советское руководство серьезно ужесточило рабочее законодательство. Происходит реанимация некоторых методов милитаризации труда. Трудовое законодательство по своей жесткости приблизилось к уголовному. Для каждого работника были введены трудовые книжки, в которых фиксировались найм, увольнение и причины, их обусловившие. За 20-минутное опоздание полагался огромный штраф, а за три таких опоздания – увольнение и выселение из

казенной квартиры. В 1940 г., после поражения Франции в войне с Германией и резкого обострения угрозы втягивания в войну Советского Союза, были приняты ещё более суровые законы, которые некоторые исследователи называют «крепостным правом» в промышленности.

Рабочий день с 7 часов снова вырос до 8 часов, а рабочая неделя стала семидневной. Никто не имел права отказываться от сверхурочных, под угрозой тюремного заключения никто не имел права менять место работы. Наркоматы получили право перемещать рабочих, управляющих и специалистов с одного предприятия на другое, в том числе и на другом конце страны. Милитаризация труда, снижение инициативы рядовых рабочих и управленцев неизбежно вели к падению производительности труда, другим экономическим и социальным издержкам.

Определенный всплеск рабочего протеста происходит и в первые месяцы Великой Отечественной войны. После победы СССР в войне Сталин признал, что другой, а не русский народ вполне бы мог свергнуть свое правительство, оказавшееся столь недееспособным. И действительно, в октябре 1941 г. массовые выступления, например, происходили на родине первых Советов – в Ивановской области. Рабочие выражали недовольство методами мобилизации на строительство оборонных сооружений и состоянием торговли. Слышались протесты: «Все главки сбежали из города, а мы остаемся одни». Когда же представители райкома попытались развеять распространяемые провокаторами слухи, люди кричали в ответ: «Не слушайте их – они ничего не знают, они обманывают нас вот уже 23 года!» По свидетельству сотрудника британского посольства Дж. Рассела, работавшего в тот период в СССР, против коммунистов и евреев было направлено стихийное недовольство, годами накапливавшиеся в народе.

Аналогичные настроения проявились даже в столице Советского государства Москве, в частности, в период паники 14–16 октября 1941 г. По свидетельству пережившего октябрьскую трагедию москвича Г. В. Решетина, в те дни широко проявилась реакция чисто защитного свойства (по принципу «своя рубашка ближе к телу») у многих горожан: «Вечером 16 октября в коридоре соседка тетя Дуняша затопила печь, – вспоминал

он. – Яркий огонь пожирает... книги, журналы. Помешивая кочергой, она без конца повторяет так, чтобы все слышали: – А мой Миша давно уж беспартийный, да и вообще он и на собрания-то не ходил». Аналогичные настроения зафиксированы в официальных сводках начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева, а также в прочих многочисленных источниках, с которых в последние годы снят гриф секретности. Журавлев, в частности, писал о многочисленных «анархистских проявлениях» «со стороны отдельной части рабочих» «наряде промышленных предприятий г. Москвы и Московской области». Как правило, эти выступления были спровоцированы трусостью (страхом перед надвигавшимся врагом) и неумелыми действиями местных руководителей. К примеру, помощник директора завода № 219 (Балашихинский район) Рыгин 16 октября, «нагрузив машину большим количеством продуктов питания, пытался уехать с заводской территории». «Однако, – отмечал Журавлев, – по пути был задержан и избит рабочими завода».

Но эти и другие проявления стихийного недовольства имели все же локальный характер. На их примере становится совершенно очевидным тот факт; что характер рабочего протеста по сравнению с дореволюционным временем действительно резко переменялся. И, самое главное, в который раз рабочие простили Советскому государству свои личные обиды и нереализованные надежды и смело встали на защиту Родины от внешнего врага, угрожавшего самому существованию русского народа. Этим обстоятельством в первую очередь и следует объяснить отмеченный Сталиным феномен поддержки русским народом усилий Советского правительства, направленных на отражение фашистской агрессии, хотя мобилизация промышленности, перестройка работы предприятий на военный лад, конечно же, ещё больше ударяла по материальному положению каждого работника. Но без сверхусилий победить военную машину вермахта было невозможно, и русские рабочие очень хорошо осознавали это. Знаменитый лозунг «Все для фронта – все для победы!» означал, что во время войны власть и общество стали единым целым для скорейшего разгрома внешнего врага. Внутренние конфликты при этом решительно отходили на второй план.

Вместо послесловия: рабочий протест в СССР и Российской Федерации конца XX века: историософская ретроспектива

Закончился XX век, неузнаваемо преобразивший лицо человеческой цивилизации. Теперь историки могут объявить его своей «безраздельной собственностью» и заняться его препарированием и осмыслением. Процессы и тенденции, которые создавали неповторимый ландшафт XX столетия, могут быть прослежены от начала и до конца, определены их этапы, сопоставлены между собой. Словом, XX веку уготовлена та же участь, что некогда и XIX веку, и XVIII веку, и всем предшествующим векам человеческой истории. Занимаясь рабочей историей и наблюдая нынешнее бедственное положение рабочих в нашей стране, невольно задаешься вопросом, неужели отечественные рабочие были всегда так бесправны и так покорны судьбе, как сегодня, в начале XXI века? Да нет же. Истории нашей страны известны и мощные пролетарские революции, и просто широкие протестные выступления рабочих, в результате которых рабочие отвоевывали новые политические права и материальные блага, в результате которых завоевывали общественный авторитет и признание. Высшим взлетом рабочего движения становится, безусловно, 1917 год. Но что происходит затем? Тут в литературе накопилось множество противоречивых оценок, мнений и мифов. И среди них – массовой подавленности и конформизме рабочего класса в советский период отечественной истории.

Причина многих домыслов – отсутствие научного знания. Развитие протестного движение в дореволюционной России велось уже давно, в этом направлении достигнуты немалые позитивные результаты. Совсем иначе обстоит дело с изучением массовых выступлений рабочих в советской, да и в современной России – к ним внимание

историков было обращено совсем недавно. К сожалению, с первых же шагов в освоении этой темы над многими авторами начинают довлеть соображения скорее идеологического, чем научного свойства. К примеру, ещё в советской историографии наметилась тенденция протестные выступления до прихода к власти большевиков и после рассматривать отдельно, как явления, не связанные между собой. Выступления рабочих в период самодержавия и Временного правительства изображались как результат роста сознательности рабочих, их организованности. Выступления, которые происходят уже в период советской власти, наоборот, преподносились как результат деятельности контрреволюции. Похожая дуалистичность существует при оценке современных рабочих выступлений. Так, забастовки конца 80-х годов XIX века нередко освещаются как результат пробуждения рабочего класса, роста его сознательности. В то же время массовые протесты 90-х гг. XX в. подаются как следствие провокационной пропаганды со стороны коммунистической и патриотической оппозиции ельцинскому режиму.

Попытаемся подойти к рабочему протесту несколько иначе, а именно как к явлению, вызванному какими-то *реальными* причинами, явлению, имеющему в обществе *конкретные* предпосылки. При таком подходе появляется возможность сопоставить причины рабочего протеста на разных этапах отечественной истории, обозначить закономерности, выявить динамику развития рабочего протеста. Взгляд на рабочий протест как на факт истории позволяет включить его в контекст научного освоения прошлого страны. Какие же основные ступени, основные исторические этапы своего развития прошло протестное движение нашей страны с 1917 г. по наши дни? Как они отразились на облике рабочего класса, как повлияли на положение рабочих в российском обществе? Об этой и некоторых других проблемах и пойдет речь ниже.

Первый период развития рабочего протеста после Октября 1917 г. может быть условно сопоставлен со временем возникновения советской власти. Начало этого периода непосредственно совпадает с моментом установления советской власти в Петрограде. Завершение этого периода приходится на лето 1918 г., то есть на месяцы, когда начинается широкомасштабная интервен-

ция стран Антанты, идет формирование фронтов Гражданской войны, разворачиваются процессы огосударствления промышленности и рабочих организаций. Специфика этого этапа в развитии рабочего протеста обуславливалась многими факторами, но прежде всего неопределенностью будущего социального, политического и экономического устройства, слабостью центральной большевистской власти. Кроме того, в этот период ещё сохранялась известная независимость рабочих организаций, существовали рабочие организации, оппозиционные большевистскому режиму.

Приход к власти большевиков во многом опирался на развитие осенью 1917 г. широкого рабочего протеста. По признанию самих большевиков, они были вынесены на вершину власти именно этой протестной волной. Конечно, победа революции в Петрограде должна была как-то повлиять и повлияла на поведение рабочих. Вместе с тем установление советской власти не могло переломить ситуацию в рабочих кварталах быстро и радикально. На протяжении всего предшествующего года, что называется, «от февраля к октябрю», господствовала тенденция обострения социальных конфликтов, тенденция нарастания рабочего протеста. Одними лозунгами и благими пожеланиями усмирить разбушевавшуюся стихию было невозможно. Тем самым первые месяцы после Октября были наполнены трудовыми конфликтами между рабочими и предпринимателями. Спецификой этого этапа становится постепенная переориентация рабочего протеста. Если до Октября 1917 г. рабочий протест был в основном направлен на частных предпринимателей, то теперь ситуация меняется. По мере восстановления патронажных функций государства рабочий протест переориентируется на власть.

С самого начала большевикам пришлось иметь дело с самыми разнообразными формами рабочего протеста, имевшими разную природу и разную направленность, но одинаково угрожавшими общественной стабильности и экономическому развитию. Весной – летом 1918 г. размах рабочего протеста был вполне сопоставим с тем, что наблюдался в январе – феврале 1917 г., накануне Февральской революции. Численность рабочих, втянутых в эти месяцы в различные формы массового протеста, может быть

определена пока только приблизительно от 100 тыс. до 250 тыс. человек. И хотя можно согласиться с исследователями, полагающими, что рабочему протесту в эти недели недоставало прежней сплоченности и целеустремленности, он создавал для властей немалые проблемы, требовавшие немедленного решения. Только начало Гражданской войны и крупномасштабной национализации позволили большевикам переломить ситуацию.

Следующий этап развития рабочего протеста в нашей стране связан с годами военного коммунизма. В период интервенции и Гражданской войны единого рабочего движения в России фактически не существовало, т. к. на территории страны действовало несколько правительств. Политика этих правительств в значительной мере различалась, в том числе в рабочем вопросе. Протестные выступления рабочих вспыхивали в это время как на территориях, подконтрольных большевикам, так и на территориях, подконтрольных антибольшевистским режимам. По понятным причинам, особый интерес представляет развитие рабочего протеста в Советской России. В годы военного коммунизма самостоятельность рабочих организаций была резко ограничена. Массовые стихийные протесты рабочих рассматривались как следствие усилий контрреволюционеров разных мастей и решительно пресекались. Вместе с тем с конца 1918 г. по начало 1921 г. могут быть выделены несколько всплесков рабочего протеста. Как и в предшествующие годы, начиная по крайней мере с 1915 г., и в это время обострение трудовых конфликтов приходилось на весну – лето, что легко объяснимо усилением именно в весенние месяцы продовольственных трудностей.

Первое серьезное осложнение ситуации на территории Советской России в это время пришлось на март 1919 г. Рабочий активизм весной 1919 г. не может быть локализован каким-то одним городом. Вместе с тем, как представляется, наиболее драматично события развивались в Петрограде. Как показывают новейшие исследования, городские власти Петрограда к этому оказались не готовы. Поэтому протестные выступления не были преодолены сразу же. Начавшись как чисто экономические, они вскоре приобрели политический характер. Часто у руководства стачечниками оказывались вчерашние союзники большевиков

по правящей коалиции – левые эсеры. Иногда дело доходило до вооруженного подавления рабочих отрядами матросов и красноармейцев.

Однако, как показано в исследовании современного российского историка С. В. Ярова, трудовые конфликты весной – летом 1919 г. существенно отличались от аналогичных событий прошлого. Начиная со времени революции 1905 г. для выступлений рабочих была свойственна повышенная, крайняя оппозиционность. Рабочий протест подрывал существующий в стране политический режим, являлся выражением его радикального неприятия. Пусть стачек и демонстраций в отдельные годы между двумя русскими революциями было не так уж и много, но речь идет в данном случае о неприятии со стороны рабочих отнюдь не только политического, но и экономического, и социального укладов, существовавших в стране. Теперь же, в 1919 г., рабочий протест в целом вписывался в систему новых общественных отношений. Хотя выступления рабочих наносили определенный ущерб экономике и престижу властей, а поэтому всячески пресекались, они уже не были направлены на радикальное отрицание существующих политических институтов и социальных отношений. Рабочие протестовали против отдельных несправедливостей и злоупотреблений, но, как правило, не против существующего общественного устройства в целом.

Эта тенденция получила свое закрепление в дальнейшем. Накал весеннего недовольства рабочих в 1920 г. был уже ниже, чем год назад – весной 1919 г. Падает общее количество протестных выступлений. Фактически не возникают политические требования. В целом конфликты носят непродолжительный характер. Правда, события весны 1921 г., казалось бы, перечеркивают отмеченную тенденцию. Весной 1921 г. протестное движение рабочих усиливается фактически во всех промышленно важных регионах страны. В определенной мере можно говорить даже о некоторой политизации рабочего протестного активизма. На первый план в это время вновь выдвигаются события в Петрограде, что связано с восстанием в Кронштадте. Однако именно события весны 1921 г. подтверждают произошедший перелом в характере рабочего протеста с особой наглядностью и убедительностью. Об этом

красноречиво свидетельствуют результаты новейших исследований. Еще в начале 1990-х г. исследователи писали о возможном объединении моряков Кронштадта с бастовавшими рабочими Петрограда, о возможности создания единого антибольшевистского «народного фронта», однако более поздние и более глубокие работы на эту тему показывают невозможность такого союза, такого развития событий. В отличие от многочисленных крестьянских «вандей», рабочая «вандея» в 1921 г. не получилась, что во многом было обусловлено произошедшими изменениями в характере протестных выступлений рабочих.

Временем тяжелых испытаний стали для рабочих годы нэпа. По некоторым оценкам, к началу нэпа численность рабочих сократилась в два и даже более раз. Многие заводы, фабрики, домны и шахты простаивали. Промышленность страны умирала. Казалось бы, переход к нэпу, к рыночным механизмам управления должен был открыть для рабочих наступление «золотого века», «эры благополучия». Но этого не произошло. Переход к нэпу, серьезно ожививший экономику страны, для рабочих подчас оборачивался новыми горькими разочарованиями. В период революции и Гражданской войны рабочим внушали, что они являются победителями в революции, хозяевами страны. Теперь же, при нэпе, рабочие видели перед собой нарядных нэпманов и красных чиновников, разъезжающих в иностранных авто и веселящихся в коммерческих ресторанах. «За что сражались?» – задавались вопросом многие рабочие. Тем более что жизненный уровень рабочих улучшался медленно, а иногда и ухудшался. Раньше государство снабжало рабочих всем необходимым, пусть и по ограниченным нормам. В годы военного коммунизма бесплатными были и транспорт, и жилье. Теперь же, при переходе к рынку, за все приходилось платить, а зарплата постоянно отставала от быстро растущих цен. Иногда зарплату не платили по несколько недель. Атрибутом нэпа стала уже забытая за годы военного коммунизма безработица. К концу 20-х гг. работу не имели почти 2 млн человек.

Тенденции развития советского общества и экономики в годы нэпа были чреваты мощным социальным взрывом. Неслучайно в годы нэпа состоялись сотни стачек и других трудовых конфлик-

тов. Их причины были самыми элементарными: недовольство зарплатой, ее невыплаты, грубость чиновников и мастеров. На настроения рабочих оказывало влияние положение со снабжением городов, поэтому военные ожидания могли сопровождаться брожением в рабочей среде. Исследователи говорят о повсеместном преобладании в годы нэпа конфликтов на экономической почве. Но среди причин, вызывавших недовольство рабочих, можно отметить и такие, которые носили политический характер. Часто во главе бастовавших рабочих оказывались рядовые коммунисты. По своему характеру стачки и другие формы рабочего активизма периода нэпа напоминали происходившее в России до революции. И хотя в конце нэповского периода историки отмечают падение числа стачек, реально снижение забастовочной активности в те годы происходит в большей степени за счет затухания импульсов гражданской войны, ужесточения карательной политики и улучшения государственных механизмов разрешения производственных конфликтов, нежели благодаря серьезному улучшению жизни рабочих. Сложной ситуацией последних лет нэпа сумела воспользоваться группа И. В. Сталина. По целому ряду причин именно Сталину, а не левой оппозиции удалось в своих целях использовать недовольство, имевшееся у значительной части рабочих, и повернуть его против оппозиции и против нэпа.

Исследования, посвященные времени сталинского правления в СССР, часто отрицают существование в советском обществе каких-либо форм протеста. В свое время на таких позициях стояли советские историки, не желавшие признать, что многие решения властей отторгались населением. Сегодня наличие протестного компонента в советском обществе 1930–1950-х гг. готовы отрицать некоторые представители так называемой тоталитаристской школы. Советское общество тех лет изображается ими как аморфное, полностью управляемое, не способное и не стремящееся противостоять идущему сверху диктату. Обе эти оценки следует признать устаревшими. Новейшие исследования историков разных направлений показывают, насколько сложным, неоднородным организмом было советское общество 1930–1950-х гг., насколько противоречивые процессы определяли его

внутреннее состояние. Среди этих процессов оставалось место и разнообразным формам протеста, в том числе на производстве. Даже если разнообразные формы сопротивления и протеста в системе ГУЛАГа вывести здесь за скобки, то и тогда отношения в области трудовых отношений в 1930–1950-е гг. невозможно будет представить как совершенно идеальные.

Другое дело, что перелом, произошедший ещё в годы военного коммунизма в характере рабочего протеста, привел к тому, что к 1930-м гг. выступления рабочих уже не являлись чем-то таким, что могло серьезно поколебать существовавший в стране общественный строй. Но различные массовые выступления рабочих, в том числе с приостановкой работы, отмечались и в те годы. Многочисленные трудовые конфликты возникали даже на «ударных стройках коммунизма», создававшихся и воспринимавшихся как «витрина» советской экономики. Иногда протестные выступления рабочих приобретали массовый характер, как это было, например, в первые месяцы Великой Отечественной войны. Документы о положении рабочего класса в то время показывают, что многие промышленные центры оказались в эпицентре серьезных стихийных рабочих протестов. Нередко эти протесты сопровождались насилием, а также имели реальный политический компонент. Подобные события могут быть отмечены не только в провинции, скажем, среди ткачих Иванова, но и в Москве, где рабочие приняли участие в беспорядках середины октября 1941 г., вызванных слухами о возможной сдаче столицы врагу.

Последовавшая после смерти Красного Патриарха некоторая либерализация и стабилизация советского режима изменила процессы, протекавшие в рабочем классе. Этот период советской истории в настоящее время является наименее изученным, но картина рабочего протеста в эти годы тем не менее может быть восстановлена в достаточно полном объеме. Первое, что обращает на себя внимание, это всплеск протестных выступлений, который приходится на конец 1950-х – начало 1960-х гг. По размаху протестный активизм рабочих в эти годы вполне сопоставим с тем, что можно было наблюдать в СССР в годы нэпа. С другой стороны, ответ властей на массовые выступления рабочих в эти

годы становится гораздо более суровым, нежели даже в последние годы сталинского правления. Как правило, выступления рабочих в эти годы носили экономический характер. Отдельные выступления с политическими лозунгами представляют редкое исключение. Тем не менее практически любой протест тогдашнее советское руководство было склонно рассматривать как политический и принимало «соответствующие меры» против «смутьянов».

В череде конфликтов того времени на первое место, естественно, выдвигаются события в Темиртау, и особенно в Новочеркасске. Но повышенной остротой отличаются и другие конфликты тех лет. Для многих из них характерна резкая эскалация насилия как со стороны рабочих, так и со стороны властей. Многие трудовые конфликты в это время перерастали в погромы и бунтарские выступления. И это роднит рабочий протест конца 1950-х – начала 1960-х гг. уже не со временем нэпа, а со временем военного коммунизма. А вот действия хрущёвского руководства шли ещё дальше и уводили страну во времена Кровавого воскресенья 1905 года, во времена, когда глупцы и провокаторы во власти главным универсальным средством против рабочих протестов видели исключительно в вооружённом насилии. Причем если события 1962 г. в Новочеркасске по несоразмерности примененных властями мер подавления рабочего класса в контексте всей российской истории выглядят вполне понятно, то в контексте собственно советской истории кажутся чем-то совершенно чужим и уникальным.

После того как в конце 1964 г, после смещения Н. С. Хрущева и начала брежневской эпохи, курс на либерализацию был пересмотрен, прикрыт поверхностной традиционалистской риторикой, происходит ощутимый спад рабочего протеста. Вместе с тем трудно согласиться с выводами исследователей, пишущих о «полном штиле», в плане массовых протестов в годы «брежневского застоя». Эти выводы строятся на неполных данных, предоставленных КГБ партийному руководству в начале периода «горбачевской перестройки». В них, кроме того, отражены только крупные выступления, да и то далеко не все. Однако наиболее распространенными в 1960–1980-е гг. были локальные формы

протеста, микропротесты, когда в трудовые и другие конфликты втягивалось незначительное количество участников.

Сведения об этих формах протеста отрывочны, но они позволяют предполагать, что и в годы так называемого «застоя» – который на самом деле, конечно, никаким застоєм не был – рабочий протест носил сложную природу. Исследователи не пришли пока к единому выводу, являются ли формой массового протеста кражи с производства, но, во всяком случае, они явно свидетельствовали о неблагополучии в сфере отношений на производстве. Наверно, каждый, кто жил в это время, помнит, какое большое распространение получило среди наемных работников разочарование в официальных рабочих организациях, прежде всего в профсоюзах и партии. Массовым стало уклонение от участия в проводимых ими мероприятиях, особенно таких частенько пустых и рутинных, как партийные и профсоюзные собрания. Впрочем, и собрания официальных профсоюзов, комсомольских и партийных организаций далеко не всегда могли радовать администрацию, переставали быть рутинной, аккумулировали истинное мнение рабочих коллективов. Нередко эти собрания становились ареной для настоящих баталий, поэтому изучение их стенограмм и протоколов может дать исследователям массу важной информации. Определенное распространение в эти годы получает такая форма протеста, как письма в газеты и партийные инстанции. В ряде случаев можно говорить о стихийном кратковременном прекращении работ. Словом, хотя к детальным исследованиям рабочего протеста в 1960–1980-е гг. ещё только предстоит перейти, нет никаких оснований считать эти годы абсолютно бесконфликтными.

Парадоксально, но факт: прерваться традиции рабочего протеста в годы стабилизации советского режима не давала официальная пропаганда. Ведя свое происхождение от революционной партии большевиков, КПСС по традиции через все идеологические органы, искусство и телевидение пропагандировала опыт и традиции рабочего протеста революционной эпохи. Исследования последних лет показывают, что нередко этот опыт, полученный посредством школы, кино, агитпропа, играл решающую роль в организации массовых выступлений. Так было, в частно-

сти, в период Новочеркасска. Но так было и потом, когда начатая М. С. Горбачевым очередная волна либерализации советской системы стала порождать новую волну протестного активизма рабочих. Можно утверждать, что стачки шахтеров конца 1980-х, другие массовые рабочие протесты того времени опирались на опыт романтизированных социалистическим реализмом стачечной борьбы многих рабочих. Но у большинства рабочих это был не личный опыт, а опыт, сформированный учебниками по истории, историческими фильмами и художественной литературой. Организаторы стачек той поры, видимо, понимали это и активно использовали феномен «книжной памяти». Вероятно, именно в этом, а вовсе не в прерванности традиций рабочей борьбы за свои права как таковой следует искать причину марионеточного характера рабочего протеста последних лет перестройки. Следуя «искусственным» стереотипам, возникшим в совершенно иных исторических условиях, рабочие стали тараном, разрушившим последние остатки советского строя. После того как рабочий протест сделал свое дело, он очень быстро идет на спад, и новейшая история собственно российских реформ начинается в условиях полной пассивности рабочего движения.

И, наконец, рабочий протест самого конца XX века – времени становления Российской Федерации как некой обновлённой редакции исторической России (исковерканной и сокращённой). Несмотря на то, что со времени ельцинских реформ прошло не так уж много времени, рабочий протест той поры уже успел стать объектом активного изучения. Новейшая эпоха дала такие новые формы рабочего протеста, как стачкомы, массовые голодовки, марши протеста на столицу. В общественное сознание прочно вошло новое значение такого понятия, как «рельсовая война», которое теперь означает не закладку мин партизанами на оккупированных врагом территориях, а массовые перекрытия железных дорог протестующими шахтерами. Исследователям удалось показать, что развитие протестных настроений в среде наемных работников в последние годы прошло несколько этапов. Если в начале 1990-х гг. рабочий протест был явлением, фактически незаметным в масштабах российской политики, то к концу десятилетия реформ он заметно оживился. Вместе с

тем следует отметить одно важное обстоятельство: в отличие от конца 80-х гг., массовые выступления рабочих и других людей, живущих на зарплату на протяжении всех 90-х гг. XX в. носили не политический, а преимущественно экономический характер. Политические требования, конечно, время от времени выдвигались. Но принципиальность постановки политических вопросов во время рабочих протестов вызывает большие сомнения. Как только оказывались в самом минимальном объеме выполнены экономические требования, политические сразу же забывались. Очевидно, это ограничивало и само протестное движение тех лет, и его воздействие на формирование курса ельцинских властей. И поэтому не приходится удивляться, что конец XX в. завершился для России периодом очередного глубокого спада рабочего протестного движения.

Таким образом, в развитии рабочего протеста XX века после Октября можно выделить следующие периоды:

1. Возникновение и первые преобразования советской власти (осень 1917 – лето 1918 г.)
2. Военный коммунизм и Гражданская война (1918–1921 гг.)
3. НЭП (1921–1928 гг.)
4. Становление мобилизационной экономики (1929 – середина 1950-х гг.)
5. Постепенная стабилизация советского строя (середина 1950-х – начало 1980-х гг.)
6. Слом советского строя (вторая половина 1980-х гг.)
7. Возникновение и развитие в современной Российской Федерации постсоветской политико-экономической системы (1990-е гг. XX века).

Помимо различий, подчас существенных, между названными периодами может быть прослежена определенная преемственность, некоторые общие черты. Характер каждого последующего периода в той или иной мере предопределялся развитием протестного движения рабочих в предшествующие периоды. Более того, преемственность и общие черты могут быть прослежены и в более длительной перспективе. Речь, в частности, идет о том, что преемственность и общие закономерности существуют между рабочим протестом не только на протяжении всего послерево-

люционного периода, но и на протяжении всего периода индустриального развития страны, т. е. по меньшей мере с середины XIX в. по настоящее время. Об этом свидетельствуют новейшие результаты в разработке вопросов рабочей истории как отечественных исследователей, так и зарубежных. Разумеется, ещё предстоит более глубокий анализ рабочего протеста в разные годы, характер вовлеченности в массовые выступления таких категорий рабочих, как женщины, дети, молодежь, кадровые рабочие и т. д., а также специфика протестной активности рабочих разных профессий и разных регионов страны. Однако некоторые обобщающие наблюдения могут быть сделаны уже сейчас.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что активизация выступлений рабочих не обязательно связана с ухудшением их материального уровня. Наоборот; в некоторых случаях падение жизненного уровня рабочих могло по времени совпасть со спадом их протестного активизма. Такая ситуация характерна, например, для первой половины 90-х гг. XX века, а так же и для отдельных периодов советской истории, например для самого начала 1930-х гг., точнее – первой пятилетки. В ещё больших масштабах это явление характерно для Гражданской войны, которая сопровождалась существенным падением жизненного уровня, но таких массовых протестов, как в 1917 г. в России уже не наблюдалось. Очевидно, на динамику протестного активизма рабочих большее влияние оказывали другие, нематериальные факторы.

Во-вторых, с другой стороны, ситуация в протестном движении рабочих на протяжении всего XX в. совершенно явственно определяется общим состоянием дел в системе «гражданское общество – власть». Можно выразиться более определенно: формы, а также степень радикализма рабочего протестного активизма во многом определяются состоянием государственной власти, ее политикой. Практически все периоды ослабления государственных начал в стране сопровождались активизацией рабочего протеста. Это, к примеру, период нэпа, когда либерализм в экономике привел к изменению функций государства во всех сферах жизни общества. Это и период правления Хрущева, когда власть теряет свой авторитет. Это и период перестройки, когда начинается разрушение прежнего механизма государственной власти.

Это, наконец, ельцинский период, точнее его завершающий этап. В сам деле – активная апелляция власти к населению, в том числе к рабочим в начале 90-х гг. XX в для легитимизации курса реформ давала свои результаты. Рабочий протест в это время носил эпизодический, неорганизованный, чаще всего умеренный характер. По мере падения поддержки курса реформ протестные настроения приобретали все более массовый и организованный характер, заметно радикализировались. Обычным явлением стали митинги под красными знаменами, демонстрации, пикеты, стачки протеста. Оппозиции и профсоюзам удалось провести несколько всероссийских акций протеста, в которых приняли участие миллионы людей. Вслед за рабочими в акции протеста включались другие категории наемных работников, прежде всего так называемые бюджетники. Но стоило только власти поменять свою тактику, вернуть в арсенал своей политики популистские приемы, наконец, продемонстрировать населению неэффективность и иллюзорность официальной оппозиции, как рабочий протест резко идет на убыль.

Можно выделить и другие закономерности, общие для всех этапов развития протестного движения в нашей стране в XX в. В частности, обращает на себя внимание решающее влияние, которое оказывает на рабочий протест культурная традиция, социальный слой, который является носителем этой культурной традиции – интеллигенция. Формы этого влияния менялись от прямой подпольной агитации до создания киноэпопей о Максиме и других рабочих – героях революции. Менялись и результаты воздействия, его эффективность. Но политическая культура самих рабочих самым тесным образом зависела от тех элементов, которые были привнесены в его среду извне, из более культурного и образованного слоя. Обращает на себя внимание также сохраняющаяся на протяжении всего XX в. неустойчивость форм рабочего протеста. Рабочие сохраняли способность удивительно быстро переходить от самых разрушительных форм своей борьбы к полной пассивности, и наоборот. Нельзя не сказать и о довольно специфической роли в структурировании рабочего протеста рабочих организаций, в целом о специфике рабочих организаций в нашей стране. Многих на Западе, да и не только

на Западе, удивляет упорное стремление (общественных по своей сути) рабочих организаций слиться с властью, стать частью власти, стать самой властью.

Таким образом, рассматривая динамику рабочего протеста в минувшем веке, приходишь к выводу, что на протяжении всего предшествующего времени протестные выступления рабочих в России существенно отличаются по характеру от протеста рабочих большинства других ведущих держав. Приходится говорить о некотором архаизме протестного движения российских рабочих. По своему характеру рабочее протестное движение в нашей стране соответствует протестному движению, возникающему на этапе перехода к современному индустриальному обществу западного типа. Соответствующие исследования проводились специалистами по рабочей истории на материалах, в частности, США и Германии. Динамика рынков труда порождает соответствующую динамику трудовых отношений, в том числе трудовых конфликтов.

Не исключено, что кто-то захочет возразить и станет утверждать, что для России этот вывод может быть применим только к событиям первой четверти, по крайней мере первой трети XX в. В дальнейшем СССР превратился в мощную индустриальную державу, и для него должны были действовать закономерности, определяющие динамику рабочего протеста промышленно развитых государств. Однако в действительности индустриальное развитие СССР влияло на развитие общества парадоксально. С одной стороны, на протяжении всего советского периода действительно шло сближение Советского Союза с Западным миром: экономическое, культурное, цивилизационное. Отчасти именно к этому апеллировали различные теории конвергенции, указывающие на сближение двух систем, в том числе теории о возможном взаимообмене опытом между рабочим движением России и Запада. Но одновременно с этим развитие СССР шло по пути реанимации и консервации некоторых элементов традиционализма. Тем самым советское общество в своей основе оставалось обществом переходного типа: так же как в дореволюционной России, в СССР сосуществовали и почвеннические тенденции, и многочисленные заимствования. Иногда они конурировали, иногда взаимно дополняли друг друга.

Нынешняя Российская Федерация также сохраняет множественные элементы, позволяющие говорить о ней как об обществе переходного типа. Политические деятели современной России постоянно претендуют на то, чтобы Россия была признана страной с рыночной экономикой. В их понимании, это повысит престиж государства, поможет решить какие-то экономические проблемы. Однако сам по себе поворот к товарно-денежным отношениям не может перестроить человеческие отношения и психологию людей – субъектов товарно-денежных отношений. Работник в современной России все ещё существует и осознает себя частицей всеобщих патерналистских связей. Но точно так же к наемному работнику относится и работодатель, и государство. Только в патерналистской экономике может месяцами не выплачиваться зарплата, а полного одновременного вымирания всего населения не происходит.

Переходный характер экономики нынешней России, сохранение традиций советского периода, ещё не умерших в сознании и практике большинства граждан страны, – все это ведет к определённой *стагнации* форм и природы рабочего протеста. Современный наемный работник в Российской Федерации, так же как и в предшествующие годы, не умеет и особо не стремится бороться за свои гражданские права, не знает и не стремится узнать основные положения трудового законодательства, для грамотного разрешения трудовых конфликтов в свою пользу, не обращается за содействием в суд или профсоюз – словом, ведет себя вполне «патриархально». Для него важнее найти доброго начальника, «барина». Современный рабочий – уже не крестьянин, даже не рабочий начала XX в. Но память об этом добром «барине», в нем, видимо, пока сильнее чувства реальности. О какой тут борьбе может идти речь? Будешь бороться – «барин» накажет. Таким образом, если уж бороться, то чтобы было как в песне: *«Весь мир насилия разрушим до основанья, а затем...»* Распространенность внерыночного стимулирования объясняет, почему рабочие так вяло реагируют даже на материальные вопросы. Они не кажутся принципиальными. О политическом протесте в ельцинской и современной Российской Федерации вообще что-то говорить сложно. Зато резко возрастают моральные требования к государ-

ству. В сегодняшней российской действительности моральный авторитет власти столь же актуален, как и в предшествующие десятилетия.

Изучение динамики рабочего протеста в XX в. позволяет с достаточной долей уверенности заглянуть и в завтрашний день, с тем чтобы определить основные тенденции, которые будут определять лицо рабочего протеста в начале XXI в. В одночасье Россия не сможет совершить резкий рывок ни к открытому обществу, ни вернуться к самобытному национальному развитию, будь то в форме некой «национальной диктатуры», о которой мечтал ещё И. А. Ильин, или в форме реанимации институтов советского периода. И «капитализм», и «коммунизм» для большинства российских граждан по-прежнему на долгое время останутся «бродящими признаками». На возникновение и развитие рабочего протеста будут влиять, поэтому, те же факторы, что и сегодня, что и вчера, и позавчера. В свете сказанного и следует оценивать перспективы протестного движения в стране. Власти, понимая его специфику, имеют возможность корректировать свой курс таким образом, чтобы минимизировать негативные последствия, способные привести к чрезмерной активизации рабочего протеста. Другое дело, что власти могут в силу объективных или субъективных причин, наоборот, принимать такие решения, которые не могут не вызвать сопротивления в обществе.

ПРИЛОЖЕНИЯ Документы

I. ДОКУМЕНТЫ ВЧК–ФСБ ПО ДЕЛУ О ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО РАБОЧЕГО СЪЕЗДА

Из протокола XVI заседания чрезвычайного собрания уполномоченных Петрограда

5 июня 1918 г.

[...] Юнкеров, обращает внимание Собрания на то, что необходимо серьёзно относиться к участию в районных конференциях, устраиваемых Советом. Надо делать усилия, чтобы не оказываться всегда в меньшинстве. На конференции первого городского района из 216 делегатов оппозиции было всего 56 человек⁸. Зиновьев заявил как-то в Совете, что, по их планам, эти конференции могут составить обновлённый Совет. Надо это иметь в виду и внимательно относиться к выборам.

А. Н. Смирнов предлагает не предавать большого значения участию в этих конференциях, в виду подтасовок при выборах и смешения на них рабочих с красноармейцами.

Крючков приводит факты подтасовки выборов.

Уполномоченный от Экспедиции Заготовления Государственных бумаг сообщает о том, как готовилась Нарвская районная конференция. Там не большевики оказались в большинстве. Тогда они обратили внимание на Экспедицию. По их инструкции Экспедиции полагалось выбрать 80 делегатов. Когда

⁸ Материалы этой конференции см.: Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Пг., 1918.

начались выборы, появилось распоряжение, чтобы они происходили в присутствии представителей Совета. Заводской комитет категорически отказался.

Юнкеров. Это совершенно неправильно отказываться идти туда, где большевики. Это значит – отказываться от борьбы с большевиками. Если бы на конференциях мы оказались бы всюду в большинстве, все увидели бы, что рабочий класс не с ними, большевиками.

Владимиров. Смирнов говорил только, что нельзя только очень обнадёживать себя этой работой. Конечно, надо принять участие в выборах на конференции, но не надо очень полагаться на результаты выборов. Если бы мы где-нибудь оказались в большинстве, большевики просто разогнали бы.

Леонтьев. Большевики знают, что рабочие от них отходят, и усердно фальсифицируют рабочее мнение. Большинства мы никогда не получим поэтому. Участвовать в выборах, конечно, нужно, но отдавать на это дело очень много энергии – значит лить воду на большевистскую мельницу.

Берг высказывается за участие в выборах.

Савицкий поддерживает эту мысль.

Юнкеров указывает, что раз завязались прения по вопросу, которого он не предполагал ставить на обсуждение, значит, есть интерес к этому вопросу. Может быть, теперь уже поздно, но пока есть революция и есть Советы – ошибочно отказываться от участия в них. Когда мы говорим «Долой Советскую власть», мы этим самым говорим «Долой большевистскую партию и её диктатуру».

Всеми средствами надо добиваться большинства, иначе мы никогда не завоюем Советов. Иначе никогда не будет оздоровления движения. Если комитеты подтасовывают выборы, надо перевыбирать комитеты. Если нас разгонят, они тем самым докажут, что они потеряли влияние и вырыли себе сами могилу.

Смирнов. Я глубоко уверен, что дальнейшее строительство рабочего класса пойдёт не вокруг Советов. Советы, которые вызвали сейчас злобу всего населения против рабочих организаций, не могут больше пользоваться престижем у демократии. Если рабочий класс сможет ещё проявить творчество, то он его проявит не здесь, а в другом месте. И сочувствием Советы уже пользоваться

никогда не будут. Кроме того, мы этим сеем иллюзии. Призывая рабочих к участию в перевыборах, мы внушаем им мысль, что добиваемся передачи власти другим партиям. Песня их спета. В некоторых местах их просто поджигают. На такой почве нельзя строить рабочие органы.

В районных конференциях, конечно, надо участвовать, но все силы отдавать было бы ошибкою. Вместо того, чтобы устраивать пышные бои с большевиками на районных конференциях, лучше отдать силы на подлинное строительство в области рабочего движения.

Собрание постановляет принять к сведению заявление Юрье-ва, рекомендовать рабочим не отказываться от участия в выборах на районные конференции и в работе на конференциях.

ЦА ФСБ. Д. Р-27678. Л. 112–114.

Из протокола первого заседания временного организационного бюро по созыву рабочей конференции Москвы

Не позднее 8 апреля 1918 г.⁹

[...] 1) О президиуме	Избрать президиум в количестве 5 лиц. Избраны: Епифанов, Шер, Мысков, Иноземцев и Рогов.
2) О помещении для бюро	Собираться в помещении Бутырского клуба партии с.-р. (Долгоруковская, д. 26, кв. 7); отыскать более подходящее помещение.
3) О времени заседаний	Следующее собрание Бюро в среду – 10/IV в 6 час. вечера и субботу – 13/IV в 5 час. вечера.
4) О кооптации членов в Бюро	Пригласить от печатников Буксина, от металлистов – Чиркина, от Больн[ичной] кассы – Девяткина, от зав[ода] Дукс – Иванова и Куваева, от тип[ографии] Машистова – Соловьёва, от Ал[ександровской] ж[елезной] д[ороги] – Розанова, от Петроград[ой] раб[очей] конф[еренции] – Филиповского.

⁹ На конференции присутствовали 10 уполномоченных: Епифанов, Алексеев, Кочергин, Костюченко, Покровский, Вульф, Мысков, Шер, Рогов, А. Иноземцев. Председательствовали Мысков и Иноземцев.

5) О распределении работы	Все тов. Берут на себя обслужить те районы, к которым они имеют отношение, кроме того, представители меньшевиков и с.р. через свои организации в центре связываются с районами г. Москвы для оповещения рабочих о конференции.
6) Об издании литературы	Представить президиуму собрать материал для решения этого вопроса в среду 10/IV.
7) О средствах и платном секретаре	Решить вопрос на следующем заседании
8) О заседании президиума	Назначить заседание президиума в понедельник в 7 часов вечера в Университете Шанявского [...]

ЦА ФСБ. Д. Р-31538. Лл. 407–407 об.

Информационное письмо Организационного Бюро по созыву Рабочего съезда

Не ранее 28 июня 1918 г.

Организационный комитет по созыву Рабочего Съезда

г. Москва

Июля дня 1918 г.

№

Уважаемые товарищи

28 Июня с. г. в Москве состоялось совещание представителей рабочих организаций Петрограда, Тулы, Ярославля, Нижегородской и Владимирской губ., Сормова, Мальцевского района, Брянска, Твери и др.

Из докладов с мест выяснилось, что в целом ряде крупных рабочих центров настроение рабочих таково, что массы совершенно разочаровались в нашем «доморощенном социализме» ищут выхода из тупика, в который загнала их нынешняя власть.

Тульские, Сормовские, Нижегородские, Вязниковские, Коломенские и рабочие других мест уже несколько раз объявляли политические забастовки протеста, но при разрозненности действий эти огромные усилия рабочих достигают гораздо меньшего, чем могли бы добиться при наличности общих действий.

Мысль о Рабочем съезде, на котором рабочий класс сообщит разрешит все вопросы нашей тревожной жизни на местах, нашла выразителей в лице Петроградского Совета Уполномоченных, Коломенской Рабочей Конференции, Ярославского Независимого Совета Рабочих Депутатов.

Все делегаты единодушно высказались за созыв Рабочего Съезда Центральной и Северной областей 20 Июля (нового стиля) в Москве.

Совещание выделило из своего состава организационный комитет, в который вошло по I представителю от каждого района (непредставленные районы должны прислать своих представителей в Организационный Комитет).

Необходимо и на местах немедленно приступить к избирательной кампании на Рабочий Съезд, созвать рабочую конференцию /собрание уполномоченных фабрик и заводов/, выпускать листовки и т. п.

Только таким путём удастся в сравнительно короткий срок справиться с этой ответственной и великой задачей.

С товарищеским приветом
Организационное бюро

ЦА ФСБ Р. Ф. 1. Оп. 1. Л. 45

Исторический архив. 2001. № 6. С. 167–168.

Устав Рабочего съезда Центральной и Северной областей

Рабочий Съезд Центральной и Северной Областей составляется из делегатов от всех крупных рабочих центров этих областей.

В северную область входят губернии: Петроградская, Новгородская, Псковская, Витебская, Олонецкая, Вологодская, Архангельская и Вятская.

В Центральную область входят губернии: Московская, Костромская, Владимирская, Ярославская, Нижегородская, Орловская, Калужская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Курская, Смоленская, Воронежская, Рязанская.

П р и м е ч а н и е : на съезд допускаются с решающим голосом представители также смежных с названными областями губерний (как Казанской,

Симбирской, Пензенской, Пермской), а также и тех губерний или областей остальной России, где могут быть произведены выборы и откуда Могут прийти делегаты на Съезд.

Делегаты на Съезд выбираются Собраниями Уполномоченных фабрик и Заводов или другими рабочими независимыми организациями (беспартийными конференциями, делегатскими совещаниями и советами там, где они являются не органами власти, а чисто рабочими независимыми классовыми организациями) по норме: одного делегата на 5000 представленных в Собрании Уполномоченных рабочих.

Там, где Собрания Уполномоченных или иные такого же характера организации еще не организованы, рабочие выбирают по своим предприятиям выборщиков-уполномоченных по однородной для данного города (промышленного центра) норме. Избранные уполномоченные на своем общем собрании выбирают делегатов на Съезд по норме: одного на 5000 рабочих, участвовавших в выборах уполномоченных.

Организацию выборов в этих случаях берут на себя создающиеся инициативные организационные Комиссии.

Фабрики и заводы, расположенные неподалеку друг от друга и являющиеся политически и экономически связанными центрами, составляют общее собрание уполномоченных для совместных выборов делегатов на Съезд.

Крупные предприятия, отстоящие далеко от какого-либо города или промышленного центра и насчитывающие более 5000 рабочих, могут выбирать делегатов на Съезд самостоятельно, причем желательна та же система выборов, т. е. выборы уполномоченных по мастерским или отделениям и выборы делегатов на Съезд на собраниях уполномоченных.

Местные организационные комиссии должны организовать представительство от безработных на Съезд (желательно, чтобы безработные участвовали в выборах на общих основаниях с работающими, т. е. через своих представителей в собраниях уполномоченных).

Профессиональные организации и крупные объединения рабочей кооперации также делегируют своих представителей на Съезд.

Профессиональные союзы крупного города или промышленного центра выбирают совместно одного делегата на Съезд. Выборы производятся на совместных общих или делегатских собраниях.

Профессиональные союзы Петрограда и Москвы делегируют на Съезд по 3 представителя (от города).

Центральные учреждения социалистических партий делегируют на Съезд представителей: Р.С.-Д.Р.П. и П.С.-Р. по 3 представителя, остальные партии и организации, имеющие общероссийский характер («БУНД», группа «ЕДИНСТВО», латышская с.-д. и др.) по 1 представителю.

Организационный Комитет по созыву рабочего съезда.

ЦА ФСБ Р. Ф. 1. Оп. 1. л. 51 а.

Обращение организационного комитета по созыву Рабочего съезда

Не ранее 28 июня 1918 г.

К РАБОЧЕМУ СЪЕЗДУ

ТОВАРИЩИ

Было время, когда большая часть рабочего класса верила, что у власти стали представители рабочего класса, защитники его интересов, и, веря этому, рабочие ждали от власти рая земного, поддерживали эту власть в борьбе с ее врагами, отдавая в ее распоряжение все организации. Но именем рабочего класса эта власть предала родину и революцию злейшему врагу – германскому империализму, растоптала молодую свободу, залила страну кровью, довела её до разрушения промышленности, до огромной безработицы и страшного голода. Рабочий класс остался без организаций, измученный и голодный, под гнетом проклятий за то, что от его имени было сделано «Советской властью» – властью партии большевиков-коммунистов.

Пробовали рабочие во многих местах перевыбирать советы, устранять из советов насильников большевиков. Но власть – или

посредством всяких подтасовок и мошенничества не даёт рабочим составить совет из своих настоящих избранников, или без всякого стыда, грубым насилием разгоняет те советы, в которых образовалось большинство из настоящих избранников рабочего класса, а не из наёмников большевистской власти.

Сознание необходимости независимых классовых организаций побудило рабочий класс создавать новые организации – собрания уполномоченных, беспартийные конференции и др. Но тут-то и показало себя во всей красе новое самодержавие: начались преследования рабочих организаций, аресты выборных представителей от рабочих, разгоны и расстрелы рабочих собраний.

Теперь рабочие вынуждены вести тяжёлую и упорную борьбу за свои права, за свои организации и за свободу всего народа. То там, то здесь, всё чаще и дружнее прибегают рабочие к своему испытанному средству борьбы – к забастовкам. И в ответ на насилия власти крепнет дух борьбы в рабочем классе, сильнее разгорается стремление к свободе.

Пришло время снова объединиться рабочему классу, чтобы общими усилиями отстаивать свои организации, общими усилиями искать средства для спасения и возрождения загубленной родины, для воссоздания отнятого у страны продовольствия.

И стали с разных концов доноситься призывы к такому объединению. Независимые организации рабочих стали выносить постановления о созыве рабочего съезда. Из представителей независимых рабочих Тулы, Сормова, Ярославля, Коломны, Бежицы, Мальцевских заводов и др. образовался комитет по созыву Рабочего Съезда, и на 20-е [июля] в Москве уже назначен созыв Съезда.

Помните, товарищи-рабочие, что сила рабочего класса – в его организованности и единении. Дружно откликнитесь на призыв идти на съезд. Выбирайте на местах своих уполномоченных и твёрдо стойте за них, давая могучий отпор насилиям власти против избранников рабочего класса.

Не везде еще на местах образовались независимые рабочие организации. Спешите наверстать упущенное. 20-го июля представители рабочих должны съехаться в Москве. Пусть сообща

подумают они над вопросами, которые мучат рабочую массу. Пусть общими усилиями найдут пути для избавления от безработицы и голода, для спасения родины, для возвращения прав всему народу и для возрождения организаций рабочего класса. Медлить нельзя. Смерти подобно теперь промедление. Гибель не только грозит – она уже пришла. [В] смертных судорогах бьется истерзанная родина. Цепями рабства снова скован рабочий класс. Измываются над ним палачи и насильники.

ПУСТЬ СОБЕРЕТСЯ РАБОЧИЙ КЛАСС

ПУСТЬ ОБЪЕДИНЯТ СВОИ УСИЛИЯ РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ СЕЙ СТРАНЫ,

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА,

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НЕЗАВИСИМЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАБОЧИЙ СЪЕЗД

Организационный Комитет по созыву РАБОЧЕГО СЪЕЗДА

ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 52 с об.
Исторический архив. 2001. № 6. С. 170–171.

Ко всем рабочим России

Между 2 и 13 июня

Сурово, тяжело стало жить. Все больше закрывается заводов. Все больше армия безработных. Все сильнее голод и бесправие – и выхода нет.

Разрушаются, подрываются силы рабочего класса, гибнут, истощаются дети его – целому классу грозит вырождение. Подрывается самая основа народной жизни.

Рабочие массами снимаются с мест. Рабочий класс распыляется по всей стране. Промышленность и рабочее движение лишаются лучших своих работников. Борьба и самозащита станут невозможными. А беды нас ждут жестокие.

Страна наша разваливается. Все новые части от нее отрываются. Железным кольцом окружает нас враг. Голод и безработица будут расти. Политика советской власти, прикрывшейся

нашим именем, все сделала, чтобы выросла безмерно ненависть к нам всех слоев населения.

Классовые враги наши собираются с силами, и удары нас ждут тяжелые.

В эти тяжкие, смертные часы нам неоткуда ждать помощи. Мы сами себе должны помочь. Сами себя должны спасти. Сами должны ковать оружие для самозащиты.

Враг будет беспощаден, и оружие нам нужно надежное.

Давайте же вместе ковать его!

Рабочие всей России, мы, уполномоченные фабрик и заводов Петрограда, зовем вас на Всероссийский Рабочий Съезд. Свободно избранные представители рабочего класса съедутся из всех городов, вместе поищут и найдут путь спасения от гибели своей и всей страны.

Продовольствие, безработица, общая разруха, народное бесправие и возрождение наших организаций – все должно быть обсуждено и решено!

Откликнитесь, товарищи!

Соберем остатки сил и, с верой в будущее рабочего дела и нашей родины, возьмемся за работу.

Чрезвычайное Собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда

Временное бюро по созыву Собрания уполномоченных фабрик и заводов г. Москвы

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 60.
Исторический архив. 2003. № 5. С. 151–152.

«Наказ делегации к Московским рабочим

Между 2 и 13 июня

Мы, петроградские рабочие, поручаем своим делегатам сказать вам следующее.

Жизнь наша становится невыносимой. Заводы стоят. Хлеба нет. Дети наши мрут от голода. Десятки тысяч пролетариев нуждаются в бесплатных столовых. Голодным вместо хлеба дают пули, и всех, кто говорит об этом, называют врагами народа. Свободное слово задушено. Мы не можем больше ни говорить,

ни писать свободно. Наши организации преследуются. Нам запрещены стачки. У нас нет суда. Нами правят бесконтрольно люди, которым мы давно не верим, которых мы не выбирали, которые над нами издеваются, которые не знают закона, права, чести, которые любят только власть и за нее нас предали.

Нашим именем отдана половина России. Нашим именем преданы украинцы, латыши, литовцы, финны, кавказцы. Нашим именем кровью залита вся страна. Нашим именем все черные дела творятся. Наше имя вызывает презрение и проклятия.

В эти тяжкие смертные часы мы говорим вам, пролетарии всей России:

Нашим именем **прикрылась** власть, враждебная нам, власть противонародная, власть, принесящая нам только муки и бесчестье.

Пусть она уйдет.

Она обещала нам социализм и разрушила своими бессмысленными опытами все народное хозяйство. Какой социализм могла она ввести в отсталой земледельческой стране, в которой рабочие составляют маленькую часть и плохо организованы, в стране без техники, без культуры, разбитой войной?

Вместо социализма – опустевшие заводы, остывшие печи, тысячи безработных, нищета.

В деревне дикая вражда. От нас она ничего не получает. Поля не засеяны. Никто не уверен в завтрашнем дне. Идут бои. Хлеба будет все меньше, и ждать его неоткуда.

Мир, заключенный властью, отрезал хлебородные места, лишил нас сырья и топлива, отрезал моря. Без хлеба, без угля, без транспорта, без вывоза, без денег – нет и не может быть промышленности, нет и не будет работы.

Наши организации разрушены. Сделавшись органами власти в «социалистическом» отечестве, они не защищают больше нас. Мы распылены, разоружены, разбиты. Без союзов, без права стачек, без свободы печати, против своих и немецких капиталистов, против казенного капитализма, защищаемого ружьями и пулеметами, мы слабее и беззащитнее, чем при царизме.

Несчастная мысль превратить рабочих в хозяев сделала их последними рабами.

Расколов страну на части, Брестский мир разбил и пролетариат, поставил одну часть против другой, обессилел, уничтожил его.

Но мира Брест нам тоже не дал.

Взяв половину России, враг заливает кровью другую половину и грозит занять столицы. Каждый день все новые требования, новые унижения, новые уступки. Советская власть купила жизнь ценой Брестского мира. Чтобы сохранить ее, нужно угождать **врагу**, искать с ним **дружбы и союза**. Кто боится **своего народа**, ищет **опоры** в чужом правительстве.

В угоду Германии разоружаются финны, боровшиеся против своей буржуазии, в угоду Германии посылаются карательные отряды на Кавказ, борющийся за свою независимость с турками, в угоду Германии готовится разрыв с союзниками, ведутся переговоры с Скоропадским, который поработил Украину.

Сплошную цепь унижения и предательства дала нам советская власть во внешней политике.

С проклятием, быть может, вспомнят о нас не только истекающие кровью Франция, Кавказ, Финляндия, Сербия, Бельгия.

Никогда еще германские рабочие не были так бессильны перед своей буржуазией, как после Бреста. Никогда еще не была там так сильна власть военщины, никогда, быть может, не была эта власть так опасна для Европы, для рабочих всех стран.

Нашим именем дали власть германскому **империализму**, **лютому врагу** рабочих всех стран. Союз с ним сделает нас в конце рабами и убьет последнюю надежду на независимость России.

Этот мир и этот союз с Германией мы никогда не признаем.

Предстоит борьба **за независимость нашей родины**. Эту борьбу мы не можем вести одни. Интересы ее требуют военного соглашения с союзными народами.

Но чтобы их помощь не принесла нам кабалы, мы должны весь остаток сил отдать на восстановление и возрождение **единой свободной Российской республики**.

Это дело требует сил **всего народа**.

Со всей любовью к родине, со всей верой в ее и свое будущее, со всей надеждой на ее спасение, мы призываем вас бороться:

За восстановление власти народа, за Учредительное собрание, за демократические органы.

За восстановление народного хозяйства, против опытов советского социализма, за свои независимые организации.

За прекращение гражданской войны и восстановление всех свобод.

За всеобщее вооружение народа.

За разрыв Брестского договора и против союза с Германией.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 61, 61 об.

Обращение арестованных участников рабочего съезда

Не ранее 25 июля 1918 г.

Открытое письмо заключенных в Московской Губернской тюрьме (Таганка) по делу «Рабочего Съезда» ко всем Гражданам!

Мы, участники совещания делегатов независимых рабочих организаций различных городов России (Петрограда, Москвы, Тулы, Сормова, Коломны, Кулебак, Твери, Нижнего Новгорода, Вологды, Бежицы, Орла, Воткинского завода), арестованные на втором нашем заседании, имевшем место 23 июля в помещении общества «кооперация», считаем своим общественным долгом довести до сведения всех граждан России о нашем протесте по поводу тех лживых, клеветнических сообщений, которые позволила себе казённая печать опубликовать 24 и 25 июля в «Известиях ЦИК», пользуясь тем, что ею одет железный намордник на всю свободную прессу, а мы, участники рабочего совещания, томимся в невероятных условиях тюремного режима.

Наше совещание не «тайный контрреволюционный заговор» «зажиточных элементов», «интеллигентов» и т. п., а явное, открыто подготовлявшееся и освещавшееся всей, в том числе и коммунистической, печатью совещание представителей классовых рабочих организаций.

Не от «меньшевистских и эсеровских фракций» явились на совещание делегаты, как лживо сообщают «Известия», желая обмануть ещё не покинувших правительство рабочих, а от Собрания Уполномоченных фабрик и заводов, за которым сто-

ят десятки тысяч избирателей. Общая норма представительства была – 1 делегат на 5000 рабочих. В полицейском увлечении «Известия» бесстыдно сообщают, что делегаты от тульских рабочих тт. Поликаров и Пушкин избраны от 60 или 160 рабочих, в то время как они делегированы Тульской конференцией, состоящей из выборных большинства тульских рабочих. В тех же местностях, где еще не организовано независимое рабочее представительство, делегаты на конференцию избирались отдельными крупными заводами.

Оклеветав рабочих представителей как самозванцев, никого не представляющих, «Известия» не постеснялись со свойственной «Русскому знамени», «Земщине» и т. п. изданиям царского режима наглостью напечатать ряд ложных сообщений относительно найденных при арестованных вещей¹⁰, с целью бросить тень на нравственный облик рабочих делегатов. Так указывается, что у т. Берга найдено 6000 руб., на деле всего 590, у т. Лейкина – 160 руб. серебра, на деле – 1 р. 65 коп., у него же, по сведениям «Известий», оказались: перстень, бриллианты и золотые часы, между тем, как все его драгоценности заключаются в простых металлических часах, которые никто из тюремной администрации и не думал отбирать.

Так глупой, бессовестной ложью правительство старается оправдать нелепый арест рабочих делегатов, пожелавших проявить организационную самостоятельность.

Совещание рабочих делегатов по организации Всероссийского Рабочего Съезда заседало два раза; в повестке занятий совещания стоял вопрос о борьбе с распыленностью в рабочем классе, о возможных мерах его сплочения и организации, и о подготовке Всероссийского Рабочего Съезда. Но правительство коммунистов, как и его царские предшественники, не терпит никаких проявлений независимого рабочего движения, ибо в нём ему чудится близкая гибель своей власти, в нём оно видит отражение продовольственного кризиса, и, не способное справиться со своими государственными задачами, обрушивается на вождей рабочей общественности. На рабочие организации направляются неслыханные репрессии.

¹⁰ Так в тексте, нужно читать – вещах.

Да здравствуют рабочие организации!

Да здравствует их независимость и революционно-организационная самостоятельность!

А. Н. Смирнов – рабочий Патронного завода, делегат Петрограда, **Н. Н. Глебов** – рабочий-путиловец, **Ю. С. Лейкин** – делегат Бюро Уполномоченных Нижегородской и Владимирской губ., **Д. В. Захаров** – рабочий, секретарь профессионального союза, **Д. И. Замараев** – рабочий, от Сормова, **В. И. Матвеев** – рабочий Сормовского завода, **И. О. Шлейфер** – служащий, **А. А. Чиненков** – рабочий, Н[ижний] Новгород, **С. П. Полукаров** – рабочий тульского Патронного завода, **А. А. Вецкалн** – рабочий-плотник, член ЦК С.-Д. Латвии, **Н. К. Борисенко** – рабочий петроградского Трубочного завода, **И. Г. Волков** – член правления петроградского союза металлистов, рабочий, представитель Петроградской рабочей кооперации, **В. Г. Чиркин** – член Исп. К-та Всероссийского Совета Профессиональных Союзов, рабочий-токарь (не делегат), **[Е.С.] Берг** – рабочий электрической станции 1886 года, **Д.[В.] Смирнов** – рабочий Арсенала, **И.[И.] Шпаковский** – раб[очий] Русско-Балтийск[ого завода], **И. П. Фомичев** – раб[очий] Сормова, **И. Вороничев** – раб[очий] Сормова, **[П.И.] Уханов** – раб[очий] Кулебакского зав[ода], **Томилевич** – раб[очий] Александровских мастерских, Москва, **[П.И.] Башкиров** – раб[очий] Бежицкого зав[ода], **[И.И.] Храмченко** – раб[очий] Бежицкого зав[ода], **[И.П.] Пушкин** – рабочий тульского Оружейн[ого] зав[ода], **Лапков** – раб[очий] Воткинск[ого] зав[ода], **В.[П.] Кац** – от Коломенского зав[ода], **Виктор [И.] Альтер** – от гл[авного] К-та Бунда.

ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 85.

1-я конференция уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губ. в цифрах

9 июня 1918 г.

Всех членов конференции зарегистрировано 181, из них 158 с правом решающего голоса и 23 с правом совещательного голоса.

Право решающего голоса получили:

145 представителей рабочих и служащих фабр[ик] и завод[ов]
8 " " " профессиона[льного] союза.
5 " " " рабочих кооперативов

Право совещательного голоса получили:

11 представителей от партий.
5 представителей от Совет[ов] раб[очих] деп[утатов].
4 представителя от Организ[ационного] бюро по соз[ыву]
конф[еренции].
1 " " " от инициативного бюро по созыву чрезвычайн[ого]
собрания уполномоченных фабр[ик] и зав[одов] г. Москвы.
1 представитель от Еврейского рабочего клуба.
1 представ[итель] союза служащ[их] губер[нской] прод[оволь-
ственной] управы.

По своему социальному положению:

Рабочих – 149.
Служащих – 28.
Учителей – 2.
Врачей – 1.
Юрист – 1.

Образовательный ценз.

Получивших высшее образование – 7.
Среднее – 21.
Начальное – 147.
Не получивших никакого образования – 6.

Партийная принадлежность.

Социалистов-революционеров – 61.
Социал-демократов – 42.
Бунд – 8.
Народных социалистов – 6.
Коммунистов – 1
Беспартийных – 63.

Из них при самодержавии подвергались:

Аресту – 40.

админ[истративной] ссылке – 15.

полиц[ейскому] надзору – 10.

эмигриров[али] за границу – 2.

При большевистском режиме:

аресту – 7.

ссылке – 1.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Лл. 68–68 об.
Исторический архив. 2003. № 5. С. 150–151.

Ко всем рабочим, профессиональным союзам и другим рабочим организациям

После 18 июня

Широкой волной разливается по России революционное движение пролетариата.

Очнувшись от длительной стачки, рабочий класс берётся за старые испытанные способы борьбы. Стачное движение растёт и ширится, каждую минуту грозя захлестнуть борющуюся с рабочим классом власть, смести на своём пути все преграды.

В этот час, товарищи, нужно быть особенно осторожными, чтобы одним необдуманным шагом не испортить всего великого дела.

Откликом широкой политической стачки Нижегород[одской] и Владимирской губ[ерний] явились жестокие репрессии по отношению к торгово-промышленному пролетариату.

Власть явно провоцирует весь Нижегородский пролетариат на выступление, надеясь воспользоваться недостаточной организованностью его, разгромить, расстрелять грозное движение, убить его в самом зародыше.

Мы не имеем права подвергать пролетариат этой опасности, не имеем права рисковать разгромом его накануне дня, когда понадобятся все силы всероссийского пролетариата для

решительного боя. Стиснув зубы, мы должны смотреть на борьбу наших товарищей, не имея возможности сейчас же кинуть в жаркий бой за общее наше дело все свои силы. Мы должны, по мере возможности не расстраивая сил, дожждаться часа общего Всероссийского движения, т[ак] к[ак] только оно может спасти страну, спасти рабочий класс.

Час этот близок, товарищи! Слышны уж раскаты приближающейся грозы. Петроградские и Московские товарищи, также объединённые в собрания уполномоченные, уже поставили вопрос о Всероссийском рабочем съезде.

Близится час грозной всероссийской стачки, в ответ на всероссийский произвол большевистских комиссаров.

Мы не можем ещё двинуться в решительный бой, но не можем и не должны оставаться безучастными зрителями в борьбе т. т. служащих. Волна протеста против репрессий, волна поддержки бастующим товарищам должна прокатиться не только по губернии, но и по всей России, ибо общее дело всего российского пролетариата творится сейчас.

Пролетариат должен показать, что он не забыл своих борющихся братьев, что он готов им оказать поддержку.

Организовывайте повсеместные компании протеста против репрессий

Несите отчисления в пользу бастующих, направляйте их через своих делегатов в Бюро!

Устраивайте сборы по подписным листам!

Все силы, все средства пролетариата на поддержку борющимся!

Да здравствует борьба за освобождение рабочего класса!

Да здравствует классовая солидарность пролетариата!

Бюро Конфер[енции] уполномоч[енных] фабрик и заводов Нижегород[одской] и Владимир[ской] губ[ерний]

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 70.
Исторический архив. 2003. № 5. С.152–153.

Ко всем рабочим Нижегородской и Владимирской губ[ернии]

После 18 июня

К защите Торгово-промышленных служащих

Товарищи!

Большевистские самодержцы стремятся загладить своё поражение 18-го июня, стараются репрессиями подавить нарастающее победоносное рабочее движение. Первые удары своей мести за забастовку комиссародержцы направили на ту часть пролетариата, которую рассчитывали найти наименее организованной – на торгово-промышленных служащих.

Запечатываются, реквизируются, конфискуются бастовавшие предприятия; выбрасываются на улицу за участие в забастовке сотни служащих. Провокационным «приказом № 5» пытаются расколоть ряды служащих. Но единогласно принятое тысячным собранием служащих решение о забастовке вплоть до отмены репрессий – достойный ответ на эту провокацию.

Сомкните ряды, товарищи!

Эта забастовка не частное дело союза торгово-пром[ышленных] служащих. Их карают за общее дело. Если разгромят их сегодня, завтра разгромят и вас.

В общем деле, в общей борьбе не должно быть места расколу.

Все силы рабочего класса на поддержку бастующих! Организовывайте стачечный фонд!

Готовьтесь к решительной борьбе! к борьбе за общее дело, за общие права рабочего класса.

Пусть широкая волна протеста будет ответом на насилия над нашими товарищами-служащими!

К борьбе за свободу стачек, за независимость союзов!

В распылении и расколе – гибель!

В единении залог спасения, залог грядущей победы рабочего класса!

Бюро Конференции Уполномоченных фабрик и заводов
Нижегородск[ой] и Влад[имирской] губ[ерний].
ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 71.

Резолюция

22 июля 1918 г.

I Рабочей Конференции (резолюция принята всеми голосами кроме воздержавшихся одним)

Признаёт:

1) что только прекращение внутренней войны, восстановление политических прав рабочих и всего народа могут создать условия для возрождения промышленности и ослабления безработицы.

2) Навязываемый большевиками стране план хозяйственной организации лишь усугубляет разруху в стране, увеличивая безработицу, голод; поэтому Рабочая Конференция считает его вредным для рабочего класса.

3) Должны быть прекращены опыты социализации и национализации фабрик и заводов.

4) Должны быть созданы условия для привлечения русских и иностранных капиталов на началах свободной конкуренции.

5) Принятие мер к восстановлению кредита и денационализации банков.

6) Государственный контроль над производством и плановое распределение сырья между фабриками и заводами.

7) Регулирование и распределение предметов первой необходимости среди населения.

ТЕЗИСЫ.

1) Россия – страна главным образом сельского хозяйства с населением малокультурным, меньше, чем какая-либо другая страна, имела данные для постройки социалистического хозяйства.

2) Война подорвала даже те слабые хозяйственные устои, которые находились в стране.

3) Распад политической есть следствие хозяйственного распада.

4) Давление извне, оформившееся в Брестском, мире лишь подвело итоги этому распаду.

5) Советская Россия без Сибири, Украины, а, может быть, и Урала, обречена на полную зависимость российской промышленности от источников сырья.

- 6) В таких условиях рабочий класс обречён на безработицу.
- 7) В его интересах есть: восстановление страны в её прежних границах, освобождение страны от внешнего и внутреннего ига, возрождение промышленности, усиление рабочих организаций, восстановление всех прав народа.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Лл. 84.
Исторический архив. 2003. № 5. С. 164–165.

Ко рабочим металлистам Ниж[егородской] губ[ернии]

После 18 июня

Ко дню назначенной в Нижегородской и части Владимирской губернии всеобщей политической забастовки протеста против разгона Сормовской Конференции, было выпущено воззвание к рабочим, под которым имеется подпись Бюро Губернского Комитета Металлистов с призывом не принимать участия в этой забастовке.

Правление Профессионального союза рабочих по металлу Нижегородского района считает своим долгом заявить, что никакого отношения к этому воззванию оно не имеет и самым решительным образом протестует против него, мы полагаем, что и все остальные районные союзы решительным протестом должны реагировать на выступление Бюро Губернского Комитета.

Правление Нижегородского Районного Союза [металлистов] заявляет, что оно также делегировало на Конференцию [уполномоченных] своего представителя и вполне солидарно со всеми постановлениями, принятыми этой Конференцией.

Правление Союза считает, что Советы, сделавшись органами власти, перестали быть классовыми организациями пролетариата, а превратились в бюрократические учреждения, где заседают большевистские чиновники, а потому оно считает первой и насущной задачей пролетариата – борьбу за независимые классовые организации, чтобы не оказаться безоружными перед лицом врагов.

Существующие сейчас у нас Советы, совершенно оторвались от масс и, прикрываясь именем рабочих, ведут политику противоречащую интересам рабочего класса. В частности, у нас

в Нижнем [Новгороде] Совет обрушился на Союз торгово-промышленных служащих, которые бастовали 18-го июня, т.ч. Союз этот, отстаивая с таким трудом добытые свободы, принуждён был вторично объявить забастовку, старый хорошо знакомый нам всем лозунг – свобода стачек.

Правление выражает свой решительный протест против репрессий, принимаемых по отношению к торгово-промышленным служащим, и считает, что репрессии эти облегчают появление самой неприкрытой реакции.

Мы обращаемся ко всем профессиональным союзам и призываем их так же выявить своё отношение к переживаемым событиям, ни одна рабочая организация не в праве теперь оставаться в стороне, мы должны поднять все вместе свой мощный голос, так как только он может повлиять на существующую теперь власть, и только общими усилиями может быть спасена революция.

В этот грозный момент, когда германский империализм душит нас извне, а Советская власть сознательно или бессознательно всеми своими мероприятиями, содействует торжеству реакции внутри страны, когда грозит неминуемая гибель всей Революции, мы, рабочие, должны все как один человек встать на защиту всех свобод и восстановление полного народовластия в России.

Да здравствует объединение рабочих!

Да здравствуют Профессиональные союзы!

Правление профессион[ального] союза рабочих по металлу Нижегородской городской района

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 126. Л. 213.

II. К СОБЫТИЯМ НА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Объяснительная записка К. Т. Чосткевича

20 июня 1918 г.

Исполнительному Комитету Совдепа
Ал[ександровской] ж[елезной] д[ороги]

Начальнику охраны Александровской ж[елезной] д[ороги]

Военно-политическая секция
Исполнительного Комитета
Совета жел[езно]дор[ожных] депутатов
Июня 20 1918 года. № 152

19-го июня 1918 года в 2 часа дня ко мне, начальнику 1-го участка охраны Александровской жел[езной] дороги К. Т. Чосткевичу явились два милиционера и попросили меня идти на общее собрание милиционеров, на котором собрании должна быть окончательная резолюция о признании ли новой инструкции, изданной Всероссийской Чрезвычайной Комиссией по охране путей сообщения. Отправившись на собрание во двор технического училища рядом с мастерскими Сл. Телеграфа, совместно с начальником охраны Александровской жел[езной] дороги тов[арищем] Сапожниковым призвали милиционеров подчиниться инструкции, объяснив, что инструкция по охране путей сообщения издана не для одной только Александровской ж[елезной] д[ороги], а для всей Российской Федеративной Советской Социалистической Республики, и что таковая не может быть изменена. Но тут же выступили с речью милиционеры Большаков, Можайский, Барков, Гуриев и др., которые предлагали милиционерам теснее сплотиться и требовать изменения некоторых пунктов инструкции и не давать подписки, обязывающей каждого милиционера прослужить в охране не менее шести месяцев, говоря, что их всего на ст[анции] Москва Александров-

ской ж[елезной] д[ороги] 645 человек и они составляют реальную силу, а потому все милиционеры должны стать в ряды для отстаивания своих прав, если это понадобится, с оружием в руках и просить поддержки рабочих ж[елезной] д[ороги]. На общем собрании милиционеров, как мною было замечено, были и представители милиции других вокзалов. Что происходило [далее], неизвестно, так как в виду бурного настроения милиционеров я и начальник охраны И. С. Сапожников ушли с собрания. Через минут 15 мною получены были сведения о том, что милиционеры отправились после собрания в мастерские, где будто бы назначили общее собрание с мастеровыми и рабочими. Так как Москва и её окрестности объявлены на военном положении, мною было доложено Военно-политической секции И[сполнительного] К[омитета] Совета Железнодорожных депутатов, от которой Секции совместно с представителями Чрезвычайной Комиссии тов[арищем] Зарембским зависело дальнейшее принятие мер к недопущению агитации милиционеров мастерских и вообще митинга. Приблизительно в 6 часов 20 минут вечера прибыл затребованный Военно-политической секцией Боевой Летучий Отряд во главе с Начальником отряда тов[арищем] Венглинским, и мне, как начальнику 1-го уч[астка] охраны дороги [было] предложено отправиться с прибывшим отрядом в мастерские и проверить – есть ли совместное собрание милиционеров с рабочими ж[елезно]д[орожных] мастерских. Обойдя здание главных мастерских, собрания не нашли и отправились к мастерским Малого Ремонта, и тут было обнаружено собрание. Прибывшему отряду было приказано не пускать в ход оружия, занять все выходы, я и начальник отряда тов[арищ] Венглинский оставив отряд у входов, зашли в мастерскую и тут же началась паника среди собравшихся. Я обратился к собравшимся с просьбой не убегать, так как мы рабочих арестовывать не будем, а лишь арестуем всех находящихся на собрании милиционеров. В это время было произведено из толпы собрания несколько выстрелов. Тогда собравшиеся пустились панически бежать через окна, разбивая стёкла окон мастерской. В это время ворвался в мастерскую отряд красноармейцев, который произвёл несколько выстрелов вверх, и бегство было приостановлено. При проверке находившихся на

собрании в мастерской Малого Ремонта после приостановления бегства оказалось около 200 рабочих и 16 человек милиционеров. Рабочие после обыска были выпущены из мастерских, между ними оказалось 3 человека рабочих ранеными. Кем ранены рабочие – установить не удалось, т[ак] как на собрании было много милиционеров, имевших при себе оружие, которое первыми после провокационных выстрелов разбивали окна в мастерских и скрывались в рядом стоящих вагонах около мастерской, откуда свободно пробирались на станцию. При задержанных милиционерах при обыске оружия не оказалось, за исключением милиционера Валуева, у которого был отнят заряженный револьвер системы «Наган», но после осмотра такового установлено, что из означенного револьвера выстрелов произведено не было.

Председатель Военно-политической секции И[сполнительно-го] К[омитета] Совета ж[елезно]д[орожных] депутатов Александровской ж[елезной] д[ороги]

/подпись/

Верно В. Коровайкова

ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 61. Лл. 283–285.

Заявление месткома малый ремонтных мастерских Александровской железной дороги

21 июня 1918 г.

Местный комитет Малого Ремонта
Вагонов Александровской железной
дороги
июня 21 дня 1918 года. № 269. г. Москва

В Президиум Москов-
ского Совета Рабочих и
Крестьянских Депутатов

[от] Мастерских, рабочих и служащих
комитет Малого Ремонта Вагонов Алек-
сандровской ж[елезной] д[ороги]

ЗАЯВЛЕНИЕ

Имеем часть заявить вам, что 19 июня с[его] г[ода] с разрешения Главного Железнодорожного Комитета в мастерской было назначено Общее Собрание по известной означенному Коми-

тету программе. По открытии собрания от такового поступило заявление о постановке на обсуждение создавшегося в настоящее время положения железнодорожной милиции в связи с требованием от неё личной подписи в согласии на расстрел мешочников, спекулянтов и других лиц, а так же с требованием перевода милиционеров на казарменное содержание и подписания ими 6-ти месячного контракта на беспрекословное исполнение вышеизложенных условий. Во время выяснения означенных положений представителями милиции и мастеровых около 6 $\frac{1}{2}$ часов вечера раздались выстрелы без всяких предупреждений, результатом чего произошло паническое бегство присутствовавших в ворота и окна мастерской. Стрельба продолжалась до той поры, пока неуспевшие скрыться разбились по отдельным небольшим группам. Последние были окружены появившимися в мастерской матросами и красногвардейцами, продолжавшими стрельбу, результатом каковой явилось по приблизительному подсчёту около 10 человек тяжело раненных и легко раненных до 50 человек, после чего некоторые лица подверглись обыску, а остальные – опросу о личности. Некоторые лица из числа мастеровых и милиции были арестованы и уведены.

Ввиду изложенного требуем, во-первых: производства немедленного беспристрастного детального расследования происшедшего с приданием виновных суду.

Второе, требуем действительной, хотя бы физической, неприкосновенности жизни.

В подтверждении своего посему протеста прекращаем работы по ремонту и движению поездов впредь до удовлетворения выше изложенных наших требований.

Местный Комитет сим удостоверяет, что копия заявления с подлинником верна.

Председатель.

Секретарь /подпись/

ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 61. Лл. 285–286.

Собрание рабочих и служащих Александровской железной дороги

21 июня 1918 г.

В Центральный Исполнительный Комитет
Московского Совета Рабочих Депутатов

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Собрание мастеровых и рабочих и служащих Московского района Александровской жел[езной] дороги 21 июня 1918 года.

В президиум избраны:

Председателем тов[арищ] Розанов.

Секретарь тов[арищ] Воробьёв.

После выборов Президиума была принята следующая повестка дня: 1) О расстрелах 19 июня Общего Собрания мастеровых и рабочих в Малом Ремонте вагонов; 2) о продовольствии.

После докладов представителя Малого Ремонта Председатель Главного Дорожного Комитета Михальский, очевидца тов[арища] Дыко, членов Викжедора Дианова и Жука и после выступлений представителя Совета Народных Комиссаров Ландрина и председателя Московского Совета Р[абочих] и К[рестьянских] Д[епутатов] Смидовича, а так же представителей от партии оппозиции и делегатов, прибывших с мандатами: от завода Дукс, от Миусского парка, от завода Лист, от Городской жел[езной] дор[оги], от паровозных мастерских Московско-Казанской жел[езной] дороги, от паровозных мастерских Николаевской жел[езной] дороги, от Рязано-Уральской ж[елезной] д[ороги] и от Центральных мастерских Службы Пути Городской жел[езной] дороги при Андреевском парке. Все прибывшие делегаты от указанных выше железных дорог и заводов огласили свои резолюции протеста против расстрелов и заявили, что они уполномочены поддерживать ту резолюцию, которая будет принята настоящим собранием. После чего собрание *е д и н о г л а с н о* против одного была принята следующая резолюция: «Мы, мастеровые и рабо-

чие Александровской жел[езной] дор[оги] Московского района, собравшись на Общее Собрание в Главных Мастерских, обсудив положение о расстреле рабочих Малого Ремонта 19 июня с[его] г[ода], протестуем самым решительным образом против преступного совершенного акта и требуем немедленного расследования и арестов всех виновников расстрела.

2. Мы требуем от существующей власти немедленно прекратить расстрелы где бы то ни было. Мы требуем немедленного освобождения всех социалистов, заключённых в тюрьмы, освобождения милиционеров, арестованных в Малом Ремонте и так же всех арестованных на рабочей конференции 16 июня 1918 года.

3. мы требуем от кого бы это ни зависело, чтобы никогда больше после постановления сегодняшнего собрания не вводились вооружённые отряды в помещения, где происходят рабочие собрания или заседания.

4. Во имя спасения завоеваний революции мы прекращаем итальянскую стачку, если в течении четырёх дней со дня постановления, не будет произведено полное расследование и не будут арестованы виновники расстрела, мы объявляем всеобщую политическую стачку и данное постановление рассылаем по всем фабрикам и заводам и жел[езным] дорогам, обращаясь с призывом к ним бороться вместе с нами до исполнения *в с е х* наших требований.

5. И впредь против каждого нарушения собрания или ареста протест будет не в виде резолюции, а всеобщая забастовка.

6. Для расследования расстрелов избирается в комиссию двое от мастерских, от Малого Ремонта – один и один милиционер, которым и поручается явиться в Комитет и производить расследование совместно с назначенной при Глав[ном] Дор[ожном] Комитете.

Данное постановление посылаем во все учреждения.

Председатель Розанов.

Секретарь Н. Воробьёв.

С подлинным верно.

Секретарь Местного комитета /подпись/

22/VI 1918 года. № 616.

Приложена печать Местного Комитета Главных мастерских Ал[ександровской] жел[езной] д[ороги].

ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 61. Лл. 286–288.

Материалы следствия по делу о событиях 19 июня 1918 года

Конец июня – начало июля 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Следственной Комиссии по расследованию событий на Александровской жел[езной] дороге, имевших место 19 июня 1918 года, в составе:

1. Пискарева – представителя от Московского Совета Раб[очих] Депутатов
2. Жука – от Викжедора
3. Броварнюка – от Моск[овского] Сов[ета] проф[ессиональных] союз[ов]
4. Александрова – от Комиссариата Путей сообщения
5. Бодрова – от Следств[енной] ком[иссии] Рев[олюцион-ного] Трибун[ала]
6. Бурова – от Правления проф[ессионального] союза маст[еров] и рабочих жел[езно]дор[ожного] узла
7. Ахметелова – от большинства Исполнительного комитета Совета Железнодорожн[ых] Депутатов Александровской жел[езной] д[ороги]
8. Калинина – представителя от меньшинства Исполнительного комитета Совета Железнодорожных Депутатов Александровской жел[езной] д[ороги]
9. Василенко – от Общего собрания главных мастерск[их] Александровской жел[езной] д[ороги]
10. Тимофеева – Тоже
11. Кривошеина – Всепрофжеля
12. Биликова – Районного Совета Рабочих жел[езно]д[орожного] Московского узла
13. Козлова – Местного комитета милиции
14. Колесова – М[естного] комитета Малого Ремонта вагонов Александровской жел[езной] д[ороги]

[Комиссия] в своих заседаниях с 22 июня по 10 июля 1918 года, рассмотрев дело, нашла, что произведённым ею расследованием установлены следующие данные:

После 5 часов пополудни 19 июня с[его] г[ода] на собрание, разрешённое Председателем Исполнительного комитета по представленной повестке дня в мастерских Малого Ремонта сошлось около 200 рабочих этих мастерских, человек 500 из главных мастерских и группа милиционеров в неопределённом количестве со своими представителями – Валуевым, Барковым и Гурьевым. На повестке дня было поставлено три вопроса: о растрате суммы Ягуновым, выбор членов Ревизионной комиссии и текущие дела, но представители милиционеров попросили дать им слово для внеочередного заявления и Общее Собрание подавляющим большинством удовлетворило их ходатайство и изменило повестку дня, отнеся вопрос о милиционерах к текущим делам и поставив его на первом месте.

С докладом от милиционеров выступали их представители, которые, объяснив неприемлемость для них трёх пунктов инструкции для служащих отрядов охраны Путей Сообщения и огласив состоявшиеся по этому поводу на их Общих Собраниях постановления, просили, по показанию целого ряда свидетелей, у рабочих поддержки на случай их увольнения. После выступления нескольких ораторов со стороны рабочих, предлагавших поддержать милиционеров, было приступлено к чтению предполагавшейся для принятия резолюции о поддержке рабочими милиционеров; точное содержание этой резолюции неизвестно. Резолюция полностью оглашена не была, так как собрание было прервано наступившими затем событиями.

По показанию Юдина, Панкова, Белого и Емельянова, среди рабочих начались волнения уже перед концом собрания в виду распространившего известия о том, что идут красноармейцы, и часть собрания стала уходить из мастерских, а свидетель Леонидов, ушедший с собрания перед концом его, удостоверил, что он видел, как красноармейцы стреляли по направлению к рабочим, выходявшим из ворот, обращённым к Главным Мастерским, этими показаниями, в связи с показаниями Дегтярева и Баркова, слышавших первые выстрелы от ворот к Главным Мастерским, и показаниями

Чосткевича, Мазвагала, Арина и Наленча, вошедших от в ворота от Москвы и удостоверяющих, что первые выстрелы произведены не с их стороны, устанавливается, что выстрелы впервые раздались со стороны ворот к Главным Мастерским, и это обстоятельство находит себе подтверждение в том, что прибывшие красноармейцы с целью занять оба выхода из мастерских, разбили на две группы, причём, по удостоверению Зарембского, та группа красноармейцев, которая пошла без начальствующего лица, т[о] е[сть] направлявшаяся к воротам, обращённым к Главным Мастерским, стреляла. В то же время целый ряд свидетелей положительно удостоверяет, что первые выстрелы без предупреждения, лишь с криком «стой», «не расходишь» произвели лица, вошедшие в ворота со стороны Москвы, после чего началась стрельба красноармейцев, вызвавшая панику. Чосткевич, Наленч, Мазвагал и Арин установили, что вошли в эти ворота первые они, а Наленч признал, что он, видя устремляющихся к выходу, где он стоял, рабочих, крикнул: «Стой, не расходишь» и выстрелил вверх два раза, не отрицают они и того, что за первыми выстрелами началась стрельба красноармейцев вверх без приказания.

О числе произведённых выстрелов показания различны: от 5 до 100, по заявлению же Начальника отряда их было сделано 28.

Раненых огнестрельным оружием оказалось четверо, трое получили лёгкие раны, и четвёртый – более серьёзную, но не тяжёлую. Число потерпевших от ушибов и порезов от стёкол и при пролезании через окна точно не установлено – зарегистрировано четыре человека.

После прекращения стрельбы оставшиеся в мастерской железнодорожные рабочие, после обыска некоторых из них, все были выпущены, а милиционеры в числе 16-ти человек, задержаны, обысканы и двое из них (Быков и Можайский) арестованы, причём из всех милиционеров только у одного Валуева обнаружен револьвер, из которого, однако, выстрела не было сделано.

Прибывшая часть, вызванная Военно-Политической Секцией, принадлежала к 16-му летучему боевому отряду особых поручений при Штабе Командующего Московским Военным Округом и была под командой Венглинского и его адъютанта Наленча.

В виду этих данных и для выяснения есть ли на лицо состав какого-либо преступления, кто явился виновным и в чём именно, Комиссия признала необходимым разрешить предварительно нижеследующие вопросы:

Были ли 19-го с[его] г[ода] на Александровской жел[езной] дороге у Военно-Политической Секции основания:

- 1) для вызова вооружённого отряда,
- 2) для вмешательства в собрание в Малом Ремонте,
- 3) для ареста милиционеров

1) Обсудив первый вопрос, Комиссия признаёт наличие фактов, дававших основание для вызова отряда на станцию, так как среди обслуживающих станцию милиционеров возникло брожение на почве их отказа от принятия трёх пунктов новой инструкции, последствием чего могло быть оставление ими службы, оголение от охраны имущества и сооружений дороги, нарушение нормального хода работы и возможность эксцессов и беспорядков, а кроме того милиция не была надёжна при обращении к ней за содействием в исключительных случаях, так например 13-го июня сего года она отказалась исполнять распоряжение Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией об аресте так называемых уполномоченных от фабрик и заводов.

2) Для вмешательства в собрание рабочих в мастерских Малого Ремонта оснований не имелось, так как собрание это было разрешено и не носило характера, требующего введения вооружённого отряда.

3) Однако основания для ареста милиционеров в мастерских имелись в виду указанного выше брожения между ними, а так же и того, что среди милиционеров велась отдельными лицами по всему узлу железных дорог агитация об оставлении всеми ими одновременно службы в случае неизменения некоторых пунктов инструкции, причём брожение это, в виду намерения милиционеров обратиться за поддержкой к рабочим, могло распространиться и на последних.

Обращаясь к вопросу о том, кто является виновным в преступлении, описанном во 2-м пункте, Следственная Комиссия усматривает:

ПО ОТНОШЕНИЮ К ОТРЯДУ:

что 1) отряд, вызванный Военно-Полевой Секцией, был недостаточно дисциплинирован,

2) не имел надлежащей выдержки и спокойствия,

3) не знал, когда и в каких случаях должно употреблять оружие,

4) открыл беспорядочную стрельбу без приказа на то со стороны его непосредственного начальства в то время, когда не было никакой необходимости для открытия самовольной стрельбы, последствием чего и было ранение 4-х человек.

ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЧАЛЬНИКУ ОТРЯДА

Что Начальник Отряда Венглинский и его адъютант Наленч, как непосредственные начальники отряда, не достаточно выяснили для себя действительность происходящего на месте брожения среди милиционеров и рабочих;

Не предприняли всех мер и способов к устранению возможности последующих событий;

Введением отряда в мастерские вызвали панику среди собравшихся со всеми её последствиями;

Не сделали отряду надлежащих в данном случае распоряжений, оставив часть его без руководства; войдя в мастерские, не только не проявили надлежащего хладнокровия, спокойствия и самообладания, но, наоборот, один из них, Наленч, произвёл выстрел (вверх), желая, по его словам, остановить бегущих с собрания и этим самым усилил панику.

И, наконец, не приняли всех мер и не проявили достаточного и энергичного воздействия на отряд для немедленного прекращения стрельбы.

ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

Что Смирнов, как Председатель Военно-Политической Секции, знал тревожные настроения милиционеров, зная, что милиционеры категорически протестуют против 3 пунктов предъявленной к ним Инструкции, и зная, что милиционеры решили идти к рабочим в мастерские просить о поддержке на

случай их увольнения в связи с предъявленной им инструкцией, – проявил растерянность и не учёл всей опасности, которая могла бы угрожать интересам железной дороги, как государственному учреждению, не проявил энергичной деятельности к разряжению сгущающейся атмосферы, в частности же среди милиционеров. Ушёл домой по причине его болезненного состояния и о неосведомлённости о разрешённом собрании Председателем Исполнительного комитета Совета железнодорожных депутатов Александровской жел[езной] дороги Михальским в мастерских Малого Ремонта, был уверен, что по прибытии отряда обязательно должен присутствовать Начальник Охраны дороги и потому присутствие Смирнова во время прибытия отряда являлось желательным, но не необходимым.

Что Баклунов не учёл всех могущих последовать в связи с вызовом отряда событий, находясь на своём посту, зная отсутствие других членов Политической Секции, не принял всех необходимых в данном случае мер, не пошёл сам лично к месту собрания для выяснения сложившихся там обстоятельств, а дал устное согласие отправиться отряду на собрание, после произошедших событий не принял никаких мер к осведомлению остальных членов Политической Секции и Председателя Исполнительного Комитета, а также не принял мер к немедленному производству расследования происшедших событий.

Что председатель чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией Зарембский, не имея оснований для вмешательства в собрание в мастерских Малого Ремонта, дал распоряжение прибывшему вооружённому отряду арестовать милиционеров, находившихся на собрании рабочих в мастерских, сам отправился с этим отрядом на место, и, не выяснив для себя действительной необходимости появления в мастерской вооружённой силы, не воспрепятствовал вводу её в мастерские.

ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЧАЛЬНИКАМ ОХРАНЫ ЖЕЛ[ЕЗНОЙ] ДОР[ОГИ]

Что Сапожников, состоя в должности Начальника охраны дороги и зная о прибытии на станцию вооружённого отряда для ареста милиционеров, не только не принял всех мер к недопущению

необоснованного ввода его в собрание рабочих, но даже дал согласие на арест милиционеров в мастерских.

Что Чосткевич, будучи Начальником участка, в районе которого находились мастерские Малого Ремонта, не выяснил необходимости появления отряда в мастерских, сам способствовал вводу туда части отряда и не сделал попытки к экстренному и энергичному прекращению стрельбы со стороны прибывшего отряда.

В виду невозможности установить персонально остальных непосредственных участников событий, Следственной Комиссией ни к кому более отдельных обвинений не предъявляется.

На основании изложенного Следственная Комиссия, находя виновными в описанных выше деяниях лиц: Венглинского, Наленча, Баклунова, Зарембского, Сапожникова и Чосткевича, ПОСТАНОВИЛА: Венглинского, Наленча, Баклунова, Зарембского, Сапожникова и Чосткевича предать Суду Революционного Трибунала, о чём довести до сведения в соответствующие учреждения, коим обвиняемые подчинены.

Председатель следственной комиссии Г. Пискарев

Товарищ Председателя Жук. Секретарь Броварнюк.

Члены

ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 61. Лл. 288–294.

О собрании на Казанской железной дороге 17 июля 1918 года

7 августа 1918 г.

Исполнительный Комитет Главного Совета жел[езно]д[орожных] депутатов Московско-Казанской жел[езной] дороги.
Августа 7 дня 1918 года.
№ 2127

Районный ж[елезно]д[орожный] Совдеп Московского узла
Викжедор
Московский Совдеп

17-го июля в Московский мастерских Казанской [железной дороги] без ведома Местного, Районного и Главного Комитетов

группой лиц, в рабочее время было созвано собрание, в результате которого вынесен ряд требований ультимативного характера.

Требования удовлетворены не были, на что мастерские ответили протестом, объявив итальянскую забастовку.

Ввиду того, что ни одному из указанных Комитетов причины, вызвавшие собрание, не известны – Пленум[ом] Главного Совета 20-го июля *постановлено*:

Для более точного выяснения причин, вызвавших забастовку в Московских мастерских – начать следствие, для чего избрать Комиссию из семи лиц в составе представителей: от Главного Совета дороги – 2 [человека], Районного Совета дороги – 2, Районного ж[елезно]д[орожного] Совдепа – 1, Викжедора – 1 и от Московского Совдепа – 1.

От главного совета дороги избраны товарищи: Савельев и Машин.

Президиум Главного Совета дороги, сообщая вам настоящее постановление, просит Вас прислать своего представителя по адресу: Верхне-Красносельская, д. 3, помещение Гл[авного] Совета дороги, от 10 до 4 ч. дня.

За председателя К. Суконкин. Секретарь Львов.

ГА РФ. Ф. 6935. Оп. 7. Д. 61. Л. 295.

III. МЫ СМЕЛО В БОЙ ПОЙДЁМ...

Люди в рогожах

Воспоминания баржевика (1918 г.)

С первых дней «Октябрьской революции» буржуазия пророчила трёхмесячное существование Советской власти, но убедившись в 1918 г., что пророчество не сбывается, избрала для свержения Советской власти путь вооружённых кулацких восстаний, и большую услугу в этом оказали ей эсеры и меньшевики.

Одно из таких кулацко-эсеровско-меньшевистских вооружённых восстаний охватил[о] Сарапульский уезд, о котором я и хочу поделиться воспоминанием.

Местом начала этого восстания был гор. Ижевск с несколькими десятками тысяч рабочего населения, но это не мешало вожакам контрреволюции сколотить в Ижевске своё гнездо, и сделать своё предательское дело. Почва для контрреволюционного гнезда в Ижевске благоприятствовала, с одной стороны, крупная с-р. Организация, и с другой: рабочий Ижевска – это местный житель, мелкий собственник, имеет дом, корову, землю, с крестьянской мелко-буржуазной психологией, не проварившись ещё в пролетарском котле, легко поддавался под влияние эсеро-меньшевистской агитации, тем более, что вожди с-р. [и] меньшевиков не только не были изолированы, но свободно расхаживали на митинги, собрания, и открыто призывали к свержению Соввласти, используя как средство своей агитации тяжёлый продовольственный кризис того времени, и без того сильно волновавший ижевского рабочего. Почва к выступлению постепенно готовилась, и толчком послужил образовавшийся в это время чехословацкий фронт (захват гор. Казань), который требовал пополнения бойцами. Лучших революционных рабочих, а также военную силу Ижевский Совет отправил на фронт. Этим воспользовались вожди контрреволюции, и дали сигнал к вооружённому выступлению.

Эсеро-меньшевистское выступление

7 августа в 11 часов утра был созван на Заводском дворе митинг в несколько тысяч человек. Выступающие с-р.[и] меньшевистские

ораторы, во всём обвиняя «большевиков», призывали соединиться с Казанью для совместной борьбы с большевистской властью, обещая при свержении сытую вольную жизнь. Когда масса была наэлектризована контрреволюционными призывами, достаточно было выкрика «К оружию», как многотысячная толпа, бросилась к вблизи стоящему оружейному складу, и вооружившись винтовками, приступили к обезоруживанию и расстреливанию большевиков.

Первым местом наступления был Совет раб[очих] и солд[атских] депут[атов], а последним был арсенал (оружейный склад), который до 4-х часов ночи защищался небольшой группой коммунаров во главе с военным комиссаром, погибшим в этом бою.

С 8-го августа диктатуру пролетариата в Ижевске сменила трёхмесячная диктатура буржуазии, стоящая тысячи жизней рабочих и крестьян. Только в день первой годовщины «Октябрьской революции» (7 ноября) Красная армия отвоевала гор. Ижевск.

Ижевцами за их вооружённое выступление весьма благодарен должен быть адмирал Колчак, т. к. Красная армия, уделив внимание Ижевскому выступлению, отвлеклась в течение трёх месяцев от Колчака, что дало возможность ему укрепиться и дойти до Казани.

Ночь в Ижевске

Весть об Ижевском восстании быстро распространилась по району, и я узнал [о нём в] верстах в десяти по Гольянской жел[езной] дор[оге]. Поезд в Ижевск отказался следовать, решил идти пешком, и к вечеру по приходе в Ижевск на окраине уже встречались с-р.-меньшевистские патрули, которые у встречных проверяли документы, арестовывали, расстреливали. Пробраться дальше не было возможности, вынужден остановиться в квартире отца жившего на окраине.

Ночь томительно тянулась. У арсенала постепенно затихала стрельба, и заканчивался последний бой.

Дождавшись утра, я вышел на улицу.

Вооружённые [люди] с белыми повязками на фуражках (не смешивайте нас с красными) шныряли, искали жертв,

арестовывали кто только имел какое-либо отношение к Советам. Оставаться в Ижевске было опасно, ибо можно было нарваться на знающих мою партийную принадлежность, и мне сообщили, меня уже искали.

С большой осторожностью добрался до лесу, прошёл вёрст восемь тропинкой, и у речки нарвался на заставу. Никакие убеждения не помогли, и меня воротили под конвоем в штаб. По дороге я вёл себя вне подозрения, разговаривая с конвоем, угощая папиросами, расположил их к себе, и уловив удобный момент, бежал в лес. Пущенные в след пули миновали, и только поздней ночью с большой осторожностью просёлочной дорогой добрался в Сарапул.

Наступление на Ижевск

Об Ижевском вооружённом выступлении, в Сарапуле уже знали от прибежавших товарищей раньше меня. Для подавления этого восстания, 10 августа в Сарапуле было сформировано два отряда. Один в 300 человек, в котором я был, отправился в Ижевск через Гольян, второй в 400 человек ушёл через Агрыз. Последний был окружён у Ижевска и целиком почти попал в плен; наш же отряд почти без боя подошёл 18 августа к Ижевску, где встретил сопротивление, и начались бои.

В это время в Ижевске офицерством производились массовые расстрелы, это вызвало среди рабочих большое негодование, и население отказывалось было пойти на фронт, требовало сдаться.

Но под угрозой расстрела (около 40 рабочих, отказавшихся пойти на фронт, были расстреляны на главной улице у всех на глазах) офицерская власть выгнала многолюдную армию.

После семидневного боя наш небольшой отряд не выдержал перед десятитысячной армией, и побежал.

Эсэро-меньшевики в Сарапуле

После захвата Ижевска, с-р.-меньшевистская армия под командой офицерства быстро двинулась вперёд и 30 августа, в 5 часов утра вошли в Сарапул. Начались аресты, я был арестован на своей квартире и приведён в штаб, куда тоже привели т.т. Седельникова, Будрина, Шагалова, Мутьяна и других свыше 100 человек.

В 12 часов дня осмотреть арестованных пришёл в штаб пьяный офицер Паник, который, обходя арестованных, награждал руганью, угрожал расстрелом, и наконец взгляд его пал на меня (я был хорошо с ним знаком годов десять). «Ты зачем?» – спросил он. «Для выяснения личности задержали», – отвечаю. «Иди домой». Воспользовавшись этим, я ушёл. Но вечером я был вторично арестован и приведён в контрразведку. «Этот красный наступал на Ижевск» – передаёт начальнику один из арестовавших меня, и меня посадили в тёмную комнату. Сижу один и о судьбе других арестованных мне неизвестно. Поздней ночью в открываемой двери оказался начальник разведки, показывая на меня, сказал пришедшему конвою, среди которых был Сарапульский торговец Леденцев, «Вот его» – «да не зевайте». Конвоиры щёлкнули замками винтовок, окружили меня цепью, и повели по Красной улице по направлению к реке Сарапулке.

Ночь была тёмная, благоприятствовала побегу, заговариваю с конвоирами, спрашиваю: «Куда меня ведут»? «Туда, куда наших водили», – отвечает торговец-конвоир.

Зорко наблюдая за движением конвоиров, проходим мост р. Сарапулки, приближаемся к винному складу, охраняемому часовыми (мне не было известно, что винный склад превращён в тюрьму), привели в контору, обыскали и посадили в камеру № 2. Камера шагов 12 в длину и ширину, арестованных же было человек 40, которые разместились на нарах и по всему полу. В камере духота, вонь. Среди арестованных увидел тов. Зыкова (ижевский рабочий-партиец) и пристроился к нему на нары. К нам подошёл тов. Мутьян (партиец) и мы провели до утра в разговоре, и так потекли тяжёлые кошмарные дни и ночи.

Тюремные условия были невыносимые, прогулок не было, и круглые сутки находились в душной вонючей комнате, битком набитой арестованным[и], «парашка» выносилась раз в день, бани не было, паразиты заедали. Питание состояло из горячей воды и водяной вонючей похлёбки.

На все наши требования, отвечали избиением, расстрелом. Тюрьма была переполнена, а арестованных беспрерывно приводили. Ежедневный приход арестованных почти не превышал всё же ночной «расход» (расстрел).

Расстрелы производились ночью, жертвы готовились предварительно днём и переводились в камеру «смерти», а ночью приходила контрразведка и уводила их в «расход». Это делалось с той целью, чтоб не разгласить о существовавших расстрелах, т. к. с-р.-меньшевики опровергали перед населением свои расстрелы, которые производились иногда и днём. В 11 часов дня 4 сентября группа офицеров явилась в тюрьму, взяла из камеры «смерти» тов. Пиминова и другого, фамилию не помню, и увели в лес (под видом в Ижевск).

«Сегодня днём увели в «расход» передаётся из камеры в камеру». Днём 12 сентября явилась в тюрьму опять та же группа офицеров, взяли т.т. Седельникова, Беляева, Шагалова и многих других, и увели по направлению к Старцевой горе. Расстрелы в две смены объясняли мы быстрым продвижением Красной армии к Сарапулу. И за каждое своё поражение на фронте жестоко мстили [на] арестованных.

Расправа контрразведки

18 сентября 10 часов вечера. Я услышал крик, стрельбу доносившиеся с другого конца коридора. Подумал: начался преждевременный побег (побег предполагался на утре), передал т. Зыкову, Мутьяну, «приготовиться». Прислушиваемся: топот ног приближается. Щёлкнул замок нашей камеры, и в дверь влетают человек 30 вооружённых контрразведчиков во главе с Орловым.

«Раздевайтесь», – подаётся команда, началась расправа прикладом, штыком, раздели всех до белья. Я получил в награду несколько ударов, т. Зыков – штыковую рану и т. д. Наша камера закончена, перешли в следующую. И долго доносились крики, стоны, удары. Обход камер затянулся далеко за полночь. Начался вызов в «расход». «Зыков, выходи», – кричит Орлов возвратившись к нашей камере. «Прощайте, товарищи», – прощаясь с нами сказал тов. Зыков. «Прощай, тов. Зыков», – ответила камера. И сняв с себя рубашку, передав мне (я был раздет до гола), тов. Зыков вышел.

Долго ещё слышался вызов фамилии из других камер. Наконец затихло. В эту кошмарную ночь арестованные всей тюрьмы

были раздеты, избиты и плюс 18 чел[овек] расстреляно. «Это вам за Елабугу», – приговаривали контрразведчики (гор. Елабуга была занята Красной армией).

Камера «Смерти»

Ещё с утра 25 сентября по камерам распространился слух, что сегодня расстреляют 25 «большевиков». Часов около 5 вечера, начальник тюрьмы обходил камеры, и вызывал по списку «предназначенных». Войдя в нашу камеру, предложил предварительно выдать «большевиков» обещая в дальнейшем прекратить расстрелы, и стал вызывать: «Мутьян, Невлер, Вечтомов – выходи. «Прощайте, товарищи», – простились мы и вышли. Нас привели в камеру «Смерти», куда вскоре были приведены из разных камер остальные «смертники», которыми оказались т.т. Вильда, Зылев, Будрин, Якунин, Комаров, Анисимов, Мутьян, Невлер, Вечтомов, Коротков, Шемякин, Кочуров, Красноперов, Баутин, Бойков и т. д. 25 человек (остальных фамилии не помню). «Товарищи, нас скоро поведут расстреливать, нападём на сопровождающий конвой», – заявил тов. Вильда. Быстро условившись «начать» по сигналу тов. Вильда, и улеглись на нары, ожидая прихода контрразведки. «Идут!» Прислушиваясь к каждому производящему шороху в коридоре, медленно тянулись кошмарные минуты, ожидая, вот, вот, идут. Не вытерпели Нарвы у тов. Мутьяна: «не дамся живым, повешусь». Гвоздь в стене и шнурообразный пояс послужили орудием, и тов. Мутьян, простившись с нами, приступил к самоповешению, долго мучался, обращаясь к нам за помощью. Наконец: повис. Вдруг стук павшего тела разнесся по камере. «Несчастье – гвоздь не вытерпел», – проговорил тов. Мутьян, пробовал было ещё, но стук привлёк внимание начальника тюрьмы, который поставил часовых наблюдать за камерой.

Тишина, только доносился взрыв снарядов. Это Красная армия наступает, и изредка шорох с коридора вызывал тревогу у «смертников». А контрразведка не идёт, очевидно удрали, напугавшись наступления Красной армии и не успела расстрелять «предназначенных».

Наконец расцвело, и первая кошмарная ночь в ожидании расстрела прошла. Днём было менее тревожно, но с наступлением ночи, опять, прислушивание к каждому шороху, ежеминутно ожидая прихода за нами. И так семь кошмарных ночей, и каждый шорох, каждое движение в коридоре вызывало тревогу у «смертников», ежеминутно ожидая своего расстрела.

Баржа (плавучая тюрьма)

Рано утром 1 октября из окон камеры мы увидели идущий к тюрьме усиленный отряд. «Идут за нами, настал наш час», – решили мы, и сожалели, что это свершается днём.

Отряд вошёл в тюремный двор, вскоре донёсся щёлк замков дальних камер, а потом топот ног, шум и выкрики «нас эвакуируют». Арестованных, камера за камерой, отправляли под конвоем к реке Каме. Нас увели последних. Посадили в баржу, стоящую у берега; в барже уже находилось до 1000 арестованных. Когда всех арестованных посадили в баржу, люки закрыли, и баржу поставили среди Камы на якорь. В барже было темно, холодно, грязно, на вершок воды, покрытой тонким слоем соломы, на которой расположились арестованные.

На рассвете баржу сняли с якоря, и повели вверх по Каме, тов. Мутьян обдумывал побег. Посоветовавшись с нами о побеге, он попрощался с нами, взял «парашку» и попросился у часовых вынести её. Часовые открыли люк, тов. Мутьян вылез на палубу, и вместе с «парашкой» полетел через борт в Каму. После нескольких выстрелов, часовые спустили лодку и погнались. Поймав тов. Мутьяна, его притащили на палубу, расправились с ним и труп бросили в Каму.

Днём баржу привели к Гольянам (40 вёрст по р. Каме от гор. Сарапула) и поставили опять на якорь среди Камы, куда вскоре прибыла контрразведка, которая через открытый им люк начала вызывать: «Ходырев (ижевский рабочий, сидел со мной вместе в 1907 г. в Сарапульской тюрьме)! Выходи», и так вызвали 24 человека. Всех вызванных расстреляли и бросили в Каму.

Ночные расстрелы в тюрьме были заменены ежедневно дневными на барже.

Баржа снаружи (на палубе) охранялась часовыми, которые на просьбу арестованных «дайте хлеба» (арестованным выдавалось на 3–4 дня с ½ хлеба и воды с Камы) открывали люк и давали, но за каждый свой кусок хлеба требовали от арестованного сапоги, пальто и т. д. что случайно осталось не отобранным, и если арестованный не соглашался на такой «товарообмен», тут же вызывался на палубу, намеченное отбиралось, а самого расстреливали, и такой «работой» часовые гордились. «Мою грудь украшает комиссарская кровь», – стуча по груди, говорили часовые после каждого расстрела.

Массовый расстрел

Утром 30 октября на баржу прибыла контрразведка, открыла люк. «Вылетай как пробка из бутылки по 5 человек», – раздаётся команда. Пять человек поднялись на палубу, раздались выстрелы. «Следующие вылетай», повторилась команда, я вышел во второй пятёрке. «Как фамилия?» – кричит офицер со списком в руках. «Петров», – отвечаю. Перед глазами представилась следующая картина: на палубе валяются трупы (Комарова и Яромаского председатель Совета, фамилию забыл), на борту расстреливают трёх братьев Краснопёровых, Вечтомова колют штыками и двое со штыками замахнулись на меня.

«Брошусь в Каму», – мелькнула мысль, и бросился бежать к борту. За мной часовые (один успел ударить прикладом), перебежал на другую баржу (рядом была предварительно поставлена друга баржа для удобства процеживания арестованных), и я неожиданно полетел в открытый люк. А на палубе только раздаётся «следующий вылетай», после этого выстрелы, и опять – «следующий вылетай». После каждого вызванного пятка оставшиеся кубарем летели в люк другой баржи. «Процедили всех», только наши ряды поредели, и кровь с палубы текла на нас.

«Вылетай друг за другом», – подаётся снова команда уже во вторую баржу. Прошли один за другим через строй часовых, и начали было располагаться в барже на свои места. «В две шеренги стройся», – раздаётся команда офицера, мы выстроились. «По порядку номеров рассчитайсь», – повторяется команда, «Первый, второй и т. д. двести двенадцатый не полный», – передаёт

последний, «На места», – заканчивает офицер команду и закрывает люк. «423 человека, ещё приёма на 4 хватит», – шутим мы между собой, и устраиваемся на свои места.

Освобождение

На другой день (31 октября) утром часовые передают нам: «Т[оварищи], сегодня повторим вчерашнюю бойню». Вскоре прибыла контрразведка, подготавливаясь повторить «баню». Открыли люк. Вдруг быстро люк закрылся и завален тяжестями, на палубе суматоха. «Что случилось?» – спрашиваем часовых. «Английская флотилия идёт вас расстреливать», – отвечают часовые. В барже арестованные полезли к «наблюдательному пункту» (небольшое отверстие в верхней части баржи, служило у нас «наблюдательным пунктом»). «Аэростат и пять миноносцев приближаются к барже», – передаёт наблюдатель. С палубы контрразведка уже удрала, остались одни часовые. «Вытравить якорь», – громогласно раздаётся с флотилии. Загремела цепь, якорь вытравлен, баржу взяли на буксир и повели вниз по Каме окружённой миноносцами. Среди арестованных настроение поднялось, бегали внутри, друг на друга в темноте налетали. «куда нас повели», – спрашиваем у часовых, «В Уфу, расстреливать», – отвечают часовые.

К вечеру баржу привели к Сарапулу, поставили опять на якорь среди Камы. Ещё минута, и на палубе поднялся шум, беготня (это матросы часовых снимали). С люка сбросили тяжесть и открыли. «Живы, товарищи?» – спрашивают нас матросы с флотилии. «Наши! Наши», – кричат в барже, и все мы полезли на палубу, бросая на «Ура» матросов (флотилия с Балтийского моря под командой тов. Раскольникова прибыла на Каму) прибыли на баржу представители Сарапульского ревкома (среди них был т. Пармонов), попросили нас до утра остаться на барже (ночь была холодная, а были голыми). Всю ночь на барже раздавались песни, приготавливая каждый себе костюм из привезённых рогож. А утром «баржевики» принаряженные в костюмы из рогож вышли все на палубу. Над городом развивались красные флаги, и трудящиеся Сарапула с музыкой и красными знамёнами пришли

на берег встречать «своих». Подхватывая «людей в рогожах» на плечи, и шествие двинулось к городу.

Многие не встретили «своих» по которым на Красной площади спели «Похоронный марш».

А «люди в рогожах» приступили к социалистическому строительству страны.

ЦГА УР. Ф. Р-1061. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–3, 5–11.

По материалам повстанческой прессы

Как это произошло.

То что произошло в Ижевске на первый взгляд кажется неожиданным. Но все явления общественной жизни не происходят случайно, а всегда имеют под собой фундамент последовательности и закономерности в своем развитии. Всем известно, что после захвата власти большевиками, они не могли «даровать» с высоты своего царственного престола обещанные народу «мир, хлеб и свободу», а пали «под ноги» немецкого императора и принесли ему в дань четвертую часть России за то, чтобы он дал им возможность, пока руки немцев заняты на западе, произвести над российским народом несколько сложных, «но весьма интересных для истории» опытов. Действительного же мира заключить им не удалось: немцы захватили что им еще было нужно. Взамен мира с немцами большевики «даровали» России гражданскую войну брат на брата, во имя высших идеалов того большевистского «социализма», который они решили «попытаться» вести в России в виде наглядного «образчика» для поучения западных народов. Украину с ее хлебом «уступил» немцам, а российскому народу дали голод, перед которым стоит сейчас вся страна.

Вместо свободы – большевистские застенки.

И у нас в Ижевске, в предпоследнее время, стал в копии повторяться тот большевистский разгул, который разлился по всей стране.

Когда было потеряно доверие в народных массах, когда рабочее психологически ушли от большевиков, а потом и определенно проявили свое недоверие к ним, послав в Ижевский Совет Рабочих депутатов в большинстве своем беспартийное представительство,

которое при объединении с частью социалистов, так называемого «правого течения», на общей платформе – требования немедленной передачи власти Учредительному Собранию и восстановлении местного городского самоуправления, – составило большинство в Совете, в противовес большевикам и максималистам.

Но из центра уже был дан приказ по всему большевистскому фронту: там где население или рабочие требуют большинством Учредительного Собрания – власть должна бесконтрольно переходить в руки большевиков, хотя бы они составляли из себя ничтожное количество в остальной рабочей массе.

Это было проделано во многих городах и заводах России; сделали это большевики и в Ижевске: не угодный им совет был разогнан военной силой, часть депутатов была арестована, а большевистская часть совета была объявлена местной Советской властью. Вскоре был создан большевиками Военно-Революционный Штаб, которому и была передана вся гражданская и военная власть в городе. Права рабочих были попорчены. Рабочие глухо негодовали, но кроме нескольких мастерских, с открытым протестом не выступали. В то же время недовольство росло. Началась как и по всей России, «борьба» с несуществующей контрреволюцией. Так называемая комиссия по борьбе с контрреволюцией арестовывала, преследовала, расстреливала, устраивала пытки и т. д. Во главе ее стоял известный в Ижевске и его окрестностях большевик Бабушкин. Рабочие и все население было терроризировано.

В это время движение против большевиков с Урала стало приближаться. 6 августа в 3 часа утра население завода было разбужено ужасным тревожным заводским гудком. Никто не знал в чем дело и все бросились к заводу. Оттуда всех направили на Михайловскую площадь к помещению Военного отдела. Собралась многотысячная масса народа. Здесь член большевистского Военного Штаба Холмогоров объявил, что чехословаками занята Казань; и что всем рабочим надо идти на Агрызский фронт для защиты советской власти. Была открыта добровольная запись желающих, а с обеда предполагалось объявить всеобщую мобилизацию. Рабочая масса была подавлена ошеломляющими сведениями и разошлась по домам. Тревожная атмосфера охватила весь город. 7 августа существующий в Ижевске союз фронтовиков

устроил собрание, на котором было постановлено: идти па фронт всем, но при условии вооружения всех по родам оружия, не разбивать массу фронтовиков по другим частям армии, а составить из них самостоятельные части, обеспечить их семьи и т. д.

Вечером была послана в штаб большевиков делегация.

Когда делегация заявила требования фронтовиков – большевистский штаб тотчас же ее арестовал.

Утром 8 августа фронтовики устроили митинг на заводском дворе.

Одновременно большевистским штабом было издано несколько номеров суровых приказов о недопустимости никаких собраний, с угрозой вооруженного вмешательства и т. д. Все это создало напряженную атмосферу, веяло глубокой тревогой.

На митинге фронтовиков было доложено, что делегация их в большевистском штабе была без всякой мотивировки арестована. Глухой гул разнесся по рядам фронтовиков. Было предложено компромиссное решение, дабы избежать столкновения: пойти всем на фронт, но послать новую делегацию с требованием освобождения первой.

Не успела делегация удалиться с митинга, а рабочие массы разойтись, как к толпе рабочих подскакал отряд конных красноармейцев и с бранью бросился разгонять их. Произошла свалка, во время которой красноармейцами были произведены выстрелы, поранившие нескольких рабочих. Часть красноармейцев была избита, часть отступила, а фронтовики и рабочие бросились внутрь завода, где обезоружили караул и моментально разобрали в Поверочной мастерской готовые винтовки, после чего заняли все заводские здания.

Это было началом восстания...

Красноармейцы очистили плотину, и выдалось два фронта: заводские мастерские и Заречная часть были заняты фронтовиками, а Нагорная часть осталась за большевиками, которые раскинули цепи красноармейцев по всему берегу пруда выше и ниже завода. Положение фронтовиков было критическим. Захватив несколько сот винтовок, они имели очень ограниченное количество патронов. По всей Заречной части были расставлены караулы, у которых – увы, не было почти ни одного патрона.

Но было принято героическое решение: оказалось, что в Гольяны накануне было отправлено 240 000 патронов, за которыми был послан отряд по железной дороге. К вечеру патроны были в руках фронтовиков и они стали делать первые попытки переправы на Нагорный берег. Под обстрелом красноармейских цепей и пулеметов, они самоотверженно и упорно начали наступление, переправляясь через реку Иж ниже завода, делая перебежку по мосту под обстрелом в упор поставленного пулемета.

В сумерки бой начал разгораться.

Под обстрелом растерянных красноармейских частей, им удалось перебросить достаточные силы на Нагорный берег и повелось правильное наступление.

Охватывая цепи большевистских частей с обоих флангов, фронтовики стали постепенно сбивать их. Геройство и отчаянье переплелось в одно целое: фронтовики сжали красноармейцев на Михайловской площади. На ура были выбиты большевики из многих выгодных позиций, на ура атаковали их на Михайловской площади, где расположен был большевистский Штаб и находится пороховой погреб. К 10 часам вечера 8 августа большевики были разбиты окончательно, причем в бою был убит начальник Штаба Холмогоров.

Остальные вожди большевизма бежали кто в одиночку, кто с небольшими отрядами. У многих взятых в плен красноармейцев находили большие суммы денег, в большинстве тысячными билетами, и в том числе у убитого Холмогорова было найдено до 38 000 рублей. Рано утром по всем направлениям от завода разосланы наскоро организованные отряды фронтовиков и рабочих для поимки и преследования бежавших красноармейцев.

Все вооружение, амуниция, запасы и т. д. были ими брошены; многое было уже уложено в двуколки – подготовка к бегству, но увезти не удалось.

Выяснилось, что бывший председатель ижевского Исполкома И. Д. Пастухов захватил накануне в казначействе 12 700 000 рублей денег, ключи от кладовой и скрылся. После ревизии казначейства выяснилось, что Пастухов накануне явился в казначейство в сопровождении члена большевистского Военного Штаба и потребовал от казначея передачи всех денежных сумм. Под угрозой

револьверов они забрали эти 12 1/2 миллионов, преимущественно тысячными билетами, а частью золотом и серебром, захватили ключи, закрыли служащих в одной из комнат на замок и скрылись, оставив в казначействе до 14 миллионов рублей, которые забрать им было очевидно не по силам. Всего в казначействе было до 30 миллионов рублей. Развивая сферу восстания и продвигаясь по окрестностям завода, отряды ижевских повстанцев ежедневно забирали пленных, часто после горячих стычек с красноармейцами. Продвинулись до ст. Агрыз по Казанской ж. д. и заняли ст. Гольяны по реке Каме.

Вскоре начали концентрироваться большевистские силы, которые пытались пробиться к Ижевску, но они систематически терпели поражения и в беспорядке бежали, бросив винтовки, пулеметы, амуницию и пр.

Во время боев с красноармейскими бандами были захвачены почти все местные большевистские вожди, причем были взяты пушки, снаряды и проч., которыми завод в данное время вполне обеспечен. Вскоре был захвачен и бежавший А. Д. Пастухов, но денег при нем не оказалось, только 1600 рублей. На допросе он заявил, что деньги он действительно получил от казначейства, но они были сданы им Начальнику Штаба Холмогорову, а как с ними поступил Холмогоров он не знает.

В боях с красноармейцами отрядами было проявлено много самоотверженной храбрости и личного героизма. Так в серьезном бою 18 августа, когда с Гольян па завод наступал свыше 2000 отряд красноармейцев, который был оцеплен нашими войсками и разбит наголову, были захваченные бесчисленные трофеи: 2 пушки, 15 пулеметов, масса винтовок, свыше миллиона патронов, много снарядов, шинелей, продовольствия и т. д. Захвачен был целый обоз, который бросили бежавшие красноармейцы. Бежали они, срывая с себя красноармейскую форму, часто оставаясь совсем нагими, «дабы не было улик». За это время в заводе собрался разогнанный большевиками Совет Рабочих Депутатов, власть которого признал сформированный фронтовиками Военный Революционный Штаб. Была объявлена добровольческая мобилизация, которая дала внушительную военную силу, но, дабы иметь неисчерпаемые резервы, Советом Рабочих Депутатов было

принято постановление о всеобщей мобилизации от 18 до 45 лет с целью произвести всеобщее обучение военному строю.

Затем по получении сведений из Казани, Ижевский Совет Рабочих Депутатов признал власть Комитета членов Учредительного Собрания в г. Самаре, сам оставаясь классовой рабочей организацией, подготовлял меры в ближайшем будущем к восстановлению разогнанного большевиками городского самоуправления.

До установления прочной связи с Казанью Исполнительный Комитет Ижевского Совета Рабочих Депутатов оставил власть за собой, причем по настоянию Штаба и Исполнительного Комитета привлечен к работам член Всероссийского Учредительного Собрания от Вятской губернии В. И. Бузанов.

В последние дни нашим отрядом занят Боткинский завод, где после горячей стычки у здания Совета большевики положили оружие. Боткинские фронтовики и рабочие вооружаются. Настроение населения очень приподнятое. На вопросы жителей: «кто вы?» – наши борцы отвечают: «мы Ижевцы, пришли звать Вас, товарищи, на борьбу за Всероссийское Учредительное Собрание!» На что вокруг раздавались радостные возгласы и крики «ура!».

Ижевский защитник. 23 августа 1918.

Листовка левых эсеров с призывом к населению Петрограда

16 марта 1919 г.

Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов)

В борьбе обретёшь ты право своё!

Тт. рабочие, крестьяне, матросы и красноармейцы!

Большевистская власть распускает слухи, что Путиловцы становятся на работу, что все фабрики и заводы так же встают на работу.

Наглая ложь и провокация.

Путиловский завод бастует. Бастуют заводы за Московской заставой и Нарвского района.

Остановилась работа на нескольких заводах за Невской заставой.

Останавливаются другие заводы.

Трамвайные парки спровоцированы.

15 марта большевистская власть расстреляла общее собрание завода
«Треугольник» – 4 убито, 25 раненых
и 150 ошпаренных взрывом паровых труб.

15 марта в Петергофском районе расстрелян уличный митинг
Путиловцев – несколько убитых.

Красноармейские и матросские части стрелять в рабочих
отказываются.

Расстреливают рабочих китайские и латышские наемиты,
а также большевистские коллективы.

Не верьте ни одному слову большевистских провокаторов палачей
и убийц.

Больше твёрдости. Больше веры в революционную правду.

В единении сила!

Долой комиссародержавие!

Вся власть свободно избранным рабочим и крестьянским Советам.

Товарищи рабочие, крестьяне, матросы и красноармейцы!

Все готовьтесь к дню общего протеста – день этот близок.

Рабочие левые социалисты-революционеры Петрограда

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-47837. Л. 7

Список избранных работ автора по революционному и протестному движению российских рабочих

1. Фабзавкомы как новая форма рабочей самоорганизации. 1917 год // 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция «Проблемы истории Февральской революции». Материалы первой сессии. Февраль 1992 года. М., Изд. «Прометей» им. В. И. Ленина.

2. К вопросу об истоках рабочего самоуправления в период Российской революции // 1917 год в Исторических судьбах России. Научная конференция «Проблемы Октябрьской революции». Ноябрь 1992 года. М., Изд. «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина

3. Традиции русского пролетариата: опыт 1917 года и современность // Россия XXI. 1993. № 3.

4. Октябрь 1917 года и некоторые причины кризиса рабочего самоуправления // Россия XXI. 1995. № 3–4.

5. К чему привело противостояние фабзавкомов и профсоюзов // Профсоюзы и экономика. 1995. № 1.

6. Бюрократия и причины кризиса рабочего самоуправления после октября 1917 // Альтернативы. 1996/97 № 4 (зима)

7. Апрельские тезисы В. И. Ленина в контексте российской многопартийности // Диалог. 1997. № 4

8. Бухарин и трагедия левого коммунизма // Альтернативы. 1997. № 4.

9. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998.

10. Munkásönigazgatás az orosz forradalomban // Eszmélet. 1998. # 38.

11. A Munkásönkormányzatok közösségi aspektusai az 1917-es orosz forradalomban // Ruszisztikai könyvek III. 1917. És ami utána

következett. Előadások és tanulmányok a orosz forradalom történetéből. Magyar ruszisztikai intézet. Budapest. 1998. ISBN 963 7730 22 2.

12. Протестное движение рабочих в период становления Советского государства // Альтернативы. 1999. № 2.

13. Судьбы рабочего самоуправления // Свободная мысль. 1999. № 6.

14. Советы как форма народовластия (На примере деятельности и эволюции Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов в период революции 1917 г.). // Диалог. 1999. № 11.

15. 1918 год. Антибольшевистское рабочее повстанчество // Россия XXI. 1999. № 5.

16. Рабочий класс и рабочее государство: анатомия конфликта. Очерки по истории протестного движения рабочих в 1917–1918 годах. М., 2000.

17. В поисках гегемона: рабочий класс в 1917–1921 годах // Россия: социальные силы и пути преодоления системного кризиса. М., 2000.

18. Социально-политический протест рабочих в 1918 году // Отечественная история. 2001. № 4.

19. Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 6. М., 2001.

20. Фабзавкомы и профсоюзы в русской революции 1917 года: природа конфликта // Россия XXI. 2001. № 4.

21. Рабочее государство и рабочее самоуправление: вместе или порознь? Дискуссии 1917–1918 годов // Альтернативы. 2001. № 3.

22. «По ордеру ВЧК был произведён арест...». Заключение Следственной комиссии Ревтрибунала при ВЦИК и другие документы о Рабочем съезде. 1918 г. // Исторический архив. 2001, № 6.

23. Рабочая история начала XX века глазами современных историков // Альтернативы. 2001. № 4.

24. Внутрипартийные дискуссии о рабочем самоуправлении: революционный романтизм и первые шаги национал-большевизма // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002.

25. Белый террор под красными стягами // Альтернативы. 2002. № 4.

26. Уроки государственного строительства: Ижевское восстание 1918 года // Предпринимательство. 2002, № 1–2.

27. Организованный рабочий протест и становление Советского государства. М., 2003.

28. «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. № 5. 2003.

29. Рабочее самоуправление в судьбах русской революции 1917 г. (На примере развития фабзавкомов) // Экономико-философские тетради. Выпуск 1. 2003.

30. «В таких условиях рабочий класс обречен...». Архивы ВЧК–ФСБ о рабочем протесте в 1918 г. // Исторический архив. 2003. № 5.

31. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004.

32. «...Сегодня мы должны разобраться практически»: рабочий контроль в 1918 году // Экономико-философские тетради. Выпуск 2. 2004.

33. Рабочие промышленного центра России в борьбе за производственное самоуправление: интеграция и противоречия. (1917 г.) // Проблемы местного самоуправления 2004. № .

34. Производственное самоуправление с позиций политических партий // Проблемы местного самоуправления 2004. № 3.

35. Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию: Рабочее самоуправление в России. 1917–1918 годы. М., 2005.

36. Социал-демократы и рабочий протест в 1918 году: практика и перспективы изучения проблемы (По материалам движения уполномоченных фабрик и заводов) // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. – М., 2006.

37. Правые социалисты и петроградское движение уполномоченных фабрик и заводов. 1918 год. (По материалам движения уполномоченных фабрик и заводов) // Судьба России в современной историографии. М., 2006.

38. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в советской России (1917–1930-е гг.). М., 2007.

39. Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 году // Исторический архив. 2007. № 5.

40. Переход к НЭПУ и рабочий протест (1921–1923) // Общество и власть в России: история и современность. М., 2010.

41. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в советской России (1917–1930-е гг.). М., 2012 (Приложение к газете «Литературная газета»).

42. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в советской России (1917–1930-е гг.). М., 2012 (Приложение к газете «Аргументы и факты»).

43. Анатомия конфликта. Причины, динамика и методы преодоления рабочего протеста в период становления советского государства. 1917–1918. Saarbrücken, 2014.

44. Рабочий протест на советских территориях в 1919–1920 годах // Преподаватель XXI век. 2015. № 2, Ч. 2.

45. Рабочее самоуправление в России. Фабзавкомы и революция. 1917–18 годы. М., 2015.

46. Рабочий протест в СССР и Российской Федерации (1918–1999 гг.): причины, тенденции, уроки // Трудные вопросы истории России: Учебное пособие: Выпуск 2. – Москва : МПГУ, 2017. С. 36–55.

47. Labor Activism in the Early Period of the Soviet Regime's Formation // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22, Book 3: National Disintegration. Christopher Read, Peter Waldron, and Adele Lindenmeyr, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2018, P. 321–49.

48. Роль фабрично-заводских комитетов в революционных событиях Октября 1917 года // Ruzsisztikai Könyvek XLV. The Centenary of the: Russian Revolution(s): its Significance in World History. Russica Pannonica. Budapest, 2018. ISBN 978–615–5651–05–2. P. 120–127.

49. Der ancibolschewiscische Arbeiteraufstand in Ieivsk. Probleme der Etablierung ziviler Machcorgane August bis November 1918 // Arbeit bewegung geschichte. Zeitschrift fur historische studien. 2018 № II Mai 2018. P. 139–160.

50. Путь в никуда: ижевцы и воткинцы после поражения // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. редактор проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. Наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: 2018. С. 366–376.

Димитрий Олегович Чураков

**Бунтующие пролетарии.
Рабочий протест в Советской России
(1917–1930-е гг.)**

**Издание четвертое,
исправленное и дополненное**

Верстальщик С. Лобанова

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334–72–11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru